

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№3 2022

Казань - 2022

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №3 2022г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2022. – 206.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № E11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – д.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
О.В. Чевела – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>О.Н. Горячева</i> ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР ПОЭТЕСС А. Л. И Н. Л. МАГНИЦКИХ	9
<i>С.А. Ларин</i> «ЛЕШИЙ» П.А. КАТЕНИНА: БАЛЛАДА О «БЕЗУМНОЙ» МАТЕРИ	12
<i>Хэ Тинтин</i> ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ЛИРИКЕ В. ЯНКОВСКОЙ	15
<i>М.Х. Чотчаева, Р.Я. Бадахова</i> РАЗВИТИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ О ДЕПОРТАЦИИ В КАРАЧАЕВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	20

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, В.Д. Чистонов, О.Р. Мухаммадеева, А.В. Зайнуллин, Д.Г. Даутбаев, В.Ю. Филиппов, А.А. Муратишина, И.Х. Мирзоалиев</i> ПРОПАГАНДИСТКАЯ, ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ И ФИЗКУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВЫХ ЧЛЕНОВ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР ИЗ БАШКОРТОСТАНА В ЭВАКУАЦИОННЫХ ГОСПИТАЛЯХ	24
<i>А.У. Киньябулатов, Н.Х. Шарафутдинова, С.Г. Аксенов, В.Д. Чистонов, Д.Г. Даутбаев, А.В. Зайнуллин, В.Р. Хуснуллин, А.А. Муратишина, Б.Ф. Сангинов</i> 65 ЛЕТ НА СТРАЖЕ ЗДОРОВЬЯ И РАЗВИТИЯ СПОРТА — ЮБИЛЕЙ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН (1957—2022 ГГ.)	27
<i>И.А. Мальцева</i> ОБ ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ФАКТОРАХ СПОРТИВНОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КОММЕНТИРОВАНИЯ ДМИТРИЯ ГУБЕРНИЕВА)	30
<i>И.К. Рамазанов, Г.А. Магомедов</i> ПОЛИТИЧЕСКИ ФУНКЦИИ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ГАЗЕТ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)	33
<i>Л.Н. Султанова</i> МУЗЫКА В «ОЧАРОВАННОМ СТРАННИКЕ»	37

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Г.В. Байбуз</i> МЕТАФОРА В ТЕРМИНОЛОГИИ МЕДИЦИНЫ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ	42
<i>Вэнь Суя</i> ЯСНОСТЬ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ КАЧЕСТВО РЕЧИ В ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ	45
<i>К.В. Еленская</i> КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «НАСИЛИЕ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	48
<i>И Хуэйхуэй</i> ОБУЧЕНИЕ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ: ЧТО ПРЕДЛАГАЕТ ИНТЕРНЕТ И КАК ОРГАНИЗУЕТСЯ ОБУЧЕНИЕ	51
<i>Е.Ф. Киров, С.М. Керимова</i> КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» В ОБЩЕСТВЕ С РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТЬЮ	55
<i>А.С. Кулигин</i> ПОСТРОЕНИЕ И АНАЛИЗ СЕМЕЙСТВ ОДНОКОРЕННЫХ ПРОИЗВОДНЫХ (НА ОСНОВЕ ДАННЫХ РУССКОГО ВИКИСЛОВАРЯ)	59
<i>Д.Б. Луговой, Е.А. Луговая</i> ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ VS. ЭКОЛИНГВИСТИКА: НОВАЯ ПАРАДИГМА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	63
<i>М.Ю. Масалова, С.В. Шелковникова</i> ОСОБЕННОСТИ ДЕОМОНИМИЗАЦИИ РАЗНОУРОВНЕВЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	66
<i>Н.Ю. Моспанова</i> СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМ КРАСОТА И КРАСА В ПОЭЗИИ А.К. ТОЛСТОГО	69
<i>Чан Юйкай</i> МОСКОВСКАЯ БИБЛИЯ 1663 Г.: ТЕНДЕНЦИИ И ПРИНЦИПЫ КНИЖНОЙ СПРАВЫ НА ОРФОГРАФИЧЕСКОМ УРОВНЕ	73

Ю. Му РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА КИТАЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ БЛОГАХ О СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ	78
Ян Нань ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕГО РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	83

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Е.М. Александрова, О.А. Астафьева, И.А. Баширова, Т.А. Колоскова</i> ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ: ПРОБЛЕМЫ АНАЛОГИИ	87
<i>Т.Р. Беляева</i> КОРПУСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ОБЩЕНАУЧНОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ	91
<i>Р.Е. Богачев, Н.В. Зимовец, Л.Н. Мирошниченко, Н.Л. Кривчикова</i> РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПОЭЗИИ	98
<i>Р.Е. Богачев, Е.В. Шемаева, А.В. Марков, С.Я. Янутик</i> РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АНТАГОНИСТА В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПОЭЗИИ	101
<i>А.К. Бойко, С.Е. Марченко</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ, ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТЕЙ СМИ ЕВРОПЕЙСКИХ И США	104
<i>Е.В. Бутенко, Г.А. Циммерман</i> ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ ФРЕЙМ КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ СМЫСЛОВ В КИНОДИСКУРСЕ	107
<i>М.З. Вильхельм</i> УСИЛЕНИЕ ИНТЕНСИВНОСТИ ПРИЗНАКА ПРИ ВТОРИЧНОМ ФРАЗООБРАЗОВАНИИ	110
<i>А.Д. Гагельганц, Л.М. Штейнгарт</i> ГЕНДЕРНЫЕ МАРКЕРЫ «ЖЕНСКОГО» МОЛОДЁЖНОГО ЯЗЫКА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА Л. ОХРАЗИ «GINGER»)	113
<i>В.Е. Глызина, И.В. Пашаева, А.В. Федорюк</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНТЕНСИФИКАТОР КАК МАРКЕР СОСТОЯНИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО АГЕНСА	116
<i>О.П. Емельянова</i> ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ АРГУМЕНТАЦИИ В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	119
<i>Л.В. Ермакова</i> ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В ДИСКУРСЕ СМИ	122
<i>Г.М. Ильдуганова, М.Г. Кудрявцева, А.А. Хусаинова</i> ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ В СЛОГАНЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ	126
<i>В.В. Календарёва</i> МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИЙ	130
<i>М.В. Кычкова</i> ОЦЕНОЧНО-ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА “STRANGENESS/UNUSUALNESS” (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ О ПРОВЕДЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ)	133
<i>Е.Ю. Пугина, С.П. Смыслов, Т.В. Холстинина, Л.А. Яшенкова</i> ОТ ЭКЗОТИЧЕСКОГО К ПРИВЫЧНОМУ (О ПЕРЕДАЧЕ ИНДИЙСКИХ РЕАЛИЙ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)	136
<i>Л.Г. Юсупова</i> РОЛЬ КОНТЕКСТА В ВОПРОСАХ РАЗРЕШЕНИЯ ПОЛИСЕМИИ	141
<i>Ю.С. Ясакова</i> ФЕНОМЕН ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В АМЕРИКАНСКОМ ПРЕДВЫБОРНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	144

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Т.Ф. Артамонова, А.А. Гусейнова</i> ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТЕНДЕНЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	147
--	-----

<i>М.П. Афанасьева</i> АНАЛИЗ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ 成语 С КОМПОНЕНТОМ «大»	149
<i>А.Н. Гуров</i> ЯЗЫКОВАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ КАК ВИД ПЕРЕВОДА	153
<i>Е.А. Должич, С.В. Дмитриченкова, Санчес Посуэло Й.</i> ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ АВТОРИТЕТНОСТИ В ИСПАНСКИХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ	156
<i>Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова</i> ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ СОЮЗОВ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ	159
<i>А.Р. Исмагилова, О.Г. Палутина, Р.У. Галимова, Хосе Гонсалес, М.С. Лукина</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЛЮТТОНИЧЕСКИХ ПРАГМАТОНИМОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)	162
<i>А.С. Кисельников, Д.К. Вахитова, Т.С. Казымова</i> ПРИМЕНЕНИЕ ФОРМУЛ ЧИТАБЕЛЬНОСТИ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В УЧЕБНИКЕ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ	165
<i>Е.И. Кривошеева</i> ОБРАЗНАЯ ИМПЛИЦИТНОСТЬ И СПОСОБЫ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ С ЯПОНСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЯПОНСКИХ АВТОРОВ)	168
<i>Л.С. Липаева</i> ИНФОРМАТИВНАЯ ЦЕЛЬ В СИСТЕМЕ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОВОРЯЩЕГО	171
<i>А.А. Писаренков, С.Е. Писаренкова</i> КОНСЕРВАТИВНЫЙ ДИСКУРС И ЛИБЕРАЛЬНЫЙ «НОВОЯЗ»: КЛИШЕ И ТЕРМИНЫ «КУЛЬТУРНОЙ ВОЙНЫ»	174
<i>Л.П. Сон</i> ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ: МЕХАНИЗМ ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ РЕЧИ	177
<i>Л.Н. Фоменко, В.Ю. Новикова, Н.А. Шинкаренко</i> ЭТАПЫ И МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	181
<i>Р.И. Хазиев, А.М. Тарасов</i> УРБОНИМИЯ СЕЛА МУСЛЮМОВО РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН	184
<i>О.Р. Хисамов</i> НАРОДНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ ВОСТОЧНОГО ДИАЛЕКТА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В ЗНАЧЕНИИ «КУСТ, КУСТАРНИК»	187
<i>М.А. Шарданова, Э.Р. Хутова, Л.Х. Дзасежева</i> ФРЕЙМ «СВОЕ - ЧУЖОЕ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	190
АННОТАЦИИ	193

THE RELEASE MAINTENANCE**10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE**

<i>O.N. Goryacheva</i> THE POETIC WORLD OF POETESSES A. L. AND N. L. MAGNITSKIKH	9
<i>S.A. Larin</i> «LESHIY» BY P. A. KATENIN: THE BALLAD OF THE «MAD» MOTHER <i>He Tingting</i> PERSON AND NATURE IN THE LYRICS OF V. JANKOVSKY	12 15
<i>M.H. Chotchaeva, R.Ya. Badakhova</i> DEVELOPMENT OF DOCUMENTARY FICTION ABOUT DEPORTATION IN KARACHAY LITERATURE	20

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, V.D. Chistonov, O.R. Mukhamadeeva, A.V. Zainullin, D.G. Dautbaev, V.Yu. Filippov, A.A. Muratshina, I.Kh. Mirzoaliev</i> PROMOTIONAL, HEALTH AND PHYSICAL ACTIVITIES OF THE FIRST MEMBERS OF THE UNION OF JOURNALISTS OF THE USSR FROM BASHKORTOSTAN IN EVACUATION HOSPITALS	24
<i>A.U. Kinyabulatov, N.Kh. Sharafutdinova, S.G. Aksenov, V.D. Chistonov, D.G. Dautbaev, A.V. Zainullin, V.R. Khusnullin, A.A. Muratshina, B.F. Sanginov</i> 65 YEARS ON GUARD OF HEALTH AND DEVELOPMENT OF SPORT - ANNIVERSARY OF THE UNION OF JOURNALISTS OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN (1957-2022)	27
<i>I.A. Maltseva</i> ABOUT THE DETERMINING FACTORS OF SPORTS MEDIA COMMUNICATION (ON THE EXAMPLE OF DMITRY GUBERNIEV'S COMMENTARY)	30
<i>I.K. Ramazanov, G.A. Magomedov</i> POLITICAL FUNCTIONS OF THE MEDIA (ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF SOCIO-POLITICAL NEWSPAPERS OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)	33
<i>L.N. Sultanova</i> MUSIC IN THE «ENCHANTED WANDERER»	37

10.02.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>G.V. Baybuz</i> METAPHOR IN MEDICAL TERMINOLOGY: COGNITIVE ASPECT	42
<i>Wen Suyu</i> CLARITY AS A COMMUNICATIVE QUALITY OF SPEECH IN THE HISTORY OF ANCIENT AND DOMESTIC SCIENCE	45
<i>K.V. Elenskaia</i> COMPONENT ANALYSIS OF THE KEY COMPONENTS OF THE SEMANTIC FIELD "VIOLENCE" IN MODERN RUSSIAN	48
<i>Yi HuiHui</i> TEACHING BUSINESS SPEECH: WHAT THE INTERNET OFFERS AND NEW FORMS OF INTERNET COMMUNICATION	51
<i>E.F. Kirov, S.M. Kerimova</i> THE CONCEPT OF "WOMAN" IN A SOCIETY WITH A RUSSIAN MENTALITY	55
<i>A.S. Kuligin</i> WORD FAMILIES COMPILATION AND ANALYSIS (BASED ON RUSSIAN WIKTIONARY DATA)	59
<i>D.B. Lugovoy, E.A. Lugovaya</i> ECOLOGY VERSUS LINGUISTICS: NEW PARADIGM OF MODERN HUMANITARIAN RESEARCH	63
<i>M.Y. Masalova, S.V. Shelkovnikova</i> SPECIAL ASPECTS OF HOMONYMY ELIMINATION OF SYNTACTIC UNITS OF DIFFERENT LEVELS	66
<i>N.Yu. Mospanova</i> SEMANTICS OF LEXEMES BEAUTIFUL AND BEAUTY IN A.K. TOLSTOY'S POETRY	69
<i>Yukai Chang</i> MOSCOW BIBLE OF 1663: TRENDS AND PRINCIPLES OF BOOK CORRECTION AT THE ORTHOGRAPHIC LEVEL	73

<i>Y. Mu</i> REPRESENTATION OF THE IMAGE OF CHINA IN RUSSIAN-LANGUAGE BLOGS ABOUT CONTEMPORARY ART	78
<i>Yang Nan</i> ABOUT THE FEATURES OF SYNTACTIC COMPATIBILITY OF COMMON NOUNS IN THE RUSSIAN LANGUAGE	83

10.02.04 – PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>E.M. Aleksandrova, O.A. Astafyeva, I.A. Bashkirova, T.A. Koloskova</i> LEGAL VOCABULARY IN BRITISH AND AMERICAN ENGLISH: PROBLEMS OF ANALOGY	87
<i>T.R. Beliaeva</i> A CORPUS-BASED APPROACH TO THE STUDY OF GENERAL SCIENTIFIC (ACADEMIC) VOCABULARY: A CASE STUDY OF THE ENGLISH ADJECTIVE	91
<i>R.E. Bogachev, N.V. Zimovets, L.N. Miroshnichenko, N.L. Krivchikova</i> RELIGIOUS SYNCRETISM IN ANGLO-SAXON POETRY	98
<i>R.E. Bogachev, E.V. Shemaeva, A.V. Markov, S.Y. Yanutik</i> RELIGIOUS SYNCRETISM AND THE REPRESENTATION OF THE ANTAGONIST IN ANGLO-SAXON POETRY	101
<i>A.K. Boiko, S.E. Marchenko</i> DIGITAL TECHNOLOGIES IN EDUCATION, PROBLEM'S REVIEW BASED ON THE MATERIALS OF EUROPEAN AND US MEDIA ARTICLES	104
<i>E.V. Butenko, G.A. Tsimmerman</i> LINGUOSTYLISTIC FRAME AS A MODE OF ACTUALIZATION OF MEANINGS IN FILM DISCOURSE	107
<i>M.Z. Wilhelm</i> INCREASING THE INTENSITY OF THE TRAIT IN SECONDARY PHRASING	110
<i>A.D. Gagelgants, L.M. Steingart</i> GENDER MARKERS OF THE "FEMALE" YOUTH LANGUAGE IN THE GERMAN-LANGUAGE LITERARY DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF L. OHRAZI'S SHORT STORY "GINGER")	113
<i>V.E. Glyzina, I.V. Pashaeva, A.V. Fedoryuk</i> THE PHRASEOLOGICAL INTENSIFIER AS A MARKER OF THE INTENTIONAL AGENT STATE	116
<i>O.P. Emel'yanova</i> MAIN ARGUMENTATION STRATEGIES WITHIN STRUCTURAL ORGANIZATION OF ACADEMIC TEXT	119
<i>L.V. Ermakova</i> LANGUAGE OBJECTIVATION OF MODALITY CATEGORY IN MASS MEDIA DISCOURSE	122
<i>G.M. Ilduganova, M.G. Kudryavtseva, A.A. Khusainova</i> LINGUO-SEMIOTIC MODELING OF VALUES IN THE SLOGANS OF ENGLISH PUBLIC SERVICE ADVERTISING	126
<i>V.V. Kalendareva</i> METAPHOR AS A MEANS OF CONVEYING EMOTIONS	130
<i>M.V. Kychkova</i> EVALUATIVE-LINGUISTIC SPECIFICITY OF THE CONCEPT "STRANGENESS/UNUSUALNESS" (BASED ON ENGLISH MEDIA LANGUAGE STATEMENTS) ON THE CONDUCT OF A SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE)	133
<i>E.U. Pugina, S.P. Smyslov, T.V. Kholstinina, L.A. Yashenkova</i> FROM EXOTIC TO FAMILIAR: ABOUT THE RENDERING OF THE INDIAN CULTURAL WORDS IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF ENGLISH LITERARY WORKS	136
<i>L.G. Yusupova</i> THE ROLE OF CONTEXT IN POLYSEMY ISSUES	141
<i>Y.S. Yasakova</i> THE PHENOMENON OF LANGUAGE PLAY IN THE AMERICAN ELECTION DISCOURSE	144

10.02.19 – PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>T.F. Artamonova, A.A. Gusejnova</i> INNOVATIVE PROCESSES AND TRENDS IN THE EDUCATIONAL PROCESS	147
---	-----

<i>M.P. Afanaseva</i> ANALYSIS OF THE STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF CHINESE PHRASEOLOGICAL UNITS 成语 WITH THE COMPONENT «大»	149
<i>A.N. Gurov</i> LANGUAGE LOCALIZATION AS A TYPE OF TRANSLATION	153
<i>E.A. Dolzhich, S.V. Dmitrichenkova, Sanchez Pozuelo Yo.</i> DISCOURSE MARKERS OF AUTHORITY IN SPANISH SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXTS	156
<i>N.G. Ivanova, A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova</i> PECULIARITIES OF TEMPORAL CONJUNCTIONS IN COMPLEX SENTENCES	159
<i>A.R. Ismagilova, O.G. Palutina, R.U. Galimova, J. Gonzalez, M.S. Lukina</i> LINGVOCULTURAL AND TRANSLATING ASPECTS OF GLUTTONOUSLY PRAGMATONYMS (ON THE MATERIAL OF THE TATAR AND THE FRENCH LANGUAGES)	162
<i>A.S. Kiselnikov, D.K. Vakhitova, T.S. Kazymova</i> READABILITY FORMULAS IMPLEMENTATION TO DETERMINE THE REGULARITY OF ACADEMIC TEXTS DISTRIBUTION IN AN ENGLISH TEXTBOOK FOR TECHNICAL UNIVERSITIES	165
<i>E.I. Krivosheeva</i> IMPLICITY AND WAYS OF ITS TRANSMISSION FROM JAPANESE INTO RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON POETIC WORKS OF JAPANESE AUTHORS)	168
<i>L.S. Lipaeva</i> INFORMATIVE PURPOSE OF THE SPEAKER IN THE SYSTEM OF SPEECH ACTIVITY	171
<i>A.A. Pisarenkov, S.E. Pisarenkova</i> CONSERVATIVE DISCOURSE AND LIBERAL “NEWSPEAK”: CLISHES AND TERMS OF “CULTURAL WAR”	174
<i>L.P. Son</i> INFORMATION ABOUT THE AUTHORE	177
<i>L.N. Fomenko, V.Y. Novikova, N.A. Shinkarenko</i> STAGES AND METHODS OF FORMATION OF SOCIO-CULTURAL COMPETENCE IN FOREIGN LANGUAGE LESSONS	181
<i>R.I. Khasiev, A.M. Tarasov</i> URBONYMY OF THE MUSLYUMOVO VILLAGE IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN	184
<i>O.R. Hisamov</i> PEOPLE GEOGRAPHICAL TERMS OF THE EASTERN DIALECT OF THE TATAR LANGUAGE IN THE MEANING "BUSH, SHRUBS"	187
<i>M.A. Shardanova, E.R. Khutova, L.Kh. Dzasezheva</i> THE FRAME “ONE'S OWN - SOMEONE ELSE'S’ IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES	190
ABSTRACTS	193

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

О.Н. Горячева канд. филол. наук

Набережночелнинский институт
Казанского федерального университета,
кафедра социально-гуманитарных наук,
Набережные Челны, Olganikgor@mail.ru

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР ПОЭТЕСС А. Л. И Н. Л. МАГНИЦКИХ

Статья посвящена изменениям в культурной жизни государства в конце XVIII в. Представленные в работе данные отчасти помогают реконструировать личную и литературную жизнь малоизвестных поэтесс А. Л. и Н. Л. Магницких. Существование разных поэтических школ, литературных направлений, систем стихосложения обнаруживаются и в поэтических опытах сестер Магницких.

Ключевые слова: поэзия, рефлексия, секуляризация, творчество, русская литература.

Изменения в общественной жизни России в конце XVIII в., процесс секуляризации, расширение культурного пространства, во многом объясняют те сложные преобразования, которые происходили в русской литературе на рубеже веков. Людям из народа, добившимся успеха в какой-либо сфере, наряду со щедро дарованными дворянскими званиями присваивались и звучные фамилии. По царскому указу в 1700 году такой милости был удостоен Леонтий Телятин, автор первого русского учебника «Арифметика». Дарованная лично Петром I фамилия Магницкий, что в переводе с латинского «magnus» означает «большой», во многом предопределила историю этой семьи. Потомки математика стали известны в литературном мире. Творческая биография М. Л. Магницкого неоднократно становилась предметом исследования, о чем свидетельствует объемная библиография, представленная Н.Д. Кочетковой в Словаре русских писателей XVIII века. [7]. Иное дело его сестры-поэтессы, весьма скудная информация затрудняет создание цельной картины их жизненного и творческого пути, поэтому цель исследования заключалась в восстановлении сведений о сестрах Магницких и анализе их творчества. Используя метод герменевтической реконструкции, позволяющий представить целое из частей, и вычленив часть из целого, а также описательный, сопоставительный методы, удалось выяснить подробности их бытования и творческой реализации.

Из сборника «Писательницы России (до первой половины XX века)» [5] можно узнать, что старшая из сестер, Александра Леонтьевна, родилась в 1784г., была замужем за князем Алексеем Николаевичем Оболенским, пережила его почти на 20 лет, воспитав четырех детей. Увлекаясь литературным творчеством, публиковала стихотворения в журнале «Приятное и полезное препровождение времени». Похоронена в 1846 г. в Пешношском монастыре Дмитриевского уезда Московской губернии. ореолом таинственности окружен образ Натальи / Настасьи Леонтьевны (? - 1865). Загадки начинаются с отсутствия даты рождения, продолжаются путаницей с именем поэтессы, и завершает все полнейшее отсутствие информации биографического характера. Кроме од и нескольких заметок современников не осталось ничего.

Творческие пути А.Л. и Н.Л. Магницких неоднократно переплетались. В 1796 -1798 годах обе печатались в журнале «Приятное и полезное препровождение времени», в 90-е годы XVIII века вместе с Е.В.Щербатовой и М.И. Боске переводили с французского «Письма об Италии» Ш.-М. Дю Пати. Из воспоминаний Мартынова И.И. узнаем об их безупречном переводе 15 из 20 писем первоисточника [3].

Наряду с преобладающими в этот период темами общественно значимого характера, появляется «легкая поэзия» - предвестница сентиментализма. Чувственное начало, прослеживающееся и в названиях стихотворений сестер Магницких: «Сон», «На смерть жаворонка», «Сельская жизнь. К Дамону», «Благотворитель» (А.Л.), «К розе», «Красота и скромность» (Н.Л.), «Плач над гробом друга моего сердца», является следствием сентименталистского направления, только начинавшего в тот период распространяться в России. В оде «Из Анакреона» [1, с. 272], напечатанной в журнале «Полезное и приятное препровождение времени», высказываются популярные в анакреонтической поэзии мысли о приоритете земного существования над загробным: «Бесчувствен к роскошам и славе хладный труп», воспевается радость жизни: «Коль вздумаете дать подарок мне приятный, Покуда здесь живу, спешите дать его». Написанное 6-ти стопным ямбом стихотворение в одночасье проецирует перед читателем прагматичную сущность автора. На уровне лексики наблюдается преобладание слов танатической семантики: гроб, мастика, прах, грязь, труп. Старославянизмы: <хладною>, <прах>, соседствуют с исконно-русскими: издержка, <коль> в значении если, <сей> в значении этой, и общеславянскими словами: роскошь, грязь, земля. Доминирующим художественным тропом являются эпитеты: хладною землей, кропя росой ароматной, хладный труп. Экспрессивная лексика, распорядительная интонация, созданная при помощи глаголов повелительного наклонения с частицей <не>: <не зажигайте, не украшайте, не жгите, не делайте>, усугубляют эмоциональное напряжение, воздействуют на душевное состояние читателя.

Популярность стихотворений Александры и Натальи Магницких была не так велика, как у од и песен их брата М.Л. Магницкого, известного поэта и общественного деятеля рубежа XVIII-XIX вв. Являясь сотрудниками журнала «Приятное и полезное препровождение времени», они отправляли свои произведения и в другие издательства. На анонимность сетовал Пнин, напечатавший в «Санктпетербургском Журнале» стихотворение «Плач над гробом друга моего сердца» с пометкой о том, что стихи получены от «девицы М.», скрывшей по скромности свое имя [6, с.90]. Это обстоятельство позволило В.Н. Орлову предположить, что произведение могло принадлежать одной из сестер Магницких [4]. Стихотворение написано в духе сентиментализма и имеет фабульную основу. Герой направляется к кладбищу, на котором похоронена его возлюбленная, по дороге он вспоминает о своей юности, первом опыте светской жизни, пороках и злодеяниях, прикрытых льстивыми речами и роскошью, предательстве друзей, искрометном счастье появления Анеты, сменившимся горем её потери. Прием контраста базируется на противопоставлении гармонии, присутствовавшей в отношениях с возлюбленной и дисгармоничным существованием в порочном мире. Размышления над темой дружбы и предательства, несчастной любви, анализ соотношения добродетельного и злонравного в обществе оформляются в элегическое повествование. В заключительных строках, звучащих как клятва: «...вечность лишь предел любви моей» герой формулирует жизнеутверждающий принцип, который поможет справиться с разлукой. В стихотворении, написанном от лица подавленного горем мужчины, прослеживается попытка создания героя «ролевой лирики». Автор стремится к осмыслению переживаний и деликатному изображению личной трагедии. Интимность как отличительная черта элегии проявляется в исповедальной форме обращения от первого лица, ямбическом стихотворном размере, передающем характер доверительного дружеского разговора. Лестную оценку этому произведению дал Пнин, отметивший, что «Везде излито чувство, пленяющее сердце! – Всюду видна душа, исполняющая читателя нежнейших ощущений!» [6, с. 293].

Ярким событием в творческой жизни Магницких стала встреча с М. М. Херасковым. Познакомившись с творчеством сестер Магницких, он, известный уже в то время поэт, одобрительно отозвался об их творчестве. Вскоре после этого в журнале «Приятное и полезное» появились дифирамбные стихотворения Н.Л. Магницкой «К бюсту М...М...Х...» и А.Л. Магницкой «К бессмертному творцу «Россиады». Выражая пиитическое преклонение А.Л. Магницкая в заключительном четверостишии просит: «И так позволь, позволь в

прелестный, Лавровый, славный твой **венок**, Бессмертный бард, певец почтенный, Вплести **усердия цветок!**». Херасков, которому были адресованы послания, поддержал поэтический диалог и опубликовал в том же журнале ответ: «От Т.Р. Н-л...не и А-л...не М...цким». Обыграв в шуточной форме цитаты из посланий сестер: **Магнитной** некой силой Приобрету **венок, В котором вставлен** милой **Усердия цветок**..(выделено Горячевой О.Н.), он посетовал на заочное знакомство: «Мне голос ваш приятен, Он издали мне внятен, Но вас не вижу я». Польщенные сочинительницы, по воспоминаниям современников, «в ту же минуту полетели к Хераскову сами и с личной за себя благодарностию» [2]. Переписка М.М. Хераскова с сестрами Магницкими была вызвана интересом к творческой жизни столицы и стремлением к наставничеству.

Как и большинство русских поэтов, Магницкие обращались к популярным в то время жанрам: элегия, песнь, оды анакреонтические. Из их произведений складывается картина «будней поэзии». Сосуществование разных поэтических школ, направлений, систем стихосложения обнаруживаются и в произведениях сестер Магницких. Их поэтический опыт интересен в качестве иллюстративного материала, демонстрирующего смену литературных направлений и тематических пристрастий малоизвестных поэтов рубежа веков.

Список литературы

1. *Магницкая Н.Л.* Ода. Из Анакреона // Приятное и полезное препровождение времени, 1798, Ч. 17.
2. *Макаров М.Н.* Материалы для истории русских женщин авторов // Дамский журнал 1830. Ч.30. №18.
3. *Мартынов И.И.* Путешествие г. Дю Пати в Италию в 1785 г. СПб., 1800-1801. Ч.1-2.
4. *Орлов В.Н.* Русские просветители 1790–1800-х гг. - М., 1953.
5. Писательницы России (до первой половины XX века). Материалы для библиографического словаря. Сост. Горбунов Ю. А. Режим доступа: <http://book.uraic.ru>. (Дата обращения 12.03.2022)
6. *Пнин И.П.* Сочинения /Классики революционной мысли домарксистского периода под общей редакцией И.А. Теодоровича. Im Werden Verlag. - München 2006. Режим доступа: <https://imwerden.de/pdf/pnin> (Дата обращения 18.03.2022)
7. Словарь русских писателей XVIII века. Отв. ред. А.М. Панченко. Выпуск 2. (К-П). - СПб.: Наука. - 1999.

10.01.01

С.А. Ларин

Воронежский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра истории и типологии русской и зарубежной литературы
Воронеж, larin-s@yandex.ru, larin@phil.vsu.ru

«ЛЕШИЙ» П.А. КАТЕНИНА: БАЛЛАДА О «БЕЗУМНОЙ» МАТЕРИ

В статье рассматривается фигура матери, до сих пор почти не привлекавшая внимание исследователей, в одном из самых известных произведений русского романтизма 1810-х годов – балладе П.А. Катенина «Леший». Финал баллады, в котором героиня будет названа безумной, а также целый ряд присутствующих в тексте мотивов свидетельствуют о стремлении П.А. Катенина сделать соучастницей произошедшей драмы мать главного героя, не сумевшую обуздать неконтролируемые, разрушительные желания своего сына.

Ключевые слова: *П.А. Катенин; баллада; мать и сын; мотив безумия; суицидальное поведение.*

Сюжет баллады П.А. Катенина «Леший», опубликованной в 1815 году в журнале «Сын Отечества» вслед за «Наташей» (1814) и «Убийцей» (1815), представляет собой по существу контаминацию нескольких уже известных балладных мотивов [1, 65–66; 2; 9, 15–16], но это во многом и определяет её оригинальность.

Юный безымянный герой «Лешего», лишенный к тому же каких-либо индивидуальных характеристик – о некоторых из них мы можем только догадываться, – обращается к матери с необычной просьбой. «Отпусти, родная, в поле, – / Просит сын старушку мать, – / Нагулявшись там на воле, / В лес дремучий забежать» [3, 86]. Мать старается отговорить его от такого необдуманного поступка: «Что затеял ты, родимый! / Образумься, бог с тобой. / В лес идти непроходимый / Можно ль поздней так порой?» [3, 86]. Однако аргументы матери совершенно не убеждают героя и не останавливают его от исполнения задуманного. Он отправился в лес, заблудился там, встретился с лешим и попал «в сети злости» [3, 88], как и предупреждала его мать.

Сюжет баллады, таким образом, может быть прочитан как история во многом типичного балладного (или даже шире «романтического») героя, нарушившего какой-то запрет (в «Лешем» «присягу» заставляет принести «пред иконой» [3, 88]) мать) и тем самым отказавшегося от Божественного покровительства, героя вроде Леноры Г.-А. Бюргера, Людмилы В.А. Жуковского или Ольги самого Катенина. Но, кроме того, архетипически баллада Катенина – это еще и история неудачной или, точнее, несостоявшейся инициации. Ведь, отправляясь в лес, герой явно стремится реализовать – пусть и в несколько сниженной, «приземленной» форме – свои «матримониальные» желания. Неслучайно он так настойчиво говорит «о гульбе» и крайне двусмысленно описывает то, что надеется найти в чудесном доме славного и забавного старичка: «Кверху ключами чистые воды / Бьют вокруг накрытых брашном столов; / Девушек красных там хороводы / Пляшут во время сладких пиров» [3, 87]. Однако его слова – предсказуемо – не произвели желаемого эффекта, а, скорее, наоборот, напугали мать: «Где рассказов ты набрался?»; «В руку, знать, сон твой: леший коварный / Издавна, молвят, житель тех мест; / Манит детей он яствой сахарной, / После ж самих их схватит и съест» [3, 87].

Тем не менее, со смертью (или, корректнее, с исчезновением) героя – баллада Катенина (как это было характерно для подобных текстов [2, 196; 10, 229]) не заканчивается. И в последних 24 строках автор показывает последствия поступка главного героя. Не

обнаружив сына дома, мать вместе с жителями деревни отправляется на его безуспешные поиски в «темный лес». Особенно выразительна финальная строфа баллады. Оказывается, что «мать несчастная поныне, / Может быть, еще жива; / Сохнет с горести по сыне, / Будто скошенна трава. / С каждым днем безумье то же: / Ищет сына по лесам. / Здесь не найдет; дай ей боже / С ним увидеться хоть там» [3, 90–91]. Так автор переключает внимание читателя на как будто бы находившуюся все это время в тени героиню, ведь и в названии баллады заявлено имя главного искуителя и злодея. И подобный сюжетный ход позволяет несколько иначе посмотреть и на произведение Катенина в целом, и на персонажа, который в похожих текстах (в первую очередь, в переводах бюргеровской «Леноры» [11, 19–27]), как может показаться, играл лишь прикладную, факультативную роль.

На первый взгляд – до финала «Лешего» – мать героя проявляет себя весьма скромно. Тем не менее, из 168 строк балладного текста с образом матери связаны 77 (о лешем, к примеру, говорится только в 32 строках). Заметим, что в «Ольге (Из Бюргера)» (1816; 1831) из 248 строк мать «присутствует» лишь в 40, в «Людмиле» (1808) – из 252 в 42, в «Lenore» (1773) – из 256 в 34.

В отличие от уже хорошо известного русскому читателю «Людмилы» Жуковского, в «Лешем» матери отводится особая роль. Желая удержать сына от встречи с лешим, она прямо заявляет, что такая встреча непременно повлечет за собой гибель. Поэтому и аргументы, которые приводит героиня, должны прозвучать очень убедительно. Аргументов, по сути, всего четыре: в лесу страшно и опасно; леший тебя *прельщает*, и если ты с ним встретишься, то он тебя съест; если ты уйдешь из дома и пропадешь – «я и дня не проживу» [3, 88]; если «пред иконой» ты не дашь *присягу*, то «в страхе разлуки» я *не лягу* до «алой зари» [3, 88].

Однако сын сразу отвергает все аргументы, нарушает свою клятву и отправляется в лес. Его влекут желания: подобно другим «классическим» героям романтизма [6, 20–28], он уже не может сопротивляться захватившей его стихии саморазрушения.

Но гораздо любопытнее, как сам автор опровергает аргументы героини. И, вероятно, самый сильный удар по её репутации Катенин наносит в финале баллады. После исчезновения сына героиня не просто не умирает, она вообще как бы получает вечную жизнь, а её «безумное» и неисполнимое желание найти его можно интерпретировать как своеобразное наказание – своего рода намек на судьбу другого легендарного персонажа, получившего вечную жизнь и ставшего вечным скитальцем.

При этом Катенин начинает разоблачение своей героини гораздо раньше, когда по ее требованию сын дает свою *присягу*. Автору как будто бы совершенно излишне здесь называть сына «ослушным» – читатель убедится в этом буквально в следующей строфе. Баллада как раз и посвящена изображению того, к чему может привести нарушение данного Богу обещания.

Это определение понадобилось Катенину, по-видимому, чтобы показать реакцию матери на поведение её сына: «И ослушный сын божится, / Всуе Господа зовет; / И беспечно мать ложится, / И боязнь ей в ум нейдет» [3, 88]. Героиня, хотя и видит, что сын крайне легкомысленно относится к своему обещанию, ничего не предпринимает, тем самым оказываясь косвенной виновницей или, по крайней мере, соучастницей происходящего – мотив, который мы не однажды встречаем в русской литературе XIX века (5, 55–59; 8).

Вероятно, именно поэтому Катенин и называет мать «безумной», хотя эта характеристика, казалось бы, лучше подходит центральным персонажам балладных сюжетов – тем героям, которые открыто бросают вызов судьбе, провидению, Богу [11]. Показательно, что в таком же контексте мотив безумия появляется и в «Ольге» Катенина – в обращении матери к дочери: «Господи! прости несчастной, / В суд с безумной не входи; / Разум, слову непричастный, / К покаянью приведи» [3, 93]. Отметим, что данный мотив вообще довольно часто появляется в текстах писателя, указывая на какие-либо фундаментальные противоречия, конфликты, алогизмы [3, 102, 246, 407, 409, 415 и др.; 4, 65, 133, 289, 290, 294 и др.].

Поступок матери в «Лешем» совершенно не оправдывает поведение её сына и не снимает с него ответственности, и для автора, по-видимому, важнее было показать степень влияния родителей на жизнь и поступки их детей. Так Катенин делает новый шаг в развитии балладной характерологии. А идею подобного сюжета он мог позаимствовать у своего литературного «собрата» и «соперника» Жуковского [7, 36–42], в целом ряде баллад которого, созданных в первой половине 1810-х годов, родители нередко открыто выступают виновниками страданий или даже гибели своих детей («Адельстан» (1813), «Варвик» (1814), «Алина и Альсим» (1815), «Эльвина и Эдвин» (1815), «Эолова арфа» (1815)). Однако Катенин переносит этот мотив в произведение с иной сюжетной и характерологической основой, как будто в очередной раз «провоцируя» своего оппонента. И своеобразным ответом Жуковского можно считать знаменитый перевод баллады И.-В. Гете «Erlkönig» (1782).

Список литературы

1. *Акимова М.В.* Стихотворное наследие Катенина: вопросы текстологии и научного комментирования: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 184 с.
2. *Анисимова Е.Е.* Жанровая модель баллады: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 61. – С. 193–205.
3. *Катенин П.А.* Избранные произведения. – М.–Л.: Советский писатель, 1965. – 744 с.
4. *Катенин П.А.* Размышления и разборы. – М.: Искусство, 1981. – 374 с.
5. *Ларин С.А.* «Водка, пиво и вино...» в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Филологические записки. – 2013. – № 31. – С. 50–74.
6. *Ларин С.А.* Криптопоэтика русской литературы. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. – 110 с.
7. *Тынянов Ю.Н.* Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. – М.: Наука, 1968. – С. 23–121.
8. *Филатова Д.А., Ларин С.А.* «В цыганском таборе...»: мать и дочь в пьесе А.Н. Островского «Бесприданница» // Казанская наука. – 2018. – № 4. – С. 25–27.
9. *Шумахер А.Е.* Русская литературная баллада конца XVIII – начала XIX века: сюжетно-мотивный репертуар и жанровые границы: дисс. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2016. – 170 с.
10. *Keil, R.-D.* Der Fürst und der Sänger. Varianten eines Balladenmotivs von Goethe bis Puškin // Studien zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa. – Giessen: Schmitz, 1978. – S. 219–268.
11. *Freund, W.* Die deutsche Ballade: Theorie, Analysen, Didaktik. – Paderborn: Schöningh, 1978. – 228 S.

10.01.01

Хэ Гинтин

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
филологический факультет,
кафедра русской литературы,
Пермь, heting120@gmail.com

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ЛИРИКЕ В. ЯНКОВСКОЙ

В статье рассматривается творчество В. Янковской, одного из представителей младшего поколения русских эмигрантов в Китае XX века. Делается вывод, что гармоничное единение с природой является особенностью лирики Янковской. Восточное ощущается и переживается как дикое, вольное, энергичное, кочевое. В поэтическом мире Янковской человек является частью природы. Не случайно появляется образ Будды, особенно в стихотворениях, где лирическая героиня размышляет о своем предназначении и духовном пути. Мир богатой восточной природы сформировал мировоззрение поэты и поэтику ее лирики.

Ключевые слова: единства неба и человека, образ Будды, мир богатой восточной природы, харбинская весна, уголок города Шанхая.

Известно, что в течение XX века лирики русской эмиграции в Китае образовали два поколения: одни приехали как уже известные поэты; другие учились, выросли в Китае и стали поэтами, принимая участие в литературной жизни русской эмиграции. Так, одной из значимых фигур младшего поколения русских эмигрантов является Виктория Янковская.

Гармоничное единение с природой и умение тонко видеть проявления жизни природы, являющееся важной особенностью лирики Янковской, уходит своими корнями в детство и юность поэта. Родившись на юге Приморского края, до 13 лет она жила на Сидеми, в усадьбе ее родителей. С трех лет она уже могла сидеть в седле, а в юности научилась охотиться, ориентироваться в тайге, понимать язык дикой природы. В 1922 г. Янковские уехали в эмиграцию, в корейский Сенсин.

Образование Виктория Янковская сначала получила домашнее; завершила его в Японии. Она довольно рано, в 14 лет, начала печататься в Харбинском журнале «Рубеж», принимала участие в литературной жизни Харбина, в частности, была членом «Молодой Чураевки», активно публиковалась в изданиях Харбина и Шанхая. Исследователи (А. Забияко, Г. Эфендиева) говорят о Янковской как о поэтессе «хотя и не проживающей в Харбине, но близкой по духу харбинцам» [4, с. 25].

Этот биографический контекст помогает понять некоторые важнейшие черты поэтики Янковской: слияние с природой, телесно-динамическое переживание ее красоты. Именно так понимает счастье лирическая героиня:

Весенними влажными днями
Одна я блуждаю с винтовкой.
Пересекаю часами
Овраги, долины, сопки.
По-разному ищут дороги.
А мне – побродить по чаще,
В росе промочить ноги.
И сердцем дрожать, как собака,
На выводок глядя фазаний,
А ночью следить из мрака,
Как угли пылают в кане. («Весенними влажными днями») [5, с. 151].

Характерный для поэзии мотив пути здесь понимается буквально – как путь охотника, человека, который является «своим» в мире природы и оттуда черпает живительную силу. В связи с этим появляются в стихотворениях Янковской и зооморфные метафоры или сравнения («сердцем дрожать, как собака», «крадусь с двустволкой вдоль озер в волненьи и, точно пойнтер, напрягаю слух»). А сама лирическая героиня может называть себя Тарзанкой:

В чаще, где пахнет грибами,	Как раскричались цикады!
Хвойными тальными смолами,	Путь мой запутан лианками...
Я пробираюсь за псами –	Вновь ничего мне не надо!
Дикая и полуголая.	Снова я стала Тарзанкою!

(«В чаще, где пахнет грибами...»)[5, с. 152].

Конечно, если говорить о Виктории Янковской как биографическом авторе, то стоит подчеркнуть не только ее поэтический талант, но и взгляд художника, прекрасное образование поэта. В других ее текстах лирическая героиня предстает одухотворенной и нежной девушкой с книгой в руках, предающейся мечтаниям («Ночью я зачиталась нечаянно. / Вышла в сад. Все уже голубое. / И луна – точно роза чайная / За рассветным туманным прибоем»).

И тем не менее Янковская, скорее, поэт природы. Ее поэзия полна запахов, богата оттенками цветов и звуков. Природа здесь не скромная, а неукротимая, буйная, величественная. Мир природы представлен в поэзии Янковской во всем разнообразии ее сезонов и восточных ландшафтов и – в большинстве стихотворений – свободен от «общих мест» ее изображения, свойственных русской поэтической традиции. Так, осень в поэзии Янковской отнюдь не время тоски и печали, увядающей и затихающей предзимней природы. Движение, неукротимая энергия и красота каждого времени года отличают поэзию Янковской:

Только слышать шумы буйных сосен.
Только видеть взвихренное море!
Это ты – прекраснейшая осень,
Ты летишь ко мне, ветра пришпорив. («Осень») [5, с. 153].

Или:

Синее, звездное, вечное –
Сдвинулось складками штор...
Счастье осеннего вечера
Ссыпалось в этот костер. («Я жду») [5, с. 152].

Поэт стремится показать мир дальневосточной природы во всем ее богатстве. Выше речь шла об осеннем пейзаже, но в поэзии Янковской встречается стихотворение с названием «Харбинская весна». В Китае наступает весна. В это время солнце светит, трава растет, природа восстанавливается и наполняется жизненной силой.

По-новому грохочут звонко
Составы поездов вдали.
А в воздух – золотой и тонкий,
Исходит нежность от земли... («Харбинская весна») [5, с. 151].

Поэт сосредоточивается именно на пробуждении, на изменениях, происходящих в природе.

Одной из характерных особенностей поэзии Янковской является противопоставление города и природы, мира людей и мира вольной природы. Так, в стихотворении «Шанхайское» показано старое кладбище, уголок города:

Где могилы китайцев буграми;
Где трава, как в деревне, цветами пестрит;
Где плакучие ивы ветвями
В нежно-желтеньких почках качают весну...
Где свистят настоящие птицы –
Не из клеток... («Шанхайское») [5, с. 152].

Янковская увидела в Шанхае не высотные здания и многолюдные городские пейзажи, а траву, цветы, плакучую иву и птиц в одном из уголков города. Отметим, что здесь можно усмотреть и переключки с древней китайской культурой изображения природы. Так, в древнекитайской поэзии, плакучая ива обычно выражает одинокие чувства, но также выражает нежность и жизненную силу. Например, в стихотворении «Юйлиньлин» Лю юн описал чувства одиночества и тоски с помощью этого образа, а в стихотворении «Воспеваю иву» Хэ Чжичжан описал красоту ивы. В основе этого образа – прием сравнения: поэт сравнивает иву с юной девушкой, полной жизненных сил. Можно полагать, что Янковская также рассматривает плачущие ивы и нежно-желтые почки как выражение жизненной силы.

В 1929 году происходило бурное экономическое развитие Шанхая, и строительство крупномасштабных высотных зданий можно рассматривать как показатель процветания города. Однако для Янковской это было похоже на оковы. Серость, однообразие городского пейзажа противопоставлены природному приволью, ее родному дому. Для Янковской город – скупенное стиснутое пространство, из которого хочется на волю, «в наше именье»: Наш асфальтовый серый унылый пассаж/ С целым рядом домов трафаретных –/ Затенит на мгновенье далекий мираж./ Проскользнувший в цветах незаметных: Золотой одуванчик увижу я вдруг.../ Вспомню пастбище в нашем именье!/ Молодых лошадей, коз и клеверный луг,/ Белый замок внизу в отдаленье... («Шанхайское») [5, с. 152].

Не кажется случайным, что в дальнейшем развитии сюжета появляются мотивы несвободы, томления в клетке:

Я жалею цветы городских пустырей

И забытые всеми могилы...

А посаженных в клетки пичуг и зверей

Я бы всех навсегда отпустила... («Шанхайское») [5, с. 152].

Могилы обычно символизируют память об ушедшем и печаль утраты. Но поэт акцентирует внимание на забвении, утрате памяти – и запустении.

Лирическая героиня выражает свои чувства – как будто она стала «птицей в клетке» в этом городе. Мотив стремления к свободе – действия – сменяет ощущение несвободы: «А посаженных в клетки пичуг и зверей / Я бы всех навсегда отпустила...». Охотница, знаток природы, выросшая вне «неволидушных городов», лирическая героиня завершает стихотворение описанием близкого ей пейзажа. Пространство расширяется, словно бы раздвигаются каменные границы города.

Говоря о поэзии Янковской, следует отметить еще одну ее особенность. Лирическая героиня чувствует свою «соприродность» тем местам, где она выросла. Так, в стихотворении «От одного костра» ставится один важнейших для литературы эмиграции вопрос о самоидентификации лирического субъекта:

Кто мне раздвинул широкие скулы,

Бросил зигзаги из черных бровей?

В леность славянскую круто вогнулись

Злобность и скрытность восточных кровей.

Беженству рад, как дороге скитаний,

Любящий новь непоседливый дух:

Чувствую предка в себе, Чингисхана,

И устремляю в минувшее слух... («От одного костра») [5, с. 151].

Восточное и славянское здесь не противопоставлены, но, напротив, соединены в экзотическое единство. И дело не в том, что родословная Викторией Янковской включает поляков и русских, а в ее стихотворении неожиданно появляется упоминание о восточных корнях и «предке Чингисхане». С одной стороны, здесь речь идет о самоощущении человека, выросшего в ландшафте Манчжурии, в тайге, на Дальнем Востоке и выросшего корнями в эту землю. Но с другой стороны, это стихотворение можно соотнести со стихотворением А. Блока «На поле Куликовом», усмотреть его отголоски в стихотворении дальневосточного поэта. Несомненно, Янковская была знакома с поэзией Блока, оказавшего сильное влияние

на поэзию русской эмиграции.

Так, у Блока читаем:

Нам ясен долгий путь!

Наш путь — стрелой татарской древней воли

Пронзил нам грудь. Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной — В твоей тоске, о, Русь!

И даже мглы — ночной и зарубежной —

Я не боюсь. Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами

Степную даль. («На поле Куликовом») [1].

Но если у Блока речь идет о переживании исторической судьбы Родины, его поэтическая мысль масштабна, то в стихотворении Янковской идея синтеза восточного и славянского передана в личностном, персональном переживании своей судьбы. И тогда находится объяснение парадоксальным, кажется, словам лирической героини: «Беженству рад, как дороге скитаний, / Любящий новь непоседливый дух».

В поэзии Янковской восточное, азиатское ощущается и переживается как дикое, вольное, энергичное, кочевое. Примечательно, что Янковская, молодая 21 летняя поэтесса, ищущая духовное обоснование своего пути, личностных качеств, своей персональности, обращается к историческому прошлому.

Янковская чувствует себя вовлеченной в этот мир – прежде всего в мир природы. В целом ряде стихотворений акцентируется слияние лирической героини с восточной природой:

Здесь море, шиповник, песок раскаленный.

Цветы голубые морского царя,

И я – человек, перед ним оголенный,

Сливаюсь с песком. Я желтей янтаря.

И тогда в поэзии Янковской появляется статуя Будды на скале:

Природа швырнула его на скалу –

С ним встреча сегодня случайно дана мне:

Ему поклоняюсь, его я люблю.

Теперь поняла я пристрастие к растениям:

Он травы велел мне в потоки кидать;

Их жизнь берегу я с языческим рвением –

За лишний цветок может он покарать! («Скала-Будда») [5, с. 152].

Лирическая героиня органично чувствует себя именно в природе, и понимает ее язык. Здесь можно усмотреть переключки с буддийской идеей «единства неба и человека».

Мотив слияния с восточной природой, растворения в ней является одним из важнейших в поэзии Янковской. Образ Будды появляется не один раз в поэзии Янковской – в том числе в тех произведениях, где лирическая героиня размышляет о своем предназначении, о своем духовном пути. Так, в стихотворении «Будда и я» в молчаливом диалоге со статуей Будды она обретает понимание своего призвания – быть поэтом.

Он тихо спросил о желаньях –

Он каменный, вечно немой.

И с грустью, услышав молчанье,

Задумался надо мной.

Но я прочитала в ответе:

Не думай о них никогда,

Дано больше многих поэту –

Все прочее суета!

[5, с. 153].

Это стихотворение написано в 1932 году, когда Янковской было 23 года. Это время поисков своего «я», поэтического пути, принятия поэтического дара, служение которому заставит отказаться от житейского комфорта. Примечательно, что именно мир восточной природы и культуры помогает ей обрести это понимание, направляет на поэтическую стезю.

Наконец, отметим еще одну важнейшую черту поэтики Янковской. Ее поэзия насыщена, красками, запахами, звуками. Это яркий восточный мир, где ощутимы цвета и запахи, а метафоры причудливы, но при этом далеки от декоративности символистского языка. Так, в стихотворении «Вечность» морской ночной пейзаж полон красок и создается с помощью

зооморфных метафор и сравнений.

Луна, как нерпа золотая,   А моря гладь лежит, блистая,
Нырять в облачных волнах,   И плещется в дремотных снах.

(«Вечность») [5, с. 153].

В общих чертах, поколение эмигрантов В. Янковской открыто миру Китая. Восточное ощущается и переживается как дикое, вольное, энергичное, кочевое. Образ Будды появляется не один раз в поэзии Янковской – в том числе в тех, где лирическая героиня размышляет о своем предназначении, о своем духовном пути. Гармоничное единение с природой является особенностью лирики Янковской. В лирике Янковской человек сливается с природой воедино, между ними нет противостояния: они находятся в гармонии друг с другом. И именно мир богатой восточной природы сформировал уникальное мировоззрение поэта и красноречивую поэзию.

Список литературы

1. Блок А. «На поле Куликовом» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/1738/p.1/index.html> Дата обращения: 02.12.2021
2. Гу Хунюань. Анализ поэтического творчества Виктории Янковской. // Вестник Цицикарского университета, 2013. – № 2. – С. 88–89. 谷宏媛. 维克多里娅·扬科夫斯卡娅的诗歌创作浅析 // 齐齐哈尔大学学报. 2013. № 2. 88-89页
3. Гу Хунюань. О поэтическом творчестве Виктории Янковской. Дис. филол. магистра. Вестник Цицикарского университета, 2013. – С. 22–33. 谷宏媛. 论维多利亚·扬科夫斯卡娅的诗歌创作. 硕士学位论文. 齐齐哈尔, 2013. 22-23页
4. Забияко А.А. Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии: Монография / А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – 340 с.
5. Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич - М.: "Время". – 2001. [Электронный ресурс]: <https://www.rulit.me/books/russkaya-poeziya-kitaya-antologiya-read-267028-155.html> Дата обращения: 04.11.2021
6. Цюй Сюепин. О русских эмигрантских поэтессах в Китае и их произведениях // Вестник Цицикарского университета. 2012. – № 4. – С. 75–77. 曲雪平. 论中国俄罗斯侨民女诗人及其作品 // 齐齐哈尔大学学报. 2012. № 4. 75-77 页

10.01.01

М.Х. Чотчаева, Р.Я. Бадахова

Карачаево – Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева,
кафедра литературы и журналистики,
Карачаевск, marizachot@mail.ru, badahova.rita@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ О ДЕПОРТАЦИИ В КАРАЧАЕВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена изучению документально-художественной прозы о депортации в карачаевской литературе. Предлагается рассматривать прозу о депортации в динамике: от строго документальных произведений, основанных на фактах до документально-художественных произведений, где факт, документ растворен в художественной ткани произведения. При этом надо отметить, что это – процесс, порождающий все новые и новые литературные формы и имеющий огромное этическое и эстетическое значение в формировании нравственной атмосферы в обществе.

Ключевые слова: *депортация, документ, факт, художественность, архив, публицистичность, исповедальность.*

В последние десятилетия XX столетия в литературе, как и в целом в обществе, стали происходить события, отмеченные ростом общественного сознания, демократизацией общества. Эти процессы позволили получить доступ к архивным документам, ранее недоступным или ограниченно доступным. Все это позволило возникновению документально-художественной литературы. Много уже сложившихся писателей, которые в свое время не могли найти этих документов и просто людей, желающих узнать о судьбе своих близких, обратились к архивным материалам. Кропотливая архивная работа, конечно же, отнимала очень много времени, но авторы документально-художественной литературы считали своей первоочередной задачей работу с фактом, документом, что придало бы произведениям убедительность и достоверность. К этому моменту читатель устал от пафосно-героических книг, от полуправды в изображении событий войны. И обращение к фактам оживило весь литературный процесс.

Одной из первых в карачаевской литературе к документально-художественной прозе обратилась известная карачаевская писательница, поэт - Фатима Байрамукова. Она долгое время работала в архивах Средней Азии и Казахстана, выискивая материалы о времени депортации карачаевского народа 1943-1957 годов. Это необходимо было сделать, потому как считалось, что её народ в годы оккупации немецко-фашистскими войсками Карачаево-Черкесии был обвинен в пособничестве гитлеровской армии. Это были два социально-детерминированных процесса и, показав на фактах героизм карачаевских солдат на фронте и в тылу, можно было доказать их невиновность. После депортации представителей карачаевского народа также снимали с передовых позиций и высылали в Среднюю Азию. Таким образом, большая часть документов находилась в архивах этих республик. Итогом её деятельности стала вышедшая в 1991-1994 гг. на карачаевском языке в двух частях «Книги скорби» («Бушуу китаб»). Особенностью книги является её полифонизм. Фатима Байрамукова правильно поняла свою первоочередную задачу, дав возможность выговориться народу, который это испытал. Вот как выразилась об этом одна из рассказчиц её книги: «Хорошо, что кому-то можно об этом поведать, что наступили такие времена. Если бы я осталась невыслушанной, наверно, и на том свете могила моя бы рыдала. Спасибо тебе, что пришла выслушать мою боль» [5, с.6]. Следует также отметить, что в силу правового статуса спецпереселенцев люди показаны исключительно в нравственно-бытовой сфере.

Конечно же, эти события не могли не отразиться в национальном самосознании карачаевцев, как и многих других депортированных народов. Известный карачаевский литературовед, редактор книг о депортированных народах «Так это было» С.У Алиева

отмечала, что «...тема геноцида, национальных репрессий разного рода уже давно разрабатывается в мировой литературе» [1, с. 68]. В. Г. Белинскому принадлежат слова: «Общество находит в литературе свою действительную жизнь, возведенную в идеал, приведенную в сознание. Поэтому в моментах развития литературы, обыкновенно называемых литературными эпохами и периодами, отражаются моменты исторического развития народа» [4, с. 9]. Литература, литературоведение должны раскрыть правду о депортации, ответить на главный вопрос - какими люди вышли из этих тяжелых испытаний, рассказать о величии народного духа.

Так как способная воевать большая часть мужского населения оказалась на фронте, главными героями книги становятся женщины, старики, дети. Автор неслучайно посвящает свою книгу матери, которая в эти тяжелые дни, на 14 день депортации, сумела создать семью, утверждая незыблемые вечные ценности жизни. Женщины-горянки, оказавшись в чужом, гибельном краю, показали себя мужественными, но, в тоже время, им присуще множество невыдуманных ярких женских добродетелей. Так, одна из героинь книги, Минокай Батчаева, в первые дни выселения написала песни-плачи, как крик души вырвавшиеся от никогда не писавшей доселе стихов. Как говорится в народе, о чем не поплачешь - о том не споешь. В них она оплакивала свою судьбу, обращаясь с вопросом к своему мужу фронтовику: «Кого ты защищаешь, когда с твоими родными поступают таким образом?». Главные слова она обрушивала на Сталина, когда его имя шепотом произносилось среди народа. И вот за это её осудили по 58-й статье. Таких песен-плачей в книге Ф. Байрамуковой больше ста. «Песня долгое время выполняла своеобразную роль исторического документа и поведенческого императива, неся определенную воспитательную нагрузку» [5, с.235].

В разделе «Когда говорят архивы» автор приводит документальные материалы. После обильного фактического материала в книге Фатимы Байрамуковой появляется художественный островок. Это - легенда в переложении писателя Муссы Батчаева о родоначальнике карачаевского народа –Карче, благородном и верном, стойком и храбром, преданном отчей земле, родному очагу. Так выявляются основополагающие начала национального характера, соединяющие прошлое с событиями этих дней.

И все же несмотря на богатый материал о депортации, описание сегодняшнего дня, времени, из которого идет рассказ, несет на себе основную смысловую нагрузку, какими люди вышли из испытаний, какое отражение оно нашло в художественной мысли последующих поколений.

Роман Х. Байрамуковой «Четырнадцать лет» (1991) определяет автобиографизм. Образ автора и главной героини в какой-то момент сливаются. Героиня романа – молодая женщина-врач, потерявшая за 14 лет всех своих родных и близких, не ропщет на судьбу. Главное для неё – причастность к событиям, происходящим в стране и ощущение своей нужности. «Ее сознание определено национальными традициями, выработанными тысячелетним опытом бытия, оно определено и религиозным сознанием. По своей природе оно безличностно, общенародно» [7, с.61].

Приём автобиографизма использован и в повести М. Батчаева «Солнце светит всем...»(1991). Хотя автору было всего семь лет, «богатый художественный мир Батчаева сумел художественно воспроизвести трагизм и в то же время жизнеутверждающие начала» [2, с.57].

Воспоминания Светланы Алиевой «Запах фиалки» (1993) – это рассказ юной девочки, выросшей в интеллигентной семье молодых ученых, оказавшихся вместе с народом в Киргизии. Будучи в школе лучшей ученицей её не принимали в комсомол, пока она не отреклась от отца и не приняла национальность матери, и только тогда став комсомолкой она смогла уехать и поступить в Московский университет. Уже в зрелом возрасте она выступает в роли комментатора и судьбы тех трагических дней. Небольшое по объему произведение синтезирует и строгую документальность в форме правдивых воспоминаний, и обнаженную публицистичность, и лирическую исповедальность, и философскую обобщенность[6].

Книга молодого писателя, историка И. Хубиева «Къадар» (2015) (Судьба, предопределение), ознаменовала новый этап в освоении темы войны и депортации. Автор принадлежит к новому поколению людей, который знает о тяжелых событиях по воспоминаниям дорогого ему человека – отца. Удачно выбран автором художественный метод повествования. Композиционно повесть состоит из отдельных документально-художественных рассказов. Эти рассказы – наиболее запомнившиеся отцу моменты из его тяжелой биографии. А. Ахматова-известный поэт XX века писала: «Время – как прожектор. Оно выхватывает из тьмы памяти то один кусок, то другой. И так и надо писать. Так достоверней, правды больше. А то ведь как выходит – надо по заданию себе писать связно и последовательно, а материал выпал, не помнится все в связи. И начинает человек сочинять недостающее, выдумывать, а правда уходит...» [Цит. по кн. Шайтанов И.О. Как было и как вспомнилось (Современная автобиографическая и мемуарная проза). – М.: Знание, 1981. – С.32]. Скромный рассказ отца о себе, о трагических событиях, о связи с людьми Хубиев передал в форме правдивых рассказов, обладающих лирической исповедальностью, публицистичностью, в некотором роде и философской обобщенностью. Ведь, именно этот мальчик оказался единственным мужчиной, которому доверили доставить отцу в холодный зимний день на кошару повестку на фронт. Он едва не замерз, выполняя поручение матери, но позже понял, что это было началом более тяжелых испытаний, выпавших не только на его долю, но и всего народа. Проекция внутренних переживаний на страницах книги становится частью подлинной истории, а облик героя наделяется теми типическими чертами, которые характерны для людей того времени. Независимо от воли автора, самохарактеристики отца всегда объективны, потому что правдивы и реальны события, на фоне которых он действовал.

Сегодня 10-11-летнему мальчику, который трагично воспринимает, что родители купили не самой последней модели телефон, невозможно, быть может, понять как Хызыр мог наравне со взрослыми не только выжить сам, но и сохранить семью, более того, и удивлять солидных людей своим трудолюбием, хозяйственностью, любовью к жизни. Не выживать, а стараться жить во всей полноте человеческих возможностей. Да, здесь нет показа героизма, подвига, совершенного в боевых действиях, но это *подвижничество* (курсив мой - Чотчаева М.Х.), растянувшееся на годы серьезных не по возрасту испытаний, умение приходить на помощь близким и окружающим людям. События, положенные в основу книги, приобретают более трагическую окраску от того, что пережиты со всей остротой и бескомпромиссностью детского мировосприятия. Воспроизведенные глазами ребенка события, осмысленные в будущем и переданные уже третьему поколению, свидетельствуют о преемственности поколений, о связи времен. И это обнадеживает.

В карачаевской литературе на тему депортации написаны романы, повести, рассказы, трагедии: Ю. Каракетов «Огнем опаленное детство», А. Акбаев «Элия», Д. Мамчуева «Карачай», Д. Кубанов «Годы и судьбы»; написаны романы - Х. Байрамуковой «Четырнадцать лет», С. Лайпанова «Вторник», пьесы - «Черные дни моего народа» Т. Кипкеева, «Черный ноябрь 1943-го» Б. Тохчукова, «Деревянные сани» Б. Берберова и др. Всё написанное дает возможность сказать о том, что литература о депортации развивается спиралевидно, все новые и новые писатели обращаются к этой теме, с каждым разом все глубже и глубже показывая истоки проявления личности, человеческого характера. И, конечно же, это, если можно так выразиться, продуктивный процесс, который даст новые импульсы развитию литературы. Поэтому речь идет о незавершившемся процессе, о явлении, находящемся в стадии развития. В документальном, художественно-документальном осмыслении такого явления, как депортация, в первую очередь, мы имеем возможность получить верные представления о прошлом и настоящем, что будет способствовать формированию идейной и нравственной силы в создании правового общества. Обращение к теме депортации важно и как урок для будущих поколений, выбирающих пути государственного устройства.

Список литературы

1. Алиева С.У. Отображение национальных репрессий в художественном творчестве пострадавших народов //Репрессированные народы: история и современность - Элиста, 1992. - С. 68-70
2. Бадахова Р.Я. Чотчаева М.Х. Автобиографизм художественной прозы Муссы Батчаева //Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева / Чебоксары .- 2022. № 3(118)Часть 2. – С. 57.
3. Белинский В.Г. Собр. соч. В 9-ти тт. Т.6. - М., 1981. - 789 с.
4. Байрамукова Ф.И. Книга скорби. Рассказы из действительности. Карачаево-Чересское кн. Из.-во, 1991-1996. ISBN5-7289-0115-8.
5. Хубиева Ф.М. Роль карачаевских народных песен в сохранении национальной идентичности в период переселения.// Карачаевск: КЧГУ- 2020. – С.235.- ISBN 978 -5 8307- 0631-5
6. Чотчаева М.Х. Документальная проза о Великой Отечественной войне в литературах народов Карачаево-Черкесии и ее жанрово-стилевые особенности: дисс. ... к. филол. н. СПб., 1998. 142 с.
7. Чотчаева М.Х. Время и пространство в романе Х. Байрамуковой «Четырнадцать лет» Филологические науки. – Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73)Часть 2. – С. 57 – 62. ISSN 1997- 2911.
8. Шайтанов И.О. Как было и как вспомнилось (Современная автобиографическая и мемуарная проза). – М.: Знание, 1981. – 62 с.

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА*10.01.10*¹А.У. Киньябулатов, ²С.Г. Аксенов, ²В.Д. Чистонов, ¹О.Р. Мухамадеева,
¹А.В. Зайнуллин, ¹Д.Г. Даутбаев, ³В.Ю. Филиппов, ¹А.А. Муратшина, ¹И.Х. Мирзоалиев

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru,

²Уфимский государственный авиационный технический университет,
³Бирский филиал Башкирского государственного университета

**ПРОПАГАНДИСТСКАЯ, ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ И ФИЗКУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВЫХ ЧЛЕНОВ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР
ИЗ БАШКОРТОСТАНА В ЭВАКУАЦИОННЫХ ГОСПИТАЛЯХ**

В 2022 году исполнится 65 лет Союзу журналистов Республики Башкортостан, который был организован 2 октября 1957 года. В числе первых членов Союза журналистов СССР было много фронтовиков. В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. журналисты Тимерзян Хасанзянович Алюков, Фаткулла Абдуллович Комиссаров (газета «Кызыл Тан»), Газизьян Закирович Галин, Евгений Степанович Киселев (оба — газета «Советский Башкортостан») проходили лечение в эвакуационных госпиталях. В 1957 году все они станут одними из первых членами Союза журналистов СССР. Журналисты Т.Х. Алюков и Г.З. Галин после проведенного лечения продолжили службу в эвакуационных госпиталях. За большую пропагандистскую, оздоровительную и физкультурную работу среди раненых и больных они были награждены правительственными наградами.

Ключевые слова: журналист, Великая Отечественная война, эвакуационные госпитали.

В октябре 1957 года в г. Уфа был образовано Башкирское отделение Союза журналистов СССР. Среди первых 65 журналистов было много участников Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Четверо из них — журналисты Тимерзян Хасанзянович Алюков, Фаткулла Абдуллович Комиссаров (газета «Кызыл Тан»), Газизьян Закирович Галин, Евгений Степанович (оба — газета «Советский Башкортостан») проходили лечение после ранения в эвакуационных госпиталях. Пропагандисты Т.Х. Алюков и Г.З. Галин (*прим. авт.:* в 1957 г. они станут одними из первых в Башкирской АССР членами Союза журналистов СССР) после проведенного лечения продолжили службу в эвакуационных госпиталях. За большую пропагандистскую, оздоровительную и физкультурную работу среди раненых и больных они были награждены правительственными наградами. Тимерзян Хасанзянович Алюков был призван в Красную Армию в августе 1941 года Ленинским райвоенкоматом г. Уфа, с декабря 1942 года работает в сортировочном эвакогоспитале 3338 в должности штатного пропагандиста. Т.Х. Алюков после болезни и получения ограничения 2-й степени за время работы в госпитале проводил большую работу по воспитанию личного и переменного состава, среди раненых и больных пользовался авторитетом. Владея казахским, татарским и узбекским языками он проводил большую воспитательную работу проводит с офицерами и бойцами нерусской национальности (организация соревнований по шахматам, шашкам, гиревому спорту и др.). «...Т.Х. Алюков добросовестно относится к работе, с работой справляется, всегда чутко и внимательно относится к нуждам и запросам раненых, аккуратно выполняет все партийные поручения, проводит занятия в школе партийного актива и принимает активное участие в выпуске стенной газеты госпиталя» [1]. Начальник госпиталя №3338 неоднократно объявлял благодарности Т.Х. Алюкову, в мае 1945 года он был

награжден медалью «За боевые заслуги» за добросовестную работу по воспитанию личного состава, раненых и больных, проведение общественных, оздоровительных и спортивных мероприятий в эвакуационном госпитале №3338, который был дислоцирован с 07.07.1941 г. по 19.09.1941 г. в г. Харьков Харьковской области УССР, с 05.10.1941 г. по 01.03.1942 г. в г. Барнаул Алтайского края, с 02.09.1942 г. по 20.02.1944 г. п. Крестцы Новгородской области, с 01.03.1944 г. по 15.09.1944 г. в г. Великие Луки Калининской области, с 01.10.1944 г. по 15.01.1945 г. п. Себеж Псковской области с 01.02.1945 г. по 15.05.1945 г. в г. Рига Латвийской ССР [2].

Капитан Галин Газизьян Закирович с июля 1941 года призван Кировским райвоенкоматом г. Уфа в ряды Красной Армии. В эвакуационном госпитале №1739 с августа 1943 года в должности пропагандиста, с 1 февраля 1945 года исполнял обязанности заместителя начальника госпиталя по политчасти. Место дислокации эвакуационного госпиталя №1739: с 19.07.1941 г. по 08.10.1943 г. в г. Уфа Башкирская АССР, с 16.11.1943 г. по 15.12.1943 г. в г. Тула, с 01.01.1944 г. по 14.01.1944 г. в г. Климовичи Могилевская область Белорусская ССР, с 15.01.1944 г. по 01.07.1944 г. в г. Сураж Брянская область, с 15.07.1944 г. по 01.08.1944 г. в г. Бобруйск Могилевская область Белорусская ССР, с 15.08.1944 г. по 09.05.1945 г. в г. Слободка Брестская область Белорусская ССР, по 15.05.1945 г. Озorkув (Польша). Несмотря на совершенно ослабленное состояние здоровья Г.З. Галин (ограничено годен 2-й степени), работал один — вместо 4-х положенных по штату политработников. Проводил большую партийно-политическую, воспитательную и культурно-массовую работы, среди раненых и больных и личного постоянного состава госпиталя проявлял исключительную заботу и внимание организации художественной самодеятельности, благодаря чему на 3-х смотрах, проводимых Политотделом МЭП №198, госпиталь по художественной самодеятельности занимал 2 и 3 место, среди госпиталей МЭП. «...Капитан Г.З. Галин работая пропагандистом эвакуационного госпиталя №1739 с 28 августа 1943 г. проявил себя инициативным, дисциплинированным и исключительно добросовестным работником. Любое задание командования госпиталя, любое приказание и поручение доводит до конца и выполняет полностью». Отделение, в котором тов. Галин работал, заняло первое место по госпиталю по дисциплине и по восстановлению процента выписки раненых в часть. 26 июня 1945 г. награжден медалью «За боевые заслуги» [3]. Проведение спортивных и общественных мероприятий среди раненых и больных в эвакуационном госпитале №1739 стало одним из оздоровительных эффектов в возвращении в строй военнослужащих. В период Берлинской операции эвакуационный госпиталь находился в районе Лодзинского воеводства, и принимал раненых и больных почти в 2 раза больше штатной нормы. Именно благодаря исключительному вниманию Г.З. Галина было обеспечено проведение партийно-политической и культурно-массовой работы, среди раненых и личного постоянного состава госпиталя. 30 июля 1945 года за героическую работу в эвакуационном госпитале №1739 он был награжден правительственной наградой орденом Красной Звезды [4].

Лейтенант 106 стрелкового полка Евгений Степанович Киселев находился на излечении в эвакуационном госпитале №1898 с 24 июля 1944 года по 13 сентября 1944 года по поводу касательного ранения левой половины грудной клетки. Ранен в бою под городом Друя 7 июля 1944 года, будучи командиром стрелкового взвода 106 стрелкового полка, 29 стрелковой дивизии, 6 гвардейской армии I Прибалтийского фронта. Будущий журналист Е.С. Киселев за этот бой и ранение был награжден орденом Красной Звезды. Лейтенант Фаткулла Абдуллович Комиссаров, был командиром взвода 1 стрелкового батальона, 338 стрелкового полка, 96 стрелковой гомельской дивизии, 20 октября 1942 года был легко ранен во время боев на Сталинградском фронте, проходил лечение в эвакуационном госпитале.

В 2022 году Союз журналистов Республики Башкортостан объединяет более 1600 журналистов в 81 местной организации. В республике работают семь межрайонных творческих объединений (МТО) – это самый крупный творческий союз в Башкортостане, он входит в число первых пяти крупнейших региональных отделений в составе Союза

журналистов России. Имена участников Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Тимерзяна Хасанзяновича Алюкова, Фаткуллы Абдулловича Комиссарова (газета «Кызыл Тан»), Газизьяна Закировича Галина, Евгения Степановича Киселева (оба — газета «Советский Башкортостан»), ставших первыми членами Союза журналистов СССР из Башкирской АССР навечно записаны в летопись истории журналистики Башкортостана и России [5].

Выводы:

1) Первые члены Союза журналистов СССР из Башкирской АССР, участники Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Тимерзян Хасанзянович Алюков, Фаткулла Абдуллович Комиссаров (оба — газета «Кызыл Тан»), Газизьян Закирович Галин, Евгений Степанович Киселев (оба — газета «Советский Башкортостан») проходили лечение в эвакуационных госпиталях.

2) Тимерзян Хасанзянович Алюков и Газизьян Закирович Галин проводили большую пропагандистскую, оздоровительную и физкультурную работу среди раненых и больных, за что были награждены правительственными наградами.

Список литературы:

1. ЦАМО, Фонд 33, Описание 686196, Единица хранения 3310 (Фронтовой приказ №: 840/н От: 15.06.1945).
2. <https://www.soldat.ru/>.
3. ЦАМО, Фонд: 33, Описание: 686196, Единица хранения: 6177, № записи 29976763 (Приказ подразделения №: 63/н От: 08.08.1945)
4. ЦАМО, Фонд: 33, Описание: 686196. Единица хранения: 4098, № записи 26055521 (Фронтовой приказ №: 853 От: 30.07.1945)
5. Киньябулатов А.У., Аксенов С.Г., Сахаутдинова Г.М., Хафизова Л.Ш., Суфияров Р.С., Усманов В.Ф., Сулейманов У.Ф., Якуп Э.Ф., Чистонов В.Д. Принципы написания статей по здоровому образу жизни, физической культуре и спорту в Башкирской энциклопедии. Казанская наука. 2018, №11. – С.36-38.

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов, ¹Н.Х. Шарафутдинова, ²С.Г. Аксенов, ²В.Д. Чистонов,
¹Д.Г. Даутбаев, ¹А.В. Зайнуллин, ³В.Р. Хуснуллин, ¹А.А. Муратшина, ¹Б.Ф. Сангинов

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru,

²Уфимский государственный авиационный технический университет,

³Камышловский техникум промышленности и транспорта

65 ЛЕТ НА СТРАЖЕ ЗДОРОВЬЯ И РАЗВИТИЯ СПОРТА — ЮБИЛЕЙ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН (1957—2022 ГГ.)

В октябре 2022 года исполнится 65 лет самому многочисленному творческому объединению Республики Башкортостан — Союзу журналистов Республики Башкортостан, который насчитывает свыше 1600 членов. Журналисты объединены в 81 местную организацию, в республике работают семь межрайонных творческих объединений (МТО).

Среди членов первичной организации Башкирского государственного медицинского университета работают представители медицинского, авиационного и аграрного университетов, что позволяет проводить расширенные общественные мероприятия по разделу медицины и спорта в области журналистики на протяжении последних 20 лет.

Ключевые слова: журналист, Союз журналистов, университет.

13 ноября 1918 года была основана профессиональная независимая общественная организация работников средств массовой информации – Российский союз советских журналистов (РССЖ). Почетными председателями первого съезда были избраны В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий, которые в анкетах указали, что они журналисты. В мае 1919 года РССЖ стал — Коммунистический союз журналистов. В июле 1919 года КСЖ на правах секции вошел в состав Союза работников просвещения и социалистической культуры. В 1928 году 6-й съезд работников печати оформил переход секции журналистов в Союз печатников, в 1930 году съезд Союза печатников принимает решение о ликвидации в своем составе самостоятельной секции Союза журналистов (до 1956 года бездействовал). В 1956 году было создано организационное бюро Союза журналистов СССР. 12 ноября 1959 года состоялся Первый съезд Союза журналистов СССР, правопреемником которого стал Союз журналистов России (СЖР). 17 ноября 1990 года прошел учредительный съезд Союза журналистов РСФСР, Союз журналистов СССР прекратил свое существование. В 1992 году Съезд Союза журналистов РСФСР учредил Союз журналистов РФ, одновременно происходило формирование Международной конфедерации журналистских союзов (<http://www.eurasia-media.ru/>), призванной объединить журналистские союзы на постсоветском пространстве [1].

В 1957 году на уровне Башкирского Областного комитета КПСС было принято решение об усилении идеологической работы, поэтому редактора, журналисты, литераторы всех крупных издательств Башкирской АССР объединились и в октябре 1957 года в г. Уфа был образовано Башкирское отделение Союза журналистов СССР. В протоколе №2 от 2 октября 1957 значится 32 первых членов Союза журналиста СССР, в протоколе №3 от 9 октября — 17, в протоколе №9 от 23 октября 1957 года 16 новых членов. Появление нового творческого союза, после Союза писателей СССР, стало большим событием в развивающейся быстрыми темпами республике в области нефтедобычи, нефтепереработки, машиностроения и др., особое место в публикациях было уделено разделу медицины и спорта (*прим. авт.:* по специальному указанию последняя страница всех газет была посвящена медицинским,

спортивным темам, а также гигиенического воспитания населения). Члены Союза журналистов СССР почувствовали себя объединяющей силой на литературном поприще. С 1989 года Союзом журналистов Республики Башкортостан учреждена Премия Правительства Башкирской АССР имени Шагита Худайбердина, которая вручается работникам средств массовой информации в целях поощрения творческой деятельности на конкурсной основе. Премия имени Шагита Ахметовича Худайбердина присуждается ежегодно 9 октября — в день его рождения, он был Председателем БашЦИКа, Первым секретарём Башобкома РКП(б), народным комиссаром внутренних дел Башкирской АССР, писателем. Интересный факт, что Ш.А. Худайбердин в годы Первой мировой войны был призван в Русскую Императорскую Армию, что прервало его обучение в медресе, после краткосрочных фельдшерских курсов, в звании ротного фельдшера он был направлен на фронт (*прим. авт.: по первой своей специализации Шагит Ахметович был медицинским работником*).

Со второй половины XX века углубляется содержание газет и журналов, улучшается их жанровое разнообразие, техническое и иллюстративное оформление, тираж доходит до десятков, сотен тысяч экземпляров. В то же время чувствуется диктат КПСС: тоталитарный режим приводит к тому, что в печати ограничены идеи, мнения, газеты и журналы выходят по шаблону, нет в них творческого поиска, диалога, дискуссий. В конце восьмидесятых, начале девяностых годов начавшаяся в стране перестройка привела к демократическим реформам. Появляется множество новых периодических изданий. В суверенном Башкортостане начинают выходить газеты «Йэшлек» (1990), «Омет» (1995), журналы «Ахбузат» (1992), «Тамаша» (1994), «Шонкар» (1994), «Тулпар» (1995), «Ватандаш» (1996), «Бельские просторы» (1999). Увеличилось количество газет, журналов, бюллетеней, календарей, рекламных изданий по различным отраслям. В них - дискуссия, обмен мнениями, идеями. В середине девяностых годов в республике насчитывалось 235 республиканских, городских, районных и отраслевых изданий, их общий тираж составлял свыше 1 млн 700 тысяч экземпляров. Среди них - 201 газета, 23 журнала, 5 альманахов, 5 бюллетеней, 154 газеты на русском языке, 21 - на башкирском, 14 - на татарском, несколько газет на чувашском, марийском, удмуртском языках [2]. Более 1600 журналистов являются членами Союза журналистов Республики Башкортостан, которые объединены в 81 местной организации (на 1 января 2022 г.). Семь межрайонных творческих объединений (МТО) работают в республике, более 100 членов Союза журналистов Российской Федерации регулярно освещают деятельность Министерства здравоохранения и Министерства спорта Республики Башкортостан. О результатах работы средств массовой информации республики за прошлый год доложил руководитель Агентства по печати и СМИ Максим Ульчев. В 2021 году в Башкортостане проходила активная интеграции республики в мировое и российское медиапространство, были освещены такие мероприятия, как Всемирная Фольклориада, Национальный чемпионат «Ворлдскиллс», чемпионат мира по спортивной борьбе. Многие новостные материалы вышли в 50 странах мира, общее количество просмотров материалов по данной тематике превысило 90 млн. зрителей. Подтверждением высокого профессионализма региональных СМИ стала победа медиакейса Агентства печати Башкирии о Всемирной Фольклориаде на всероссийской премии «Серебряный Лучник». Первичная организация Башкирского государственного медицинского университета (созданная в 2011 году) за последние 20 лет (с 2000 года) опубликовала более 200 научных статей, из них свыше 100 в журналах списка ВАК, провела 1 Международную и 30 Всероссийских научно-практических конференций по истории медицины, физической культуры и спорта [3]. Первичной организацией БГМУ в ближайшие годы планируется развивать документальное кино, в которых будет представлена жизнедеятельность известных врачей, спортсменов, тренеров, спортивных журналистов, в данный процесс активно подключаются студенты медицинского, авиационного и аграрного университетов Башкортостана.

В октябре 2022 года будет отмечаться 65-летие организации Союза журналистов Республики Башкортостан, в ноябре 2022 года — 90-летие Башкирского государственного медицинского университета, совмещая юбилейные мероприятия первичная организация

БГМУ планирует издание 10 монографий, посвященных данным историческим событиям, в которых будет представлена история развития творческого союза и медицинского университета.

Выводы:

1) Союз журналистов Республики Башкортостан с 1992 года является правопреемником Башкирского отделения Союза журналистов СССР.

2) За 65 летний период члены Союза журналистов Республики Башкортостан опубликовали более 1000 статей по медицине и здравоохранению в средствах массовой информации различного уровня.

Список литературы:

1. <https://ruj.ru/>. Официальный сайт Союза журналистов России.
2. Хусаинов Г.Б. Национальная печать Башкортостана. Бельские просторы, 2004, №3.
3. Киньябулатов А.У., Аксенов С.Г., Сахаутдинова Г.М., Хафизова Л.Ш., Суфияров Р.С., Усманов В.Ф., Сулейманов У.Ф., Якуп Э.Ф., Чистонов В.Д. Принципы написания статей по здоровому образу жизни, физической культуре и спорту в Башкирской энциклопедии. Казанская наука. 2018, №11. – С.36-38.

10.01.10

И.А. Мальцева

Кубанский государственный университет,
факультет журналистики,
кафедра электронных СМИ и новых медиа,
Краснодар, maira@list.ru

ОБ ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ФАКТОРАХ СПОРТИВНОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КОММЕНТИРОВАНИЯ ДМИТРИЯ ГУБЕРНИЕВА)

В статье анализируются приемы, которые используют специалисты массовой коммуникации для работы с аудиторией. Отдельно автор останавливается на вопросе, стоит ли спортивному комментатору говорить о своих личных наблюдениях и пристрастиях по отношению к участникам его комментирования, или такой медиатекст может негативным образом сказаться на рейтинге самого комментатора.

Ключевые слова: *медиатекст, спортивная журналистика, Дмитрий Губерниев, медиaproдукт, манипуляция, медиакоммуникация, спортивный медиадискурс.*

Сегодня спортивная сфера играет большую роль в современной журналистике. Возрастание роли именно спортивной медиакоммуникации связано с проведением в нашей стране серьезных соревнований российского, европейского и мирового масштаба. Последние исследования спортивной медиакоммуникации направлены на выявление наиболее продуктивных моделей СМИ, которые способствовали бы максимально эффективному освещению событий, разных по статусу и объему.

Мы солидарны с исследователем в сфере спортивной журналистики Е.А. Войтик, которая в своей статье «К пониманию сущности «спортивного информационного пространства» пишет: «Информационное поле есть совокупность свойств объектов и процессов, протекающих во внешней или внутренней среде в сфере спорта, где определяющим фактором становится содержание спортивной информации. В его рамках происходит перерастание спортивной информации в медиатекст, в котором фрагментально раскрывается не только спортивная деятельность, отражающаяся в смыслах взаимодействия между субъектами профессиональной спортивной деятельности, сущности и характеристик спортивных практик, а также представление происходящих общественных, социальных, политических процессов в социуме» [1, с. 50].

Самый востребованный жанр на современном телевидении – это спортивный комментарий, который, как мы можем наблюдать, претерпевает трансформацию на протяжении последних лет. Даже блогеры активно используют этот жанр, смешивая его с другими жанрами.

Чтобы спортивный комментарий был интересен у широкой аудитории, необходимо применять «фильтр доверия и недоверия». Это своего рода психологический механизм, направленный непосредственно на адресата с одной только целью – удержать его внимание. Если зритель только слышит комментаторскую речь, его внимание может рассеиваться на протяжении эфира, даже если эта речь большей частью состоит из слов-эмоций. Когда зритель видит комментатора, пусть и периодически, может наблюдать его эмоции – вербальную и невербальную коммуникацию, то происходит усиление воздействия речи комментатора, возникает чувство доверия, сопереживания и даже внушения. Поэтому в последнее время режиссеры стараются показать самого комментатора и место, откуда он ведет репортаж, и делают это несколько раз на протяжении эфира [2].

Мы считаем, не стоит утомлять зрителя долгим комментарием, но и длинных пауз быть не должно. Чаще всего достаточно глубокие паузы, по нашим наблюдениям, можно заметить при комментировании фигурного катания. Например, на прошедшем в 2021 году Кубка Первого канала по фигурному катанию было много выступлений российских спортсменов, катавшихся без каких-либо оценочных суждений комментаторов. Сейчас наметилась такая тенденция, что практически в каждом выступлении фигуристов, в личных или командных соревнованиях, спортивные комментаторы используют паузы. Чаще называют фамилии спортсменов и снабжают свой комментарий фразами: «Смотрим». Но мы считаем, более уместным использовать в комментарии эмоциональную составляющую: «Давайте помолчим и насладимся прекрасным катанием наших фигуристок» или «Не хочется ничего говорить, а только смотреть и восхищаться». И делать логические ударения на выделенные слова.

Комментатор обязательно должен представиться перед зрителем, но современная тенденция комментирования такова, что это происходит в лучшем случае в конце эфира, а зрителю только приходится догадываться, кто ведет телевизионный диалог с ним, погружая его в происходящее. Мы считаем, что лишний раз напомнить адресату, кто помогает ему разобраться во всех тонкостях эфира, будет не лишним. Нельзя забывать о той аудитории, которая могла присоединиться к трансляции не с самого начала, и ей тоже необходимо знать имя комментатора. В противном случае адресат будет пытаться по голосу понять, кто сидит в комментаторской кабинке, и будет отвлекаться от информации, исходящей от адресанта.

Важно держать интригу в общении со зрителями; анализируя ситуацию, использовать максимально точный комментарий, снабженный интересной, разнообразной информацией. На наш взгляд, для сокращения дистанции «адресант-адресат» в спортивном комментировании использовать феномен переноса возбуждения действия. Его максимальное усиление происходит в том случае, если комментатор выражает свою симпатию российским спортсменам, выбирая для своего комментирования сложные речевые конструкции. Междометия в этом случае будут усиливать эмоциональный тон сообщения. В качестве примера можно привести Дмитрия Губерниева, который по праву завоевал на телевидении негласный титул самого эмоционального комментатора в России [4].

Но некоторым адресатам манера подачи спортивного комментирования Дмитрия Губерниева не нравится, они считают, что лишняя эмоциональность «отдаляет» зрителя от информации. То есть за эмоциями может потеряться смысл информации [3]. Вот что пишут в соцсетях по поводу комментирования Дмитрия Губерниева: «Фальшивый эмоциональный накал, постоянное подчеркивание своей близости к спортсменам, много лишних слов».

Дмитрию Губерниеву присущи сильные эмоциональные толчки, и мы считаем это положительным моментом в его работе. Но эти толчки должны сменяться время от времени паузами и спокойным тоном комментирования, давая зрителям реакцию напряжения и чередуя ее с расслаблением. В этом случае информация, сказанная комментатором, будет максимально усвоена, и при этом комментарий будет держать зрителя в тонусе, не давая ему возможность переключить канал. Даже в том случае, если адресат не является поклонником транслируемого вида спорта или конкретного состязания. По словам самого Губерниева, в своих эфирах он ориентируется на эмоциональность своего учителя Николая Озерова, который каждый свой комментарий превращал в настоящее искусство, говоря современным языком, в «спортивное шоу». Озеров считал, что подбирать слова для своего комментария, необходимо ориентируясь на свои чувства, также поступает и Дмитрий Губерниев. В зависимости от его личных ощущений в данный момент меняется в эфире градус эмоциональности речи. На нашем мнению, подобная манера только показывает искренность комментатора и рассматривается нами как один из способов вовлечения аудитории.

Стоит заметить, что сегодняшним активным болельщиком может быть не только мужчина. Женщины тоже смотрят спортивные трансляции, даже незначительные, в рамках мировых баталий, поэтому комментарий трансформировался в сторону увеличения информации, в том числе и фактами из личной жизни спортсменов, градус эмоциональности и даже темп комментирования [4].

Добавление интриги своему комментированию приведет к увеличению числа реальной аудитории. Любая интрига будет всегда способствовать вниманию со стороны адресата, и комментатор этим умело должен пользоваться. Быстрый анализ ситуации и прогнозирование дальнейших действий спортсменов, позволит комментатору держать интригу среди своих зрителей как можно дольше, увеличивая напряжение и его интерес.

Важно не использовать часто в комментировании специальные спортивные термины, если они не известны для широкой аудитории. Например, футбольный термин «навес». Для активных футбольных болельщиков это слово будет понятно, а основной же зритель будет отвлекаться на непонятные ему выражения, стараясь проанализировать их или отыскать ответ в интернете.

Чтобы не добиться эффекта отторжения зрителем от трансляции, необходимо избегать иронии по отношению к спортсменам или командам-соперникам. Дмитрий Губерниев, пожалуй, как никакой другой комментатор, использует ироничные выражения в адрес иностранных атлетов. Высмеивает внешние данные, использует неэтичные сравнения и эпитеты. Например, в адрес французского биатлониста, двукратного олимпийского чемпиона Мартина Фуркада, российский комментатор сказал следующее: «*А еще Фуркад не против того, чтобы зимой шел снег, осенью дождь, а весной пели птицы, разумеется, не уличенные в применении запрещенного корма!!!*». Он может сравнить голову с бильярдным шаром, назвать спортсменов «лысым», «свиньей» и т.д.

Подобные высказывания негативным образом сказываются и на рейтинге самого журналиста и на его комментировании. У адресата таким образом возникает эффект отторжения, неприятия информации, и он может не посмотреть до конца трансляцию [3].

Систематическая эксплуатация категории «свой-чужой» в СМИ требует от комментатора максимальной собранности и этичности. Мы считаем, что положительную информацию о национальных сборных или отечественных спортсменах автоматически должны поддерживать спортивные комментаторы. Но делать это максимально этично, высказываясь критично о соперниках, используя только проверенные аргументы, а для удержания зрителя возле телевизора использовать приемы, влияющие на эмоции и чувства зрителей.

Список литературы

1. *Войтик Е.А.* Спортивная медиакоммуникация в России: эволюция и современное состояние: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Санкт-Петербург, 2014. С. 48.
2. *Лебединская В.Г.* Русский язык и основы деловой коммуникации: теория и практика. Учебное пособие / Краснодар, 2021.
3. *Мальцева И.А.* Культура речевого поведения телеведущего в современном телеэфире // Журналистика, мультимедиа: информационный и социокультурный потенциал. Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Г.М. Соловьева. Краснодар, 2020. С. 185-192.
4. *Мальцева И.А.* Организующие и стабилизирующие факторы в развитии спортивной журналистике. // Медийные стратегии современного мира. Материалы одиннадцатой международной научно-практической конференции. Краснодар. – 2017. – С. 81–84.

10.01.10

И.К. Рамазанов, Г.А. Магомедов

Дагестанский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра печатных СМИ,
Махачкала, ramazanov13@bk.ru, mgamid@mail.ru

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СМИ
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ГАЗЕТ
РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)**

Статья посвящена анализу реализации политических функций газетами Республики Дагестан. В рамках исследования рассмотрены различные классификации политических функций. Объектом исследования стали общественно-политические государственные и негосударственные издания.

Ключевые слова: *функции, политический процесс, СМИ, политическая информация, общество, власть.*

Влияние СМИ на различные сферы общества, в том числе и политику, не вызывает сомнения. Это может быть как позитивное воздействие (представление объективной информации о произошедших политических событиях, явлениях, всестороннее исследование проблемной ситуации с привлечением экспертов, формирование и распространение духовно-нравственных ценностей, способность мобилизовать общество на решение актуальных задач), так и негативное (искажение информации, агитация и пропаганда тех или иных политических сил). Таким образом, мы можем говорить о двойственной роли средств массовой информации в политическом процессе и, исходя из этого, о сложных политических функциях, выполняемых ими.

Вопросом систематизации политических функций СМИ занимались различные теоретики журналистики. По мнению исследователя Г. Алмонда основной политической функцией СМИ является функция политической коммуникации, которая заключается в распространении, передаче политической информации, как между элементами политической системы, так и между политической системой и окружающей средой [6, с. 29]. Профессор А.И. Соловьев не ранжирует функции по важности или частоте использования и выделяет следующие: информационную; функцию представления интересов различных политических сил; групповой принадлежности или солидаризации к той или иной общности; критики работы властей; защиты групп населения, нуждающихся в поддержке; формирования повестки дня и др. [5, с. 78]. С.Г. Корконосенко относит к политическим функциям СМИ распространение политической информации о фактах, явлениях, процессах; тиражирование политической информации протокольного характера; комментирование деятельности властных структур; критико-ориентирующую; агитационно-пропагандистскую; обеспечение обратной связи в сфере политики [2, с. 126].

Автор статьи «Политические функции СМИ» С.Ю. Лисова делит функции на базовые (общекоммуникативные) и специальные. К категории специальных, по мнению автора, можно отнести такие функции, которые «актуализируются в определенных сферах или отдельных коммуникативных актах» [3, с.2] и «позволяют конкретизировать действие общих функций в политическом процессе» [3, с.4]. К специальным политическим функциям автор относит функции мобилизации, агрегации, рекламы, шоутизации, конверсии, консенсуса, перформанса [3, с. 4] и др.

Таким образом, политические функции СМИ разнообразны. Они изменяются, развиваются и дополняют друг друга.

Рассмотрим реализацию политических функций республиканскими печатными изданиями Дагестана.

Газетный рынок республики представлен достаточно разнообразно. Это государственные и негосударственные издания различной тематической направленности. Большая часть газет – общественно-политические издания, информирующие обо всем разнообразии политических и других событий в республике. Информационная функция реализуется в многочисленных новостных материалах, аналитических обзорах и комментариях общественно-политических газет «Дагестанская правда», «Новое дело», «Свободная республика», «Черновик». Политическая информация здесь представляет собой совокупность знаний о происходящих в республике политических процессах, имеющих важное общественное значение. Это избирательные кампании, кадровые перестановки, деятельность политических акторов, партий, проблемы общественной жизни, решение которых зависит напрямую от политической воли и инициативы.

Политическая жизнь Республики Дагестан насыщена разнообразными событиями. Одними из последних стали выборы в Народное Собрание РД, проходившие 17-19 сентября 2021 г. Журналисты изданий освещали все этапы выборной кампании: от выдвижения и регистрации кандидатов до подведения итогов, уделяя особое внимание фактам нарушения республиканского избирательного законодательства партиями, наблюдателями с целью обратить на это внимание общественности, правоохранителей (материалы газеты «Черновик»: «Явное стало очевидным», № 27 от 16.07.2021, «Махачкалинская фракция», №25 от 30.07.2021; «Не быть лишенцем», № 29 от 30.07.2021 и др.). При этом не все СМИ придерживались ряда принципов, которые, по мнению профессора Соловьева, являются значимыми при осуществлении информационной функции. Это «беспристрастность в оценке ситуации, освещение обеих сторон медали, ответственность перед своей аудиторией» [5, с. 78]. На одностороннее освещение нарушений выборных процедур, замалчивание «собственных шалостей» указали журналисты газеты «Дагестанская правда» в материале «Давайте без двойных стандартов».

Тесно связана с информационной функцией функция анализа, комментирования деятельности политических индивидов, партий в конкретной общественно-политической ситуации. Такая функция реализуется чаще негосударственными изданиями республики. Газетам свойственно «прямое объяснение события, поступка, доклада с определенной идейно-политической позицией для коррекции общественного мнения по данному вопросу» [1, с. 246]. Основными методами работы с информацией здесь являются анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, сравнение.

Функцию тиражирования политической информации протокольного характера реализует чаще других республиканских изданий газета «Дагестанская правда». Это единственная ежедневная государственная общественно-политическая газета Республики Дагестан. Учрежденная Народным Собранием РД, газета является выразителем линии главы и правительства республики. Публикации распоряжений, постановлений и указов занимают важное место в газете. Доступность такой информации способствует повышению правовой грамотности населения. Здесь важно не просто публиковать содержание документов, но и представить пояснения к ним. Это может быть комментарий представителей органов государственной власти, интервью и т.д.

Одной из задач прессы является контроль и критика действий властных структур. Осуществление функций контроля необходимо для того, чтобы сделать общественным достоянием факты коррупции, неправомерных действий чиновников, неэффективность власти и т. д. Другое дело, что власть воспринимает реализацию данной функции СМИ как помеху в работе. Функция критики и контроля активно реализуется негосударственными газетами: «Новое дело», «Свободная республика», «Черновик». В изданиях публикуется большое количество критических и материалов-разоблачений, касающихся функционирования органов государственной власти, работы руководителей министерств и ведомств, глав городов и районов. К примеру, с момента вступления на должность и по

сегодняшний день объектом острой критики журналистов газеты «Свободная республика» является мэр Махачкалы С. Дадаев. Качество управления городом и эффективность предпринимаемых им шагов для решения накопившихся проблем вызывает множество вопросов у издания («Дорога в никуда», № 16 от 23.04.2021, «Конец света», № 26 от 9.07.2021, «Утонувшая неделя», № 39 от 13.10.2021 и др.).

Тесно связана с функцией контроля функция обеспечения обратной связи в сфере политики. В недавнем прошлом реакция на критические выступления журналистов поступала незамедлительно, так что можно было говорить о действенности и эффективности журналистских материалов. Сегодня же высказывания СМИ редко приводят к повышению активности политических институтов, к корректировке их действий. Отсутствие диалога власти и общества, власти и средств массовой информации стало причиной непонимания и острой критики проекта ФЗ № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», затрагивающего статус сельских поселений. Впервые о том, что данный законопроект может вызвать общественное недовольство, сказали журналисты «Нового дела». Но их материалы не были замечены. Полноценное обсуждение данного законопроекта прошло на заседании Народного собрания республики в день голосования. Слабая реализация функции обратной связи – это не только проблема региональных СМИ, но тенденция общероссийская. Данный факт является главной причиной недоверия населения к прессе и отчуждения от институтов власти. Одним из действенных методов реализации функции обратной связи является обращение к пресс-службам органов власти, организация брифингов, «круглых-столов» и пресс-конференций. Такое взаимодействие дает возможность гражданам и общественным объединениям получать информацию о планах, целях, программах деятельности органов власти, быть непосредственным участником в управлении республикой.

Агитационно-пропагандистская функция направлена на распространение политической информации, морально-нравственных ценностей для воздействия на своего читателя и побуждения к активным действиям. Государственная газета «Дагестанская правда» сконцентрирована на мобилизацию общества вокруг конкретных политических сил. Анализируя содержание газеты, можно заметить большое количество текстов о главе и правительстве РД, систематическое освещение их деятельности. Материалы газеты перенасыщены побудительными высказываниями, оценочными конструкциями, что очень напоминает содержание советской партийной прессы: «Познай свою страну» (№ 4-5 от 14.01.2022), «Строить комплексно, качественно и в срок» (№ 323-324 от 23.12.2021), «Укреплять вертикаль власти» (№ 7 от 19.01.2021) и т.д. Факты, представленные в издании, преимущественно положительные, демонстрирующие правильность курса главы и правительства республики. В отличие от «Дагестанской правды» негосударственные издания реализуют агитационно-пропагандистскую функцию, как подгруппу идеологической функции, через «тенденцию к возвращению от прямого, лобового убеждения к анализу как средству разъяснения ситуации» [4, с. 55]. Такая модель пропаганды своих идей строится на убеждении с помощью информирования и аргументации. Мы можем говорить о взаимосвязи агитационно-пропагандистской и функции мобилизации, которая реализуется в возможности средств массовой информации влиять на политическую активность населения. Чаще всего к функции мобилизации в СМИ обращаются в период избирательных кампаний, критических ситуациях и т.д.

Таким образом, печатные СМИ Республики Дагестан реализуют определенный круг политических функций с целью информирования читателей о политических событиях в республике, в стране; критики и контроля работы властей; политического ориентирования населения; формирования общественного мнения и т.д. Стоит отметить, что качество выполнения той или иной функции зависит от определенных факторов: политической ориентации СМИ, профессионализма и понимания журналистами редакции цели своей деятельности.

Список литературы

1. *Ким М.Н.* Основы творческой деятельности журналиста. – СПб: Питер, 2011. – 400 с.
2. *Корконосенко С.Г.* Политическая журналистика. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 319 с.
3. *Лисова С.Ю.* Политические функции СМИ// Вестник ИГЭУ. – 2011. - № 2. – С. 122 – 126.
4. *Самарцев О.Р.* Современные коммуникативные процессы. Ч. 2. Теория и методика журналистики. – Ульяновск, 2000. – 109 с.
5. *Соловьев А.И.* Политические коммуникации. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 332 с.
6. *Шарков Ф.И., Силкин В.В.* Коммуникология: теория и практика массовой коммуникации. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. – 160 с.

10.01.10

Л.Н. Султанова

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
кафедра русской литературы

МУЗЫКА В «ОЧАРОВАННОМ СТРАННИКЕ»

В данной статье представлены результаты исследования роли музыки в композиции и содержании повести Н.С. Лескова «Очарованный странник». В частности, особое внимание уделяется раскрытию краткого содержания произведения, анализу музыкальных образов и общего лейтмотива «Очарованного странника».

Ключевые слова: *повесть, композиция, музыкальный образ, лейтмотив.*

Введение. Как показывают современные исследования, целостность и художественная ценность литературного произведения достигаются за счет сочетания большого количества элементов, включая и музыкальную тематику текстов. Примером этого можно считать известную повесть Н.С. Лескова «Очарованный странник», которая «не только входит в перечень классических литературных произведений, но и является основой многих театральных постановок» [4, с. 5], получивших широкую популярность не только в России, но и за рубежом.

Объектом исследования является музыка. Предмет исследования – музыкальный лейтмотив повести Н.С. Лескова «Очарованный странник».

Целью нашего исследования является выявление особенностей музыкального наполнения повести Н.С. Лескова «Очарованный странник».

Музыка в повести Н.С. Лескова «Очарованный странник». Повесть Н.С. Лескова «Очарованный странник» - это история пути одного человека – Ивана Северьяныча Флягина – к истинному предназначению через большое количество испытаний, которые уготовила ему судьба.

Озорной мальчуган по прозвищу Голован, в начале своего жизненного пути в порыве озорства, ударив вдоль спины старика-послушника, убивает его, чем навлекает на себя череду неприятностей и препятствий. С этого момента жизнь Ивана меняется в корне, поскольку старик-послушник предсказывает будущее Голована: много раз погибать и ни разу не погибнуть, пока не придет настоящая погибель [1, с. 61]. На эти, на первый взгляд, роковые слова Иван Флягин не обращает никакого внимания, хотя именно они станут судьбоносными для главного героя.

Н.С. Лесков, получивший мировую известность в качестве любителя былин, задумывал главного персонажа как прототип русского богатыря. Именно Иван, как считает автор повести, должен был пройти с достоинством все сложности, которые выпали на его долю, чтобы очиститься. В этом и заключается философский смысл произведения.

Важно подчеркнуть, что понимание сущности данного произведения не представляется возможным без акцентирования внимания на музыкальности языка Н.С. Лескова [5, с. 42]. Все повествование пронизано одним музыкальным лейтмотивом – безысходности, безнадежности, что в полной мере отражает состояние Ивана Флягина, который рассказывает историю своей жизни. Сам главный герой произведения сожалеет о многих своих поступках, что также прослеживается и в общем мотиве данной повести.

Музыка повсюду преследует главного героя, но ее функциональное назначение на протяжении всей истории несколько раз видоизменяется. В некоторых случаях веселые мелодии Иван слышит там, где отмечаются праздники и других людей. Именно музыка показывает главному герою нестабильность его душевного состояния: он уже не может радоваться наравне со всеми, что является наказанием за совершенные деяния:

«Вечер пришел, я и вышел, сел на крутом берегу над речкою, а за рекою весь дом огнями горит, светится, и праздник идет; гости гуляют, и музыка гремит, далеко слышно. А я все сижу да гляжу уже не на самый дом, а в воду, где этот свет весь отразило и струями рябит, как будто столбы ходят, точно водяные чертоги открыты. И стало мне таково грустно, таково тягостно, что даже, чего со мною и в плену не было»[3].

Кроме того, важно подчеркнуть, что, слушая веселые песни, мужчина также чувствует в некоторой степени раздражение, поскольку ему самому неприятно, что он лишен способности чувствовать и сопереживать. Герой еще не знает, что это изменится после встречи с Грушенькой.

Нередко музыка ассоциируется у главного героя с постоянным навязчивым шумом, который мешает ему сосредоточиться и понять направление своего жизненного пути. В частности, Иван Северьяныч не способен наслаждаться музыкой, она вызывает в глубине души главного героя негативные чувства, от которых ему достаточно сложно избавиться:

«В середине светло, и оттуда те разные голоса, и шум, и гитара поет, а передо мною опять мой баринок, и все мне спереди по лицу ладонями машет, а потом по груди руками ведет, против сердца останавливается, напирает»[3].

Важно отметить, что сам главный герой повести «Очарованный странник» также не осознает ценности музыки в жизни человека, о чем свидетельствует эпизод с губной гармошкой. В частности, когда Иван остановил лошадей, которые понесли и могли погубить графскую семью, герой получает гармошку в качестве благодарности, но практически ее не использует и осознает, что в ней нет необходимости. Это обуславливается тем, что «персонаж произведения Н.С. Лескова в принципе не способен почувствовать исцеляющее воздействие музыкального сопровождения своих странствий» [6, с. 191].

«Лакей сходил в лавки и приносит мне на конюшню гармонию:

– На, – говорит, – играй.

Я было ее взял и стал играть, но только вижу, что ничего не умею, и сейчас ее бросил, а потом ее у меня странницы на другой день из-под сарая и украли»[3].

Единственный раз, когда Иван Северьяныч что-то почувствовал – это случай прослушивания им пения цыган под гитару. В этот момент Иван впервые задумывается о том, что что-то он упускает в этой жизни. Он осознает, что за все время существования в его жизни ни разу встретился человек, который был бы важен для героя, повлиял бы на его жизнь. Это можно описать как готовность Голована к любви.

«Вот цыганы покашляли, и молодой ее брат взял в руки гитару, а она запела. Знаете, их пение обыкновенно достигающее и за сердца трогает, а я как услышал этот самый ее голос, на который мне еще из-за двери манилось, расчувствовался. Ужасно мне как понравилось!» [3].

Данный эпизод призван продемонстрировать читателям, что главный персонаж произведения встал на правильный путь, старается искупить свои грехи, и в некоторой степени у него начинает это получаться. Это проявляется в том, что Иван Северьяныч начинает сопереживать, осознавать музыкальное наполнение композиций, что свидетельствует развитие у него духовности и эмпатии.

«Начала она так как будто грубовато, мужественно, эдак: «Мо-о-ре во-оо-о-ет, мо-ре стонет». Точно в действительности слышно, как и море стонет и в нем челночок поглощенный бьется»[3].

Из данного отрывка становится очевидно, что, слушая пение цыган, Иван Северьяныч переносится мысленно в другую реальность, в которой нет пугавших его проблем и трудностей. Он учится абстрагироваться от проблем в конкретный промежуток времени, когда все вокруг становится простым и понятным. Это является первым этапом в духовном взрослении героя, когда он понимает, что в мире все нельзя разделить на черное и белое, а чувства – это не только слабость.

Несколько раз в течение повествования Иван, тот самый «очарованный странник» подчеркивает, что музыка может исцелять душевные раны. Достаточно показателен с этой точки зрения эпизод с князем и Грушенькой, когда Иван понимает, в чем именно заключается чувство любви.

«И князь... тоже и он заплакал, но взял гитару и точно не пел, а, как будто службу служа, застонал: «Если б знала ты весь огонь любви, всю тоску души моей пламенной», – да и ну рыдать. И поет и рыдает: «Успокой меня, беспокойного, осчастливь меня, несчастливую»[3].

При прочтении данного отрывка становится очевидно, что именно посредством языка музыки князь смог открыть девушке свои истинные чувства, за счет чего растопил ее сердце. В этом эпизоде Иван, наблюдая за парой, понимает, что он очень многое упускает в своей жизни, так и не познав истинной любви, что в дальнейшем сыграет немаловажную роль в душевных метаниях главного героя. И средством данного открытия для Ивана является именно песня.

Для Ивана Северьяныча музыка также отражает и настроение, которое господствует в том или ином коллективе. В частности, при прослушивании песен, которые распеваются в трактире, главный персонаж повести Н.С. Лескова «Очарованный странник» проникается эмоциональной атмосферой, господствующей в нем.

«Но только вдруг вслушиваюсь, и слышу, что из-за этой циновочной двери льется песня... томная-претомная, сердечнейшая, и поет ее голос, точно колокол малиновый, так за душу и щипет, так и берет в полон. Я и слушаю и никуда далее не иду»[3].

Также, при общении с Грушенькой, Иван впервые понимает, что музыка способна повлиять на его действия и даже в некоторой степени изменить его мировоззрение.

«Что Груша раз ни споет, то я ей за то лебеда, и уже не считаю, сколько их выпустил, а даю да и кончено, и зато другие ее все разом просят петь, она на все их просьбы не поет, говорит «устала», а я один кивну цыгану: не можно ли, мол, ее понудить? тот сейчас на ее глазами поведет, она и поет»[3].

Как можно увидеть из данного отрывка, Иван Северьяныч не только заслушивается песнями молодой женщины, но и ищет пути, чтобы заставить ее петь, лишь бы музыка не заканчивалась. Это свидетельствует о том, что странник Н.С. Лескова учится воспринимать жизнь через музыку, что приносит ему душевное успокоение.

Но при этом, если сам Иван чувствует изменения своей личности, то Грушенька еще не способна их разглядеть, считая, что герой не до конца чувствует наполнение ее песен.

«– Перед кем я стану петь! Ты, – говорит, – холодный стал, а я хочу, чтобы от моей песни чья-нибудь душа горела и мучилась»[3].

В данном отрывке прослеживается ностальгия женщины о тех временах, когда мужчины сходили с ума только от ее голоса, будучи готовыми на любые поступки. Для Грушеньки Иван Северьяныч представляется крайне бесчувственным мужчиной, который не способен принять жизнь с ее радостями, который делит мир только на черное и белое. И для понимания девушки такая личность недоступна, она старается отдалиться от Ивана, что крайне ранит последнего.

Также немаловажным представляется упомянуть те чувства, которые вызывала в Иване Северьяныче Грушенька, в том числе и благодаря ее музыкальным способностям.

«Просто от этого виденья на ее танец все словно свой весь ум потеряли: рвутся к ней без ума, без памяти: у кого слезы на глазах, а кто зубы скалит, но все кричат:

«Ничего не жалеем: танцуй!» - деньги ей так просто зря под ноги мечут, кто золото, кто ассигнации. И все тут гуще и гуще заваялось, и я лишь один сижу, да и то не знаю, долго ли потерплю, потому что не могу глядеть, как она на гусарову шапку наступает... Она ступит, а меня черт в жилу щелк; она опять ступит, а он меня опять щелк»[3].

Как прослеживается в данном отрывке, Иван Северьяныч через танец начинает понимать, что он равнодушен к девушке, хотя очень сильно боится этих чувств, в связи с чем пытается их скрывать. На данном этапе главный герой еще не признается даже самому себе, насколько важна ему девушка, поэтому старается списать нахлынувшие на него эмоции на

тлетворное влияние танца и песен. Поэтому, можно говорить о том, что через музыку начинают отражаться чувства и эмоции главного персонажа повести Н.С. Лескова.

После смерти Грушеньки (а именно – ее убийства безответно влюбленным Иваном Северьянычем) главный герой находится в душевном смятении, в связи с чем, практически не слышит музыку. За время войны на Кавказе, Иван взрослеет, старается более философски подходить к жизни, лишь иногда вспоминая о счастливых днях, которые провел вместе с возлюбленной. После возвращения с фронта, Иван Северьяныч начинает более остро чувствовать тоску, в связи с чем, вспоминает о целительном воздействии музыки, которое он ощущал более 15 лет назад. Это заставляет героя задуматься о том, чтобы пойти в артисты.

«– Каким же вы были артистом?

– Роли представлял.

– На каком театре?

– В балагане на Адмиралтейской площади»[3].

Однако за время работы в труппе, Иван приходит к мысли, что ему не нравится быть артистом, а именно – не нравится играть роль демона, поскольку это отсылает героя к событиям, которые он хотел бы забыть.

«– Как же-с: в двух переменах танцевать надо и кувыркаться, а кувыркнуться страсть неспособно, потому что весь обшит лохматой шкурой седого козла вверх шерстью; и хвост долгий на проволоке, но он постоянно промеж ног путается, а рога на голове за что попало цепляются»[3].

Именно в это время Иван Северьяныч понимает, что прошлое нельзя вернуть, он не может снова ощутить себя молодым и счастливым, слишком тяжел груз прожитых событий. Музыка больше не доставляет мужчине радости, не заставляет делать необдуманные поступки, не вызывает чувств. В связи с этим, Иван Северьяныч принимает решение отправиться в монастырь, где и на момент начала рассказа живет в послушании, считая, что старший постриг он не заслужил. На корабле герой едет «на богомоление в Соловки к Зосиме и Савватию», чтобы перед смертью им поклониться, а после собирается на войну.

В целом, анализируя содержание повести Н.С. Лескова «Очарованный странник», можно говорить о том, что музыка – это средство отражение внутреннего состояния главного героя. Именно через нее Иван впервые открылся князю, почувствовал любовь к Грушеньке и впервые столкнулся с непреодолимой болью, когда был вынужден убить возлюбленную по ее же просьбе. Важная роль музыки в данном произведении предопределила тот факт, что «на сегодняшний день существует огромное количество театральных спектаклей, опер и балетных постановок, в основу которых положена история «Очарованного странника»» [2, с. 11].

Заключение. Бесспорным представляется тот факт, что повесть Н.С. Лескова «Очарованный странник» является несомненной «жемчужиной» в кладовой русской литературы, в том числе и благодаря музыкальности языка писателя. Несмотря на то, что общий музыкальный лейтмотив произведения – это безысходность, которая отражает внутреннее состояние героя, музыкальные фрагменты, присутствующие в произведении, позволяют читателю проследить путь изменения главного героя. В частности, в начале повести Иван Северьяныч предстает как бесчувственный мужчина, которого не волнуют эмоции и желания других людей, в связи с чем, к музыке он также абсолютно равнодушен, даже в некоторой степени старается избегать мест, в которых она присутствует. Однако по мере своего духовного взросления, Иван Северьяныч начинает осознавать, что музыка обладает чарующим воздействием на человека, может его успокоить, исцелить, избавить от душевных терзаний и метаний. Именно тогда главный герой повести учится понимать музыкальность не только отдельных песен, но и всей жизни, что является одной из вех на его пути к очищению и просветлению. Кроме того, именно благодаря музыке, главный герой осознает, что он способен на истинную любовь, даже если с девушкой Ивану и не суждено быть вместе, что также определяет интерес читателей к данному художественному произведению.

Список литературы

1. *Асеева К.А.* Путь странника в повести Н.С. Лескова «Очарованный странник» / К.А. Асеева // В сборнике: Проблемы гуманитарного образования в аспекте новых научных парадигм. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. - 2019. - С. 60-62. – Текст: непосредственный
2. *Галкина Я.В.* «Очарованный странник» Н. Лескова: опера и литературный первоисточник / Я.В. Галкина // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. - 2021. - № 3 (61). - С. 9-13.– Текст: непосредственный
3. *Лесков Н.С.* Очарованный странник [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/15/p.1/index.html> (дата обращения - 19.12.2021 г.). – Текст: электронный
4. *Сиверская Т.М.* Композиционные и драматургические принципы оперы «Очарованный странник» / Т.М. Сиверская // Музыкаведение. - 2019. - № 8. - С. 3-9.– Текст: непосредственный
5. *Сиверская Т.М.* Лесков и музыка: о некоторых аспектах музыкальности литературного языка писателя / Т.М. Сиверская // Музыкаведение. - 2020. - № 2. - С. 41-46. – Текст: непосредственный
6. *Чигарева Е.* О музыкальности художественной прозы (на примере произведений Н.С. Лескова) / Е.А. Чигарева // Музыкальная академия. - 2021. - № 2 (774). - С. 190-197. – Текст: непосредственный

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК*10.02.01***Г.В. Байбуз**

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
стоматологический факультет,
кафедра лингвистики,
Краснодар, galina.baybuz@mail.ru

МЕТАФОРА В ТЕРМИНОЛОГИИ МЕДИЦИНЫ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена исследованию роли когнитивной метафоры в языке медицины. Перечислены основные способы терминообразования. Особое внимание уделяется классификации медицинских терминов-метафор.

Ключевые слова: *специальная лексика, терминообразование, медицинский термин, метафора.*

Специальная лексика является предметом исследования различных направлений языкознания. Особое внимание исследователей при этом направлено на изучение вопросов терминоведения и терминографии. Известно, что каждая наука имеет свой терминологический аппарат – систему основных вербализованных понятий, т.е. терминов, составляющих ядро той или иной области знания. Терминологической номинации подвергаются наиболее важные понятия, появившиеся в результате развития теоретических представлений о мире, объективно необходимых в сфере научного знания.

Изучением вопросов терминоведения занимались зарубежные и отечественные ученые (О. Вюстер, П. Лерат, М. Роджерс, Г. Рондо, Х. Сомерс, Х. Фелбер, Г.О. Винокур, Б. Н. Головин, В. П. Даниленко, Э.К. Дрезден, В. М. Лейчик, Д.С. Лотте, А. А. Реформатский, А.В. Суперанская, Ю. В. Сложеникина, В. А. Татаринов и др.).

На современном этапе терминоведение представляет собой интегративную дисциплину, объединяющую данные лингвистики, логики, информатики, психологии, философии и различных прикладных дисциплин. Существует большое количество определений понятия «термин». В наиболее широком плане под термином понимается «слово или словосочетание специального языка, создаваемое для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов». Термины в научном тексте несут основную информативную нагрузку, обеспечивают качество общения специалистов какой-либо области знания и обладают определенными признаками: моносемичностью, экспрессивной, эстетической и модальной нейтральностью, системностью, однозначностью, краткостью и др. [6, с. 308-313].

К основным способам терминообразования исследователи относят семантический, синтаксический и морфологический, т.е. те же способы, с помощью которых пополняется лексический запас общелитературного языка [2, с. 90]. Лексико-семантический способ образования терминов при этом является одним из самых продуктивных, на что указывает В.П. Даниленко: «Семантический способ терминообразования сохраняет свою актуальность и высокую продуктивность» [2, с.100]. Значимость семантического способа терминообразования подтверждает и В.П. Прохорова, которая считает, что он «активен и в современном русском языке» [4, с. 120].

Семантическое терминообразование включает следующие виды:

- метафорический перенос;
- метонимический перенос;
- сужение и расширение значения.

Метафорический перенос в терминообразовании является достаточно спорным явлением, поскольку метафора воспринималась как художественный приём, характеризующийся образностью, эмоциональностью, а термин, напротив, должен обладать точностью, нейтральностью и однозначностью.

Термины, образованные при помощи метафорического переноса, выполняют в исследовательской деятельности когнитивную функцию. Дж. Лакофф отмечает, что «метафоричность – это не достоинство и не недостаток мышления; это просто неизбежность. При использовании метафор лучше воспринимаются абстрактные понятия и чрезвычайно сложные ситуации» [3, с. 10]. Н.Д. Арутюнова также рассматривает метафору «как эффективное средство номинации, как вербализованный способ мышления и способ создания языковой картины мира» [1, с. 323].

Известно, что медицинская терминология формировалась в течение длительного периода. Учитывая тесную связь между языком и человеком, следует отметить, что основными причинами пополнения словарного состава языка являются социально-политические изменения, появление новых экономических реалий, а также развитие производства, науки, техники и культуры. В связи с пандемией COVID-19 изменился не только привычный образ жизни людей, но и появилось большое количество новых терминов. Так, институт лингвистических исследований РАН в 2021 г. опубликовал «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», который включает 3500 единиц.

Отметим, что в терминологической системе медицины традиционно выделяют три группы терминов, к которым относятся:

- анатомо-гистологическая, включающая номинации для описания органов и систем живого организма;
- клиническая, используемая в практической деятельности врача и необходимая для обозначения патологических процессов, синдромов, названий болезней, признаков заболеваний и др.;
- фармацевтическая, содержащая названия лекарственных средств растительного и химического происхождения.

В языке медицины метафорический перенос используется с целью вербализации новых понятий на базе общелитературного языкового материала. Такой способ образования новых номинаций является постоянным и неизбежным источником пополнения терминологии.

Медицинские термины-метафоры используются для обозначения формы, размера, цвета, вида, различных признаков анатомических образований, патологических изменений организма, синдромов, симптомов и болезней. Среди них выделяются номинации с использованием элементов названий:

- ландшафта (*перешеек аорты, суставной бугорок, питательный канал, желудочные поля, вид кратера*);
- растений и их частей (*корень, луковица, отросток, стебель, кора головного мозга, рисунок елочки, симптом цветка маргаритки, размер боба, бронхиальное дерево*);
- орудий труда и предметов быта (*молоточек, наковальня, серп, симптом треснувшего горшка, глаза куклы*);
- одежды и ее деталей (*суставной карман, мантия, лобная пазуха, симптом куртки*);
- оружия и элементов оружия (*сухожильный шлем, турецкое седло, пяточные шпоры, арбалетный разрез*);
- строений (*пирамида, купол плевры, ворота надпочечника, амбарная болезнь, симптом балкона*);
- названия музыкальных инструментов (*барабанная струна, барабанный звук, симптом струны скрипки*);
- продуктов питания (*вид вареного мяса, вид малинового желе*);
- атмосферных явлений и небесных тел (*завихривание крови, вид снежной бури, вид полной луны, симптом заходящего солнца*);

- профессий людей, привычек и социальных характеристик человека (*горло курильщика, походка денди, рука акушера, поза балерины, грудь портного*);
- животных (*крестцовый рог, крыло сошника, гусиная лапка, брюшная жаба, вид икры лягушки, клетки-головастики, заячья губа, рак*);
- имен исторических личностей, персонажей художественной литературы – эпонимические метафоры (*лицо Вольтера, симптом Ван Гога, синдром Алисы в стране чудес*) [5, с. 14-16].

Приведенные выше примеры представляют собой лишь часть медицинских терминов-метафор, что говорит о продуктивности метафоризации в области медицинской терминологии. Научно-технический прогресс влечет за собой необходимость в номинации новых понятий. Метафора дает возможность создать новый термин, доступный для запоминания и осознания.

Таким образом, важнейшую роль в процессах терминообразования играет метафоризация, в том числе и в подъязыке медицины. Особенностью терминов, образованных путем метафорического переноса, является то, что в них закреплен результат не пассивного, а живого, активного отражения, в содержание которого включена человеческая практика и профессиональная деятельность.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
2. Даниленко В.П. Русская терминология. – М.: Наука, 1997. – 246 с.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. Прохорова В.П. Русская терминология – М.: Филологические науки, 1996. – 125 с.
5. Озингин М.В. Роль метафоры в структурировании и функционировании русской медицинской терминологии: дис. канд. филол. наук. – Саратов, 2010. – 181 с.
6. Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения: Очерк и хрестоматия. – М.: Московский Лицей, 1994. – 408 с.

10.02.01

Вэнь Суя

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
кафедра русской словесности и межкультурной коммуникации,
Москва, suyawen@yandex.ru

**ЯСНОСТЬ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ КАЧЕСТВО РЕЧИ
В ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ**

В статье рассматривается история термина «ясность» как одного из достоинств и положительных свойств хорошей речи. Автор рассматривает характеристики «ясности» у различных ученых, начиная с античных авторов и продолжая выдающимися учеными XIX века. Внимание к термину «ясность» было особенно большим в учебниках риторики до середины XIX века, затем - наблюдался спад, но с середины XX века «ясность» как коммуникативное качество речи вновь оказалась в поле зрения ученых-лингвистов.

Ключевые слова: *ясность, коммуникативное качество речи, достоинство, культура речи.*

Ясность речи – одно из главных коммуникативных качеств речи. В античных теориях речи «качества» назывались «достоинствами» [2]. Анализ «достоинств» и недостатков речи составлял основные характеристики речи и это как раз есть то, что в современной лингвистике названо «коммуникативными качествами речи».

Наше исследование сосредоточено на ясности, которая рассматривалась в античности как очевидная и в сущности не обсуждаемое «достоинство» речи. Тем не менее, комментарии к «ясности» позволяют судить о том, что взгляд на это качество речи был у каждого ученого - как в античности, так и в отечественной науке - своеобразным, поскольку каждый отмечал те или иные новые свойства.

С. В. Меликова-Толстая пишет, что для Аристотеля существует «только одно качество речи – ясность». **Ясность** речи, согласно «Риторике к Гереннию» есть то, что «делает речь понятной и прозрачной» и создается она двумя способами: «употреблением общепринятых слов и слов, взятых в точном значении» [2]. Цицерон, считая этот термин общепонятным, тем не менее, добавляет рассуждение о следующих требованиях к ясности: «говорить чистым латинским языком, пользуясь словами употребительными и точно выражающими то, что мы хотим обозначить и изобразить, без двусмысленности как в отдельных словах, так и в связной речи, без слишком длинных периодов, не слишком задерживаясь в сравнениях на заимствованных из другой области образах, не разрывая мысли вставками, не переставляя событий, не путая лиц, не нарушая последовательности изложения». Это подробное приведение причин того, что делает речь неясной, кратко суммировано у Цицерона указанием на два требования, которыми достигается ясность: «прежде всего точностью слов, и, во-вторых, связностью» [2].

Достаточно много советов относительно ясности находим и у Гермогена в сочинении «Об идеях»: «Ясность создается точностью и чистотой». Чтобы добиться ясности, необходимо употреблять слова «общепонятные, обращенные ко всем, не иносказательные, но и не сухие» [2].

Учение о ясности речи, как и о других ее свойствах, переходит в российские теории языка и речи. Так, в 1793 г. известный русский реформатор М.М. Сперанский создал учебник «Правила высшего красноречия». Среди «общих свойств слога» он отметил первым «свойством» именно ясность, описав его так: «Ничто не может извинить сочинителя, когда он пишет темно. Ничто не может дать ему права мучить нас трудным сопряжением понятий» (цит. по: [5]). Подобно античным ученым, М.М. Сперанский показал свойства ясности через

антонимическое описание, т.е. то, что ясности противостоит – темнота и сложность в выражении мыслей.

Заметим, что качества речи в русских учебниках назывались по-разному: «совершенствами» слова, «условиями», «свойствами», и только в XX веке Б.Н. Головин предложил термин «коммуникативные качества речи» [4].

В 1796 г. И.С. Рижский в своём «Опыте риторики» называл следующие основные «достоинства» речи: чистота языка, пристойность слов и выражений, точность, ясность, плавность – словотечение, благоразумное употребление украшений. Происходят эти совершенства ‘от выражений’, а сами совершенства и есть ‘украшения’ речи [5].

После Отечественной войны 1812 г. одним из наиболее известных и влиятельных учёных становится Яков Васильевич Толмачев. Он написал книги «Правила красноречия» (1815) и «Военное красноречие» (1825), в которых включалось общее описание риторических правил, описание правил военного красноречия и образцы сочинений [9, 10]. Он называл положительные качества речи называются «совершенствами». Главными «совершенствами» речи вообще являются правильность, ясность и красота. Среди «качеств военного слога» он называл правильность, ясность, определительность, чистоту, истину и основательность [9, с. 74].

Профессор Царскосельского лицея Н.Ф. Кошанский систематически описывал качества слога в лучшем учебнике XIX века «Общая риторика». Подобно античным риторам, автор назвал ясность среди первым из шести достоинств слога. Согласно его концепции, без ясности «все прочие достоинства, как красы природы без света для зрителя, исчезают». Ясность предполагает три правила: а) «знание предмета» (назовем его гносеологическим); б) (логическое) «здоровая, основательная связь в мыслях»; в) (грамматическое) требующее: «1. естественного порядка слов, 2. точности и общей употребительности слов и выражений, 3. уместных знаков препинания» [7].

Один из последних классиков русской риторики первой половины XIX века К.П. Зеленецкий определял ясность следующим образом: «Ясною называется речь, которую читатель легко понимает и которая не возбуждает в нём никаких недоумений. Чтобы ясно выражать мысли, нужно иметь вполне ясное представление о предмете» [6]. К.П. Зеленецкий полагал, что условия ясности речи заключаются в следующих: «а) очевидная связь в мыслях, б) отчетливое значение предмета, с) точность в выражениях» [6].

По мнению В.И. Аннушкина, вторая половина XIX века редуцировала учение о качествах речи, т.е. оставались либо основные качества, либо же они вообще исчезали из описаний теории словесности [1]. Тем не менее, именно ясность встречается в отдельных учебниках по теории словесности. Так, в учебнике В.Я. Яковлева находим замечание о том, что «степень ясности, т.е. удобопонятности» зависит от «характера содержания: чем отвлеченнее предмет, тем труднее оно воспринимается читателем, чем конкретнее – тем легче» [11]. В.Я. Яковлев ещё указывает также, что ясность речи зависит: 1) от выбора слов, т.е. слова должны быть «понятны, точны и определены». Так, неточность происходит от неудачно сделанного выбора между синонимами; 2) от сочетания слов, т.е. выразительность речи зависит от порядка слов.

Теории языка начала XX века почти не касаются категории ясности, поскольку она представляется ведущим языковедам самоочевидной, если не банальной. Пробуждается интерес к «ясности», как и другим категориям, только с появлением описания Б.Н. Головина, который и ввел термин «коммуникативное качество речи» [Головин]. Теперь оно входит и в различные энциклопедии и словари, и в учебники риторики и стилистики. Очевидно, что это уже тема для исследования современного состояния теории и практики коммуникативных качеств речи. Основанием для нее, несомненно, является описанный выше материал «достоинств», «условий», «свойств слога», как именовались современные «качества» ранее.

Закончим статью приведением нескольких современных мнений относительно категории ясности, которые представляются нам наиболее удачными. Так, А.А. Волков понимает ясность как «смысловую определенность выражения. Ясность слога – первое

условие его чистоты. Ясность означает, что слова и обороты определены в значении и употреблении, что автор умеет строить обозримые фразы, избегает случайных, двусмысленных выражений, а фраза запоминается и легко воспроизводится» [2].

По мнению М.Н. Кожинной, ясность речи – одно из основных качеств или стилевых черт науч. стиля, и оно включает в себя логичность, точность, сжатость, экспрессивность, стандартность. В художественном или разговорном стиле ясность речи может подчинять себе такие качества, как образность, эмоциональность, развернутость и т.д. Видно, что стилевая черта варьируется по стилям и определяется употреблением реализующих ее языковых средств [8].

Определения ясности имеются и во множестве других словарей. Очевидно, что сопоставление этих мнений должно составить предмет следующего исследования.

Представленный материал свидетельствует о богатстве историко-культурной традиции, связанной с такой важнейшей категорией как «коммуникативные качества речи», поскольку они составляли основу для описания характера, манеры, стиля речи, доказывая богатство и величие русского слова.

Список литературы

1. *Аннушкин В.И.* Коммуникативные качества речи в русской филологической традиции: учеб. пособие. – 4-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2019. – С. 34.
2. *Античные теории языка и стиля.* Под общей редакцией *О. М. Фрейденберг.* М.-Л., ОГИЗ, 1936. С. 194-195.
3. *Волков А.А.* Основы русской риторики. – Москва: Изд.-во фил. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С. 71.
4. *Головин Б.Н.* Основы культуры речи: Учеб. для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» – 2-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1988. – 320 с.
5. *Граудина Л.К.* Русская риторика. Хрестоматия. – М., 1996. – С. 134-135.
6. *Зеленецкий К.П.* Исследование о риторике. Одесса, 1846. – С. 45.
7. *Кошанский Н.Ф.* Риторика / *В.И. Аннушкин, А.А. Волков, Л.Е. Макарова.* – М.: Русская панорама : Кафедра, 2013. – С. 105.
8. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной.* – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 67.
9. *Толмачев Я.В.* Военное красноречие. - СПб., 1825. - Т. 1 - 170 с.; - Т. 2 - 120 с.; т. 3 - 162 с.
10. *Толмачев Я.В.* Правила словесности, руководствующие от первых начал до высших совершенств красноречия, в четырех частях. - СПб., 1815. - 3, XV, 233 с.
11. *Яковлев В.Я.* Учебный курс теории словесности. – 7-е изд. – СПб., 1907. – С. 20.

10.02.01

К.В. Еленская

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
институт филологии и массмедиа,
кафедра русского языка как иностранного,
Калуга, kr-elenskaya@yandex.ru

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «НАСИЛИЕ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье осуществлен компонентный анализ ключевых составляющих семантического поля «насилие» с опорой на лексикографический анализ лексемы «насилие»; рассмотрены лексико-семантические группы «субъект», «объект», «форма насилия».

Ключевые слова: *насилие, репрезентация насилия, эксплицитная и имплицитная семантика слова.*

В русском языке лексема «насилие» имеет этимологическую связь со словом «сила», в то время как в ряде индоевропейских языков аналоги этого слова («violence», «violencia», «violenza») восходят к латинскому «violentia» – «нарушение», «попрание» [1]. Этимологическое значение индоевропейского аналога указывает на такие семы, как «пренебрежение», «незаконность», а русской лексемы – на «давление», «власть».

Лексема «насилие» фиксируется как в лингвистических, так и в энциклопедических словарях. Проанализировав экспликации лексемы «насилие» в толковых словарях С.И. Ожегова [4], Д.Н. Ушакова [6], Т.Ф. Ефремовой [3], С.А. Кузнецова [2], Д.В. Дмитриева [5], мы установили, что, помимо исконных сем «давление» и «власть», в них фиксируются семы «пренебрежение» и «незаконность», являющиеся эксплицитными в индоевропейских языках, и новая сема – «отклонение от нормы». Руководствуясь этим наблюдением, мы сочли необходимым выделить ключевые интегральные семы как самой лексемы «насилие», так и всех лексем, входящих в одноименное семантическое поле, – **«принуждение», «незаконность» и «отрицательная оценка социумом»**. Эти семы стали опорой, на которой был построен единый подход к поиску и анализу лексем-репрезентантов насилия в русском языке.

В рамках данного исследования была поставлена цель: провести компонентный анализ лексем, репрезентирующих в русском языке субъект, объект и форму насилия. В основу исследования легли метод компонентного анализа, представляющий собой процедуру выделения интегральных и дифференциальных, эксплицитных и имплицитных сем в значении слов, репрезентирующих насилие и одноименное семантическое поле, а также метод дефиниционного анализа, заключающийся в изучении толкований лексем в различных словарях. Работа опирается на научные исследования Н.Д. Арутюновой, М.Н. Эпштейна, А.И. Кугая и др.

Основу семантического поля «насилие» составляют лексико-семантические группы «субъект насилия» и «объект насилия». Под субъектом насилия понимается лицо, совершившее или совершающее насильственное действие (*душител*, *убийца*, *маньяк*, *садист*, *террорист*, *эксплуататор*, *похититель*, *истязатель*, *шантажист*, *растлитель* и т.д.), а под объектом насилия – лицо, на которое указанные действия были направлены. Важно отметить, что в качестве объекта взаимодействия насилие всегда предполагает одушевленное существительное (*расстрелять/угнетать/пытать/... (кого?)*). В противном случае ни незаконность этих действий, ни их негативная оценка со стороны общества не могут являться основанием отнести лексему к репрезентантам насилия в русском языке (ср.

спекулировать, коррупция, валютчик, казнокрад: хотя сами действия являются противозаконными и порицаются обществом, данные лексемы не репрезентируют насилие, поскольку объектами взаимодействия являются чужая собственность или деньги, т.е. предметы, а не лица). Однако в ряде случаев предполагаемый неодушевленный объект насилия может вступать в метонимическую связь с лицами, которым этот объект принадлежит (*вандал, осквернитель, поджигатель, вор, аферист, мошенник, мародер*).

Абсолютное большинство указанных лексем, репрезентирующих субъект насилия, являются релятивами, вступающими в асимметричные отношения с лексемами, репрезентирующими объект насилия. Отдельно следует отметить, что если для многих форм насилия существует соответствующее наименование субъекта насилия (*душить/удушение – душитель; убить/убийство – убийца; грабить/ограбление – грабитель*), то наименования объекта насилия чаще всего не мотивированы формой испытанного насилия (ср. универсальные и наиболее частотные *жертва, пострадавший* и применяемые только к конкретной форме насилия *раб, заложник, пленник, изгой*).

Семантическое поле «насилие» также включает в себя группы «формы насилия» (имена существительные) и «наименования насильственных действий» (глаголы).

Принято выделять несколько видов насилия, которые ниже будут проиллюстрированы лексемами, репрезентирующими возможные формы их реализации: физическое (*расстрел, истребление, линчевание, самосуд* и т.д.); психическое/ эмоциональное/ моральное (*надругательство, манипуляция, унижение, принуждение, шантаж, изгнание, диктат* и т.д.); сексуальное (*изнасилование, педофилия, растление, домогательство*); экономическое (*мошенничество, мародёрство, разбой, рэкет, вымогательство*); вербальное (*оскорбление, клевета*).

В процессе поиска языкового материала, репрезентирующего формы насилия, были обнаружены лексемы, обозначающие явления гораздо более сложные и масштабные, из-за чего лексемы не укладывались в предложенную выше классификацию. В связи с этим была образована отдельная группа лексем, репрезентирующих политико-идеологическое насилие (*вторжение, аннексия, интервенция, бомбардировка, блокада, осада, штурм, сегрегация* и т.д.):

Следует отметить случаи, когда лексема имеет коннотацию насилия, но ввиду отсутствия одной из обязательных интегральных сем насилия (даже при сохранении двух других) не может относиться к репрезентантам насилия. Например, в лексемах *арест, ссылка, изоляция, санкция, репрессия, запрет* сохранены семы «принуждение», «негативная оценка социумом», но отсутствует сема «незаконность»; в лексемах *кара, возмездие, месть* можно выделить сему «принуждение», однако оставшиеся две интегральные семы нивелируются имплицитной семой «справедливость».

Насилие в современном русском языке могут репрезентировать не только имена существительные, но и глаголы, в отношении которых можно применить ту же классификацию, что была предложена ранее: физическое насилие (*распять, убить, удушить, увечить, пытать* и т.д.); психическое/ эмоциональное/ моральное насилие (*унизить, ущемлять, дискриминировать, шантажировать, опорочить* и т.д.); сексуальное насилие (*растлить, изнасиловать, обесчестить* (во 2 знач.)); экономическое насилие (*воровать, грабить, вымогать* и т.д.); вербальное насилие (*оскорбить, осмеять*); политико-идеологическое насилие (*свергнуть, оккупировать, репрессировать, вторгаться* и т.д.).

Почти все глаголы, репрезентирующие насильственные действия, являются переходными. В отличие от переходных глаголов любых других лексико-семантических групп, наличие прямого дополнения для глаголов, репрезентирующих насилие, является не просто предполагаемым, а обязательным. Функцию прямого дополнения в этом случае будет выполнять имя существительное или местоимение, обозначающие объект насилия. Без указания объекта использование глагола со значением «насильственное действие» воспринимается недостаточным, требующим логического продолжения.

Глаголами-репрезентантами насилия никогда не смогут быть безличные глаголы. Это обусловлено тем, что насильственное действие обязательно должно иметь авторство (т.е. субъект) и направленность на определенный объект (пусть и косвенно). Именно поэтому можно утверждать, что для однозначной идентификации репрезентации насилия в языке требуется наличие цепочки, состоящей минимум из трех звеньев: «субъект насилия» - «наименование насильственного действия» - «объект насилия», которые могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно. В противном случае о репрезентации насилия говорить нельзя. Ср.: Вторая *жертва*, которую смерть настигла дремавшей в комнате на диване, скончалась, видимо, от многочисленных увесистых ударов по лицу. [В расправе над двумя коммерсантами подозревают женщину // «Вечерняя Москва», 2002.06.13]. Она бы и рада одеться скромнее, вот только целомудренная пижама осталась дома. А эта рубашка лишь дотуда, докуда есть. И теперь она — несчастная *жертва* обстоятельств с вызывающе красивыми бёдрами. И сразу видно, какая она незащищенная. [Слава Сэ. Ева (2010)].

Список литературы

1. *Апресян Р.Г.* Сила и насилие слова // Человек. 1997. - №5. – С.133.
2. Большой толковый словарь русского языка: [БТС : А-Я] / Рос.акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; [гл. ред. С.А. Кузнецов]. - СПб. : Норинт, 2008.
3. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Том 2. М-П / Т.Ф. Ефремова. - М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006. - 1168 с.
4. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – Москва: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2018. – 1360 с.
5. Толковый словарь русского языка; под ред. Д.В. Дмитриева. - М.: Астрель: АСТ, 2003. — 1578 с. — (Словари Академии Российской).
6. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. - М.: Альфа-Принт [и др.], 2008. - 1239 с.

10.02.01

И Хуэйхуэй

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
кафедра русской словесности и межкультурной коммуникации,
Москва, 806032224@qq.com, yihuihui2020@gmail.com

ОБУЧЕНИЕ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ: ЧТО ПРЕДЛАГАЕТ ИНТЕРНЕТ И КАК ОРГАНИЗУЕТСЯ ОБУЧЕНИЕ

В статье рассматривается проблема курсового обучения деловому общению в ситуациях вхождения в сферу профессиональной деятельности, связанной с трудоустройством и продолжением дальнейшего профессионального образования. Автором анализируются имеющиеся курсы делового общения, предлагаются рекомендации к новым формам он-лайн-коммуникации.

Ключевые слова: *деловое общение, деловая речь, формы делового общения, деловые переговоры, курсовое обучение.*

Обучение культуре речи и деловым коммуникациям – необходимость, которая вызвана изменениями в жизни нового компьютерно-цифрового общества. Целесообразность формирования речевых компетенций очевидна для будущих специалистов, поскольку деловое общение – это сложный многоплановый процесс развития контактов между людьми в служебной сфере. Его участники выступают в официальных статусах и ориентированы на достижение цели, конкретных задач. В связи с этим мало знать нормы языка, но надо еще уметь их применить. Ведь от молодого квалифицированного специалиста в современном профессиональном мире требуется умение налаживать контакты, поддерживать взаимоотношения, выступать публично, владеть риторическими навыками делового общения [1; 2; 7].

Молодые предприниматели и менеджеры, а также те, кто уже заработал заслуженную славу, хотят развиваться дальше, открывать новые стороны своей личности, менять свой имидж и находить скрытые ключи к успешному взаимодействию в обществе. В настоящее время тренинг по деловому общению - это активно развивающееся направление. Тот, кто владеет словом, контролирует ситуацию. Курсы делового общения учат именно этому - контролю за своей речью и поведением во время переговоров, переписки. Навыки делового общения пригодятся не только на работе, но и в повседневной жизни.

Умение преподнести себя, убедить, расположить к себе человека, завоевать доверие, обоснованно и без конфликтов отстаивать свою позицию, находить разумные компромиссы, быть вежливым и корректным, сохранять уверенность в себе - все эти качества необходимы человеку на каждом шагу, в каждой ситуации. И их можно приобрести, добавив знания в области психологии и упражняясь на практике именно на курсах делового общения [7].

Автором статьи были проанализированы наиболее популярные курсы по деловым коммуникациям в 2021 году. К ним отнесены следующие:

Курс Профессия Soft Skills for Hard Times от Skillbox.

Учит грамотно управлять командой: в офисе и удалённо, выстраивая эффективные коммуникации, дают знания, как распознавать чужие эмоции, управлять ими и как предотвратить собственное выгорание с помощью техник тайм-менеджмента. Но главное – это освоение эффективных методов ведения деловых переговоров и возможность закрывать выгодные сделки. Организаторы курса обещают, что после него можно без страха выступать на публике и выстраивать эффективный диалог как с сотрудниками, так и с партнёрами [5].

Курс Лидерство в современном бизнесе от Нетологии.

Всего за один месяц обучения можно узнать, как мотивировать свою команду на достижение нужных результатов, варьируя лидерские стили в зависимости от ситуации. Можно понять, как возникают конфликты и познакомиться с методами их минимизации, приобрести знания как выстраивать деловую переписку и общение для достижения своих целей.

Программа обучения соединяет в себе психологические, управленческие и социологические теории. Комплекс этих знаний должен научить находить выход из любой нестандартной ситуации.

Курс Soft Skills для digital-менеджеров от Product Live.

В процессе обучения развивается умение мыслить нестандартно для решения кризисных ситуаций. Приобретаются навыки, как собрать свою команду и эффективно управлять ею. Также можно научиться отстаивать свою точку зрения перед руководством или партнёрами, познакомиться с тайм-менеджментом для грамотной организации рабочего процесса. Этот эффективный курс всего за 3,5 месяца формирует организационные и коммуникативные навыки, научит справляться со страхом неудачи, выстраивать эффективное общение внутри команды и с партнёрами, грамотно представлять результаты своей работы.

На каждом из десяти занятий изучается ведение деловых переговоров на различных этапах: от подготовки и формирования портрета оппонента до переговорных стратегий и заключения сделки. При прохождении курса можно узнать, как владеть своими эмоциями и превращать оппонентов в союзников, вызывая к себе симпатию с первой встречи.

Онлайн-курс Переговоры в бизнесе от Laba.

Качественный курс от Laba научает грамотному ведению любых деловых переговоров. Помимо этого можно научиться составлять психологический портрет оппонента, узнать, как отбирать людей для найма в свою команду и выстраивать в ней систему мотиваций. Laba аккредитована международными организациями ПВА (Канада), HRCI (США). В процессе обучения слушатели научатся определять тип клиента, узнают, как разговаривать с манипуляторами и не поддаваться на их провокации. Можно изучить механизмы влияния на людей и научиться правильно реагировать на критику, а также повысить свою самооценку.

Курс Soft skills и презентации от ProductStar.

Программа состоит из лекций и воркшопов, на каждом из которых будут изучаться основы хорошего выступления и создания презентации. Можно узнать, как сделать свою речь более доходчивой и акцентировать внимание на главном, как укладываться в тайминг и создавать слайды. После обучения можно выступать перед большой аудиторией без запинок и страха, а также научиться красиво оформлять презентации и доносить свои идеи до руководства или заказчиков [3].

Подводя итоги, можно сказать, что обучение на курсах делового общения позволяет обеспечить развитие языковой личности специалиста и обеспечить успех общего дела, создать условия для сотрудничества людей и достижения значимых для них целей.

Некоторые из представленных курсов ориентированы на обучение руководителей для ведения серьёзных переговоров и заключения крупных сделок. Другие – для формирования уверенности в себе и коммуникативных навыков.

Проанализируем также **он-лайн-курсы обучения деловому общению**, так как большинство деловых коммуникаций вынужденно перешло в онлайн-формат. Из-за пандемии и частой работы из дома эта тенденция стала распространяться еще быстрее. Теперь многие совещания, обсуждения и деловые встречи проводятся в дистанционном формате. Это приходится принять как новую реальность, которую уже не получится игнорировать. В связи с развитием различных онлайн-вариантов делового общения приходится привыкать и к новым принципам делового этикета.

Деловой онлайн-этикет строится принципиально на тех же основаниях, что мы используем при классическом очном общении с собеседником. Прежде всего, это – принципы целесообразности и удобства для партнера. Так, общаясь с собеседником, нужно четко представлять, какую информацию вы хотите донести, насколько она интересна партнеру и в каком формате ему будет максимально удобно общаться.

Подобно старинным письмовникам с их правилами и советами к написанию писем, новые руководства рекомендуют, как не совершать ошибки при написании и отправке писем. Так М.И. Тимофеев рекомендует обратить внимание на следующее:

Правило 1. Отправляйте письма с корпоративных или официальных личных адресов. Не используйте личные электронные ящики с псевдонимами или выдуманными именами.

Правило 2. Четко указывайте тему письма. Если этого не сделать, ваше письмо может так и остаться непрочитанным.

Правило 3. Отправляйте деловые письма в рабочее время, чтобы не беспокоить собеседника во время отдыха.

Правило 4. Обязательно пишите приветствие и обращение по имени. К сожалению, далеко не все соблюдают это элементарное правило вежливого обращения.

Правило 5. Не используйте смайлики, если у вас нет близкого контакта с собеседником. Это может быть воспринято как легкомысленное отношение к делу и т.д. [6].

Из-за внедрения удаленной работы руководителям приходится перестраиваться, учиться дистанционно управлять коллективом и измерять эффективность деятельности сотрудников. Нужны новые подходы к лидерству, новые способы мотивировать людей, которые оказались в замкнутом домашнем пространстве. Соответственно, растет спрос на курсы, которые могут дать менеджерам такие навыки.

Образовательный тренд 2022 года — возможность учиться в удобное время. И это тоже следствие пандемии. Опросы сотрудников показали, что 90% хотят в этом году продолжить работать из дома хотя бы частично, а 50% готовы перейти на дистанционную работу навсегда. Это значит, что запрос на гибкую работу и обучение будет только расти.

Сотрудники хотят строить график как им удобно, а не так, как принято. Зачем сидеть в офисе с 9 до 18 часов, если можно выполнить работу в другое время, а на результате это не отразится? С обучением то же самое — люди не готовы подстраиваться под время, удобное преподавателю. Лучше купить видеокурсы и заниматься в любое время — ночью, рано утром, поздно вечером и не зависеть от расписания образовательной организации или преподавателей.

Основное влияние на корпоративное образование 2021 года оказала пандемия — люди попробовали работать удаленно, поняли, насколько это удобно. Компании отзываются на запросы своих сотрудников: меняют учебные программы, переходят на форматы видеокурсов, а не традиционных встреч и тренингов [4].

Благодаря «удаленке» многие работодатели смогли оценить реальную продуктивность персонала и пересмотреть ряд регламентов и процедур, влияющих на реализацию бизнес-процессов. Что касается сотрудников, более комфортная «домашняя» рабочая среда позволила им творчески подойти к решению различных задач.

Таким образом, в 2022 году унифицированные коммуникации будут способствовать не только повышению производительности и качества взаимодействия между сторонами бизнес-процессов, но и расширению пользовательского опыта и сценариев совместной работы.

Подводя итоги исследования, можно сказать, что деловое общение и переговоры обеспечивают успех общего дела, создают условия для сотрудничества людей, для достижения значимых для них целей. Некоторые из представленных курсов ориентированы на обучение руководителей для ведения серьёзных переговоров и заключения крупных сделок. Другие – для формирования уверенности в себе и коммуникативных навыков.

Этика делового общения и переговоров - один из необходимых факторов в формировании грамотного специалиста, который отличается не только высокой профессиональной подготовкой, но и общей культурой, приверженностью высоким гуманистическим принципам, владением навыками эффективной и целесообразной речи.

Список литературы

1. *Аннушкин В.И.* Риторика. Вводный курс. Учебное пособие. – 3-е изд., стереотип. – М.: Флинта : Наука, 2008. – 296 с.
2. *Дзялошинский И.М., Пильгун М.А.* Деловые коммуникации. Теория и практика : учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2017. – 378 с.
3. *Коноваленко М.Ю., Коноваленко В.А.* Деловые коммуникации : учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2019. – 427 с.
4. *Таратухина Ю.В.* - ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ДИДАКТИКИ. Учебник и практикум для академического бакалавриата - М.: Издательство Юрайт. 2019. – С. 60.
5. *Таратухина Ю.В., Авдеева З.К.* – ДЕЛОВЫЕ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ. Учебник и практикум для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – С. 189.
6. *Тимофеев М.И.* Деловые коммуникации: Учебное пособие / М.И. Тимофеев. – М.: Риор, 2018. – С. 68.
7. *Шарухин А.П., Орлов А.М.* Психология делового общения. М.: Academia. 2012. – 240 с.

10.02.01

Е.Ф. Киров, С.М. Керимова

Московский городской педагогический университет,
институт гуманитарных наук,
кафедра русского языка и методики преподавания филологических дисциплин,
Solomona-Listeva@mail.ru

КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» В ОБЩЕСТВЕ С РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТЬЮ

В статье приводится определение термина «ментальность». Раскрываются различные точки зрения ученых. В статье обобщаются все точки зрения термина «концепт» и рассматривается его связь с ментальностью. Исследуется лексема «женщина» как понятие и концепт в современном российском обществе, а также отражение её социальной роли в ментальности.

Ключевые слова: *концепт, слово, ментальность, женщина, русская женщина.*

Менталитет («ментальность») в русской форме соответствует духовности, т.е. способности воспринимать и оценивать мир и человека в категориях и формах родного языка, но с преобладанием идеальной, духовной точки зрения. Когда русский философ пишет для западного читателя, он вынужден «переводить» понятие духовности, подобно тому, как это делает Николай Бердяев: Русский ментализм ещё скажет свое слово Европе», и здесь речь идет о русской духовности. Ментальность в своих признаках есть наивно целостная картина мира в её ценностных ориентирах, существующая длительное время независимо от конкретных (постоянно меняющихся) экономических и политических условий, и притом основана она на этнических предрасположениях и исторических традициях, проявляемых в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества — и всё это на базе общности языка и воспитания. Ментальность представляет собой часть духовной народной культуры, которая и создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования. [8]

Но изучение и методы изучения менталитета (для науки это важно) пришло из германской философии: именно немецкие философы назвали «концепт» основной единицей ментальности и взяли его за основу метода изучения менталитета т.е. так как менталитет есть естественное мирозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях.

В 1920-е годы, когда на Западе складывалось учение о ментальности, к понятию концепта подошли и петроградские ученые. Сначала А.А. Ухтомский высказал мысли о психологической доминанте и ускользающем хронотопе, лежащем в основе, а затем В.И. Вернадский говорил о всепознающей ноосфере и, наконец, философ С.А. Аскольдов (Алексеев) — о концепте. [8]. Историк зарубежного Средневековья А. Я. Гуревич писал: менталитет — это картина мира людей прошлого, которая владеет человеком; она внутренне противоречива, зависит от многих причин (пол, возраст, сословие) и потому лучше говорить о разных ментальностях в отдельности. Это разум отдельных людей в их отношении к остальным. В целом это «магма жизненных установок и моделей поведения, эмоций и настроений, которая опирается на глубинные зоны, присущие данному обществу и культурной традиции» [13]. Социальные психологи указывают: ментальность есть характерная для конкретной культуры специфика психической жизни людей, обусловленная политическим и экономически в данный исторический момент (знания + верования). Это национальный характер в его развитии («народный дух») [12]. Профессор В. Е. Семенов говорит: менталитет - «исторически сложившееся долговременное устроение, единство

сознательных и несознательных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом воплощении, присущее той или иной социальной группе (общности) и ее представителям» [10].

Этнологи пишут: менталитет - это система этнических представлений о приоритетах, нормах и моделях поведения в конкретных обстоятельствах, основанная на бессознательных комплексах (этнические константы), которые воспитываются в социальной среде; это система ценностей, которые создают культурную среду обитания [9]. Следовательно, речь идет об этнических задатках, которые рефлексивно обрабатываются в определенной социальной среде. Культурологи, в свою очередь, считают: менталитет — это духовная оснащенность личности, включающая язык, ум, сознание, мысль, «я». Менталитет не обязательно только положительное явление, но менталитет без активной работы языка или мысли предстает как полностью иррациональный. Высший менталитет в его проявлении — осознание без выбора, на уровне инстинкта-интуиции. Культуролог признает, что в узком смысле менталитет — это прежде всего язык, слова [10].

Политологи определяют так: менталитет есть «национальный способ видеть мир и действовать соответствующим образом в определенных обстоятельствах», своеобразная «полисистемная по принципу организация, коллективная по трансляции и индивидуальная по реализации установок сознания этноса на однородную реакцию на разнородные вызовы внешнего мира» [12]. Лингвисты считают, что менталитет — наивная картина мира, которая стремится к целостности, а не к полноте (как научная картина); она прагматична, эстетически оформлена и действует в модальности желания (мечта); логика тут на втором плане, поскольку мыслят посредством умственных образов-символов [6]. Менталитет, в конечном счете, это «система смысловых, или семантических, полей» [11].

В западной науке русскую ментальность, не понимая ее сути, чаще описывают отрицательными признаками, как «человеческую стихию» или «переживание стихии как сущности русской души» в «архетипе произвола» [4].

Так как менталитет есть естественное мирозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Мы рассмотрим концепт «женщина» и проявление его в русской ментальности, что представляет особый интерес. В «Историко-этимологическом словаре» П. Я. Черныха слово «**женщина**», -ы, ж. - «лицо женского пола». Прил. (от *жена*) **женский**, -ая, -ое, (от стар. *женство*) **женственный**, -ая, -ое. Укр. **женщина** (но обычно **жінка**; «женский» - **жіночий**, -а, -е); блр. **жанчына**, но **жаночы**, -ая, -ае (от **жонка**) - «женский». В других слав.яз. Отс.; ср. со знач. «женщина» (и «жена»): болг. **жена**, женски, -а, -о; с.-хорв. **жена** (ср. **жеика** - «самка»), **женски**, -а, -о; словен. *Zena, zenski*, -а, -е. Польск. *Kobieta, niewiasta*, но «женский»- *zenski*, -а, -іе (и *kobiecey*, -а, -е). Следует отметить, что в некоторых русских говорах и слав.яз. Понятие «женщина» выражается субстантивированным прил. *женска* («женская»). Ср. напр., в говорах Сибири: «Жених ... с собой берёт *женску*, с мужиков кого»; «Мужиков совсем нет, одни женски» (Палагина, II, 10); «*двоя женских*, *двоя жужыкоф*» (Черных, Изв. ВСО РГО, 16). Ср. с.-хорв. *Женска* - «женщина»; словен. *zenska* -то.; чеш. *zenska* -прост. «баба» (Travnicek, 1788); словац. *zenska* — тж. В памятниках древнерусской письменности слово женщина встречается с 16 века. (Срезневский, I, 860). Прил. *женстееный* в кр.ф *женстеен* отм. уже у Поликарпова (1704 г., 104 об.). Образовано от основы *женьск-*, с помощью суф. *-ин-а*, по образцу отвлеченных и собирательных на *-ин-а*. Ср. такие образования, как *земщина* и т. п. Старшее знач., по-видимому, было собирательное. Ср. с собир. знач. др.-рус. *женьсвто-«женский пол», «женщины»* [ещё у Даля (I, 1863 г., 476]: *женство-«женщины»*]- образование, соотносительное с прил. *женьскъ*, *женьский* (Срезневский, I, 859-860). Произв. к *женство* — прил. *Женственный*. [15].

В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой лексема *женщина* имеет два значения: 1) «лицо, противоположное мужчине по полу, та, которая рождает детей и кормит их грудью»; 2) «лицо женского пола, вступившее в брачные отношения». В толковом

словаре С.А. Кузнецова лексема женщина тоже имеет два значения: 1) Лицо, противоположное по полу мужчине. Молодая женщина, женщина средних лет, замужняя женщина. // Лицо женского пола как воплощение определённых свойств, качеств (изящества, нежности, доброты и т.п.). Превращение ребёнка в женщину. Выросла и превратилась в красивую женщину. В неловких движениях девочки всё-таки угадывается будущая женщина. 2) Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке. Кузнецов указывает на процесс становления женщиной. Стать женщиной. Она девушка или уже женщина? А также перечисляет качества, свойственные по его мнению женщине. По словарям можем сделать вывод, что лексема женщина как понятие - это лицо женского пола, которая рождает и воспитывает детей.

Концепт «женщина» отражает ментальность общественного сознания, а также значимость её роли в обществе. Преимущественно женщине присваивали негативные качества характера, женщина считалась как неполноценное и зависимое существо, а также ограниченное и слабое. Но на наш взгляд роль женщины в обществе всегда была велика и была весьма заметна в истории Древней Руси. Женщина играла важную роль не только в семье, но и в политике и культуре русского государства. Достаточно вспомнить великую княгиню Ольгу, дочерей Ярослава Мудрого, одна из которых — Анна прославилась в качестве французской королевы, жену Василия I, великую княгиню Московскую Софью Витовтовну, новгородскую посадницу Марфу Борецкую, возглавившую борьбу Новгорода против Москвы, царевну Софью, целую череду императриц XVIII века, княгиню Дашкову и других. [14] И любопытно видеть, что идеальные типы народного сознания в том числе - женские. Так, Елена Прекрасная выражает высшие степени красоты, Василиса Премудрая — мудрости. Красота ли мудрость, выходящие за пределы видимого. Если вспомнить, что Елена буквально значит «светлая», а Василиса - «царственная», станет ясно, насколько возвышенным должны были представляться древним славянам красота и мудрость, если в свои *сказы* они включили значимые признаки этих лиц. Вера, Надежда, Любовь и мать их София также наводят на размышления, связанные, быть может, с остатками матриархата в позднерусской славянской среде. [7]. Женское начало имеет огромное значение в формировании общества — оно учит уважать женщину как духовное существо. [1] Русский характер характеризует и особое отношение к матери, и преклонение русских поэтов и философов перед женщиной; и Блок, и Соловьёв мыслят божественное в женском образе [16] В первую очередь, многие из женщин – матери, которые воспитывают детей, создают тепло и уют дома. Они всегда ближе к реальной жизни, чем к стратегической политике: они думают о своих детях и их воспитании, поэтому часто многие из женщин управляют дискуссией и переговорами лучше, чем мужчины. Мне кажется, что в любых миротворческих действиях должны быть задействованы все стороны общества и диалог не должен концентрироваться только на одной из них. Здесь актуальны и важны все аспекты: и стратегические, и политические, и социально-экономические, и моральные. Миротворчество и урегулирование любого конфликта, в независимости от его масштаба, начинается дома. В голове каждого конкретного индивида. В разговоре с людьми, которым доверяешь. Именно поэтому роль женщины в миротворческом процессе очень важна. Часто, сильной стороной женщины является именно разговор и дискуссия. У неё хорошо получается осознать проблему, сформулировать её и озвучить. Поэтому ключевую роль в миротворчестве должны играть и женщины. А. С. Дёмин заметил и на многих примерах показал, что с древнейших времен русские женщины выделялись особым интересом к слову, к речи, «изобилие их речевой деятельности» как-то коррелирует с их же догадливостью.[7]

Женщина всегда может в особой форме высказать свое мнение и при этом не выставлять свой явный и истинный интерес. И в наше время очень много женщин работают в правительстве Российской Федерации. Среди лидеров современной России не последнюю роль играют женщины. Эта роль больше, чем раньше, это очевидно. И если такая тенденция сохранится, наше общество только выиграет. Потому что женщины самой природой "приговорены" к созиданию, к тому, чтобы быть нетерпимыми к любой несправедливости, в

том числе и социальной. [5] Жестокая судьба требовала от русской женщины проявлений и мужеской природы, считает И. А. Ильин. «Судьба от нежного, как цветок, женского существа требует по-новому приспосабливаться к жизни, преобразовываться, требует мужской формы, воли, твердости характера, интенсивности. В дальнейшем все эти качества характера наследуются, постепенно совершенствуются, закрепляются – и проявляются буквально во всех сферах». Русская жизнь и русская литература переполнены образами волевых, решительных, деятельных женщин, «впитавших в себя вечно-мужественное, чтобы излучать его в более активной и творческой форме». Вместе с тем, «русская женщина умеет подать и реализовать свой ставший мужественным характер в форме вечно-женственного. [3].

В заключении хочется напомнить важную мысль русского философа А.Ф. Лосева: «Выше слова нет на земле вещи более осмысленной. Дойти до слова и значит дойти до смысла». Слово имеет множество значений в силу своего времени и пространства оно менялось и меняется. Все эти значения объединяет и сохраняет в себе концепт, который формальным образом представлен на письме *словом*. [7]

Список литературы

1. *Безменова Ангелина*. Русские женщины [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://inlnk.ru/rjdJa>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения 05.03.2022). — Яз. Рус.
2. *Вассоевич А.Л.* Духовный мир народов классического Востока. СПб., 1998.
3. *Ильин И.А.* Книга надежд и утешений, М., 2006
4. *Кантор В.К.* Стихия и цивилизация: два фактора «российской судьбы»// *Вопр. Философии*, 1994, 5. С. 27-46.
5. *Карелова Галина*. Место современной женщины в политике России. Мнения женщин лидеров современной России о роли женщины в политике государства. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://inlnk.ru/WDdKX>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения 05.03.2022) — Яз. Рус.
6. *Касевич В.Б.* Буддизм: картина мира, язык. СПб., 1996.
7. *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. - СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. - 624 с.
8. *Колесов В.В., Пименова М.В.* Концептология: учебное пособие, Кемеровский государственный университет. –Кемерово, 2012 – с.248, 24.
9. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М., 1997.
10. *Менталитет 1994: Менталитет: широкий и узкий план рассмотрения.* Ижевск, 1994.
11. *Менталитет 1996: Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.).* М., 1996.
12. *Менталитет 1996а: Менталитет и политическое развитие России.* М., 1996.
13. *Ментальность 1989: 50/50: Опыт словаря нового мышления. Мы и другие: 50/50.* М., 1989.
14. *Положение женщины на Руси*, <https://inlnk.ru/WRmXy>, (дата обращения 05.03.2022)
15. *Черных Павел Яковлевич.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов: [в 2 т.] / П. Я. Черных. - 3-е издание, стереотипное. - Москва: издательство "Русский язык", 1999. - 24. - 8000 экз. - ISBN 5-200-02684-9
16. *Шубарт Ф.В.* Европа и душа Востока. М., 2003.

10.02.01

А.С. Кулигин

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Подготовительный факультет для иностранных учащихся,
кафедра русского языка предмагистерской и предаспирантской подготовки,
Казань, askuligin@kpfu.ru

ПОСТРОЕНИЕ И АНАЛИЗ СЕМЕЙСТВ ОДНОКОРЕННЫХ ПРОИЗВОДНЫХ (НА ОСНОВЕ ДАННЫХ РУССКОГО ВИКИСЛОВАРЯ)

В работе рассматриваются возможности построения и автоматизированной обработки семейств однокоренных производных слов на материале русского Викисловаря. Представлена процедура нахождения семейств с полностью или частично аналогичной структурой. Рассмотрены типовые фрагменты некоторых словообразовательных семейств.

Ключевые слова: *словообразовательное гнездо, компьютерная лексикография, русский язык, Русский Викисловарь.*

Словообразовательные гнёзда называют комплексными единицами, образующими «верхний», композиционно наиболее сложный уровень словообразовательной системы. Несмотря на традиционный интерес к гнёздам, развитую терминологию и типологию, с их изучением сопряжён ряд технических проблем, не получивших ещё стандартного решения.

Одной из сложностей в изучении гнёзд является большой объём необходимой лингвистической работы. Даже простое попарное сравнение единиц – базовая лингвистическая процедура – для словообразовательных гнёзд оказывается чрезвычайно трудоёмкой задачей. Гнёзда могут содержать десятки, а иногда сотни производных слов самых разных словообразовательных типов и категорий. Самих же гнёзд в современном русском языке, по данным словарей, не менее десяти тысяч [3].

В связи с этим в дериватологии сложилась практика описания гнёзд либо «поодиночке», либо в составе маленьких групп, объединённых по каким-либо общим признакам вершинного слова. Безусловно, этот исследовательский этап необходим, но он не может дать исчерпывающего представления о месте гнезда в словообразовательной системе. Является ли гнездо крупным или малым по сравнению с другими гнёздами, содержит ли в своей структуре какие-то типовые фрагменты, повторяет ли структуру и развитие другого гнезда, каким гнёздам оно подобно и от каких отличается более всего? Очевидно, что для ответа на эти вопросы необходимо сравнить интересующее нас гнездо с каждым из остальных гнёзд в языке, хотя провести такое сравнение вручную едва ли возможно.

Эта проблема могла бы решаться с помощью электронных словарей, лингвистических баз данных и компьютерных программ, однако именно в области словообразования автоматизация исследований ещё не так развита, как морфологический разбор или статистический анализ текста. В частности, отсутствуют данные в доступной для машинной обработки форме. Электронные версии словообразовательных словарей изначально рассчитаны на печатное издание, их перевод в машиночитаемый формат затруднён. Словари в виде веб-страниц также ориентированы на восприятие человеком. По этой причине воспользоваться готовым ресурсом для решения упомянутых задач сегодня невозможно. С другой стороны, интересный материал для исследования может быть извлечён из русского Викисловаря (<https://ru.wiktionary.org>), содержащего данные о морфемном строении более 160000 слов. Несмотря на традиционно негативное отношение к ресурсам Википедии в академических кругах, русский Викисловарь заслуживает его меньше всего: большой объём размещённой здесь информации заимствован из научных словарей, в частности словарей А.Н. Тихонова и А.И. Кузнецовой [2, 3].

Дамп базы данных Викисловаря доступен для загрузки в виде XML-файла. Хотя парсинг статей в викиразметке считается комплексной технической задачей [1], данные о морфемной структуре слов извлекаются без затруднений, поскольку заключены в так называемые шаблоны. Например, морфемное членение слова *умудриться* представлено в виде строки `{{морфо-гу|у|-мудр|-и|+ть|-ся|и=г}}`, где морфемным швам соответствует сепаратор «|», а тип морфа задаётся знаками «+» и «-». Знаком «и=» вводится источник данных (в данном случае Словообразовательный словарь русского языка А.Н. Тихонова).

Наличие данных в такой форме позволило нам провести автоматизированное исследование с применением программных скриптов и выявить ряды гнёзд с похожей структурой.

На первом этапе из XML-файла Викисловаря были извлечены шаблоны с данными о морфемном строении производных. На основе общности корневого морфа (который идентифицирован синтаксисом шаблона) полученные слова были сгруппированы в семейства однокоренных слов. Затем слова разбивались на *корневой морф* и *модель* – аффиксальную последовательность с пустующей корневой ячейкой. Каждому корню ставилось в соответствие множество аффиксальных моделей. Например, семейство производных с корнем *бел(ый)* было представлено следующим образом *бел*: { `[-е-ть`, `[-ов-ой`, `[-ов-ик`, `на-[-о` и др. }.

Процедура сравнения состояла в попарном соотнесении и взятии пересечения множеств аффиксальных моделей. Например, для семейств корней *чёрн(ый)* и *бел(ый)* было найдено 57 общих аффиксальных моделей. Общее соотношение объёмов соответствующих гнёзд удобно представить в виде диаграммы Венна (рис. 1).

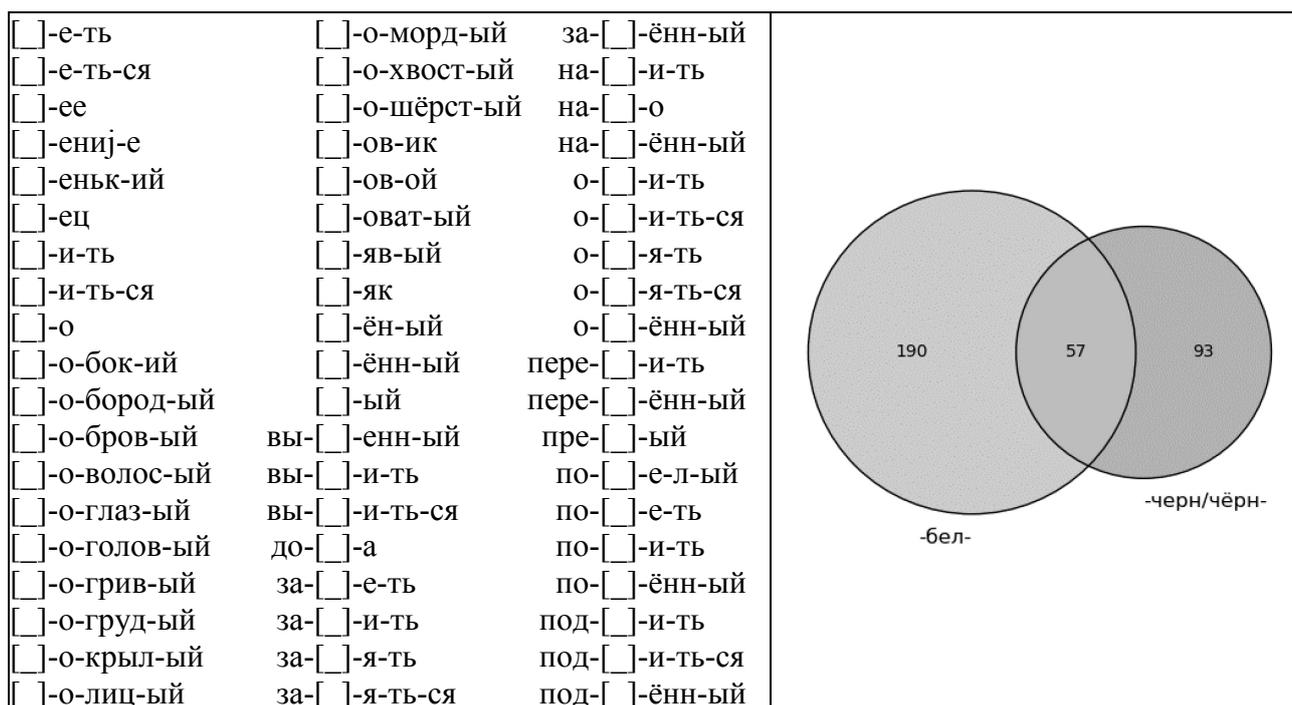

Рис. 1 – Общие аффиксальные модели и соотношение объёмов гнёзд у корней *бел* и *чёрн*

В качестве меры структурной близости двух семейств было выбрано число их общих моделей (в процентном соотношении для учёта разницы в объёмах гнёзд). На основе данной величины для каждого корня генерировался список других корней, осложняемых такими же словообразовательными моделями. Например, для корня *чёрн* был получен следующий список таких семейств (в таблице ниже приводим 30 наиболее близких):

Таблица – Корни, имеющие наибольшее число общих моделей с *-черн-*

Корень	Общих моделей	Корень	Общих моделей	Корень	Общих моделей
<i>зелен</i>	28 17.5%	<i>луц</i>	15 10.14%	<i>волоч</i>	16 9.09%
<i>бел</i>	54 16.51%	<i>пуш</i>	16 9.94%	<i>сверл</i>	15 9.04%
<i>желт</i>	26 15.38%	<i>гол</i>	19 9.84%	<i>копт</i>	13 8.78%
<i>серебр</i>	21 13.73%	<i>румян</i>	15 9.8%	<i>бур</i>	17 8.76%
<i>кругл</i>	18 11.61%	<i>сел</i>	24 9.72%	<i>моч</i>	17 8.63%
<i>син</i>	27 11.44%	<i>мел</i>	16 9.58%	<i>крив</i>	15 8.62%
<i>остр</i>	25 11.21%	<i>пал</i>	19 9.55%	<i>кал</i>	22 8.53%
<i>смол</i>	19 11.18%	<i>колот</i>	15 9.55%	<i>ворош</i>	12 8.51%
<i>туп</i>	18 10.98%	<i>бодр</i>	15 9.38%	<i>тесн</i>	16 8.47%
<i>красн</i>	23 10.95%	<i>крут</i>	18 9.14%	<i>глад</i>	14 8.28%

В верхней части данного списка присутствуют корни с семантикой цвета: *зелен, бел, желт, син, красн, румян*, что отчасти согласуется с известным тезисом о том, что вершинные слова с близкой семантикой имеют тенденцию развивать гнезда аналогичной структуры. Однако показать это можно далеко не для любых корней. Большинство генерируемых таким образом списков не обнаруживает отчётливой семантической тенденции, и выглядит как набор произвольно подобранных морфем. Тем не менее, у некоторых классов корневых морфем заметны вполне естественные аналогии в словообразовательных гнездах.

Наибольшее количество сходств ожидаемо обнаруживают слаборазвёрнутые гнезда. Среди них – наименования населённых пунктов и областей, от которых образуются существительные со значением жителя/уроженца местности, феминативы и относительные прилагательные. В материалах Викисловаря фиксируется не менее 118 корней, осложняемых моделями *[-ец, -ка и -ск-ий]*: *алжир, аргентин, афган, балкан, герман, иордан, иран, канад, китай, скандинав, судан, украин, япон* и др. Помимо этих трёх моделей, многие семейства этого класса содержат и более специфичные типовые структуры.

Другой интересной группой, обнаруживающей аналогии в словообразовательных гнездах, являются звукоподражательные слова: *бац, бабах, хлюп, бряк, чмок, тюк, шарк, шлёп, щёлк* и др. В составе этих гнезд присутствует типовой фрагмент из моделей *[-а-ть, за-[-а-ть, [-а-ть-ся, [-а-нь-ј-е, [-ну-ть, [-ну-ть-ся]*.

Аналогии в структуре гнезд могут наблюдаться не только у корней одного семантического класса, но и у корней со сходным фонетическим оформлением. Например, односложные корни *глянц, колыц, свинц, спринц, торц, фальц, флапц, флейц*, оканчивающиеся на сочетание *согласный + ц*, осложняются группой моделей *[-ева-ть-ся, [-ть-ся, [-ева-ть, [-ева-ни-е, [-ов-к-а, [-ова-ни-ый]*, формирующих семейства с общим типовым сегментом.

Интересным исследовательским направлением представляется анализ гнезд, образованных от исконных и заимствованных корней с тождественным значением. Несмотря на близость семантики вершинного слова, такие гнезда часто имеют совершенно различное деривационное развитие, число общих моделей в них невелико. Например, синонимичные корневые морфы *тепл/тёпл* (159 моделей) и *терм* (123 модели) имеют весьма обширные гнезда, однако всего 7 общих моделей: *[-ич-к-а, [-о-изол-яциј-я, [-о-электр-ическ-ий, [-о-генер-атор, [-о-стой-к-ий, [-о-изол-яци-онн-ый, [-о-стой-к-ость]*.

Представленный подход к изучению словообразовательных гнезд, безусловно, уязвим для критики. Во-первых, производится изучение не самих словообразовательных гнезд, а семейств однокоренных слов. Это делается вынужденно: как уже говорилось, мы не располагаем гнездами в виде пригодной для компьютерной обработки структуры данных. В то же время, семейство однокоренных слов – ближайшая к словообразовательному гнезду единица. Анализом же структуры гнезда на данном этапе можно пренебречь: во многих случаях она полностью определяется его составом. Во-вторых, создают проблемы фонологические особенности самих морфем: омонимичные морфемы, алломорфы, а также

нулевые морфы вызывают искажения при сопоставлении множеств аффиксальных моделей и подсчёте общих элементов. По этой причине все результаты поисковой выдачи проверялись нами «вручную». Наконец, и сам Викисловарь, формируемый из разных источников, не всегда последователен в морфемном членении и квалификации морфем. В частности, в его шаблонах не получили специального обозначения прерывистые морфемы, некоторые аффиксоиды размечаются то как аффиксы, то как корни, целый ряд слов имеет несколько вариантов морфемного разбора. Эти проблемы также могут быть устранены только в ходе специальной проверки получаемых данных.

Подводя итог, отметим, что исследование семейств однокоренных производных на материале Викисловаря может служить основой для предварительных исследований по сопоставлению и классификации словообразовательных гнезд. Оно позволяет быстро определить круг релевантных для исследования единиц, но требует контроля и корректировок на последующих этапах лингвистической работы.

Список литературы

1. *Крижановский А.А., Смирнов А.В., Круглов В.М., Крижановская Н.Б., Кипяткова И.С.* Автоматическое извлечение словарных помет из Русского Викисловаря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mi.mathnet.ru/trspy728>. Дата обращения: 14.03.2022.
2. *Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф.* Словарь морфем русского языка: Ок. 52000 слов. — М.: Русский язык, 1986. — 1136 с.
3. *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 2-е изд. 1990.

10.02.01

Д.Б. Луговой, Е.А. Луговая

Ставропольский государственный педагогический институт,
педагогический факультет,
кафедра русского, родных языков и лингводидактики,
Ставрополь, ek.lugovaya@yandex.ru, lugovoy.d@yandex.ru

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ VS. ЭКОЛИНГВИСТИКА: НОВАЯ ПАРАДИГМА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Объектом анализа данной статьи послужило новое направление гуманитарных исследований, сложившееся на стыке изучения экологии и лингвистики. Статья разграничивает актуальных терминов «эколингвистика» и «лингвоэкология». Эколингвистика выступает как «зонтичный» термин» (Курашкина, 2015) и интегрирует все сферы жизнедеятельности, характеризующие мировой экологический кризис (Bhattacharjee, 2021) и «альтернативный дискурс» (Furthermore, Stibbe, 2007). В отечественной лингвистике данные термины либо признаются синонимичными, либо рассматриваются как отдельные предметные области.

Ключевые слова: *междисциплинарность, эколингвистика, лингвоэкология, экологический дискурс, культура речи.*

Антропоцентрическая парадигма в лингвистике, центральным направлением изучения которой является категория языковой личности, творящей язык и творимой языком, вводит в научную эпистему большое количество новых, принципиально междисциплинарных, терминов, требующих дальнейшего исследования.

Термины «эколингвистика», «лингвоэкология», «экология языка», «экология культуры» отражают общую озабоченность гуманитарного сообщества проблемой взаимоотношения лингвистики и экологии, однако при этом существует ряд принципиально различных точек зрения.

Зарубежные лингвисты (A. Phill, M. Halliday, M. Döring, W. Trump, I. Stork, P. Mühlhäusler, Dv. Bolinger, M. Jung, W. Nass и другие) отмечают близость языка и окружающей среды, природной системы, поскольку язык функционирует только с учетом социально-политической, экономической ситуации в определенный временной период, доказывая, что язык и уровни языковой системы чутко реагируют на окружающую действительность, подстраиваясь под природный и культурный контекст.

Вектор эколингвистических исследований направлен на взаимодействие био- и экоцентрических подходов, согласно которым одинаковую ценность и равное право на существование имеют все живые организмы, поэтому современные исследования в этом направлении ориентированы на анализ текстов экологической направленности [7]. А. Стибб затрагивает проблемы глобализации на формирование экологического сознания, взаимодействие эколингвистики и экономики, критического анализа и метафоризации явлений природы [8].

Более 800 исследователей из Великобритании, США, Бразилии, Аргентины, Сингапура, Китая, Ирана, Зимбабве, Нигерии, Сингапура, Австралии и других стран, объединенные Ассоциацией эколингвистических исследований, изучают и описывают тексты экологической тематики, доказывая, что, независимо от области знания (сугубо научные исследования, средства массовой информации или изучение фольклорных или литературных источников), важной и актуальной остается проблема взаимодействия между человеком и природой, сохранения живых организмов и всей окружающей среды для будущих поколений.

По мнению Дж. Ангва, «эколингвистика позволяет сместить ракурс с лингвистики на экологию, обратить внимание на угрозу существования биологических форм» [1]. Фактически, проблемы защиты окружающей среды преломляются через лингвистические подходы на материале текстов СМИ [2], в докладах и выступлениях о национальных моделях изменения климата и окружающей среды в рамках национальной политики [3], через осмысление истории, традиций и обычаев, которые позволяют заложить основы «экологически этичного» поведения и предсказать последствия для окружающей среды.

Таким образом, мы видим, что западная ветвь эколингвистических исследований делает акцент на проблемы окружающей среды и направлена на исследование национальной политики в области защиты окружающей среды, на формирование экокоммуникации, на сохранение экокультурных ценностей.

Направление эколингвистических исследований не столь популярно в России, хотя в монографиях В.Ф. Нечипоренко, Д.В. Ефременко, З.И. Ломининой, А.В. Зайцевой и других широко освещаются проблемы эколингвистического дискурса. Е.В. Ивановой изучены проблемы метафорической концептуализации природных катастроф в экологическом дискурсе, выделены такие сферы-источники метафорического переноса, как «Живая природа», «Война/борьба», «Высшие силы», описаны доминирующие модели в текстах массовой медиа [4, с. 4-5].

Взаимодействие экологии и лингвистики нашло более широкое распространение в мультидисциплинарной категории «лингвоэкология» («экология языка»). Основой данного направления послужила работа Д. С. Лихачёв «Прошлое – будущему», в которой автор отметил, что «экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды, не менее важна среда, созданная культурой его <человека> предков и им самим... Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы» [6, с. 49].

Учитывая экономическое развитие и тенденции глобализации современного общества, ряд ученых поставил вопросы взаимопроникновения культур и субкультур, сохранения чистоты родного языка, с обеспокоенностью отмечая факты оскудения речи, проникновения сленга и жаргонизации, расшатывания устоявшихся норм речевого общения, поэтому широкое распространение сегодня получают вопросы создания безопасного образовательного пространства средствами лингвоэкологии (Е.А. Сущенко, И.В. Непрокина, О.П. Болотникова).

Речевое поведение современного подростка говорит о снижении культуры общения в целом, об отказе от принятых правил, о широком использовании иноязычных заимствований и жаргонизмов, что отмечают Г.Н. Складаревская, В.Е. Гольдин, М.В. Горбаневский, В.В. Колесов, Н.С. Валгина, Л.В. Савельева, В.Г. Костомаров. Однако ряд лингвистов (Е. А. Земская, М. Н. Кожина, Г. Н. Складаревская и другие) полагают, что современное состояние культуры речи не должно вызывать тревоги, поскольку обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как экономическое развитие и глобализация, трансформации в политической системе, развитие коммуникативных систем и прочее. Опасения могут возникнуть только тогда, когда язык не будет справляться с возложенной на него коммуникативной функцией или деформации привычных языковых процессов. Тенденция к демократизации нормы является отражением современного состояния общества в целом, что отмечает Н.С. Валгина в своих исследованиях.

В целом, эколингвистика и лингвоэкология, несмотря на общность объекта и предмета исследования, могут быть рассмотрены как два смежных, но самостоятельных направлений гуманитарных исследований. Эколингвистика сегодня – это междисциплинарное исследование, занимающееся взаимодействием человека с окружающим его миром, оно выходит за рамки экологического дискурса и включает такие отрасли, как экокритика, этика языка, помогающие формировать новое понимание взаимодействия человека с различными биологическими организмами. Лингвоэкология отражает чистоту и здоровье национального языка, его креативность и богатство, это наука духовного, творческого осмысления языковых

явлений, отражение индивидуального и национального, целостность духовных потенция языка, что особенно ярко проявляется на лексическом уровне. Культура речи, сохранение самобытности слова в языке, уровень владения лексическими, акцентологическими, орфоэпическими нормами – все это является предметом изучения лингвоэкологии, ее задачами становятся задачи сохранения чистоты речевой и языковой среды человека. Их решение обеспечит стабильность культурного развития и воспитания, сохранение национального языка как уникального явления культуры.

Список литературы

1. *Angwah J.* Ecosophical affability of some Cameroonian proverbs // *Language and Ecology*. 2019-2020. URL: <http://www.ecoling.net/articles> (дата обращения: 27.07.2021).
2. *Boykoff M.T., Boykoff J.M.* Balance as bias: Global warming and the US prestige press // *Global Environmental Change*. 2004. 14(2). P. 125-136.
3. *Grundmann R., Krishnamurthy R.* The discourse of climate change: A corpusbased approach // *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines*. 2010. 4(2). P. 113-133.
4. *Иванова Е.В.* Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе (на материале медийных текстов). Челябинск, 2007.
5. *Курашкина Н.А.* Эколингвистика или лингвоэкология? Терминологическая дилемма междисциплинарной научной области. // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2015. № 2. С. 143-156.
6. *Лухачёв Д.С.* Прошлое – будущему. Л: Наука, 1985. С. 49.
7. *Stibbe A.* *Ecolinguistics: Language, ecology and the stories we live by*. London: Routledge. 2008.
8. *Stibbe A.* *Animals erased: Discourse, ecology, and reconnection with the natural world*. Middletown CT: Wesleyan University Press. 2012.

10.02.01

М.Ю. Масалова канд. филол. наук, С.В. Шелковникова

Донской Государственный Технический Университет,
Кафедра научно-технический перевод и профессиональная коммуникация,
Ростов-на-Дону, marisana2@yandex.ru, vss162@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ДЕОМОНИМИЗАЦИИ РАЗНОУРОВНЕВЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Статья посвящена проблеме устранения неоднозначности в синтаксических конструкциях разного уровня и представляет результаты сопоставительного анализа словосочетаний, простых и сложных предложений. Авторы доказывают, что для успешного устранения неоднозначности в синтаксисе необходимо понимание закономерностей построения синтаксических конструкций, а знание способов деомонимизации является необходимым для создания качественного текста.

Ключевые слова: *синтаксическая омонимия; деомонимизация; устранение неоднозначности; порядок слов.*

Целью нашего исследования является изучение способов устранения синтаксической неоднозначности в словосочетаниях, простых и сложных предложениях. Для достижения данной цели были использованы описательный метод, метод сопоставительного анализа, элементы трансформационного анализа, приемы текстовых подстановок.

Вспомним, что «синтаксическая омонимия представляет собой такое лингвистическое явление, когда из всех теоретически допустимых вариантов синтаксической структуры конструкции заданной ситуации соответствует только один» [6, с.110]. Также представляется существенным, что «омонимичные конструкции обозначают одни и те же явления, ситуации реальной действительности» [4, с.46].

Например: *сестра Елены, которая рано вышла из дома.*

1) *сестра рано вышла из дома;* 2) *Елена рано вышла из дома.*

В большинстве случаев омонимия устраняется или снижается лексическим содержанием самого предложения, которое расценивается с точки зрения «логики вещей» и степени вероятности той или иной описываемой ситуации. «Структуры знания, фиксируемые в языке, — это, прежде всего, структуры опыта, осмысления и оценок мира, разделяемые всеми членами данного языкового сообщества и потому входящие в область так называемого коллективного знания» [7, с.127]

Деомонимизация словосочетаний может быть произведена своими, специфическими способами, отличными от способов деомонимизации предложений.

1. Деомонимизация словосочетаний с субъектно-объектным значением может происходить: 1) с помощью замены словоформы в родительном падеже на дательный: *приглашение друзей — приглашение друзьям;* 2) с помощью дополнительного предлога: *приглашение друга — приглашение от друга, приглашение для друга.*

2. Деомонимизация предложно-именных сочетаний может происходить за счет замены одного предлога другим: *сражаться за друга — сражаться вместо друга;*

3. Деомонимизация глагольно-объектных словосочетаний может быть произведена с помощью: 1) изменения грамматической формы слова: *писать ночь — писать ночью;* 2) с помощью дополнительного определения, дополнения, местоимения: *писать ночь — писать ночной пейзаж, писать всю ночь*

4. Омонимия усложненных конструкций словосочетаний может быть устранена: 1) с помощью дополнительного предлога: *принести подарок Юлии — принести подарок от (для) Юлии;* 2) с помощью усложнения конструкции: а) введение дополнительного причастного оборота: *выделение гормонов эндорфинов — гормонов, выделяемых эндорфинами;* б) введение дополнительных слов: *гормонов под названием «эндорфины».*

Предложение как единица, состоящая из подлежащего и сказуемого, качественно отлично от любого другого соединения слов, включая словосочетание, т.к. прежде всего это единица предикативная, единица общения. Простое предложение — это минимальная коммуникативная и предикативная единица. Вследствие особенностей структуры простых предложений, можно выделить лишь несколько способов их деомонимизации:

1. Порядок слов: *Продаем высевки муки и лошадей.* — *Продаем лошадей и высевки муки*

2. Употребление союзов: *Продаем высевки муки и лошадей.* — Употребление конкретизатора «а также» при деомонимизации предложения позволяет уточнить смысл предложения: *Продаем высевки муки, а также лошадей.*

3. Усложнение простого предложения причастием: *Автобусы обгоняли машины.* — *Автобусы обгоняли едва ползущие машины*

4. Изменение структуры предложения — введение дополнительного придаточного предложения, уточняющего слова: *Автобусы обгоняли машины.* — *Автобусы обгоняли машины, потому что мало стояли на остановках.* Ср.: *Автобусы обгоняли машины, потому что им (машинам) не приходилось останавливаться на остановках.* — При таком способе деомонимизации предложение из простого превращается в сложноподчиненное, полностью меняя свою структуру.

Сложное предложение — это определенное сочетание предикативных единиц, полипредикативная конструкция, соответствующая какой-либо структурной схеме. Можно выделить способы деомонимизации сложных предложений, варьируемые достаточно широко:

1. Употребление указательного местоимения – соотносительного слова: *А главные события происходят за кулисами, или вообще, за три квартала от театра, где шмыгают неприметные люди в неприметной одежде.* [1, с.3]. Деомонимизация возможна за счет указательного слова при служебном: *А главные события происходят за кулисами, или вообще, за (те) три квартала от (того) театра, где шмыгают неприметные люди в неприметной одежде.*

2. Употребление дополнительного слова, определения, обстоятельства, позволяющих интерпретировать текст более полно: *Ей удалось не растолстеть с возрастом, и она с удовольствием носила брючные костюмы с блузками своего любимого кремового цвета.* [5, с.19]). Ср.: *Ей удалось не растолстеть с возрастом, и она с удовольствием носила (коричневые) брючные костюмы с блузками своего любимого кремового цвета.*

3. Появление придаточной условной части, либо слова «иначе»: *Уходи, а то обижусь.* Ср.: *Если не уйдешь, то обижусь. Уходи, иначе обижусь.* — Данные способы деомонимизации характерны для предложений с элиминированной предикативной частью;

4. Замены «если» на «раз». Например: *Если хочешь, пойдем на речку.* Ср.: *Раз ты хочешь, пойдем на речку. Пойдем, если хочешь, на речку.* — Интерпозиция придаточного делает его однозначным. Данный способ деомонимизации характерен для условных предложений и определяется неоднозначностью союза «если» в условно-причинном придаточном, а также собственно условном придаточном.

5. Возможность эксплицитного восприятия отсутствующих звеньев: *Он попрос, как будто немного возмужал.* — В данном случае омонимия определяется неоднозначностью слова «как будто», его возможностью выступать в роли союза и частицы. Деомонимизация: *Он попрос, так что казалось, как будто он возмужал.*

6. Повтор одного из членов предложения. Этот вид деомонимизации характерен для неполных предложений: *Ни у вируса свиней, ни у вируса лошадей не обнаруживается такая непрерывная изменчивость, как у [вируса] людей.* [3].

7. Употребление уточняющих выражений, вводных слов: *Он вернулся, т.к. в комнате включен телевизор.* – *Видимо, он вернулся, т.к. в комнате включен телевизор.* Вводные слова и предложения способны сыграть особую роль в деомонимизации предложений, поскольку «соотносятся со всем предложением или с его частью по смыслу, привлекают внимание собеседника или служат для оценки содержания сообщения» [2, с.386]

Все используемые средства деомонимизации требуют от автора определенного языкового чутья, а также знания закономерностей построения простых и сложных синтаксических конструкций, ибо этим определяется успешность реализации авторского речевого замысла.

Список литературы

1. Бушков А. [Электронный ресурс] / А. Бушков. — Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=32332&p=3>
2. Введенская Л.А. Русский язык и культура речи. / Л. А. Введенская, М. Ю. Семенова. — Москва: ИКЦ Март, 2007. - 416 с.
3. Знание – сила. [Электронный ресурс] – <https://znanie-sila.ru/>
4. Масалова М.Ю., Шелковникова С.В. Неоднозначные явления в синтаксисе русского языка как выражение асимметрии языкового знака /Казанская наука, № 3, 2019. – С.45-47.
5. Маринина А. [Электронный ресурс] <https://bestknigi.com/detektivy-i-trillery/detektiv/155825-aleksandra-marinina-illyuziya-greha.html>
6. Шкурко Е.В. Синтаксическая омонимия и способы предупреждения ее возникновения. / Е. В. Шкурко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского : Филология. Социальные коммуникации. — 2011. — Том 24 (63). — №2. — Часть 2. — С. 109 — 113. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintaksicheskaya-omonimiya-i-sposoby-preduprezhdeniya-ee-vozniknoveniya>
7. Шульженко М.Ю. Когнитивная основа ментальных процессов сознания / М.Ю. Шульженко, В.Б. Поповская // Историческая и социально-образовательная мысль : научный журнал. — 2016. — Том 8. — № 2/1. — С. 127 — 132. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-osnova-mentalnyh-protsessov-soznaniya/viewer>. — ISSN 2075-9908. — DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-127-132

10.02.01

Н.Ю. Моспанова

Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского,
факультет педагогики и психологии,
кафедра методики начального образования и педагогического менеджмента,
Брянск, mo_nati76@mail.ru

СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМ КРАСОТА И КРАСА В ПОЭЗИИ А.К. ТОЛСТОГО

Цель данной статьи: выявить некоторые особенности поэтического идиостиля А.К. Толстого, опираясь на лексико-семантический анализ ключевых для его творчества лексем, репрезентирующих основные концепты его лирических стихотворений, и особенности авторских приращений смысла.

Ключевые слова: *красота, краса, поэзия А.К. Толстого, лексема, семантика.*

Творчество А.К. Толстого, большого русского поэта и прозаика, автора лирических и драматических произведений, исторических баллад, занимает значительное место в русской и мировой литературе. Несмотря на весомый вклад в литературу, его творческое наследие еще недостаточно изучено: эстетические и философские взгляды, язык и стиль поэта.

В лирических произведениях поэта нашли отражение две яркие черты: с одной стороны, приверженность «чистому искусству», романтизм, обращенность ко внутреннему миру человека [П.А.Гапоненко, Н.М. Боброва, Т.А. Гавриленко и др.]; с другой – религиозно-философская сущность поэзии [В.Ю. Троицкий, М.М. Дунаев, А.В. Федоров, С.В. Солодкова и др.], основанная «на глубоко православном восприятии внешнего мира как отблеска и проявления вселенной Духа, который недоступен для «измерения» ни времени, ни разуму» [7, с.13].

Полагаем, особенность мировоззрения А.К.Толстого и определила тот факт, что одной из ключевых лексем в стихотворениях поэта является лексема *красота* (26 употреблений) и ее синоним *краса* (23 употребления), выступающие в поэзии Толстого как ценностный ориентир.

Следует отметить, что, по данным «Нового частотного словаря русской лексики» [3], номинатив *красота* является одним из важнейших в русском сознании, а концепт «Красота» (одноименная лексема является его ядерным репрезентантом) относится к лингвокультурным концептам, содержащим в своей основе ценностное отношение к культурному феномену [2, с.14].

Красота - «одна из универсальных форм бытия материального мира в человеческом сознании, раскрывающая эстетический смысл явлений, их внешние и (или) внутренние качества, которые вызывают удовольствие, наслаждение, моральное удовлетворение» [8].

Выявление индивидуально-авторской семантики лексемы возможно лишь на основе анализа ее узуальных значений. Обратимся к толковым словарям [4; 5].

Существительное *красота* представлено у поэта во всех зафиксированных в словарях значениях.

Так, *красота* – «Свойство по знач. прил. красивый» [5, т.2, с.123] (ср.: *красивый* - «1.Приятный на вид, отличающийся правильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий. 2. Отличающийся полнотой и глубиной внутреннего содержания» [5, т.2, с.120]). Ср.: «Всё красивое, прекрасное, все то, что доставляет эстетическое и нравственное наслаждение» [4, с.304]. Это же значение заключено в синониме *краса* (ср.: *краса* – 1. «Трад.-поэт. То же, что красота» [5, т.2, с.121]).

Наиболее общее значение, близкое к энциклопедическому, нечастотно у поэта: «*Певец, державший стяг во имя красоты*» [6, с.314]; «...чувством *красоты* Я от природы не был обездолен» [6, с.255].

Лирические стихотворения А.К.Толстого отличает глубокое чувство красоты русской природы во всем ее многообразии и очаровании: «...*Стремленья улеглись; иная красота Сменила прежнюю; ...Природа вся полна последней теплоты*» [6, с.313]. «*Они среди моей, среди зеленой красы; Порскают, свой лов продолжая*» [6, с.216].

Красота может вызывать не только желание «любоваться» ей, но и «гордиться». Эти семантические компоненты актуализированы в характеристике винограда: «*Краса моей долины злачной, Отрада осени златой, Продолговатый и прозрачный, Как персты девы молодой*» [6, с.402].

Значение «красивые места» (о природе) с семантическим компонентом «разнообразие видов» определяет употребление лексемы *красота* в форме множественного числа: «*Как чудесно хороши вы, Южной ночи красоты: Моря синего заливы, Лавры, скалы и цветы!*» [6, с.80]; «*Днепра подводные красы Лобзаться любят с ним И гребнем витязя власы Расчесывать златым*» [6, с.115].

Особое место в поэтическом контексте А.К.Толстого занимают произведения, посвященные женской красоте. В них исследуемые лексемы реализуют наиболее частотное значение «Красивая, привлекательная внешность» [5]: «*Ее и серьги и запястья, Звеня, к восторгам сладострастья, К утехам пламенным зовут, ...Во всем обилии красы, Жемчужной нитью перевиты, Падут роскошные власы*» [6, с.221]. Полагаем, «романтизм, обогащенный реалистическим чертами» [7, с.13], простота языка при «полноте поэтического впечатления» обусловили преобладание лексемы *краса* (трад.-поэт.) в описании женской красоты. Кроме того, эта лексема традиционна в употреблении по отношению к женщине.

В других примерах в значении лексемы, с опорой на контекст, актуализируются семантические признаки:

- «осознаваемая женщиной красота»; «ее греховность»: «*Но, мыслью полная иною, Одна, в сознанье красоты, Спешила тканью кружевною Покрывать виновные черты*» [6, с.247]; «*Лишь наслажденьем я влекома, С постом, с молитвой незнакома, Я верю только красоте, Служу вину и поцелуюм, Мой дух тобою не волнуем, Твоей смеюсь я чистоте!*» [6, с.221].

- совмещение значений «загадочность», «волшебство», «пленительность»: «*То молодой был женщины портрет, ... Грудь украшал ей розовый букет, Напудренный на плечи падал локон, И, полный роз, передник из тафты За кончики несли ее персты. Иные скажут: "Живопись упадка! Условная, пустая красота!" Но каждая в ней складка ...мой юный ум дразнила, как загадка....*» [6, с.256]; «*Средь шума дня не смела Одеться в плоть и кровь ее краса, Но ночью - о, тогда другое дело!*» [6, с.256].

Красота воспринимается в первую очередь зрительно. Привлекательность внешнего вида женщины подчеркивается, когда предметом описания выступают отдельные черты: волосы, очи: «*И с ним, блестя нарядом, В красе седых кудрей, Сидит княгиня рядом За пряжей за своей*» [6, с.186]; «... как по минованье ночи Мой встретят взор изменчивые очи? Меня влекла их странная краса...» [6, с.256]. В этом значении лексема *краса* более употребительна, чем *красота*.

Традиционно представление о красоте как оружии, средстве соперничества находим в примере: «*И среди огней потемкинского бала Как солнце всех красою побеждала*» [6, с.256].

Именно женская красота может быть мотивом поступков (в том числе, и безрассудных): «*И чьей красою чудной Поступок вызван безрассудный?*» [6, с.247].

Красота может ожидаться, предугадываться, следовательно, связана с мышлением, представлена как нечто ментальное: «*Увидел Владимир вдали паруса И хмурые брови раздвинул, Почуялась сердцу невесты краса, Он гребнем свои расчесал волоса И корзно княжое накинул*» [6, с.155]. Такое значение актуализирует глагол «почуялась».

Заметим, что в обращении к любимой женщине в существительном *краса* мы можем говорить о потенциальных семах «нежность», «ласка», «любовь», что подчеркивается сочетанием существительного с местоимением *моя*: «Из морского сделал бы тюльпана Я ладью тебе, моя **краса**» [6, с.308].

Контекстуальное окружение лексемы часто наводит на противопоставление сем «внешняя красота, физическая» и «красота внутренняя, духовная»: «Склоняся к юному Христу, Его Мария осенила, Любовь небесная затмила Ее **земную красоту**» [6, с.96]. В данном примере находим совмещение оппозиций компонентов «земной - небесный» и «физический - духовный», что наводится контекстом.

Небезынтересны примеры, которые, на наш взгляд, можно охарактеризовать как явление «внутритекстовой антонимии», где существительному *краса* в своем исходном, прямом значении противопоставляется семантика всего фрагмента текста, при этом возникают отрицательные коннотации: «И тут же, **гордяся** своею **красой**, С девичьей улыбкой, с змеиной душой, Любимец звонит Иоаннов, Отверженный Богом Басманов» [6, с.119]. Понятие внешней красоты вступает в противоречие с характеристикой внутреннего содержания (*гордяся, змеиная душа, отверженный Богом*). То же находим и в характеристике Маркевича, пренебрежительно отнесшегося к корректуре стихов А.К.Толстого: «Ты, что, в **красе** своей румяной, Предмет восторженной молвы, Всегда изящный, вечно рьяный, Цветешь на берегах Невы...» [6, с.392].

В некоторых случаях лексема *красота* оказывается «погруженной» в контекст с явно отрицательной оценочностью. Так, поэма «Церемониал» в целом носит шуточно-иронический характер. В контексте устойчивое выражение *краса человечества* приобретает отрицательную коннотацию: «Отдадим же долг его добродетели: Он умом равен Аристотелю. Стратегикой уподоблялся на войне Самому Кутузову и Жомини. Бескорыстием был равен Аристиду - Но его сразила простуда. Он был **красою человечества...**» [6, с.388]. Существительное *простуда* подчеркивает общий настрой поэмы (ср. *краса* – «высок. Украшение, слава чего-нибудь, кого-нибудь» – [4]).

Иронически звучит следующий контекст: «А **красоты классической** печать (античной-Н.М.) Наглядно мне давал он изучать. Он говорил: "Смотрите, для примера Я несколько приму античных поз..."» [6, с.255]; «Причем закон волнообразных линий Мне поставлял условием **красоты**, А чтоб система не пропала праздно, Он сам и ел и пил волнообразно» [там же]. Древние греки видели красоту в пропорциях, соразмерности, плавности линий. Под классической красотой в первую очередь понимается «гармония», «совершенство», однако в стихотворении комизм действий рождает противоположные ассоциации: понятие «классической красоты» входит в противоречие с характеристикой действий учителя.

Отметим некоторые значения лексемы, не представленные в словарях.

Во многих стихотворениях поэт подчеркивает, что красота – это свойство молодости:

- жизненная сила, энергия: «Об этом я терзаюсь и плачу Зимой, весной, осенью и летом, Печаль моя и жалобна и громка, И скоро я **красу** свою утрачу, Глядя порой, как с маленьким лафетом Невинный твой в траве играет Фомка» [6, с.406];

- чистота и свежесть: «Но стих раздаётся священного хора: «Несем мы к могиле, несем без разбора И старость и юность с ее **красотой!**» [6, с.418]; «Старухи тетки не были красивы, ...И потому мне кажется не диво, Что типами их лиц я пренебрег, И на одной из стен большого зала Тип **красоты** мечта моя сыскала» [6, с.255].

Поэт воспринимает красоту как полноту жизненных представлений и ощущений: «Утихнут ли волненья жизни бурной? Минувших лет воскреснет ли **краса**? Приду ли вновь под сладостные тени Душой заснуть на лоне мирной лени?» [6, с.402]; «Воскресшие убранство и **красу** Минувших дней узнал я пред собою» [6, с.256]. При этом красота изменчива, проявляется или утрачивается со временем: «Поблекла свежая ветвей твоих **краса...**» [6, с.88]; «И скоро я **красу** свою утрачу...» [6, с.406]. Кроме того, в некоторых примерах наблюдается конкретизация значения лексемы, когда красота поддается измерению, охвату, описанию полноты проявления: *во всем обилии красоты; небо полно красоты; и др.*

Одна из основных антиномий в творчестве поэта - противопоставление земного и небесного. Мы можем увидеть «четкое разделение семантики лексем пространственно-временного континуума в мировосприятии А.К. Толстого... это хронотоп божественного существования... и ... хронотоп реальности, земного существования...» [1, с.833]: «*И любим мы любовью раздробленной И тихий шепот вербы над ручьем, И милой девы взор, на нас склоненный, И звездный блеск, и все красы вселенной, И ничего мы вместе не сольем*» [6, с.94].

Таким образом, в стихотворениях поэта представлено двоемирие: мир земной и божественный, что связано с его глубокой религиозностью, неоднократно отмечаемой исследователями. Противопоставление красоты земной и божественной в стихотворениях А.К.Толстого обусловлено «божественно-философским космизмом во взглядах автора как доминантной особенностью его художественного мировосприятия» [9], и в значении лексемы *красота* актуализируется компонент «божий замысел»: «... *в каждом шорохе растенья И в каждом трепете листа Иное слышится значенье, Видна иная красота! Я в них иному гласу внемлю И, жизнью смертною дыша, Гляжу с любовью на землю, Но выше просится душа*» [6, с.106]. Поэт, безусловно, воспекает земную красоту, но в то же время его душа стремится к высокой, божественной красоте.

Часто это значение подчеркивают прилагательные в стихотворных строках (*иная, земная, неземная, вечная*): «*Когда Глагола творческая сила Толпы миров воззвала из ночи, Любовь их все, как солнце, озарила, И лишь на землю к нам ее светила Нисходят порознь редкие лучи. И, порознь их отыскивая жадно, Мы ловим отблеск вечной красоты*» [6, с.94].

Потенциальная сема «свобода», «свет» наводится контекстом, когда речь идет о небе - символе высшего, божественного: «*Сердце полно вдохновенья, Небо полно красоты. Разорвав тоски оковы, Цепи пошлые разбив, Набегают жизни новой Торжествующий прилив...*» [6, с.85]; «*А дале мрак ходил по храму, Лишь чрез открытые врата, Как сквозь узорчатую раму, Синела неба красота...*» [6, с.247].

Таким образом, дефиниции лексем *красота* и *краса* в идиостиле писателя отражают сложность их семантической структуры.

Дальнейшее изучение ключевых лексем в поэтическом контексте А.К.Толстого будет способствовать большему проникновению в его поэтический мир.

Список литературы

1. Бурдина Е.А. Лексико-семантическая репрезентация философской категории «любовь» в рамках пространственно-временного континуума в поэтическом и эпистолярном наследии А.К.Толстого. Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т.8. № 4. С. 826 - 837.
2. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма. 2005. 352 с.
3. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник. 2009 // <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М. 1996. 944 с.
5. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П.Евгеньевой. М.: Русс. яз. 1981 – 1984. Т.1.
6. Толстой А.К. Полное собрание стихотворений в 2 томах. Т.1 Советский писатель. Ленинградское отделение. 1984.
7. Федоров А.В. А.К.Толстой: проблемы изучения творческого наследия //А.К.Толстой и русская культура. Брянск. 2008. С.7 – 19
8. Эстетика: Словарь / Под общей редакцией А.А. Беляева. // <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/aesthetic/index.htm>
9. Voronichev O., Atamanova N., Mospanova N., Strekalova I. And all the worlds will have one start ... (on the semantic load of the lexical unit love in the poetry by A. Tolstoy) // XLinguae. 2018. Т. 11. №2. С. 158-170.

10.02.01

Чан Юйкай

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Москва, chang.yukai2015@yandex.ru

МОСКОВСКАЯ БИБЛИЯ 1663 Г.: ТЕНДЕНЦИИ И ПРИНЦИПЫ КНИЖНОЙ СПРАВЫ НА ОРФОГРАФИЧЕСКОМ УРОВНЕ

В статье представлены результаты исследования орфографических исправлений, осуществленных справщиками Московского Печатного двора при подготовке издания Московской («Первопечатной») Библии 1663 г. на основе текста Острожской Библии 1581 г. Установлено, что в результате исправлений императивного характера была изменена сфера функционирования тех графем (о – ω, е узкое – е широкое, и – ы) и надстрочных знаков (оксия – камора), которые служили средствами реализации принципа антистиха. Доказано, что программная языковая редактура, проведенная издателями Московской Библии, в точности согласуется с предписаниями московского издания грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г.

Ключевые слова: книжная справа, славянская библейская традиция, церковнославянский язык, орфографическая норма.

Московская («Первопечатная») Библия (далее МБ), изданная на Московском Печатном дворе в 1663 г. коллективом книжников во главе с Епифанием Славинецким, традиционно считалась почти буквальным воспроизведением Острожской Библии 1581 г. (далее ОБ) [1, с. 73; 2, с. 216; 3, с. 71; 4, с. 19; 5, с. 112; 13, с. LI–LIII]. Лишь в самое последнее время в результате сопоставительного исследования двух этих изданий было установлено, что при подготовке МБ к печати в библейский текст был подвергнут целенаправленной книжной справе, затрагивающей все языковые уровни [8; 9; 10; 12]. Наиболее многочисленными, системными и последовательными были исправления на орфографическом уровне. Программная языковая редактуры, отражающая критическое отношение московских редакторов к лингвистическим решениям острожских книжников, привела к существенному изменению в МБ параметров орфографической системы текста-источника.

Актуальность исследования обусловлена слабой изученностью МБ в лингвистическом отношении, непроясненностью ее соотношения с ОБ и, как следствие, отсутствием адекватной научной интерпретации МБ в истории славянской библейской традиции и истории книжной справы.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении основных тенденций и принципов орфографических исправлений, внесенных справщиками Печатного двора при работе над изданием МБ.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней установлены лингвистически критерии, которыми редакторы МБ руководствовались в своей справщицкой деятельности.

Орфографические исправления императивного характера, выявленные в результате сплошной выборки материала из созданных нами электронных версий Псалтыри в составе ОБ и МБ (ОБ, л. 1–29 второй фолиации; МБ, л. 229–251 об.), демонстрируют однозначную приверженность редакторов МБ предписаниям московского издания грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г. (Грамматика. М.: Печ. двор, 14.П.1648 [без имени автора] – далее ГМ), которое было подготовлено на основе ее первого издания (Евье, 1619 – далее ГС) иосифовскими справщиками.

При работе над языком МБ никоновские справщики изменяют сферу функционирования тех оппозиционных графем *o – ω*, *e (узкое) – ε (широкое)*, *и – ы* и надстрочных знаков *оксия – камора*, которые в ГС и ГМ служат средствами реализации принципа антистиха.

Как в орфографических правилах, так и в парадигмах и примечаниях после парадигм ГС и ГМ регламентировали использование оппозиции *o – ω* для разграничения следующих грамматических омонимов: (1) Т.п. ед.ч. // Д.п. мн.ч. существительных м. и с. р.: «Тво^р еди^н: на *o*. Да^т мно^ж: на *ω*»: *воиномъ // воино^мъб древомъ // др^евомъ, другомъ // друг^омъ* (ГС л. 44–46 об.; ГМ л. 105 об., 106 об.–107, 108, 109–109 об. и т.п.); (2) И.п. ед.ч. // Р.п. мн.ч. существительных м. р.: «Име^н: еди^н: на/ *o*. ро^д: мно^ж: на/ *ω*» (л. 45; 108): *юродъ // юро^дъ, пророкъ // проро^къ, домъ // до^мъ* (л. 44 об.–45, 46 об.–47, 57 об.–58; 107–107 об., 109 об.–110, 118–118 об. и т.п.); (3) Р.п. ед.ч. м. и с.р. // В.п. ед.ч. м.р. местоимений, прилагательных и причастий: «Родителный единственый на/ *ω*, Ви^н: на/ *o*» (л. 75; 134): *Стаг^ω // Стаго, тог^ω // того, бѣющаг^ω // бѣющаго* (л. 74 об., 104 об., 183 об.; 133 об., 167 об., 264 и т. п.), как форма Р.п. ед.ч. квалифицировалось в ГС=ГМ и получало соответствующее оформление с *ω* притяжательное местоимение *εг^ω* (л. 98, 160); (4) И.п. ед.ч. с.р. кратких, по терминологии Мелетия Смотрицкого «усеченных», прилагательных // наречия: *благо // крѣпк^ω, славно* (л. 77, 189; 136 об., 272 об.) и т. д.

Букву *ω* ГС и ГМ предписывали использовать не только как средство преодоления грамматической омонимии, но и как показатель категориального значения множественности в следующих плюральных формах, которые не являются омонимичными формам единственного числа: (5) Р.п. мн.ч. существительных первого а-склонения: *воеводъ, снохъ* (л. 33 об., 36; 95, 97 об.); (6) во флексии Р.п. мн.ч. существительных м.р. *-ωвъ*, выступающей в качестве варианта к флексии *-ъ*: *друг^ωвъ, грѣх^ωвъ, сын^ωвъ, дом^ωвъ* (л. 46 об., 47 об., 50 об., 57 об.; 109 об., 110 об., 113 об., 118 об.). В ГМ, где, в отличие от ГС, именно маркирующая функция *ω*, как и других орфографических показателей множественности (*ε*, *камора*), является основной, написания с *ω* утверждаются также (7) в окончаниях глагольных форм 1 л. мн.ч. в парадигмах мимшедшего и прешедшего времени: *быхомъ → бых^ωмъ* (л. 134 об., 202), *творяхомса → творях^ωмса* (л. 151 об., 222 об.) [7, с. 242].

Следуя рекомендациям ГМ, редакторы МБ вносят правку *o → ω* в формы (1) Д.п. мн.ч. существительных м. и с.р.: *встѣм врагомъ твоимъ → враг^ωмъ* [20: 8], *сѣсѣдо^м моимъ → сосѣдо^м* [30: 11], *по дѣломъ → дѣл^ωмъ* [61: 12], *по грѣхомъ → грѣх^ωмъ* [102:10]; (2) Р.п. мн.ч. существительных м. р. *ѡ рогъ → ро^гъ* [21: 21]; (3) Р.п. ед.ч. м. и с.р. местоимений, прилагательных и причастий, лица *твоего → твоег^ω* [4: 6], *ѡ него → нег^ω* [108: 17], *ѡ желаніа моего → моег^ω* [139: 9], *сѣвѣтъ нищаго → нищаг^ω* [13: 6], *оуста праведнаго → праведнаг^ω* [36: 30], *ѡ безумнаго → безумнаг^ω* [73: 22], *стрѣлы силнаго → силнаг^ω* [119: 4], *ѡ ба спасающаго → спасающаг^ω* [7: 10], *соніе встающаго → встающаг^ω* [72: 20], *в подобіе телца гадущаго → гадущаг^ω* [105: 20]; (4) наречий: *прямо мнѣ приближишася → прямо* [37: 11], *поите разумно → разумно* [46: 7], *скоро оуслыши ма → скоро* [137: 3], *страшно оудивилса еси → страшно* [138: 4]; (5) Р.п. мн.ч. существительных ж.р.: *основаніа горъ → горъ* [17: 7], *помани щедротъ твоихъ → щедротъ* [24:6], *в сматеніе ногъ моихъ → ногъ* [65: 8], *ѡ во^д много → водъ* [143: 7]; (6) во флексии Р.п. мн.ч. существительных м.р. *-ωвъ*: *рода родовъ → род^ωвъ* [71: 5], *домовъ неправедныхъ → дом^ωвъ* [73: 20], *в сонмъ боговъ → бог^ωвъ* [81: 1], *ѡ сновъ шлевъ → сын^ωвъ* [151: 7]; (7) во флексии 1 л. мн.ч. глаголов: *слышахомъ → слышах^ωмъ* [77: 3], *исполнихомся → исполних^ωмса* [89: 14], *сѣгрѣшихомъ → согрѣших^ωмъ* [105: 6], *сѣдохомъ → сѣдох^ωмъ* [136: 1].

Обращает на себя внимание, что никоновские справщики – редакторы МБ, следуя общей тенденции иосифовской справы, экстраполируют *ω* и на те плюральные формы, в которых ни в ГС, ни в ГМ она не фигурировала, как, например, И.п. мн.ч. сущ.: *смутишася воды → воды* [45: 3], *въспрїимуть горы миръ людїи → горы* [71: 3], *острови дары принесутъ → острови* [71: 10], *бози будѣте → бози* [81: 6], *разсыпашася кости ихъ → кости* [140: 7], *юноша, и двѣ... да въсхвалятъ имя гнѣ → юношы* [148: 12]; В.п. мн.ч. сущ.: *хранить гѣ въса кости ихъ → к^ωсти* [33: 20], *члѣкы и скоты спсеши ги → скоты* [35: 7], *растрѣже*

источники и *потоки* → *источники* и *потоки* [73: 15], *вса рогы гръшныхъ сломлю* → *роги* [74: 10]; Т.п. мн.ч. прил.: *оубоги^м* → *оубогими* [9: 30], 3 л. мн.ч. аориста: *напрагоша* → *напрагоша* [36: 14], *текоша* → *текоша* [61: 4], *обрътоша* → *обрътоша* [75: 5], *преидоша* → *преидоша* [104: 13], *снѣдоша* → *снѣдоша* [104: 35, 105: 28], *пріидоша* → *пріидоша* [104: 40], *изчезоша* → *изчезоша* [118: 82].

Указания ГМ соблюдены в МБ и в другой зоне правки – *е (узкое)* → *є (широкое)*. Мелетий Смотрицкий кодифицировал использование графико-орфографической оппозиции *е (узкое)* – *є (широкое)* для расподобления омонимичных форм (1) И.п. ед.ч. // Р.п. мн.ч. существительных м.р. «*Именителный единственый, на/ е: Родителный множественный, на/ є*» (л. 43 об.): *гаремъ // гаремъ, отецъ // отецъ, чванецъ // чванецъ, жрецъ // жрецъ, иерей // иерей* (л. 43 об., 48, 48 об., 50 об., 66–66 об. и др.); (2) Т.п. ед.ч. // Д.п. мн.ч. существительных м. и с. р.: «*Тво^р: еди^н: на/ е. Да^м: мно^{жс}: на/ є*» (л. 48 об.): *отцемъ // отцемъ, чванце^м // чванцемъ, сердцемъ // сердце^м, именемъ // именемъ, словесемъ // словесемъ* (л. 48–49 об., 52–53 и др.).

Развивая идеи Мелетия Смотрицкого, московские издатели его грамматики распространяют *є* в качестве показателя множественности на формы существительных другого рода и на другие грамматические позиции. В результате в ГМ, помимо форм (1) Р.п. мн.ч. существительных м.р. и (2) Д.п. мн.ч. существительных м. и с.р., *є (широкое)* маркирует следующие плюральные формы: (3) Р.п. мн.ч. существительных ж. и. с.р. с флексией *-ь*: *мрежь, древь, имень, словесъ* (л. 98 об., 108, 115 об., 116 и др.), (4) Р.п. мн.ч. существительных м. и ж.р. с флексией *-ей*: *судей, заповедей, матерей, мужей, царей* (л. 47, 103, 120 об., 121 об., 287 и др.); (5) Д.п. мн.ч. существительных ж.р.: *заповедемъ, матеремъ* (л. 120 об., 121 об.); (6) М.п. мн.ч. существительных м., ж. и с.р.: *клеветехъ, пророцехъ, сердецехъ, именехъ, заповѣдехъ* (л. 105 об., 110, 112 об., 115 об., 121 и др.) [см. 6; 7, с. 236–237, 240–241].

Исправления *е (узкое)* → *є (широкое)* в формах множественного числа существительных в Псалтыри в составе МБ убедительно доказывают, что утвержденные иосифовскими справщиками в ГМ критерии употребления графемы *є (широкое)* сохраняли свою безусловную актуальность для языковой практики никоновских справщиков. Результаты проведенной ими правки *е (узкое)* → *є (широкое)* в формах множественного числа засвидетельствованы у существительных тех же словоизменительных классов и в тех же грамматических позициях, в которых графема *є* была кодифицирована в ГМ: (1) Р.п. мн.ч. существительных м.р.: *Изъ оустъ младенецъ* → *младенецъ* [8: 2], *на съдалици старецъ* → *старецъ* [106: 32]; (2) Д.п. мн.ч. существительных м. и с.р.: *гъ судить людемъ* → *людемъ* [7: 8], *младенцемъ своимъ* → *мл^ннцемъ* [16: 14], *свѣремъ тростнымъ* → *свѣремъ* [67: 30], *прибѣжище зацемъ* → *залце^м* [103: 18]; (3) Р.п. мн.ч. существительных ж. и. с.р. с флексией *-ь*: *словесъ моихъ* → *словесъ* [55: 5], *ѡ слезъ* → *слезъ* [114: 7]; (4) Р.п. мн.ч. существительных м. и ж.р. с флексией *-ей*: *црей* → *царей* [44: 10, 88: 28]; *ѡ мысли своихъ* → *мыслей* [5: 10], *заповѣдей* → *заповѣдей* [118: 21, 118: 33...], *ѡ пѣсней сїонскихъ* → *пѣсней* [136: 3]; (5) Д.п. мн.ч. существительных ж.р.: *бранемъ* → *бранемъ* [67: 31], *заповѣдемъ твоимъ* → *заповѣдемъ* [118: 48, 66, 128]; (6) М.п. мн.ч. существительных м., ж.: *въ днехъ* → *днехъ* [36: 19], *в косте^х* → *костехъ* [37: 3], *въ встѣхъ путехъ твоихъ* → *путехъ* [90: 11], *в заповѣдехъ* → *заповѣдехъ* [111: 1], *в людехъ* → *людехъ* [149: 4].

Вместе с тем, как и в случае *ѡ*, редакторы МБ расширяют сферу функционирования *є* по сравнению с ГМ, вводя ее также в формы существительных И.п. мн.ч.: *быша слезы моа* → *слезы* [41: 4], *быша снѡве твои* → *снѡве* [44: 17], *Сиѣнницы и^х оружїемъ падоша* → *Сиѣнницы* [77: 64], *стеблїа его кедры бжїа* → *кедры* [79: 10], *иноплеменницы покоришася* → *иноплеменницы* [107: 9], *чюдеса твоа повѣдѣтъ* → *чюдеса* [144: 5], *Възношенїа боїа в гортани ихъ* → *Возношенїа* [149: 6]; В.п. мн.ч.: *сътворил еси ты гїи бжїе мой чюдеса* → *чюдеса* [39: 5], *на словеса твоа оуповахъ* → *словеса* [118: 114], *снѣдоша жрѣтвы мртвыхъ* → *жрѣтвы* [105: 28], *вразумляетъ младенца* → *младенцы* [118: 130].

Орфографическая оппозиция *и* – *ы* служила в ГС=ГМ средством разграничения омонимичных форм членных действительных причастий Т.п. ед.ч. м. и с.р. // Д.п. мн.ч.: «Творите^л, единстве^н, на, и. дателныи, множественныи, на ы» (л. 185, 265 об.): *бѣюцимъ // бѣюцимъ, бившимъ // бившимъ* (л. 183 об., 185–185 об.; 264–264 об., 266). Вместе с тем сам Мелетий Смотрицкий допускал отступления от этой нормы в метаязыке ГС, используя *и* в формах множественного числа. В ГМ такие формы были подвергнуты правке *и* → *ы*: *суцимъ* → *соуцимъ*, *зраци^м* → *зрацимъ*, *мнацимъ* → *мнацимъ* (л. 207 об., 213 об., 226 об.; 295 об., 302 об., 316 об.), а текст исходного орфографического правила Мелетия Смотрицкого, посвященного букве *ы*, был дополнен специальным предписанием о нормативности *ы* во флексиях Д.п. мн.ч. причастий (л. 183 об. –184) [7, с. 173–174, 235].

В ОБ флексии членных действительных причастий Д.п. мн.ч. получают двойное оформление как с *ы*, так с *и*, ср. *разум же блѣгъ встѣмъ творацимъ его* [110: 10] // *и въздаеть излиха творацимъ гордыню* [30: 23], *близъ гѣ встѣмъ призываюци^м* и [144: 18] // *встѣ^м призываюци^м* и *въ истину* [144: 18]. Редакторы МБ преодолевают вариативность *и*, реализуя предписания ГС=ГМ, вносят правку *и* → *ы* в указанной грамматической позиции: *въздахъ въздающимъ ми сла* → *воздающимъ* [7: 4], *възвѣстатъ правду его людемъ рождшимся* → *рождшимся* [21: 31], *и оуподоблюся низходаци^м* в *ровъ* → *низходацимъ* [27: 1], *въздаеть излиха творацимъ гордыню* → *творацимъ* [30: 23], *въвѣщаю поношаюци^м* ми → *поношающимъ* [118: 42], *причастникъ азъ есмь встѣмъ боаци^мся тебе, и хранацимъ заповѣди твоа* → *боацимся ... хранацимъ* [118: 63].

Также рекомендации ГС=ГМ справщики МБ распространяют и на формы Д.п. мн.ч. членных прилагательных и местоимений с исходом основы на шипящий, в которые вносят аналогичные исправления *и* → *ы*: *Судитъ ницимъ лю^дскимъ* → *ницимъ* [71: 4], *Положилъ еси на^с понешеніе съсѣдомъ нашимъ* → *нашымъ* [43: 13], *Быхомъ понешеніе съсѣдомъ нашимъ* → *нашымъ* [78: 4], *не по безаконіемъ нашимъ сътворилъ естъ намъ* → *нашымъ* [102: 10].

В точности согласуется с правилами ГМ и правка в МБ акцентных знаков *окси* и *каморы*. Оппозиция этих надстрочных знаков в ГС и ГМ была задействована для расподобления омонимичных форм И.п. ед.ч. // Р.п. мн.ч. существительных м.р.: в формах единственного числа была регламентирована *оксия*, в формах множественного – *камора*, ср. *другъ // другъ, грѣхъ // грѣхъ* (л. 46–46 об., 47–47 об.; 109–109 об., 110–110 об.). Издатели ГМ расширили сферу функционирования *каморы* и вовлекли в нее плюральные формы существительных женского и среднего рода, где этот акцентный знак выступал уже не в качестве средства преодоления грамматической омонимии, а для маркирования форм множественного числа: *Дгѣвъ* → *дгѣвъ*, *сердѣць* → *сердѣць* (л. 33, 49; 94 об., 112 об.) [7, с. 232–233].

Московские редакторы МБ последовательные отказываются от постановки *окси* над формами Р.п. мн.ч. существительных не только мужского, но и женского и среднего рода, используя вместо нее *камору*, *камора* также ставится в МБ при отсутствии в тексте-источнике надстрочного знака: *въ встѣхъ врагъ* → *врагъ* [30: 11], *врагъ мой^х* → *врагъ* [137: 7], *на мѣтву рабъ твоихъ* → *рабъ* [79: 4], *дгѣль члѣскихъ* → *дгѣль* [16: 4], *шуму волнъ* → *волнъ* [64: 7], *въ смѣтѣніе ногъ моихъ* → *ногъ* [65: 8], *съ члѣкы не прѣимуть ранъ* → *ранъ* [72: 5], *преж^де вѣкъ* → *вѣкъ* [78: 2], *исполнися золь дийа моа* → *золь* [87: 3], *наплнися водъ* → *водъ* [64: 9], *въ пусть горъ* → *горъ* [74: 6], *ѣи бѣ силъ* → *силъ* [88: 8].

Таким образом, рассмотренные исправления на орфографическом уровне, внесенные никоновскими справщиками при подготовке издания МБ, согласуются с языковой практикой справщиков предшествующего, иосифовского, этапа книжной справы, отраженной в ГМ. Вместе с тем наряду со стремлением редакторов МБ к последовательному соблюдению норм ГМ при реализации принципа антистиха в осуществленной ими справе отчетливо прослеживается тенденция к расширению сферы функционирования графико-орфографических показателей множественности *ω*, *ε* и *ы*. Принятые ими решение о введении *ω* и *ε* в основы плюральных форм И.п. и В.п. существительных (*юноши*, *кости*, *жертвы*, *возношеніа*), *ы* – во флексии Д.п. мн.ч. членных прилагательных и местоимений с исходом основы на шипящий (*ницимъ*, *нашымъ*) были поддержаны в изданиях церковной печати и

утверждены в качестве нормативных в синодальном церковнославянском языке, ср. [11, с. 66, 68, 76, 77, 112, 237–238, 246, 251].

Список литературы

1. *Алексеев А.А.* Место Острожской Библии в истории славянского текста Священного Писания // Острожская Библия: сборник статей / Отв. ред. А.А. Алексеев. М.: Институт русского языка, 1990. С. 48–73.
2. *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 254 с.
3. *Астафьев Н.* Опыт истории Библии в России. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1889. 180 с.
4. *Евсеев И.Е.* Рукописное предание славянской библии. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1911. 32 с.
5. *Евсеев И.Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Петроград: Тип. М. Меркушева, 1916. 166 с.
6. *Кузьминова Е.А.* Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. № 5. 2011. С. 36–55.
7. *Кузьминова Е.А.* Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М.: МАКС Пресс, 2012. 467 с.
8. *Кузьминова Е.А.* Грамматика 1648 г. как регулятор библейской книжной sprawy второй половины XVII века // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. № 5. 2017. С. 21–46.
9. *Кузьминова Е.А.* Острожская Библия 1581 г. и Московская Библия 1663 г.: лингвистические аспекты книжной sprawy // Мир науки, культуры, образования. № 4 (83). 2020. С. 411–417.
10. *Кузьминова Е.А.* Спорные вопросы библейской книжной sprawy XVI–XVII вв. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. №1. 2021. С. 30–43.
11. *Плетнёва А.А., Кравецкий А.Г.* Церковнославянский язык. Учебное издание для общеобразовательных учебных заведений, духовных училищ, гимназий, воскресных школ и самообразования. Изд. 4-е. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. 272 с.
12. *Чан Ю.* Лингвистические аспекты книжной sprawy Псалтыри в составе Московской Библии 1663 г. // Филология и культура. №3. 2021. С.30–37.
13. *Dobrovsky J.* Institutiones linguae slavicae dialecti veteris. Vindobonae: Sumtibus et typis Antonii Schmid, C. R. P. Typographi, 1822. 720 p.

10.02.01

Ю. Му

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Томск, mu.yuisi@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА КИТАЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ БЛОГАХ О СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

В статье рассмотрен образ Китая, который формируется в текстах русскоязычных блогов о современном искусстве. Определены аспекты описания современного искусства как культурного феномена. Проведен анализ языковых средств создания образа Китая.

Ключевые слова: *образ Китая, тексты русскоязычных блогов, языковые средства.*

С основанием КНР и влиянием западной культуры на Китай в конце XX века в разных социальных сферах страны произошли радикальные изменения, в том числе в искусстве. Проблемы феномена современного китайского искусства, процесс его эволюции, значение и восприятие западного зрителя изучаются многими русскими, китайскими и зарубежными искусствоведами и культурологами (Ф. Ван [2]; М.А. Неглинская [5]; А.С. Горбачева [4]; К.-Д. Гомес [3]; М.Е. Богателина [1] и др.), однако в лингвистическом плане материал о китайском искусстве изучен слабо.

В научной литературе отмечается, что китайское современное искусство существенно отличается от традиционного. Традиционное искусство – это формирование художественных образов в соответствии с принципами гармоничной красоты, сочетание творчества с эмоциональным выражением, украшение жизни языком, тоном, цветом и линией. Художники выражают свои эстетические чувства и идеалы через творчество, добиваясь взаимопонимания с адресатом, который, в свою очередь, удовлетворяет свои эстетические потребности через восприятие произведений искусства и их оценку. Китайский аукционист Т. Цзи, адъюнкт-профессор Китайского университета политических наук и права указывает, что современное искусство сознательно нарушает все традиционные правила, искажает формы искусства, намеренно опровергает эстетические принципы гармонии и преследует формальные гротески, преувеличенную магию и другие причудливые эффекты. На сегодняшний день искусство формируется посредством принципов создания новых художественных теорий и произведений с использованием современных технологий [6].

Внутренняя политика Китая и влияние западной культуры привели к возникновению новых направлений в искусстве. Исследователь К.- Д. Гомес подчеркивает, что в конце XX века в китайском современном искусстве появились два важных течения – политический поп и циничный реализм [3]. Ученый Ф. Ван подробно описывает новые направления китайского современного искусства. 1) «Политическое искусство (поп-арт)», которое передает духовное чувство авторов и проблемы реалит в обществе. 2) «Современное искусство нового поколения и циничный реализм». Художники «нового поколения» используют принципы реализма или фотореализма, улавливают истинное ощущение реальной жизни, а возникновение «циничного реализма» непосредственно связано с реалиями китайского общества и политической идеологии. 3) «Вульгарное искусство», которое является продолжением традиций «Политического поп-арта» и «циничного реализма» и которое автор считает реакцией художников на масс-культуру, коммерциализацию культуры и ее перевод в категорию объектов потребления. Художники данного направления заимствуют готовые символы из окружающей реальности, выражают художественные идеи. 4) «Китайское женское искусство». Некоторые художники, поддерживая западный феминизм, изучают опыт, переживания женщин и исследуют новые методы выражения эмоций [2, с. 16-17].

Вслед за подъемом современного искусства традиционное китайское искусство также пережило второй расцвет, потому что многие художники синтезируют традиционное и современное искусство. Появились также формы искусства, которые отличаются от традиционных: инсталляции, перформанс, концептуальное искусство, видео-арт и т.д.

М.Е. Богаделина обращает внимание на проблему восприятия современного искусства КНР. Изучая возможные реакции зарубежного зрителя на произведения масляной живописи, ученый, пишет, что «зритель, глазам которого предстала исполненная работа, приобретает возможность увидеть жизнь в новом свете, сменить угол обзора, чтобы вывести хорошо известную проблематику на новый уровень. Сопоставляя свою точку зрения с авторской, он может осознать их тождественность, взаимосвязанность, согласованность» [1, с. 108]. Несмотря на влияние искусства Запада, китайское современное изобразительное искусство в корне отличается от него. Автор отмечает, что зрителя «потрясает» китайская живопись [1, с. 109-110]: современное китайское искусство отражает реальность, критику художников по отношению к обществу, их мировоззрение. Обзор научных работ, посвящённых современному китайскому искусству, убеждает в том, что оно является сложным явлением, имеет гибридные формы воплощения.

Восприятие современного китайского искусства адресатом иной культуры находит отражение в текстах русскоязычных блогов. Изучение того, как иностранные блогеры относятся к современному искусству КНР, способствует расширению представлений о Китае.

Целью данной работы является изучение образа Китая, который создаётся в русскоязычных блогах о китайском современном искусстве. Источником эмпирического материала послужили тексты, размещенные на сайтах сетевого сообщества «Живой Журнал» (<http://livejournal.com>), платформы для блогеров и медиа «Яндекс. Дзен» (<https://zen.yandex.ru/>), интернет-журнала «Магазета» (<https://magazeta.com>). Новизна исследования обусловлена новым материалом и новым подходом – взглядом на образ страны через призму его современного искусства.

Рассмотрим аспекты, по которым могут быть классифицированы языковые средства, используемые авторами блогов для создания образа Китая в текстах блогов о современном искусстве.

1. Место и роль современного китайского искусства в стране и в мире. В ходе анализа текстов выявлена тесная взаимосвязь современного искусства и политики страны. Автор показывает это посредством использования словосочетаний, содержащих прилагательное *официальный* и его дериват *официально*: ***Современное искусство официально служит государственной политике Китая; Современное искусство оказалось вовлечено в официальную культурную политику.***

Благодаря непрерывному развитию китайское современное искусство становится неотъемлемой частью мирового искусства: ***То есть китайское современное искусство постепенно стало частью мирового; С этого момента (с 2000-е) современное китайское искусство перестает быть исключительно местным явлением и вливается в мировое.***

Достижения китайского современного искусства на международном рынке репрезентируются словосочетаниями с именем прилагательным в превосходной степени *крупнейший*, устойчивыми выражениями «занять (какое-то) место», «обойти (кого)»: ***Китай в 2010 году оказался крупнейшим рынком искусства в мире; Еще в 2007 году, когда он обошел Францию и занял третье место на пьедестале крупнейших арт-рынков, мир был удивлен.***

Подчеркивается статус современного китайского искусства в международном масштабе ***В 90-е Пекин стал бесспорным центром современного искусства, куда съезжались молодые художники со всей страны; И Китай оказался первопроходцем в этой области, открыв в 2009 году в Шэньчжэне биржу культурных активов и акций; В один момент (в 2006 году) китайское искусство оказалось в центре внимания всего мира.***

2. Процесс развития современного искусства, его содержания. Для описания развития современного искусства используется лексика с темпоральным значением, профессиональная терминология: *Впервые китайские интеллектуалы подошли к теме модернизации в начале XX века; С конца 1970-х для китайских художников «модернизационное сознание» ассоциировалось прежде всего с новым гуманистическим поворотом в развитии общества; Горячие споры о том, что есть «правдивое отражение реальности», стали квинтэссенцией художественной критики в 1970-х – начале 1980-х; На концептуальном уровне – превосхищала антиутопические настроения и «циническое» дистанцирование художников начала 1990-х, определявшие сущность таких направлений, как «цинический реализм» и «политический поп».*

Развитие современного искусства в Китае всегда происходило под влиянием иностранных культур. Частотным в текстах становится имя прилагательное *западный*, подчёркивающее этот факт: *В нескольких художественных школах даже преподавали классический западный рисунок; В общем, процессы в китайском искусстве того времени во многом повторяли западный путь; в то же время распространялись абсолютно западные формы изобразительного искусства, как плакат и карикатура; многие молодые художники стали тайно объединяться и обсуждать альтернативные формы художественного выражения, черпая вдохновение из работ западного модернизма.* Используемая в рассматриваемом контексте номинация *Большой брат* в отношении к Советскому Союзу свидетельствует о том, что в конце XX века СССР оказал значительное влияние на Китай: *А на смену вечного спора между западным модернизмом и китайским гохуа пришел соцреализм, подарок Большого брата – Советского Союза.*

В проанализированных текстах отмечается, что яркой особенностью современного китайского искусства является акцент на индивидуальности, стремлении к самовыражению и субъективным ощущениям. Данная черта в текстах отражается в специальных терминах, в использовании лексики, связанной с психологией и философией: *Художники расширили толкование официального определения «модернизационное сознание» и интерпретировали его в смысле «самовыражения» (zìwǒ biāoxiàn) и формальной абстракции (xíngshì měi); Именно личность, обладающая предельной свободой поступков, тогда становится идеальной моделью творца – отсюда внимание к категориям субъективного сознания, самосознания (gènyìshì), а также исследованию подсознательного.*

3. Художники современного искусства и их произведения. Представляя художников китайского современного искусства, авторы текстов используют имена собственные для выражения имен людей, а также названий их произведений: *Если вдруг для расширения кругозора будете искать материал про этого художника (Чжан Сяоган), рекомендую, не углубляясь, пройтись по тройке известных серий картин — та самая «Родословная», «Амнезия и память», «Площадь Тяньаньмэнь»; Лю Вэй – мастер построения фантастических ландшафтов и выдуманных миров. Современные китайские художники известны не только в Китае, но и во всем мире. Ожидаемо, что популярность художника вышла далеко за пределы родного Китая; Работы художника (Юэ Миньцзюнь) участвовали в Венецианской биеннале, выставлялись в музеях Парижа, Лондона, Нью-Йорка и других городов; (Работы Цао Фэй) были куплены Музеем Гуггенхайма в Нью-Йорке и парижским Центром Помпиду; Многослойные полотна 55-летнего художника (Цзэн Фаньчжи) выставляют и покупают в Азии, Европе и Америке вот уже два десятка лет; В 1993 году выставка «После 1989 года: новое искусство в Китае» (кураторы Ли Сяньтин и Чжан Сунжэнь) была представлена в Гонконге, Австралии и США.*

В исследуемых текстах блогов упоминается, что существует множество различных направлений и их деятелей (*живописец, скульптор, медиахудожник и др.*) в китайском современном искусстве, один художник может создавать работы разных творческих техник и жанров. *Художник Ай Вэйвэй любит пробовать себя в разных техниках – от живописи и скульптуры до видео и инсталляций, и искусно совмещает визуальную эффектность своих объектов с политическим контекстом; На протяжении обучения художник (Лю И)*

всегда отличался прилежностью и получал высокие оценки от педагогов; Отличительным умением мастера (Лю И) является филигранное дозирование воды и умение смачивать бумагу; Все работы очень наполнены художественной, воздушной атмосферой и очень поэтичны.

Признание китайских художников и их произведений показано в предложении с двойным отрицанием и частицей *бы* для употребления при обозначении желаемого: *Вероятно, нет в мире музея, который бы не мечтал принять у себя полноценную выставку китайского художника-диссидента*; известными именами людей и названиями музеев / выставок в сфере искусства: *Одним из главных его (художника Цзэн Фаньчжи) коллекционеров является фэшн-магнат Франсуа Пино, неоднократно выставивший масштабные картины Фаньчжи в своем венецианском музее Punta della Dogana; это первый художник (У Гуаньчжун) из поднебесной, выставившийся в британском музее.*

Успешность художников на международном рынке выражается прилагательными в превосходной степени: *Коммерчески Чжан Сяоган столь же успешен – он входит в топ самых продаваемых современных китайских художников в мире; Миньцзюнь не входит в топ-10 самых дорогих китайских авторов: его рекорд составляет \$6,9 млн за полотно Gweong-Gweong, – но точно попадает в десятку самых выставяемых в мире; Одним из самых запоминающихся произведений нынешней Венецианской биеннале стал именно его (Лю Вэй) Microworld – фантазия на тему будущего планеты.*

В изученных текстах ключевым маркером представления различных видов искусства и групп художников является противопоставление понятий «коммерциализация – не коммерциализация», применяемых в отношении к искусству. Один из блогеров замечает, что в середине 1990-х годов некоторые художники выступали против коммерциализации искусства, но в дальнейшем современное китайское искусство постепенно стало называться коммерциализированным: *В то же время (к середине 90-х годов) группа художников, специализирующаяся на перформансах и инсталляциях, дала толчок развитию некоммерческих проектов, которые представляли активное взаимодействие с обществом.*

В текстах используются имена числительные, указывающие стоимость произведений искусства с целью подчеркнуть, что известность художника соотносится со стоимостью его работ. Этот факт также свидетельствует о коммерциализации современного китайского искусства: *Последние работы особо ценят коллекционеры – за его знаменитую бронзовую серию «Круг животных / Зодиакальные головы» в 2015-м выложили \$4,3 млн на торгах Phillips; Цены на подобный «микрокосмос» давно перевалили за отметку в \$12 млн; Известность отразилась и на ценах: сегодня за ее видеоарт коллекционеры платят от €15 до 25 тыс.*

4. Субъективные мнения и оценки авторов. В текстах блогов обнаружено проявление разных авторских оценок китайского современного искусства – от однозначно позитивной до крайне негативной: *Я по работе столкнулась с его довольно впечатляющей работой «Родословная» (Чжан Сяоган) и не могу вам ее не показать; Забавная современная офисная скульптура; шедевр однозначно, будет у меня офис - куплю 100%; Жутковатое современное искусство Китая.* Встречается также неоднозначная, «двойственная» оценка: *Страшно интересно, просто страшно, жутковато, впечатляюще, но не для впечатлительных — как-то так бы сформулировала.*

Для получения обратной связи от читателей, усиления выразительности и выражения своих взглядов на китайское современное искусство авторами используются риторические: *Как вам работы Чжана Сяогана? Повесили бы себе такую в прихожую? У меня в данном случае как у простого зрителя возникает риторический вопрос: и это современное искусство запомнится нашим потомкам как классика 21 века?*

Сильные впечатления, полученные авторами текстов, описываются эмоционально-экспрессивными лексическими единицами: *Вы знаете, меня прошибло; Некоторые картины очень пронзительные; Нечто было современным китайским искусством, которое свалилось на меня – неожиданно и душераздирающе; Они создали удивительные*

иллюстрации, чтобы воздать должное персоналу, борющемуся с коронавирусом.

В процессе знакомства с современным китайским искусством и в ходе его осмысления авторы текстов начинают оценивать КНР в целом и ее народ, формируя в своем сознании образ Китая. Похвала авторов репрезентируется посредством языковых единиц с оценочным значением: *Сейчас китайское современное искусство – одно из самых крутых и востребованных в мире; Я с нескрываемым интересом слежу как за развитием искусства в Китае, так и за развитием Китая в целом; Столько там (в Китае) всего интересного сейчас происходит – не страна, а парк развлечений, ей-богу.* В описании китайцев глазами русского автора активно используются слова категории состояния: *Они жаждут нового, им все любопытно, все странно, непонятно и удивительно.*

Подводя итог, подчеркнём, что русскоязычные авторы описывают современное искусство посредством разных аспектов. Исследуемые тексты насыщены языковыми средствами, формирующими уникальный образ Китая.

Тексты блогов о современном искусстве Китая создают особую составляющую образа страны, которая в сфере культуры преимущественно развивается по своему пути, несмотря на влияние культур других стран. В XXI веке Китай становится «первопроходцем» на международном рынке современного искусства, привлекая внимание всего мира.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Китайского совета по стипендиям № [2019] 553.*

Список литературы

1. *Богаделина М.Е.* Проблемы восприятия: современная китайская масляная живопись глазами Западного зрителя // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 2(88). С. 107–111. – DOI 10.30853/manuscript.2018-2.24.
2. *Ван Ф.* Современное искусство Китая в контексте мирового художественного процесса: автореф. дисс. на соискание ученой степени кандид. искусствоведения. Москва, 2008. 24 с.
3. *Гомес К.Д.* Китайское современное искусство после культурной революции: биеннальное движение // Человек в мире культуры. 2017. №2-3. С. 156–159.
4. *Горбачева С.А.* Творчество Ван Гуани и политический поп-арт в контексте современного искусства в Китае // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2014. № 43. С. 80–85.
5. *Неглинская М.А.* Об актуальных тенденциях современного китайского искусства и перспективах его изучения // Общество и государство в Китае. 2010. №1. С. 403–414.
6. 季涛. 当代艺术与传统艺术的差别 = Цзи Т. Разница между современным и традиционным искусством [Электронный ресурс]. URL: <https://news.artron.net/20180328/n992635.html> (дата обращения: 29.10.2021).

10.02.01

Ян Нань

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
филологический факультет, кафедра русского языка,
Москва, 122387490@qq.com

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕГО РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассмотрено ненормативное употребление имён существительных общего рода. Они в современном русском языке при обозначении лиц мужского пола достаточно часто согласуются в предложении с атрибутами в женском роде. Несмотря на нерегулярный характер данного явления, а также невзирая на то, что согласование наблюдается у различных существительных с разной частотой, и на то, что форму женского рода имеют в первую очередь согласованные определения, можно говорить о существовании в современном русском языке тенденции к формальной унификации, направленной на избавление языка от грамматических исключений, в качестве каковых воспринимается в языковом сознании говорящих общий род, что демонстрирует усиление аналитизма в русском языке.

Ключевые слова: *атрибутивное выражение, имя существительное общего рода, семантическое согласование, грамматическое согласование, аналитизм.*

Категория рода имён существительных в русском языке является несловоизменяемой грамматической категорией. Будучи неноминативной у неодушевленных существительных, у одушевленных существительных эта категория часто номинативна и соотносится с различиями в биологическом поле людей и животных, например, *студент - студентка, мужчина - женщина, тигр - тигрица, бык - корова* и т. д.

Одним из сложных вопросов рода русских имён существительных является наличие среди одушевленных антропонимов лексем общего рода и переходного к общему роду. Согласно «Русской грамматике» 1980 года, к общему роду «относятся слова (обычно разговорные или просторечные) с флексией *a*, *-я* в им. п. ед. ч., называющие лиц по характерному действию или свойству и имеющие ту же систему падежных флексий, что и существительные жен. и муж. р. с флексией *a* в форме им. п. ед. ч.: *гуляка, зевака, недоучка, зубрила...*» [7, с. 465].

Пол лица существительных, обозначающих лиц по профессии или должности (*директор, хирург, агроном* и т.д.) выражается синтаксически. Обозначая лиц женского пола, эти существительные легко сочетаются с формами женского рода прошедшего времени глаголов: *Директор сказала. // Врач пришла*. Такой способ выражения рода получил широкое распространение. Эти лексемы не входят в группу существительных общего рода, так как не обладают полным набором дифференциальных признаков этого класса слов [5, с. 16], таким образом, они не являются предметом изучения в данной статье. В настоящее время лингвисты не уделяют большого внимания согласовательной связи существительных общего рода с другими словами в предложении, иначе говоря, этот вопрос как будто разрешен правилами в разных грамматиках литературного языка, но эти слова часто употребляются в разговорной речи, в которой отступление от правил встречается довольно часто. В грамматиках русского языка сформулировано представление о семантическом согласовании слов общего рода с другими членами предложения: если они обозначают лиц женского пола, то используются в речи как существительные женского рода, если лиц мужского пола – как существительные мужского рода, что в первую очередь касается согласования с ними других частей предложения (примеры взяты из Национального корпуса

русского языка, далее 4): *Наверное, там в соседней комнате, живет ужасный неряха.* (Л. Сапожников «Митя Метелкин в Стране Синих роз») [4, дата обращения: 20.02.2022]; *А сизоворонка — голубая, красивая, ну — такая неряха!* (В.Г. Галактионова «Спящие от печали») [4, дата обращения: 20.02.2022].

Проведённый анализ свидетельствует, что в атрибуте и/или предикате при словах общего рода чаще всего присутствует семантическое согласование в роде (женский пол – женский род, мужской пол – мужской род), что соответствует традиции в грамматиках: *Леиша хороший мальчик и в то же время очень сложный. Он ужасный непоседа* (Т. Тарасова «Красавица и чудовище» [Там же, дата обращения: 12.02.2022]). Таким же образом осуществляется согласование с глаголами-сказуемыми, в том случае если слово общего рода занимает позицию подлежащего, например, *А существенно то, что вряд ли обруганный неумеха мог претендовать на роль фигуры трагической...* (С. Рассадин «Книга прощаний») [Там же, дата обращения: 12.02.2022]. Такое употребление, повторим, является нормативным и закреплено во всех грамматиках русского языка. Это показывает, что, хотя русский язык является синтетическим, в нем тем не менее существуют аналитические явления (внесловное проявление грамматических признаков лексемы).

Однако в русском языке наблюдаются случаи, которые нарушают нормативные для слов общего рода законы согласования. Ненормативные случаи согласования имён существительных общего рода – это случаи, когда при обозначении ими лиц мужского пола атрибут стоит в женском роде. Подобные случаи в современном русском языке являются неединичными языковыми фактами, их можно найти в Национальном корпусе русского языка и других материалах: *И, глядя на его лицо, я понял вдруг, что мой приятель самая настоящая деревенщина, а я недалеко от него ушел и что Ора Шанталья глядит на нас обоих, как на пастушков...* (М. Дяченко, С. Дяченко «Магам можно все» [Там же, дата обращения: 13.02.2022]); *Остается фармацевт Павлик, он живет как раз на Гагаринской, книжник, домосед Павлик, пучеглазая мямля.* (В. Ерофеев «Проза из журнала “Вече”») [Там же, дата обращения: 13.02.2022]. Насколько можно видеть из этих примеров, использование женского рода характерно в первую очередь для согласованных определений, находящихся в препозиции. В современном русском языке такие формы употребления практически не ощущаются как ненормативные. Для говорящего и адресата при этом не вызывает сомнений наличие у данных форм употребления разговорной стилистической окраски.

Частота подобного согласования у различных существительных общего рода, обозначающих лиц мужского пола, различна. Результат поиска в Национальном корпусе русского языка показывает, что ряд существительных (*бедняга, горемыка, егоза, жадюга, забияка, зазнайка, злюка*, и др.) практически всегда согласуется семантически, другие же чаще используются с атрибутом в женском роде. Например, имя существительное общего рода *кроха* при обозначении лиц мужского пола согласуется подобным образом с другими словами в предложении примерно в 10% случаев (основываясь на статистике материалов из Национального корпуса русского языка). Приведём примеры: *Совсем маленький мальчик, сущая кроха, одни косточки, коленочки торчат, – сидит и горько-горько плачет* (А. Щеголев «Черная сторона зеркала») [4, дата обращения: 13.02.2022]; *Он только внешне большой и пышный, а по сути ужасно маленький, просто жалкая кроха* (В. Володин «Повесть временных лет») [Там же, дата обращения: 13.02.2022], *По крайней мере, со стороны зверька логично было бы предположить, что такая кроха, как он, не может интересоваться меня с гастрономической точки зрения.* (В. Вишневский «Земляной слоник») [Там же, дата обращения: 13.02.2022].

Хотя такое употребление не отвечает правилам грамматики современного русского языка, для слов общего рода его нельзя назвать появившимся в языке недавно: оно встречается в XIX веке или еще ранее: *Серафима отнеслась к этой комбинации совершенно равнодушно и только заметила: — Хочется тебе, Харитина, ввязаться в такое дело... Да и жених-то ваш горькая пьяница.* (Д. Н. Мамин-Сибиряк «Хлеб», 1895) [Там же, дата обращения:

13.02.2022]. Вспомним и стихотворение В.В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо» (1925), которое начинается словами: *Крошка сын к отцу пришёл. И спросила кроха....*

Материалы Национального корпуса русского языка демонстрируют особое атрибутивное выражение рода при употреблении слов общего рода в различных источниках, в первую очередь – в произведениях художественной литературы, где с их помощью создаётся имитация разговорной речи. Анализируемая особенность почти исключительно встречается в диалоговых репликах персонажей. Мы считаем, что данное явление является движением к формальной унификации, то есть «к тому, чтобы сделать различающееся одинаковым» [3, с.192], которая проявляется, в числе прочего, «в избавлении языка от грамматических исключений» [Там же, 193]. Поскольку род является постоянным, классифицирующим признаком существительного, сознание говорящего воспринимает наличие общего рода как грамматическое исключение, как аномалию и стремится устранить её употреблением форм женского рода в окружении существительного. Действительно, для говорящего на русском языке бесспорно существование трёх родов – мужского, женского и среднего, каждый из которых (за исключением незначительного количества лексем) обладает собственной системой флексий и специфической парадигмой склонения. В этом ряду существительные общего рода выглядят как казус, как нарушение системы. Несмотря на наличие некоторого количества одушевлённых существительных мужского рода с окончаниями *-а(-я)* (*дядя, папа* и др.), данное окончание всё же воспринимается говорящими как признак женского рода, и в процессе речи наблюдается стремление квалифицировать существительные общего рода как слова женского рода, реализуемое посредством грамматического согласования. Редко встречающееся на практике изменение в роде глагола-сказуемого связано, возможно, с тем, что согласованное определение стоит в препозиции и именно на нём отражается в первую очередь тенденция к аналитизму рода.

Хотя с типологической точки зрения русский язык относится к синтетическим и в нём лексическое, словообразовательное и грамматическое значения выражаются преимущественно средствами одной лексемы (парадигматически), в русском языке есть и проявления аналитизма. В его грамматике аналитизм был отмечен давно: В.В. Виноградов в первой половине XX в. продвигает мысль о том, что элементы аналитического языка во многих сферах вытесняют элементы синтетического языка [1, с. 438], М.В. Панов также считает, что одной из неизбежных тенденций в развитии русского языка (как и других синтетических языков) является усиление аналитизма. [6,с.258]. И.Г. Ильина отмечает, что по сравнению с первой половиной двадцатого века аналитизм 1990-х годов получил новое развитие.[2,с.232] Согласовательная связь между определением и существительным общего рода представляется одним из показательных признаков тенденции к аналитизму русского языка: когда родовую принадлежность существительных общего рода в контексте нельзя определить внутрисловно посредством флексии, синтаксический способ выступает как формальный способ выражения их родовой характеристики.

Другая же часть вышеизложенных языковых фактов показывает нам формальную унификацию в согласованной связи. Нормально, когда языковые явления, которые не соответствуют грамматическим правилам, но приняты носителями языка, сначала появляются в повседневном обиходе. Таким образом, мы считаем, что наличие разных контекстов использования существительных общего рода еще раз показывает важность дальнейшего изучения грамматики разговорного языка.

Список литературы

1. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв., 2-е изд. М: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1938. 451 с.
2. *Ильина Н.Е.* Рост аналитизма в морфологии // Земская Е.А. (ред.). Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 326-343.
3. *Крылова М.Н.* Язык как динамическая система // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2014. №1 (9). С. 189-194.
4. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. <https://ruscorpora.ru/new/>.
5. *Павлова Т.С.* Существительные общего рода в русском языке: семантика, грамматика, употребление // М.: Московский государственный областной университет, 2019. С. 220.
6. *Панов М.В.* Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование: В 4 кн. М: Наука, 1968. 367 с.
7. Русская грамматика. В 2-х т. Т. I. М.: Наука, 1980. 783 с.

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

¹Е.М. Александрова, ²О.А. Астафьева, ²И.А. Башкирова, ²Т.А. Колоскова¹ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,

Институт права и национальной безопасности,

Центр лингвистики и профессиональной коммуникации,

Москва, elena_751@mail.ru,

²ГОУ ВО Московской области

«Государственный гуманитарно-технологический университет»,

филологический факультет,

кафедра русского языка и литературы,

Орехово-Зуево, olga.astafeva.71@mail.ru, ibashkirova82@gmail.com, koloskova_tak@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ: ПРОБЛЕМЫ АНАЛОГИИ

Статья посвящена проблеме изучения британского и американского вариантов английского языка в вузе. Исследование проводится на материале юридической лексики, отобранной методом сплошной выборки из печатных и электронных источников. При помощи анализа словарных статей толковых и двуязычных словарей разрабатывается типология соответствий в британском и американском английском. Даются практические рекомендации по использованию результатов исследования.

Ключевые слова: британский английский, американский английский, типология, юридический английский.

Введение

Профессия юриста требует знаний в области юриспруденции, современных методов ведения бизнеса, а также профессиональной коммуникации, в том числе на иностранном языке. Для обучения профессиональному английскому языку в области юриспруденции в вузе, как правило, используется международный юридический английский (International/Global Legal English). Для успешного ведения профессиональной коммуникации на иностранном языке будущему специалисту необходимо изучить не только юридическую лексику, но и ее страноведческие и лингвострановедческие особенности, так как правовые системы разных стран в ряде случаев характеризуются использованием разных терминов для обозначения тождественных и сходных явлений.

Освоение международного юридического английского в большей степени осложняется использованием разных вариантов английского языка: британского и американского. Как правило, материалы таких курсов берутся из разных источников, в некоторых случаях авторами учебников даются пояснения к тому, какой вариант был использован в тексте – британский или американский. Различия между вариантами прослеживаются на всех языковых уровнях: фонетическом, грамматическом, лексическом. Изучением данного вопроса занимаются как в России, так и за рубежом см., напр., [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Особое внимание при изучении юридического английского требуется уделить лексическим особенностям двух вариантов, а именно юридическим терминам, особенностям их использования в профессиональной коммуникации и в переводе.

Актуальность данной работы обусловлена недостаточной изученностью специфики использования юридической лексики в британском и американском вариантах английского языка, а также необходимостью выявления особенностей перевода британских и американских соответствий.

Новизна работы заключается в том, что в ней впервые разрабатывается типология соответствий юридических терминов в британском и американском английском на основе анализа понятий, терминов, используемых для их обозначения, а также переводов терминов на русский язык.

Практическая ценность работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в курсе юридического английского, а также на занятиях по теории и практике перевода.

Цель работы заключается в том, чтобы выявить основные группы соответствий британских и американских юридических терминов, определить особенности их использования в исходном и переводящем языках.

Методы исследования

Методика исследования представляет собой системное сочетание эмпирических и теоретических методов. Материалы исследования были отобраны методом сплошной выборки из печатных и электронных учебников по международному юридическому английскому. Для систематизации и анализа полученных результатов применялись сопоставительный и описательный методы. Для анализа значений терминов были использованы толковые и двуязычные словари.

Типология соответствий

В ходе сравнительного анализа пар британских и американских соответствий, предлагаемых в учебных пособиях по юридическому английскому, на основе статей толковых и двуязычных словарей были выделены два основных типа: (а) использование разных терминов для обозначения (I) тождественных или (II) имеющих сходство понятий; (b) использование одинаковых терминов (III) и для тождественных, и для разных понятий, (IV) использование одинаковых терминов только для разных понятий. Таким образом, могут быть выделены четыре основные группы соответствий, имеющих разные формальные и содержательные характеристики.

Группа I

К первой многочисленной группе могут быть отнесены случаи, когда для обозначения одного понятия в британском и американском английском используются разные термины, которые одинаково переводятся на русский язык (см. таблицу 1). Для обозначения сведений об образовании, профессиональных навыках и опыте, которые сообщает претендующий на какую-либо работу, в британском английском используется аббревиатура *CV* (*curriculum vitae*), тогда как в американском английском – *résumé*. Оба термина имеют в русском языке соответствие *резюме*.

Таблица 1 - Использование разных терминов для обозначения аналогичных понятий

British English	American English
<i>CV</i> (резюме)	<i>resume</i> (резюме)
<i>banknote</i> (банкнота)	<i>bill</i> (банкнота)
<i>bring a lawsuit</i> (подать в суд на)	<i>sue the defendant</i> (подать в суд на)
<i>case note</i> (краткое содержание дела)	<i>case brief</i> (краткое содержание дела)
<i>maintenance</i> (алименты)	<i>alimony</i> (алименты)
<i>preference shares</i> (привилегированные акции)	<i>preferred stocks</i> (привилегированные акции)
<i>claimant</i> (истец)	<i>plaintiff</i> (истец)
<i>insider dealing</i> (инсайденская торговля)	<i>insider trading</i> (инсайдерская торговля)
<i>redundancy</i> (увольнение по сокращению штата)	<i>dismissal</i> (увольнение по сокращению штата)

Группа II

Ко второй группе могут быть отнесены ситуации, когда понятия в британском и американском вариантах сходны по своим существенным признакам, но различаются по второстепенным (см. таблицу 2). Такие случаи характеризуются не только использованием разных терминов, но и разным способом их перевода на русский язык. Для обозначения торгового или промышленного предприятия, создаваемого обычно группой предпринимателей, в британском английском используется термин *company* (компания), в то время как в американском английском используется термин *corporation* (корпорация).

Таблица 2 - Использование разных терминов для обозначения сходных понятий

British English	American English
<i>company</i> (компания)	<i>corporation</i> (корпорация)
<i>company law</i> (закон о компаниях)	<i>corporation law</i> (закон о предпринимательских корпорациях)
<i>company registration</i> (регистрация компании)	<i>incorporation</i> (инкорпорация (процесс регистрации юридического лица в качестве корпорации властями данного штата))
<i>competition law</i> (конкурентное право)	<i>antitrust law</i> (антимонопольный / антитрестовский закон)
<i>articles of association</i> (устав компании)	<i>bylaws</i> (устав корпорации)
<i>memorandum of association</i> (меморандум об ассоциации)	<i>certificate of incorporation</i> (сертификат об учреждении корпорации)
<i>barrister</i> (барристер)	<i>counsellor</i> (адвокат)

В ряде случаев к данной группе отнесены реалии британской и американской культур, которые имеют ряд схожих характеристик. Для обозначения отрасли права, регулирующей деятельность таких предприятий, в британском английском используется термин *Company Law*, который переводится как «Закон о компаниях» (специфическая сфера английского права, в которой не существует четкого разделения гражданского, предпринимательского и торгового права; касается компаний, играющих важнейшую роль в экономике страны; в настоящее время среди таковых преобладают компании с ограниченной ответственностью), тогда как в американском английском используется термин *Corporation Law* (закон о предпринимательских корпорациях). Термины данной группы по-разному переводятся на русский язык.

Группа III

К третьей группе отнесены случаи, когда одинаковые термины используются для обозначения понятий, различных как по своим существенным признакам, так и по второстепенным (см. таблицу 3). При этом такие термины могут также использоваться и для обозначения тождественных понятий. И в британском, и в американском вариантах термин *corporation* имеет значения «объединение», «общество».

В британском английском термин *corporation* используется в качестве неофициального названия *company*. В свою очередь термин *corporation* в британском английском имеет значение «представители муниципалитета»; «городские власти», которого нет в американском английском, где под данным термином понимается корпорация (юридическая форма предпринимательства, капитал которой формируется путем размещения [выпуска] акций), имея отличительное значение (акционерное общество).

Таблица 3 - Использование аналогичных терминов для обозначения разных понятий (с общими значениями)

British English	American English
<i>turnover</i> (оборачиваемость товарных запасов)	<i>turnover</i> (товарооборот)
<i>turnover</i> – оборот	
<i>corporation</i> (представители муниципалитета; городские власти) + неофициальное название <i>company</i>	<i>corporation</i> (акционерное общество)
<i>corporation</i> – общество, объединение	

Группа IV

К четвертой группе относятся случаи, когда одинаковые термины используются в британском и американском английском для обозначения разных понятий и переводятся по-разному (см. таблицу 4).

Таблица 4 - Использование аналогичных терминов для обозначения разных понятий (без общих значений)

British English	American English
<i>solicitor</i> – солиситор (адвокат, консультирующий клиента, подготавливающий дела для барристера и выступающий только в судах низшей инстанции)	<i>solicitor</i> – 1) главный юрисконсульт муниципалитета, 2) агент фирмы по распространению заказов, коммивояжера

Термин *solicitor*, используемый в британском английском для обозначения солиситора (адвокат, консультирующий клиента, подготавливающий дела для барристера и выступающий только в судах низшей инстанции), в американском английском используется в значении «главный юрисконсульт муниципалитета», а также для обозначения агента фирмы по распространению заказов, коммивояжера. В отличие от третьей группы, у таких терминов нет общих значений.

Заключение

Выявленные закономерности еще раз подтверждают необходимость принятия во внимание разных вариантов языка при изучении международного юридического английского. Знакомство с реалиями двух правовых систем, изучение специфики использования терминологии, характерной для каждой из них, установление закономерностей, возникающих при переводе британских и американских соответствий, важно для развития компетенций не только в области лексики, страноведения и лингвострановедения, но и в области перевода, что необходимо для осуществления профессиональной деятельности, связанной с ведением межъязыковой профессиональной коммуникации и переводом. Полученные результаты могут быть использованы на занятиях по юридическому английскому, а также по теории и практике перевода. Материал исследования может быть предложен вниманию обучающихся: 1) в полном объеме как элемент лекционного или практического занятия; 2) выборочно как комментарий к конкретным случаям использования того или иного варианта в тексте.

Список литературы

1. Бондарчук Г.Г., Бурая Е.А. Основные различия между британским и американским английским. – 3-е изд. – М.: Флинта, 2013. – 135 с.
2. Тимашова Е.В. Американский и британский английский: сходства и отличия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – №2. – С. 41-47.
3. Швейцер А.Д. Литературный английский язык в США и Англии. – Изд. 2-е. – URSS, 2003. – 200 с.
4. Евдокимов М.С., Шлеев Г.М. Краткий справочник американо-британских соответствий [Текст]: учебник / Евдокимов М. С., Шлеев Г. М. – М.: 2000. – 96 с.
5. Cheshire J. English Around the World. Sociolinguistic Perspectives. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 2012.
6. Lee D.S., Hall Ch., Hurley M. American Legal English: Using Language in Legal Contexts. – University of Michigan Press, 1999. – 276 p.
7. Bristed Ch. The English language in America. Cambridge Essays. – L., 1855. – P. 57-78.
8. Crystal D. American English in Europe // Superculture: American popular culture and Europe. – L., 1975. – P. 57-68.

10.02.04

Т.Р. Беляева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Факультет иностранных языков и регионоведения,
кафедра английского языка для естественных факультетов,
Москва, t.r.belyaeva@gmail.com

КОРПУСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ОБЩЕНАУЧНОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

В данной работе представлены полученные при помощи методов корпусной лингвистики научные количественные данные, отражающие синтаксические и семантические особенности использования общенаучных (академических) прилагательных в медико-биологическом дискурсе в сопоставлении с историческим, социологическим и гуманитарным дискурсами. Исследование основано на данных двух репрезентативных корпусов научных текстов: академического подкорпуса СОСА, созданного американскими лингвистами Ди Гарднером и Марком Дэвисом в 2013 году, и BIOMED, специально разработанного автором настоящей статьи с помощью корпусного менеджера Sketch Engine. Применение статистических методов и методов качественного анализа общенаучных прилагательных позволяло выявить и наглядно продемонстрировать одну из функциональных особенностей академической лексики – способность служить маркером дисциплинарной принадлежности текста как по выбору, частотности и дистрибуции единиц, так и благодаря их семантике и специфическим коллигациям и коллокациям.

Ключевые слова: *общенаучная лексика, академическая лексика, корпусная лингвистика, прилагательное, научный дискурс, медико-биологический дискурс.*

В последние годы в лингвистике возросло внимание к лексике языка науки с точки зрения преподавания иностранного языка специальности на нелингвистических факультетах, лексикографии и перевода узкодисциплинарной академической литературы: описываются подязыки различных дисциплин, создаются их лексические минимумы. Особое внимание уделяется разработке специализированных корпусов текстов, т. к. именно корпусный подход в наибольшей степени гарантирует получение достоверных лингвистических данных, основанных на реальном узусе, а не на языковой интуиции автора.

Использование прилагательных в научном дискурсе служит для реализации необходимой в науке точности и однозначности в описании и выражении понятий, прилагательные играют существенную роль и в образовании новой терминологии в качестве компонентов составных терминов. Несмотря на в целом достаточную изученность функционирования прилагательных в научном регистре речи, так называемые общенаучные (академические) прилагательные до сих пор, насколько нам известно, не подвергались системному исследованию ни в одном регистре научной речи. Общенаучная (академическая) лексика, являющаяся условно выделенным слоем лексических единиц, занимающим промежуточное положение между лексикой общеупотребительной и терминологической, играет особую роль в изучении иностранного языка специальности, так как ее усвоение вызывает у студентов-иностранцев серьезные затруднения. В этой связи предоставляемые корпусной лингвистикой репрезентативные данные о частотности и контекстах употребления общенаучной лексики в текстах разной профессиональной направленности особенно важны как для студентов, так и для их преподавателей-англистов [1].

Данное исследование было проведено на базе двух представительных корпусов научных текстов: созданного в 2013 году американскими лингвистами Д. Гарднером и М. Дэвисом академического подкорпуса СОСА (Corpus of Contemporary American English) [3], и корпуса научных текстов медико-биологической направленности BIOMED, специально

разработанного автором данной статьи с помощью корпусной поисковой системы (corpus query system) Sketch Engine [4]. Академический подкорпус объемом в 120 млн. словоупотреблений оснащен рубрикацией по дисциплинам естественнонаучного и гуманитарного циклов (социальные, медицинские, исторические, юридические, философские, филологические, педагогические, научно-технические и точные науки), из которых для целей настоящего исследования будут использованы лишь три подкорпуса – History, Social Science и Humanities. В свою очередь, BIOMED, насчитывающий 5 484 665 словоупотреблений, базируется на 872 научных статьях, которые распределены по тематическим подкорпусам, представляющим основные медико-биологические специализации (молекулярная и клеточная биология, генетика, эндокринология и т.д.).

Корпусно-статистический подход к изучению функционирования общенаучных прилагательных в текстах медико-биологических, социологических, исторических и гуманитарных наук дополняется традиционными качественными методами их коллигационно-коллокационного и семантического анализа.

Для проведения сравнительного количественного анализа на основе корпуса BIOMED были отобраны 20 наиболее частотных академических прилагательных (*significant, similar, primary, total, additional, multiple, potential, normal, positive, relative, previous, individual, functional, consistent, initial, overall, negative, active, statistical, independent*), а затем установлена их частотность и в подкорпусах History, Social Science и Humanities. Выборка наиболее частотных академических прилагательных осуществлялась при помощи встроенной в Sketch Engine функции Wordlist, которая формирует списки частотности различного типа согласно заданным параметрам (по частям речи, по аффиксам и окончаниям, тегам, леммам и пр.). Из ранжированного по частотности полного списка более 6000 встречающихся в BIOMED прилагательных были отобраны общенаучные (в соответствии со списком академической лексики Д. Гарднера и М. Дэвиса).

Сравнение частотности общенаучных прилагательных высокой в медико-биологическом дискурсе частотности с социологическим, историческим и гуманитарным дискурсами демонстрирует близость значений между медико-биологическими и социальными дисциплинами. Близость значений также продемонстрировали дисциплины гуманитарной и исторической направленности.

С целью проверки выявленной между тематическими дискурсами корреляции по частотности употребления в них общенаучных прилагательных были дополнительно проанализированы еще 20 прилагательных, но уже не из верхней, а из нижней части ранжированного по частотности списка встречающихся в BIOMED общенаучных прилагательных, а именно: *idiosyncratic, antecedent, contextual, receptive, intentional, continual, conspicuous, salient, interpretive, prevailing, inclusive, paramount, ambiguous, primitive, destructive, descendant, intrusive, constructive, innovative, pragmatic*.

Из сравнения представленных на Рис. 1 графиков вполне определенно следует, что чем более частотными являются общенаучные прилагательные в медико-биологическом дискурсе, тем четче прослеживается у них, с одной стороны, корреляция высокой частотности с социологическим дискурсом, а с другой – корреляция более низких частотностей этих же прилагательных между историческим и гуманитарным дискурсами, тогда как для низкочастотных прилагательных никаких корреляций уже не прослеживается. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что все без исключения низкочастотные в медико-биологическом дискурсе прилагательные демонстрируют в этом дискурсе самые низкие частоты по сравнению с остальными рассматриваемыми тематическими разновидностями научного дискурса.

На первом этапе был проведен сопоставительный количественный анализ частотности его употребления в атрибутивной и предикативной функциях в медико-биологическом и остальных исследуемых дисциплинарных дискурсах. Выяснилось, что во всех рассматриваемых разновидностях научного дискурса прилагательное *significant* встречается в атрибутивной позиции значительно чаще, чем в предикативной: в медико-биологическом

дискурсе в 4,4 раза чаще, в историческом – в 4,3 раза чаще, в социологическом - в 3 раза, в гуманитарном – в 2,3 раза. При этом прилагательное *significant* демонстрирует наибольшую частотность в медико-биологическом дискурсе по сравнению со всеми остальными, а также более частотное употребление *significant* в предикативной функции в текстах гуманитарных наук по сравнению с другими.

Предпринятый на следующем этапе исследования качественный анализ выявленных словосочетаний показал, что в корпусе BIOMED у прилагательного *significant* в атрибутивной функции 116 коллокатов-существительных, из которых 45 являются терминами медицины и биологии, а также статистики и химии (*cancer, marker, morbidity, etc.*), 18 относятся к общеупотребительному слою лексики (*amount, number, rise, burden, departure, loss, portion, delay, etc.*), а 53 слова являются общенаучными (*reduction, increase, improvement, etc.*).

При более внимательном рассмотрении общенаучных и общеупотребительных существительных-коллокатов прилагательного *significant* выясняется, что многие из них (45 слов из 71) демонстрируют определенную общность значения и могут быть объединены в семантические группы, что и было сделано с помощью одного из старейших и наиболее авторитетных идеографических словарей [7]:

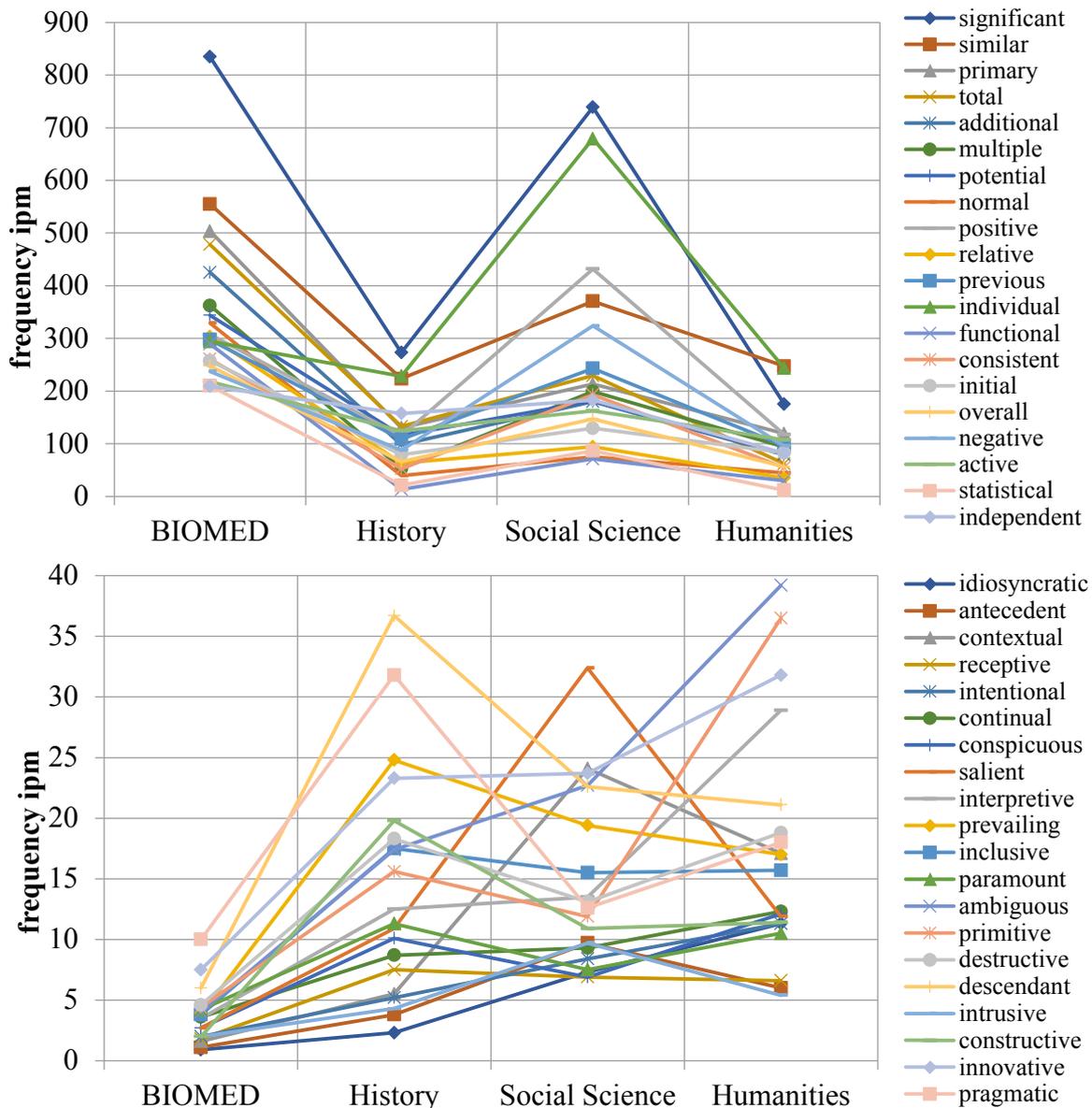

Рис. 1 – Корреляция частот общенаучных прилагательных в текстах разных областей научного знания

1. **progressive motion:** *improvement, progress, advance, rise, increase, enhancement, enrichment, development;*
2. **objects of good volition:** *benefit, advantage;*
3. **deterioration & decrease:** *damage, loss, decrease, decline, fall, drop, reduction, worsening;*
4. **difference & change:** *difference, variation, heterogeneity, discrepancy, change, alteration, shift;*
5. **relation:** *proportion, relationship, implication, association;*
6. **quantity:** *value, quantity, amount, degree, level, number, cost;*
7. **parts:** *fraction, unit, portion;*
8. **power in operation:** *production, effort, effect, influence, impact, interaction.*

Ниже в табличной форме представлены данные частотности прилагательного *significant* по каждому из выделенных семантических полей в разных дисциплинарных дискурсах (в порядке убывания частотностей в корпусе BIOMED).

Таблица 1 – Частоты общенаучного прилагательного *significant* по семантическим полям в разных дисциплинарных дискурсах

Semantic fields	BIOMED ipm	History ipm	Social Science ipm	Humanities ipm
difference & change	171,4	16,9	132,2	9,4
power in operation	62,7	9,7	42,0	4,7
progressive motion	60,7	8,2	16,1	3,1
deterioration & decrease	57,1	3,5	8,0	0,9
relation	31,0	2,8	30,8	1,6
quantity	15,7	13,6	19,6	6,6
parts	5,7	2,5	2,7	1,3
objects of good volition	4,7	1,3	1,2	0,7

Приведенные в таблице количественные данные демонстрируют наибольшую востребованность академического прилагательного *significant* в BIOMED по сравнению с другими рассматриваемыми дискурсами практически во всех семантических группах, кроме группы “quantity”, где по частоте встречаемости прилагательного *significant* лидирует социологический дискурс. Особого внимания заслуживает несомненная склонность прилагательного *significant* к образованию словосочетаний с существительными, входящими в семантическое поле “difference & change”, причем во всех дисциплинарных разновидностях научного дискурса, тогда как в семантических группах “power in operation”, “progressive motion” и “deterioration & decrease”, вполне соотносимых с этим полем по количеству составляющих их существительных (7 слов : 6-8 слов), *significant* оказывается значительно менее употребительным (разница от 1,7 до 10 и более раз).

Для того чтобы выяснить, как те же идеи важности, значительного возрастания, убывания, изменения количества и пр. выражаются в тех дискурсах, где *significant* демонстрирует сравнительно низкую частотность, были отобраны его основные синонимы и проведен количественный сопоставительный анализ использования *significant* и синонимичных ему прилагательных по каждой из выделенных семантических групп во всех исследуемых дискурсах. Для данного этапа исследования было принято решение опереться при выборе синонимов на опыт, компетентность и авторитет составителей сразу нескольких словарей синонимов. С помощью Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms [6], Thesaurus of English Words and Phrases [7] и The Macmillan Thesaurus [5] был получен обширный список синонимичных *significant* прилагательных, из которого затем были отобраны для анализа слова, демонстрирующие абсолютную частотность не ниже 300 хотя бы в трех из четырех рассматриваемых дискурсов. Таким образом, список исследуемых синонимов общенаучного прилагательного *significant* составили 4 общенаучных и 4 общеупотребительных прилагательных, отобранных как на уровне языка, так и речи, а именно: *notable, important, considerable, substantial* – с одной стороны, и *meaningful, great, large, big* – с другой.

Проиллюстрируем ход дальнейшего анализа на примере семантического поля “power in operation”, образуемого существительными *production, effort, effect, influence, impact, interaction*.

Из представленных на Рис. 2 в виде диаграммы данных становится очевидным абсолютно доминирующее употребление *significant* в медико-биологическом и социологическом дискурсах в отличие от исторического и гуманитарного, где отрыв *significant* от занимающего во всех дискурсах второе место по частотности употребления прилагательного *great* резко сокращается. В медико-биологическом и социологическом дискурсах на долю *significant* приходятся почти три четверти (по 72% в каждом) всех случаев выражения мысли о значительности и значимости приложенных усилий. Доли прилагательного *significant* в историческом и гуманитарном дискурсах не идентичны, но тоже достаточно близки (40% и 32% соответственно).

Следующим этапом исследования стало изучение данного синонимического ряда с точки зрения распределения частотностей между двумя составляющими его лексическими слоями – общеязыковыми и общенаучными единицами - по каждому из выделенных семантических полей.

Для семантического поля “power in operation” получены следующие результаты: в медико-биологическом дискурсе доля общенаучных прилагательных составляет 80% (*significant* – 72%, *notable* – 0%, *important* – 4%, *considerable* – 1%, *substantial* – 3%), а общеупотребительных – 20% (*great* – 10%, *large* – 8%, *big* – 1%, *meaningful* – 1%) от всех случаев употребления прилагательных данного синонимического ряда; в социологическом дискурсе 86% приходится на употребление общенаучных прилагательных (*significant* – 72%, *notable* – 0,5%, *important* – 6,5%, *considerable* – 4%, *substantial* – 3%) и 14% – на долю общеупотребительных (*great* – 7%, *large* – 5%, *big* – 1%, *meaningful* – 1%); в историческом дискурсе 73% общей частоты употреблений приходится на общенаучные прилагательные (*significant* – 40%, *notable* – 2%, *important* – 12%, *considerable* – 14%, *substantial* – 5%), а 27% – на долю общеупотребительных (*meaningful* – 2%, *great* – 21%, *large* – 2%, *big* – 2%); в гуманитарном дискурсе соотношение частот общенаучных и общеупотребительных прилагательных составляет 69% (*significant* - 32%, *notable* - 3%, *important* - 15%, *considerable* - 16%, *substantial* - 3%) к 31% (*meaningful* – 3%, *great* – 24%, *large* – 1%, *big* – 3%). В целом, результаты, полученные для семантического поля “power in operation”, характерны и для других семантических полей.

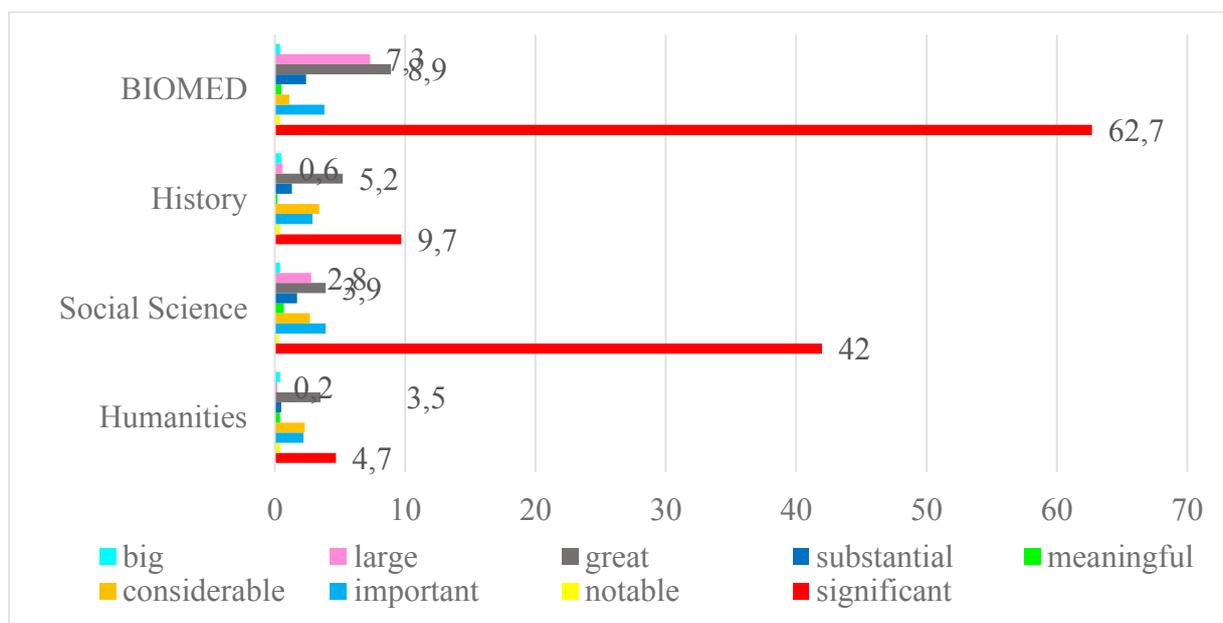

Рис. 2 – Диаграмма соотношения частот (в ipm) академического прилагательного *significant* и синонимичных ему прилагательных для семантического поля “power in operation” в разных видах научного дискурса

Рассмотренный материал показывает, что атрибутивное функционирование прилагательных в научном тексте характеризуется двумя тенденциями: с одной стороны – значительно большая плотность лексических единиц общенаучного характера по сравнению с их общеупотребительными синонимами, а с другой – возрастание этой плотности при переходе от гуманитарного к естественнонаучному дискурсу.

Постоянно отмечаемая близость количественных данных гуманитарного и исторического дискурсов была ожидаемой, так как история традиционно считается одной из гуманитарных наук. Напротив, близость показателей медико-биологического и социологического дискурсов поначалу вызывала недоумение, заставив обратиться к анализу источников, составивших созданный Д. Гарднером и М. Дэвисом подкорпус Social Science. Оказалось, что в подкорпус массово вошли статьи медико-биологической направленности из междисциплинарных журналов “Journal of Sport Behavior”, “Health & Social Work”, “Journal of Sex Research”, “Journal of Social Psychology” и др., и соответственно, дискурсивная близость материалов корпуса BIOMED и подкорпуса Social Science также оказалась вполне объяснимой. Эти факты послужили лишним подтверждением лежащей в основе настоящего исследования гипотезы о том, что общенаучная лексика вообще и академические прилагательные в частности могут служить маркерами дисциплинарной принадлежности научного дискурса.

Анализ синтаксического функционирования академического прилагательного *significant* в качестве именной части сказуемого в материалах корпуса BIOMED выявил несколько предикативных конструкций: *V + significant, be + Ved + as + significant, be + as + significant + as*.

Конструкция *V + significant* реализуется в медико-биологическом дискурсе с общеупотребительными глаголами *be, consider, remain* и *become*, правда, с несопоставимо разной частотностью. Использование же в данной конструкции общеупотребительных глаголов *seem, find* и *appear* нехарактерно для медико-биологического дискурса, однако иногда встречается в текстах исторических, социологических и гуманитарных наук. Наибольшую частотность во всех дискурсах демонстрирует коллокация *be significant*, причем снова подтверждается выявленная ранее близость дискурсов медико-биологических и социальных наук (BIOMED – 100,1 ipm, Social Science – 86,7 ipm), с одной стороны, и исторических и гуманитарных наук (History – 21,6 ipm, Humanities – 23,1 ipm), с другой.

Конструкция *be + Ved + as + significant* наиболее частотна в медико-биологическом дискурсе, где она реализуется с общенаучными глаголами *regard, deem, classify* и *define* и общеупотребительным *consider*, не встречающимися в данной коллигационной модели в других дискурсах, а также с общенаучным глаголом *identify*, не фигурирующим в сочетании с прилагательным *significant* в гуманитарном дискурсе и имеющим незначительную частотность в таком сочетании в историческом и социологическом дискурсах (0,1 ipm и 0,2 ipm соответственно). В историческом и социологическом дискурсах данная предикативная конструкция также по одному разу реализуется с общеупотребительным глаголом *see*. Приведем несколько типичных примеров:

- *P values ≤ 0.05 were regarded as significant* (BIOMED)
- *The most commonly mutated positions in the mFruits are V16 < ... > and A217, two of which were positions that were also identified as significant* (BIOMED)
- *< ... > demographic factors, labor-force participation, and asset distributions have been identified as significant in explaining inequality* (History)
- *The content of the PE program < ... > and the teaching style of the PE teacher < ... > were also seen as significant to implementing a CSPAP* (Social Science)

Коллигационная модель *be + as + significant + as* является самой редкой из перечисленных выше предикативных конструкций, и в рассматриваемых дискурсах встречаются лишь единичные случаи ее употребления.

Таким образом, рассмотрение предикативного функционирования общенаучного прилагательного *significant* в четырех дисциплинарных разновидностях научного дискурса подтверждает вывод, сделанный на основе изучения атрибутивных словосочетаний с ним, о

более высокой плотности лексических единиц общенаучного характера (в данном случае речь идет о глаголах-коллокатах прилагательного *significant*) в естественнонаучном дискурсе по сравнению с гуманитарным.

Отметим также, что различий в семантике *significant* при атрибутивном и предикативном речевом употреблении обнаружено не было. Зато такие различия были выявлены у некоторых других общенаучных прилагательных, таких как, например, *present*:

- *Participants were presented with a sequence of images and asked to identify regions where cancer was present* (BIOMED)
- *After addition, the inhibitor remained present throughout the assay* (BIOMED)
- *Family studies and longitudinal follow-up of the present patients were beyond the scope of this study* (BIOMED)

В первых двух примерах *present* употребляется в предикативной позиции в значении “being in a specified place, thing, etc.” [6], тогда как в атрибутивной функции в третьем примере реализуется значение “in existence at the moment in time at which an utterance is spoken or written” [6]. Как и *significant* во всех рассматриваемых разновидностях научного дискурса, прилагательное *present* встречается в атрибутивной функции значительно чаще, чем в предикативной: в медико-биологическом дискурсе почти в 2 раза чаще (227,9 ipm vs 126,4 ipm), в историческом – почти в 5 раз чаще (83,8 ipm vs 17,1 ipm), в социологическом – в 7 раз (278,0 ipm vs 37,7 ipm), в гуманитарном – в 3,5 раза (106,5 ipm vs 29,7 ipm).

Сопоставительный анализ атрибутивного и предикативного функционирования общенаучных прилагательных в научном дискурсе еще не завершен и будет продолжен.

Частотный корпусный анализ функционирования прилагательных в медико-биологическом дискурсе в сочетании с их коллигационно-коллокационным и семантическим анализом и в сопоставлении с тремя иными дисциплинарными разновидностями научного дискурса наглядно демонстрирует, что наличие в тексте общенаучных прилагательных не просто маркирует его как принадлежащий к научному регистру речи, а способно указывать на принадлежность текста к дискурсу определенной, конкретной области научного знания. При этом маркерами дисциплинарной принадлежности научного дискурса выступает комплекс факторов – от самого выбора тех или иных общенаучных прилагательных из числа их академических и общеязыковых синонимов до особенностей включения их в текст в атрибутивной или предикативной функции и в сочетании с определенными коллокатами. Этот вывод представляется особенно важным для практики преподавания английского языка специальности и может лечь в основу создания учебных материалов для студентов разных специальностей.

Список литературы

1. Полубиченко Л.В. Общенаучная лексика в составе научного дискурса: новые возможности изучения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – ДВГУПС (Хабаровск), 2019, (16). – С. 26-30
2. <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/present> [Электронный ресурс]. (дата обращения: 05.11.2021).
3. Gardner, D., Davis, M. A New Academic Vocabulary List // Applied Linguistics, 2014, Vol. 35 (3). – P. 305-327.
4. Kilgarriff, A., Rychlý P., Smrž P., Tugwell, D. The Sketch Engine. In: EURALEX 2004 proceedings, Lorient, France, 2004. URL:<http://kilgarriff.co.uk/Publications/2004KilgRychlySmrzTugwell-SkEEuralex.rtf> (дата обращения 20.01.2022)
5. <https://www.macmillanthesaurus.com/significant> [Электронный ресурс]. (дата обращения: 27.12.2021).
6. Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms. Second edition. – Oxford, Oxford University Press, 2007. – 528 p.
7. Roget P. Thesaurus of English Words and Phrases: Classified and Arranged so as to Facilitate the Expression of Ideas and Assist in Literary Composition (Cambridge Library Collection – Linguistics). Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 418 p.

10.02.04

¹Р.Е. Богачев, ¹Н.В. Зимовец, ¹Л.Н. Мирошниченко, ²Н.Л. Кривчикова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
педагогический институт,
факультет иностранных языков,
¹кафедра иностранных языков,
²кафедра немецкого и французского языков,
Белгород, romabog2@gmail.com, krivchikova@bsu.edu.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассматриваются элементы религиозного синкретизма в англосаксонской поэзии древнеанглийского периода. Анализ материала приводится на примере некоторых письменных памятников того периода.

Ключевые слова: *религиозный синкретизм, англосаксонская поэзия.*

Древнеанглийский язык изучен достаточно хорошо, но вот сами источники дошли до нас либо в отрывочном виде, либо были дополнены и изменены гораздо позже времени их создания. Еще J.R.R. Tolkien говорил, что сам язык не сложен, но вот поэзия на этом языке достаточно богата и разнообразна, однако ее истоки давно утеряны.

«Old English (or Anglo-Saxon) is not a very difficult language, though it is neglected by many of those concerned with the long period of our history during which it was spoken and written. But the idiom and diction of Old English verse is not easy. Its manner and conventions, and its metre, are unlike those of modern English verse. Also it is preserved fragmentarily and by chance, and has only in recent times been redisciphered and interpreted, without the aid of any tradition or gloss: for in England, unlike Iceland, the old Northern poetic tradition was at length completely broken and buried.» [2:49]

Явление синкретизма мы уже рассматривали частично, когда касались проблемы реализации древнеанглийского концепта «OS» в древнеанглийском языке [1].

Тут необходимо сделать отступление. Дело в том, что само понятие религиозного синкретизма очень широко. Оно включает в себя и сплав неких первобытных верований в некую строгую систему. Так называемый «первичный синкретизм» [3] и тот же самый процесс «синкретизации» в ус ловиях постмодерна, то есть в современном глобалистическом обществе, культуре всеобщего глобализма. [5]. Однако в нашей статье мы эти аспекты рассматривать не будем, поскольку нас интересует именно переход от язычества к христианству, когда и были созданы большинство письменных памятников древнеанглийского периода. Это, так называемый, «вторичный синкретизм». [4]

Особенностью вторичного синкретизма является его государствоцентричность, а поскольку в то время переписывание книг и манускриптов было в основном делом государства и церкви, то нередки случаи, когда переписчики действовали с точки зрения религиозной и государственной целесообразности, что и влияло на итоговый результат. Подтверждением могут служить многочисленные вставки в том же «Беовульфе», которые появились позднее оригинала и часто диссонируют с формой и содержанием самой поэмы. Обратимся снова к J.R.R. Tolkien и его труду «Чудовища и критики», который он посвятил как раз «Беовульфу»:

«...Но в Англии такая картина мира пришла в соприкосновение с христианским миром и Писанием. «Обращение» в христианство заняло много времени, но некоторые его результаты дали о себе знать, вне всякого сомнения, мгновенно: сразу же пришла в движение алхимия изменений (породившая в конце концов средневековье). Нет необходимости ждать, пока все исконные традиции старого мира сменятся новыми или забудутся; те умы, что являются их

вместилищем, претерпят изменения, и хранящееся в памяти будет восприниматься под другим углом: оно сразу станет и более древним, и более удаленным, а в каком-то смысле и более темным. Именно в силу такого слияния автору, решившему написать (а в случае «Беовульфа» мы можем применить именно это слово) поэму, объемом и масштабностью превосходящую песни менестрелей, стали доступны как новая вера и новая ученость, так и богатство исконной традиции (которой тоже нужно было овладеть). Его изменившееся сознание смогло объять и то и другое» [6:21]

Он указывает на то, что к моменту создания поэмы уже случилась определенная «синкретизация сознания».

Возьмем небольшой пример из «Заклинания девяти трав Одина». Это своеобразное «заклинание входит в манускрипт «Laspunga», датируемый 10-11 веком, то есть, скорее всего, это была обработка скандинавского оригинала, поскольку к этому времени большая часть Англии уже была христианизирована.

Wyrm com snican, toslat he {m}an; in two ða genam Woden VIII wuldortanas, sloh ða þa næddran, þæt heo on VIII tofleah.	Подкрался Червь и разорвал человека надвое, тогда взял Один 9 веточек, ударил его и разлетелся он на 9 кусков
--	---

(здесь и далее древнеанглийский текст дан в нормализации Бенджамина Слейда)

Собственно, тут мы видим борьбу языческого бога Одина со Змеем, что уже создает определенный фон для синкретизма, поскольку и в христианстве Змей является противником Бога. Вообще, это довольно распространенный сюжет, многие герои сражаются со змеями в том, или ином виде, включая Беовульфа.

Далее, буквально тут же через 4 строфы:

Fille and finule, felamihtigu twa, þa wyrte gesceop witig drihten, halig on heofonum, þa he hongode; sette and sænde on VII worulde	Кервель и фенхель два могучих растения создал мудрый Господь, сущий (пресвятой) на небесах, когда он висел, создал он их и послал в 7 миров
---	---

Понятно, что перевод может вызывать разные толкования, мы не претендуем на исключительность в данном вопросе. Но то, что нам нужно тут как раз показано очень хорошо и двойного толкования не допускает.

«...Witig drihten, halig on heofonum...» данный фрагмент особо интересен. Что касается слова «drihten», то оно является более поздним заменителем англосаксонского «Os», обычно переводится не только как «хозяин, господин», но и как «Бог», но суть тут не в этом, дело в том, что тут есть прямая отсылка к небесам и святости «halig on heofonum», чего в культуре англосаксов того времени, о котором идет речь в «Беовульфе» просто не могло быть, таких понятий у них не существовало. Это уже религиозный синкретизм вторичного типа в чистом виде. Ну и нельзя не упомянуть то, что Один тут предстает в виде бога, который «висел», что еще сильнее приближает этот образ к более позднему для англосаксов образу Иисуса.

Ну и как итог обратимся к стофам 55-58:

gif ænig attor cume eastan fleogan oððe ænig norðan cume oððe ænig westan ofer werðeode. Crist stod ofer a{dl}e ængan cundes.	Если какой-нибудь яд приходит с востока, или какой-то приходит с севера, или какой-то с запада приходит на народы, Христос стоит над жестокой болезнью.
---	---

Тут мы видим прямое упоминание Христа, явно более поздняя вставка переписчика, поскольку упоминание в одном заговоре (или молитве) Одина и Христа представляется порядочной нестыковкой. Но зато это очень хорошо иллюстрирует приведенную выше цитату J.R.R. Tolkien о том, что «изменившееся сознание смогло объять и то и другое». Религиозный синкретизм в древнеанглийской поэзии стал просто отражением религиозного синкретизма в англосаксонском сознании.

Более близким к англосаксонской культуре нам представляется другое поэтическое произведение того периода: «Заговор от внезапной боли» (иногда переводится как «заговор от стрелы эльфа»), тоже входящий в манускрипт «Lacnunga».

Считалось, что нападение эльфов было причиной таинственных страданий людей и домашнего скота. Обычно это были стреляющие боли, локализованные в определенной области тела, например, при ревматизме, артрите или мышечных швах или судорогах. Считалось, что эльфы стреляют дротиками или стрелами, когда у таких болей не было очевидной внешней причины, в качестве доказательства жители иногда находили маленькие наконечники стрел (остатки кремней эпохи неолита или мезолита или встречающиеся в природе камни в форме копья).

gif hit wære esa gescot oððe hit wære ylfa gescot	Если ты был поражен богом, или если был ты поражен эльфом.
--	---

Тут мы видим еще англосаксонское обозначение бога через древнеанглийское «Os» в родительном падеже - «esa». И только в одном месте мы видим элементы религиозного синкретизма:

Hal westu, helpe ðin drihten!	Оставайся здоровым, да поможет тебе Господь
-------------------------------	--

Как мы видим, религиозный синкретизм присутствует в большей, или меньшей степени в большинстве письменных памятников древнеанглийской поэзии. Однако сложно сказать, где этот процесс был естественным, а где постарались более поздние переписчики. Иногда это очевидно, как в случае с заклинанием девяти трав Одина, а иногда, как в заклинании от внезапной боли, мы это практически не замечаем, все выглядит органично.

Список литературы

1. *Bogachev R.E., Musaelian E.N., Miroshnichenko L.N., Yarygina O.N.* The notion interconnections of "os-drihten" within one conceptual meaning // *The Social Sciences (Pakistan)*. 2015. Т. 10. № 6. С. 1135-1137.
2. *The monsters and the critics, and other essays*, George Allen & Unwin, Houghton Mifflin, 1983, p. 240
3. *Архипова, Ю.В.* Синкретизм в структуре культуры [Текст]: автореф. дис...канд. филос. наук / Ю. В. Архипова; Саратовский гос. ун-т. – Саратов, 2005. – 17с.
4. *Зельницкий, А.Д.* Формы «религиозного синкретизма» в Китае [Текст]: автореф. дис...канд. филос. наук / А. Д. Зельницкий; Санкт-Петербургский гос. ун-т. –СПб, 2006. – 23 с.
5. *Русин, Д.В.* Религиозный синкретизм у русских Ульяновского Поволжья [Текст]: автореф. дис.. канд. ист. наук / Д. В. Русин; Саранский гос. ун-т. – Саранск, 2004.– 26 с.
6. *Чудовища и критики и другие статьи: перев. с англ. / Дж. Р. Р. Толкин; под ред. Кристофера Толкина.* – М.: Elsewhere, 2006. – 300 с.

10.02.04

¹Р.Е. Богачев, ¹Е.В. Шемаева, ¹А.В. Марков, ²С.Я. Янутик

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
педагогический институт,
факультет иностранных языков,
кафедра иностранных языков,
²кафедра английского языка и методики преподавания,
Белгород, romabog2@gmail.com, yanutik@bsu.edu.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АНТАГОНИСТА В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассматривается проблема репрезентации антагониста в англосаксонской поэзии. На основе материала из англосаксонской поэмы «Беовульф» показаны примеры конвергенции христианских и языческих понятий в рамках процесса религиозного синкретизма.

Ключевые слова: религиозный синкретизм, англосаксонская поэзия.

Рассматривая проблему религиозного синкретизма в англосаксонской поэзии постоянно приходится возвращаться к проблеме понимания Бога как вселенской сверхсущности и восприятию этого понятия с точки зрения англосаксонской языческой картины мира. Проблему изменения содержания концепта «Os» (Ass) мы уже пытались рассмотреть в одной из предыдущих работ. [2] Но если с репрезентацией концепта «Os» можно как то разобраться, поскольку сам концепт «сверхсущность» никуда не делся, просто претерпел определенные изменения в своем содержании, то вот с проблемой антагониста этой сверхсущности гораздо сложнее. В одной из своих работ мы рассматривали этот вопрос на основе материала из «Рунических песен» [3], проблема в том, что в германской мифологии не было персонифицированного зла. Да, в древнеисландском есть вариант «djöful», но вот если посмотреть на концептуальные связи, то встречаются такие варианты как «áslátta djöfuls». Этот оксюморон является прямым порождением религиозного синкретизма в его самом прямом и явном виде. Если разобрать по составу первое слово, то получится «as-latta», то есть «божественная рана, рана, нанесенная богом», а все словосочетание целиком получается как «божественная рана, нанесенная дьяволом», по сути, тут соединяется несоединимое.

Тут можно привести известную цитату Дж. Р. Р. Толкина из его известного эссе «Чудовища и критики»:

«Именно тут особенно остро сожалеешь о том, что нам ничего не известно о дохристианской английской мифологии. Но, как я уже говорил, мы вполне вправе допустить, что положение чудовищ относительно людей и богов принципиально не отличалось от более поздних исландских мифов». [4:25]

В древнеанглийском, как и в древнеисландском, тоже есть вариант «deófol» - ðæt deófol swæð tó þam folce. [1] В «Беовульфе» мы встречаем этот вариант всего несколько раз за весь текст.

(Весь древнеанглийский текст тут и далее дается в нормализации Бенджамина Слейда.)

В 756 строфе:

wolde on heolster fléon, sécan déofla gedræg ne wæs his drohtoð þaér swylce hé on ealderdagum aér geméttē.	он хотел убежать во тьму, искать сборище дьяволов; его положение было таким, в какое он не попадал никогда в своей жизни.
---	---

Тут «*déofla*» используется скорее как эмоциональный усилитель ситуации, ее определение, поскольку само слово стоит во множественном числе, мы никак не можем увидеть тут именно персонифицированного антагониста бога.

В 1680 строфе:

<p>Đá wæs gyldenhilt gamelum rince hárum hildfruman on hand gyfen enta aérgeweorc hit on aéht gehwearf æfter déofla hryre Denigea fréan wundorsmīþa geweorc</p>	<p>Затем была вручена золотая рукоять старому королю, военному вождю, переданная в его руки, древняя работа великанов; она перешла во владение после падения дьяволов повелителя датчан, работа мастеров чудес</p>
--	--

Тут вообще много непонятного. И все как раз из-за использования «*déofla*». Дело в том, что непонятна отсылка этого слова, возможно, это относится к великанам, которые и сделали этот меч, а возможно это относится к Гренделю и его матери (о них речь далее по тексту). Вместо указания на конкретное действующее лицо автор (а возможно и более поздний переписчик текста, тут сложно сказать наверняка), в процессе синкретизма религий использует в произведении «*déofla*», что, в свою очередь, затрудняет понимания текста современному читателю.

В 2088 строфе:

<p>...sío wæs orðoncum eall gegyrwed déofles cræftum ond dracan fellum hé mec þaér on innan unsynnigne díor daédfruma gedón wolde</p>	<p>...это были хитроумные приспособления с дьявольскими поделками и драконьими шкурами, куда меня, невиновного, этот дерзкий подстрекатель хотел засунуть</p>
--	---

В этом случае «*déofles cræftum*» это словосочетание с определением «дьявольский». Само определение явно является порождением религиозного синкретизма, но в нашем случае оно никак не является отсылкой конкретно к антагонисту Бога.

По сути, на все огромное по объему произведение нашлось всего три прямых использования христианского заимствования «*deófol*» в древнеанглийском. С одной стороны, такое количество позволяет утверждать, что «Беовульф» создавался как англосаксонское произведение, вне влияния христианства, но с другой, наличие самого этого слова все-таки отрицать нельзя, даже если эта работа поздних переписчиков.

В результате мы имеем только один пример того, как христианский вариант «*deófol*» используется для обозначения антагониста. Однако это только если мы рассматриваем прямой вариант. В произведении есть еще и достаточное количество отсылок к библии. Тут придется привести немного более длинный пример со строфы 99:

<p>Swá ðá drihtguman dréamum lifdon éadiglice oð ðæt án ongan fyrene fremman féond on helle·wæs se grimma gaést Grendel háten maére mearcstapa sé þe móras héold fen ond fæsten·fifelcynnes eard wonsaéli wer weardode hwíle sipðan him scyppend forscifen hæfde in Caines cynne þone cwealm gewræc éce drihten þæs þe hé Ábel slóg· ne gefeah hé þaére faéhde ac hé hine feor forwræc metod for þý mane mancynne fram þanon untýdras ealle onwócon eotenas ond ylfe ond orcneás swylce gígnatas þá wið gode wunnon lange þrage·hé him ðæs léan forgeald.</p>	<p>Итак, люди господина жили в радости, счастливы, пока однажды не начал совершать злодеяния, исчадие ада; этого ужасного демона звали Грендель, печально известный охотник в болотах, тот, кто владел вересковыми пустошами, болотами и пустынной твердыней; землей болотных монстров, жалкое существо, управляемое все время с тех пор, как его осудил Творец вместе с родом Каина; за это убийство наказал вечный Господь, в котором он убил Авеля; эта вражда ему не нравилась, потому он прогнал его далеко, правитель, за это преступление, от человечества; отсюда все невыразимые отпрыски пробудились: людоеды, эльфы и духи из подземного мира; также гиганты, которые боролись с Богом в течение бесконечного времени; он дал им «награду» за это.</p>
--	---

Этот отрывок самый показательный в плане религиозного синкретизма в отношении антагониста в произведении «Беовульф». Первое, на что тут обращаешь внимание, это «drihtguman», которое может переводиться тут как «люди господина», то есть владельца земли, так и «люди Господа», то есть благочестивые миряне, все потому, что в условиях синкретизма «drihten» получило значение «Господь». Далее обращаем внимание на слово «scyppend», которое можно перевести как «создатель». Это христианское заимствование в произведении, так как боги в германской мифологии не являются создателями мира. Ну а далее у нас прямая отсылка Гренделя к потомкам Каина, собственно, почему он и оказался на болоте так далеко от людей после того как Бог отослал его за убийство Авеля (Англия, в мировоззрении того времени, являлась краем мира). Весь этот отрывок является продуктом процесса религиозного синкретизма, поскольку дальше опять отсылка к германской мифологии. Тут Каин и Абель вполне себе соседствуют с эльфами, ограми и великанами, которые еще и боролись с Богом, что было нормально для германской мифологии, но абсолютно не соответствовало канонам христианства. Ну и нельзя не сказать о характеристике, которую дают Гренделю, он «féond on helle», то есть «исчадие ада», хотя самого понятия «Ад» в англосаксонской мифологии не существовало (как, собственно, и небес, поскольку в сакральном значении в англосаксонской поэзии они никогда не встречаются).

Подводя итог нашему небольшому исследованию можно сказать, что религиозный синкретизм в обозначении антагониста в рамках англосаксонской поэзии несомненно присутствует, и, несмотря на практическое отсутствие прямых отсылок на дьявола, часто можно встретить отсылки к другим библейским персонажам. Часто это приводит к парадоксальным явлениям когерентности существования элементов различных религий и культур в сознании обывателя того времени. Однако в наше время религиозный синкретизм в определении антагониста часто затрудняет понимание текста.

Список литературы

1. An Anglo-Saxon Dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. / Ed. T.N. Toller. – Oxford: Oxford University Press, 1898.
2. Bogachev, R.E. et al. The Notion Interconnections of “Os-Drihten” Within One Conceptual Meaning // The Social Sciences. – 2015. vol.10, № 6. – P. 1135-1137.
3. Bogachev, R., Fedyunina, I., Melnikova, J., Koteneva, I., & Kudryavtseva, N. (2021) Symbolic Meanings Of Runes Within The Linguistic Worldview Of Ancient Germans. In O. Kolmakova, O. Boginskaya, & S. Grichin (Eds.), Language and Technology in the Interdisciplinary Paradigm, vol 118. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 532-538). European Publisher.
4. Чудовища и критики и другие статьи: перев. с англ. / Дж. Р. Р. Толкин; под ред. Кристофера Толкина. – М.: Elsewhere, 2006. – 300 с.

*10.02.04***А.К. Бойко, С.Е. Марченко**

Донской государственной технической университет,
факультет Прикладной лингвистики,
кафедра Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация,
Ростов-на-Дону, afilein2006@mail.ru, sweta-marchenko@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ, ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТЕЙ СМИ ЕВРОПЕЙСКИХ И США

Научно-технический процесс ведет за собой возрастание потоков информации, которой обмениваются преподаватели или сторонники онлайн обучения, что способствует расширению границ онлайн обучения. Актуальность работы обусловлена повышенным интересом общественности к такому обучению.

Цель работы проанализировать материалы СМИ, посвященных вопросам цифровых технологий в образовании в контексте условий обучения онлайн, а также прогнозируемых тенденций по данной тематике.

Методологическая основа включает: методы теоретического анализа литературы по исследуемой проблеме, обобщения анализа существующих результатов. Теоретической базой исследования послужили публикации зарубежных авторов. Для подробного обзора нами были взяты статьи различных авторов Великобритании и США за последние 7 лет, что позволило проследить тенденцию развития.

Ключевые слова: цифровизация, дистанционное образование, цифровые технологии, визуализация, доступ в интернет.

Статья «Насколько важны технологии в образовании? преимущества, проблемы и влияние на студентов» Американского университета опубликованная в июне 2020 года [5].

В статье сообщается, что преподаватели могут использовать онлайн-образование как мощный образовательный инструмент. Это может помочь повысить вовлеченность учащихся и улучшить планы уроков. Технологии должны быть интегрированы в существующие учебные программы.

В статье отмечены и проблемы образовательных технологий. Согласно проведенным опросам, онлайн-обучение действительно эффективно. Однако есть проблема с его реализацией. До сих пор вузы и школы недостаточно оснащены техникой, учащиеся проводят много времени за компьютерами, также есть сомнения в справедливости технологий. В условиях онлайн-образования в силу некоторых факторов, по мнению автора, одни студенты учатся хорошо, а другие плохо. Здесь, по нашему мнению, вопрос спорный, так как при любом обучении есть хорошие и плохие студенты [5].

Большое внимание в статье уделено преимуществам технологий в образовании. Технологии предоставляют учащимся легкодоступную информацию, ускоренное обучение и возможность практиковать то, что они изучают. Кроме того, онлайн-обучение помогает расширить сотрудничество и общение, предоставляет персонализированные возможности обучения, повышает производительность и эффективность преподавателей, пробуждает любопытство, стимулируемое интересным контентом для учащихся.

В статье упоминается о том, что некоторые преподаватели могут не обладать достаточными навыками для онлайн-обучения. На этот случай существуют специальные курсы для учителей, где они могут научиться внедрять и использовать современные технологии в образовании.

Статья под заголовком «Влияние современных технологий на образование» написана доктором философии и экономики, Индийского технологического университета (Харагпур) Трупти Миша [6].

Ключевым вопросом статьи является роль технологий в образовании. Автор говорит, что студенты находят обучение более интерактивным, когда ему помогают технологии, мозг работает быстрее, а процесс передачи знаний становится удобным и легким. Автор также отмечает, что цифровое образование способствует обучению посредством конструктивных подходов, а не запоминания, студенты могут виртуально встречаться через различные приложения с другими людьми со всего мира. Однако, отсутствие концентрации- один из самых больших минусов данного обучения.

Следующая статья взята с веб-сайта Research Review. Она опубликована в 2020 году. Заголовок статьи такой. «Потенциал цифровых технологий в образовании и их влияние на подходы к онлайн-обучению». Автор статьи Нилам Пармар [4]. Доктор Нилам Пармар в настоящее время работает директором по образовательным технологиям, цифровому обучению и инновациям. Нилам опирается на свои исследования и практический опыт работы с технологиями и регулярно представляет в Великобритании и на международном уровне роль EdТес в цифровом образовании.

Статья «Поставить педагогику на первое место в цифровой педагогике», опубликованная на веб-платформе Кембриджского университета, написана Найлом Карри (он является старшим менеджером по исследованиям ELT Senior ELT Research Manager) [7].

В статье последовательно описывается ценность цифрового образования, его помощь в самом процессе образования и чему люди могут научиться из него. Автор начинает с объяснения важности цифровых методов обучения. Он прикладывает много усилий, заставляя задуматься о необходимости включения новых технологий в процесс обучения. Он утверждает, что раньше даже простые прописи были нововведением, а теперь это просто обычная часть занятий.

Автор статьи поясняет, что целью обучения должна быть не сама технология, а люди должны быть ориентированы на достижение лучших результатов. По мнению автора, образование также должно использовать творческие подходы, социально взаимодействовать и договариваться о смысле.

Статья «Видеоигры или домашнее задание?» написана Эмбер МакЛеодом и Джо Бланнином (Университет Монаш) [3].

Эта статья посвящена онлайн-банку уроков цифрового обучения для школьников, созданному Австралийским национальным музеем экранной культуры (АСМІ). Game Lessons предлагает цифровые игры в качестве уроков — 25 планов уроков, включающих 75 цифровых уроков. Данные материалы создаются опытными учителями и включают такие области, как искусство, гуманитарные науки, естественные науки, грамотность и такие способности, как этика.

Среди преимуществ внедрения видеоигр в образовательный процесс авторы выделяют следующие: 1) студенты могут работать в своем собственном темпе; 2) учащиеся отрабатывают навыки до тех пор, пока они не будут достигнуты, а затем переходят на более высокий уровень; 3) игры автоматически подстраиваются под необходимый уровень сложности; 4) это помогает развивать навыки общения, разработки стратегии и решения проблем, необходимые для совместной игры.

Отмечено, что постоянное обновление технологий обучения неумолимо. Это заставляет учителей дважды подумать, прежде чем использовать этот тип ресурса, на случай, если технологии станут излишними в течение года или двух.

Для постоянного успеха АСМІ необходимо обеспечить, чтобы библиотека Games Lessons продолжала соответствовать международным стандартам технологий в образовании. То есть библиотека должна будет удовлетворять текущие потребности и предвидеть будущие потребности.

Анализ статей за 7 последних лет позволил проследить тенденцию всё возрастающего интереса к онлайн обучению, выявить что еще не все проблемы решены. Например, недостаточный уровень подготовленности самих преподавателей к цифровому образованию. Кроме того, надо учитывать и обеспеченность вузов и школ всем необходимым для онлайн обучения. По данным Project Tomorrow, несмотря на растущий интерес к использованию дополненной реальности, искусственного интеллекта и других новых технологий, менее 10% высших учебных заведений сообщают о наличии этих инструментов в своих классах.

Список литературы

1. *Frontiers in ICT//Digital Technology Shaping Teaching Practices in Higher Education*. 17.02.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.3389/fict.2016.00001> (дата обращения 19.02.2022).
2. *Frontiers in ICT// The changing trends in education*. 03.02.215. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fict.2015.00001/full> (дата обращения 19.02.2022).
3. *McLeod A., Blannin J. Videogames or homework?//The conversation*. 14.10.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://theconversation.com/videogames-or-homework-why-not-both-as-acmi-has-75-game-lessons-for-you-to-try-169359> (дата обращения 19.03.2022).
4. *Research Review //The potential of digital technology in education and its impact on approaches to online teaching.2020*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://my.chartered.college/research-hub/the-potential-of-digital-technology-in-education-and-its-impact-on-approaches-to-online-teaching/> (дата обращения 22.02.2022).
5. *School of Education//How Important Is Technology in Education? Benefits, Challenges, and Impact on Students*. 25.06.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://soeonline.american.edu/blog/technology-in-education> (дата обращения 22.02.2022).
6. *Trupti Misha Impact of modern technology on education// International Journal of Advanced Research and Development*. –Volume 5, Issue 5.– 2020. – Page No. 17-18.
7. *World of Better Learning//Putting the pedagogy first in digital pedagogies*. 05.09.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cambridge.org/elt/blog/2018/10/05/putting-the-pedagogy-first-in-digital-pedagogies/> (дата обращения 20.03.2022).

10.02.04

Е.В. Бутенко, Г.А. Циммерман

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения,
факультет экранных искусств,
кафедра иностранных языков,
Санкт-Петербург, elena.butenko.54@mail.ru, galazimmer@list.ru

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ ФРЕЙМ КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ СМЫСЛОВ В КИНОДИСКУРСЕ

В работе представлены результаты изучения структуры лингвостилистического фрейма как целостной коммуникативной единицы. Выявление формальных показателей и закономерностей организации фрейма, семантических отношений, формирующих когерентность высказывания, актуально для понимания и интерпретации художественного текста и кинотекста в частности. Видение взаимодействия и взаимообусловленности структурной и смысловой составляющих позволяет идентифицировать вид фрейма и, зная его специфику, обеспечить эквивалентный перевод, что составляет практическую значимость исследования.

Ключевые слова: кинодискурс, киноперевод, фрейм, эффект обманутого ожидания, хиазм.

В художественном языке кинодиалога фрейм рассматривается как выразительное проявление дискурсивных регулярностей, характеризующихся четкими способами упорядоченности и последовательности форм. Заимствованный из английского языка термин “frame” многоаспектен и, в частности, означает: 1 “a firm structure that holds something and provides a border for it” (прочная структура, которая удерживает нечто и обеспечивает границу для этого), 2 “main facts/ideas, that something is based on” (основные факты/идеи, на которых что-либо основано) [6, с.560]. Применительно к лингвостилистике – это каркас, схема, в рамках которой выстраиваются структурно-типизированные когнитивные фигуры речи, примеры которых – «обманутое ожидание» и хиазм – можно обнаружить в высказываниях персонажей анимационного фильма «Король Лев. Акуна Матата.» (The Lion King. Nakuna Matata). Цель исследования состоит в установлении взаимообусловленности структурного и семантического аспектов фреймовой модели, применяемой в условиях стереотипной коммуникативной ситуации для реализации конкретной прагматической задачи.

В связи с этим, в качестве материала для герменевтического анализа рассматривается высказывание, представляющее собой «обманутое ожидание», “Look out at the horizon, past the trees, over the grassland – everything the light touches belongs to someone else” (Там, до самого горизонта, где растут деревья и колышутся травы, все, на что падает свет, – это не наши владения.), которое показывает, как элементы определенного порядка взаимодействуют со стохастической вариативностью финального компонента схемы. Конкатенация синтаксически симметричных адвербиальных оборотов поочередно добавляет коммутативные элементы “at the horizon”, “past the trees”, “over the grassland”, способ расстановки которых не влияет на целостное семантическое значение структуры. Данное сцепление осуществлено по рекуррентной формуле – это грамматически тождественные предложные словосочетания, позиционно эквивалентные обстоятельства места, относящиеся к одному сказуемому “look”. На семантическом уровне сцепление обусловлено принадлежностью лексем к общему концептуально-тематическому полю – «великолепие окружающего мира». Возникающая таким образом избыточность средств языковой экспликации, является полезной, поскольку «приводит к тому, что каждый последующий

элемент текста может быть в известной степени предсказан на основе предшествующих, благодаря взаимосвязи с ними, а также благодаря наложенным на них ограничениям» [2, с.102].

Структура фрейма «обманутое ожидание», рассматриваемая как целостная коммуникативная единица, сегментируется на дискретные составляющие, выделяя второй компонент – “everything the light touches”, максимально обобщающую сказанное повторную номинацию. В результате, формируются сопряженные кореферентные номинации, где первичное выражение, именуемое В. Г. Гаком «абсолютным зачином», представляет собой прямые понятийные обозначения, которые опираются «на зрительные восприятия» [4, с.178]. Присоединением повторной номинации и реализацией при этом стилистического приема амплификации, фрейм привлекает усилительный элемент, структурно необходимый для функциональной перспективы высказывания, его актуального членения. Именно этим звеном, а также гибким средством тема-рематического развертывания, «предидирующей паузой» [1, с.10], четко разъединяющей части синтаксической конструкции “everything the light touches belongs to someone else”, сосредотачивается внимание зрителя на реме, ядре сообщения – “belongs to someone else”. Наряду с диспропорцией насыщенной тематической части и сжатостью ремы, «задержка ожидаемой развязки – ретардация, организованная затянувшейся темой, усиливает эффект обманутого ожидания, наступающий в реме». [3, с.38]

Итак, линейность речи, упорядоченная синтаксическим параллелизмом и грамматической идентичностью составляющих, выстраивает некоторую предсказуемость ожидаемых компонентов речевой цепи. Однако экспектация разрушается появлением семантического элемента малой вероятности, непредсказуемого для реципиента, в результате чего возникает «эффект обманутого ожидания». Тем не менее, стохастичность финального элемента данной фреймовой модели детерминирована ее композицией и составляет ее суть. Способствуя адекватному восприятию изложения, субтитр парцеллирует высказывание иначе, четко обособляя синтагматические отрезки финальным знаком препинания, точкой: “Look out at the horizon. Past the trees. Over the grassland”, подчеркивая как эмоциональное состояние, так и твердое стремление персонажа наглядно-образно, логически последовательно и точно поведать сыну об объективной реальности – существующей несправедливости жизни. Применение именно такого средства – трехкомпонентного «фрейма обманутого ожидания», включающего абсолютный зачин, структурно-семантический интенсификатор и разрушающий ожидание элемент низкой предсказуемости, обеспечивает решение поставленной коммуникативной задачи. Реагирующая реплика Тимона: “I thought you were going a different direction with this” (Странно, мне казалось, ты клонишь совсем к другому), а также растерянность и недоумение персонажа, поддерживаемые видеорядом, в прямом смысле иллюстрируют произведенный эффект обманутого ожидания.

Исходя из определения фрейма, схемы «не несут непосредственно концептуального характера, наоборот – они предшествуют понятийному уровню и детерминируют его» [5, с. 139]. Так, отличительный структурно-семантический порядок выделяет фреймовую модель – хиазм, где последующие элементы выводятся на основании определенной формулы из предшествующих: “All we do is dig, so we can hide and hide so we can dig” (Какой смысл без конца рыть, чтобы спрятаться и прятаться, чтобы рыть). Высказывание персонажа, представляющее собой хиастическое построение, основано на обратном параллелизме, при котором синтаксические связи между повторяющимися компонентами изменяются, что приводит к переосмыслению содержания сказанного. Перекрестное расположение двух повторяемых глаголов “dig” и “hide” подразумевает, что существуют только эти опции, находящиеся в причинно-следственной связи и соединенные посредством гипотаксиса – подчинительным союзом “so”. Бинарные соединения являются некоммутативными – при всем сходстве словного состава перемещение его элементов в обратном порядке приводит к семантической неравнозначности.

Постановка компонента “so we can dig” в сильную позицию конца высказывания придает ему большую значимость, выражая отношение Тимона к труду, которым вынуждены заниматься спасающиеся от гиен сурикаты, подразумевая при этом бессмысленность их усилий. Чередованием сходных синтаксических комплексов и соизмеримых лексических единиц – из пятнадцати слов каждое является односложным – создаются сжатость, емкость и ритм, являющийся «носителем значения»: он «делает более четкими и мысль, и эмоцию» [2, с. 293]. Таким образом, лингвостилистический фрейм выполняет двоякую функцию: строевую и семантико-стилистическую.

В результате лингвостилистического изучения обнаружены специфические факторы функционирования фрейма в кинодискурсе, что представляет собой научную новизну исследования. Структурная четкость модели фрейма в значительной степени обуславливает его семантическое содержание, предопределяя и несколько ограничивая вариативные возможности. Выразительной аранжировкой отобранных языковых средств выдвигаются определенные элементы смысла, создающие глубину восприятия. Фрейм формирует свое конкретное содержание во взаимодействии с ситуацией общения, осуществляя импрессивное воздействие на реципиента. Изучение специфики взаимосвязи двух противоположных свойств, структурно-функциональной стабильности и стохастичной вариативности, видится перспективным в исследовании прагматических аспектов художественного языка кинотекста.

Список литературы

1. *Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского языка: учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков / О. В. Александрова. - Изд. 2-е, испр. - М.: Книжный дом «Либроком», 2009. - 211 с.
2. *Арнольд И.В.* Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И. В. Арнольд. – 12-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 384 с.
3. *Береговская Э.М.* Стилистика однофразового текста: на материале русского, французского, английского и немецкого языков / Э. М. Береговская. – М.: Ленанд, 2015. - 334 с.
4. *Гак В.Г.* Языковые преобразования: виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований / В. Г.Гак. - Изд. 2-е, испр. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. - 407 с.
5. *Новик И.* Понятия как "рекуррентные элементы" дискурса: подход к истории концептуального в "Археологии знания" Мишеля Фуко //Философско-литературный журнал «Логос». – 2019. – Т. 29. – №. 2 (129).
6. Словарь “Longman Dictionary of Contemporary English” Pearson Education Limited. Third Edition with New Words supplement 2001- 1668 с.

10.02.04

М.З. Вильхельм канд. филол. наук

Всероссийская Академия внешней торговли,
кафедра романо-германских языков,
направление «Немецкий язык»,
Москва, wilhelmmanana@gmail.com

УСИЛЕНИЕ ИНТЕНСИВНОСТИ ПРИЗНАКА ПРИ ВТОРИЧНОМ ФРАЗООБРАЗОВАНИИ

Формирование фразеологической единицы происходит под влиянием экстра- и интерлингвистических факторов, что находит отражение в степени экспрессивности фразеологизма. С точки зрения внутриязыковых изменений разделяются семантические, структурные, структурно-семантические пути первичного и вторичного фразообразования.

В данной статье представлены результаты исследования группы фразеологизмов фразеосемантического поля “интеллектуальные возможности человека” с точки зрения выявления факторов, влияющих на увеличение интенсивности признака во вторичном фразообразовании.

Ключевые слова: *категория интенсивности признака, вторичное фразообразование.*

Изменение формы фразеологической единицы (далее ФЕ) часто влечёт за собой незначительные в той или иной степени семантические изменения ФЕ. К структурно-семантическим трансформациям вторичного фразообразования принадлежат: субституция, перераспределение, расширение, сужение компонентного склада, контаминация стойких словесных комплексов.

Дудка В.И. [1, с. 15] даёт определение субституции компонентов фразеологизма как способа структурно-семантических трансформаций ФЕ, который состоит в целенаправленной замене одного, нескольких или всех её компонентов функционально похожими элементами. В результате происходит постоянное обновление, преобразование исходного фразеологизма при влиянии лингвистических или экстралингвистических факторов. Так, структурная организация ФЕ при субституции может претерпевать изменения более или менее существенные, это зависит от характера заменителя исходного компонента фразеологизма. Изменения могут касаться как отдельного слова, так и целого словосочетания во фразеологизме. При этом необходимым условием какой-либо субституции является перенесение фразеологизма с одного семантического плана в другой.

Замена компонентов ФЕ происходит в результате желания говорящего передать свою мысль с помощью ярких образов. Например: *Grütze im Kopf haben* [4, с. 450], где „Grütze“ приравнивается к „*рассудку, разуму, сообразительности*“, в 20-м столетии лексическая единица „Grütze“ была заменена антонимом „Mist“ – что придает большую экспрессивность высказыванию: *Mist im Kopf haben* [4, с. 451] = “*башка полна дерьма*”. „Mist“ приравнивает фразеологизм к фамильярному типу, что резко ограничивает сферу его употребления, но резко увеличивает интенсивность проявления признака.

Так, анализ ФЕ показал, что замена исходных компонентов ФЕ словами или словосочетаниями может служить для: 1) большей конкретизации значения фразеологизма в связи с ситуацией: *grosse Klasse – ganz grosse Klasse* [4, с. 419] = “*очень умный*”; 2) для усиления интенсивности признака: *ein Rädchen zuviel (zu wenig) haben* [4, с. 647] = “*быть не в своём рассудке*”; 3) достижение юмористического эффекта: *kleinen Knopf im Hirn haben* [4, с. 448] = *Pudding unter der Glatze haben* [4, с. 632], что даже невысокие умственные данные человека позволяет воспринимать более снисходительно.

Субституция охватывает все грамматические типы ФЕ: именные, глагольные. В большинстве случаев изменениям подвергаются именные компоненты ФЕ. Сокращение фразем на основе стойких словесных комплексов также является ещё одним путём преобразования интенсивности признака во фразеологии. Под категорией интенсивности в работе понимается категория выражения усиления, количественная характеристика качественного признака и показатель коммуникации. Переосмысление компонентного состава ФЕ проходит через нейтрализацию предметно-логических сем и усиление качественной интенсивности признака. Например: *er ist ein ausgesprochener Strohkopf* [6, 5, с. 565] (*salopp*) = „набитый дурак”.

Наречие “*wieder*” указывает на повторяемость действия и это расширяет значение выходящего понятия. Логическая частица “*nur*” имеет ограничительный оттенок семантического значения, который вносит в выходящий фразеологизм.

При интерпозиционном расширении выходящего фразеологизма также происходит дополнение семантической структуры понятия семами интенсивности и/или предметно-логическими семами, что способствует расширению содержания и уменьшению объёма. Препозициональные расширения могут нести в себе интенсификаторы, увеличивающие или уменьшающие интенсивность признака. В сравнении с первоначальной формой. Постпозитивные расширения отличаются структурным характером. Так, отдельные слова: *j-d ist nicht ganz ohne* - *j-d ist nicht ohne* приобщает ФЕ к крайнему проявлению интенсивности признака; словосочетание: *pudding haben* [4, с. 632] – *pudding unter der Glatze haben* конкретизирует значение.

Постпозитивными расширителями могут быть повторы отдельных элементов: *Keine Idee!* > *Keine Idee von einer Idee!* [2, с. 422].

В ходе исследования были выявлены интерпозиционные расширения, способные также повлиять на увеличение интенсивности признака фразеологизмов: модальные частицы: *er ist ja nicht ganz ohne* [4, с. 632] = „он не очень глуп”; имя прилагательное: *ein dummer Esel* [4, с. 108] = „глупый осёл, болван”; *kein großes Licht sein* [4, с. 247] = „не блистать умом”; причастие: *ein beschränkter Esel* [4, с. 214] = “ограниченный осёл”; наречие: *bei j-m ist endlich der Groschen gefallen* [6,3, с. 650] = „наконец-то до кого-то дошло, сообразить” (груб.); *er hat das Pulver wieder nicht erfunden* [4, с. 368] = “он звёзд с неба не хватает”; логичные частицы *nur, gerade, ganz*: *er hat seinen Kopf nur, damit die Krawatte nicht rüberrauchert* [4, с. 448] = „безмозглый”; *j-d hat die Weisheit nicht gerade mit Löffeln gefressen* [4, с. 531] = „кто-то умом не блещет”; местоимение: *du bist wohl nicht ganz gebacken* [4, с. 40] = „быть не в своём уме”; числительные: *nicht für drei Groschen Verstand haben* [4, с. 170] = „быть неразумным”.

С точки зрения изменения интенсивности признака интерпозиционные расширения могут подразделяться на группы: эмотивные интенсификаторы, эмотивно-маркированные, нейтральные, которые имеют семы интенсивности в значении (*dumm* – глупый, *klug* – умный, *hell* – светлый (просвещённый), *groß* – большой, всеобщий и в переносном значении – большая, умная голова), нейтральные семы с точки зрения замены компонентов во ФЕ, как например: *ein Rädchen zuviel / zuwenig haben* [4, с. 647] = “быть не в своём рассудке”.

Итак, в результате проведённого анализа фразеологических единиц тематической группы ИСЧ были выявлены следующие семы препозициональные расширения, усиливающие семы ‘глупость’ и ‘сообразительность’, усиливающие интенсивность признака:

1. местоимение “*alles*” и логическая частица “*nur*”: ***alles nur*** *höherer Blödsinn* [3, с. 57];
2. наречие “*ganz*”, частица “*wohl*”: ***ganz wohl*** *bei sich sein* [3, с. 45];
3. наречие “*wieder*”: ***wieder*** *verstehe ich die Welt nicht mehr* [3, с. 533];
4. неопределённое отрицание “*kein*”: ***keinen*** *Sinn für etwas haben* [3, с. 445];
5. прилагательное “*dumm*”: ***dumme*** *Pudding unter der Glatze haben* [4, с. 632]; *dumme Pute sein* [4, с. 638];
6. личное местоимение “*du*”: ***Du***, *dumme Pute!* [4, с. 638];
7. наречие “*endlich*”: ***endlich*** *sind bei j-m Groschen gefallen* [6, 3, с. 650];

8. имя существительное “*Quadrat*“ в качестве интенсификатора: *Blödsinn zum Quadrat* [3, с. 57].

Таким образом, расширение компонентного состава фразеологических единиц за счет слов и словообразований способствует модификации понятия выходящей единицы, усилению интенсивности признака во фразеологическом значении в ходе вторичного фразообразовании.

К средствам, увеличивающим интенсивность признака во фразеологизме, относится и фразеологическая контаминация. В результате контаминации ФЕ интенсивность признака претерпевает изменения в сторону актуализации и дезактуализации признака.

Контаминационное объединение лексических компонентов выходящей ФЕ сопровождается модификациями на синтаксическом, морфологическом и словообразовательном уровнях организации форм, план выражения контаминированной ФЕ – это результат количественных и качественных преобразований формальных структур базовых фразеологизмов.

Одним из примеров разновидности контаминации ФЕ, приводящим к усилению признака, является объединение частей компонентов одного или нескольких оборотов и полной формы одного из выходящих оборотов, например: *vernagelt sein* [5, II, с. 345] -- *keinen offenen Kopf haben* -[5, 2, с. 425] *im Kopfe vernagelt sein = borniert, beschränkt sein* = [6, 6, с. 344]: *Er ist wie vernagelt: borniert, beschränkt sein = er ist wie mit Brettern vernagelt* [4, с. 66]. Исходя из того, что фразеологическая контаминация являет собой процесс навязывания отношений перекрещивания устойчивым выражениям и так как языковой знак носит двухсторонний характер можно выделить две основы перекрещивания: семантическую и формальную.

Список литературы

1. Дудка В.И. Становление и развитие фразеосемантического поля «Радость и горе в немецком языке» (опыт диахронического исследования): Автореф. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / КГЛУ.-К., 1989. – 17с.
2. Гавриш М.М. Контаминация фразеологических единиц немецкого языка: Дисс... канд. филол. наук. – К,- 1988. – 203 с.
3. Campe H.-J. Wörterbuch der Deutschen Sprache. – Braunschweig Schulbuchhandlung. 1807-1811. –Bd.1. -1023 S.; Bd.2. – 111 S.; Bd.3. -908 S.; Bd.4. -940 S.; Bd.5. – 977 S.; Bd.6. -673 S.
4. Küpper Heinz Umgangssprache., Ria Warschau, -1996. -959 S.
5. Sanders D. Wörterbuch der deutschen Sprache. – Leipzig: Verlag von Otto Wigand_ 1876. – Bd.1. -1065 S.; Bd.2.I. Hälfte -825 S.; Bd.2.II. Hälfte – S. 826.
6. Wander K.-J. Deutsches Sprichtwörterlexikon. Leipzig: Brockhausverlag, 1976. Bd. 1 – 776 S.; Bd. 2 – 768 S.; Bd. 3 – 752 S.; Bd. 4 – 730 S.; Bd. 5 – 736 S.
7. Wolf Friederich Moderne deutsche Idiomatik (Alphabetisches Wörterbuch mit Definitionen und Beispielen), Max Hueber Verlag, 2.Aufl., -1997. -565 S.

10.02.04

А.Д. Гагельганц, Л.М. Штейнгарт канд. филол. наук

Сибирский Федеральный Университет,
Институт Филологии и Языковой Коммуникации,
кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации,
Красноярск, sascha1998@mail.ru, kraslis@rambler.ru

ГЕНДЕРНЫЕ МАРКЕРЫ «ЖЕНСКОГО» МОЛОДЁЖНОГО ЯЗЫКА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА Л. ОХРАЗИ «GINGER»)

В работе представлены результаты изучения гендерных маркеров немецкого молодёжного языка в художественном дискурсе. Изучение молодёжного языка и гендерных маркеров приобретает актуальность в условиях современного мира, когда гендерное равенство всё чаще становится предметом обсуждения в обществе, особенно в Германии. Изучение коммуникативного поведения людей, и в этой связи молодёжного дискурса, является одной из тем современной лингвистики, вызывающих всё больший интерес у её исследователей. Особое внимание уделяется репрезентации гендерных маркеров женской речи.

Ключевые слова: художественный дискурс, молодёжный язык, гендерные маркеры, маркеры феминности, «женский» язык.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что для современной лингвистики, с одной стороны, характерен всё более возрастающий интерес к изучению коммуникативного поведения людей в социальных группах, а с другой стороны – широкое привлечение внимания к молодёжному дискурсу как к малоизученному виду дискурса. Современный художественный дискурс помогает раскрыть причины коммуникативного поведения субъектов молодёжного дискурса и выбор определённого набора языковых средств молодёжного языка, объясняющих это поведение.

«Молодёжный язык Германии представляет собой одно из интереснейших направлений изучения в современной лингвистике. Можно утверждать, что молодёжный язык в настоящее время терминологической точностью не обладает. Проанализировав работы лингвистов, под молодёжным языком мы понимаем способ интеракции молодёжи от 14 до 30 лет, при котором использование языка не поддается привычным нам нормам литературного языка» [1].

Изучение гендерной репрезентации в художественном дискурсе началось с появлением гендерных исследований в начале 20ого века. В рамках гендерной лингвистики гендер есть социокультурный пол, что и подчёркивает А.В. Кирилина, говоря о том, что понятие «гендер» призвано дифференцировать не половые различия членов общества, а их восприятие себя через социокультурный аспект [3].

Художественный дискурс понимается нами как текст в процессе когнитивно-коммуникативной деятельности читателя, реконструирующей когнитивно-коммуникативную деятельность писателя [4].

В настоящей статье рассматривается репрезентация маркеров «женского» молодёжного языка.

Гендер как социокультурный пол не является лингвистической категорией, однако может быть рассмотрен через его языковые репрезентации [2]. В этой связи наибольший интерес представляет классификация американского учёного Э. Мулака, выделяющего следующие маркеры «женского» языка [6]:

1. Интенсивные наречия «*Intensive Adverbs*» (наречия, выражающие интенсивность определённой ситуации, например, *It's so childish*);

2. Ссылка на чувства «*References to Emotion*» (употребление лексем, выражающих эмоциональное состояние человека либо его оценку относительно чего-либо, например, *a somber scene*);

3. Обстоятельства в начале предложения «*Sentence-Initial Adverbials*» (например, *Actually, it's a ...*);

4. Глаголы, выражающие неопределённость «*Uncertainty Verb*» (употребление глаголов при уклонении от ответа, например, *It seems to be ...*);

5. Лексемы, служащие оправданием «*Justifiers*» (например, *...because the snow is ...*)

6. Хеджирование «*Hedges*» (уклонение от прямого ответа, например, *It's kind of fall like*).

В анализируемом произведении главная героиня Элла после смерти своих родителей переезжает к своему брату в общежитие. В общежитии Элла пытается пережить смерть родителей, а также справиться с характерными для подростков проблемами.

Всего было выявлено и проанализировано 187 примеров репрезентации феминности. Основными маркерами «женского» молодёжного языка выступают:

1. Интенсивные лексемы – 75 примеров (40 %), например: *verdammt, übel, total, heulen, verarschen, Spinner u др.*

2. Ссылка на чувства – 69 примеров (37 %), например: *liebe, ich stehe auf dich total, süß, hassen, ich fühle nichts, was zur Hölle u др.*

3. Оценочные высказывания – 19 примеров (10 %), например: *schon irgendwie heiß, total sexy, es ist mies u др.*

4. Отрицания – 24 примера (13 %), например: *bild' dir nichts ein, es ist nichts, nein, so ist das nicht u др.*

Рассмотрим репрезентацию феминности на примере употребления интенсивных лексем.

Элла: «*REDE, verdammt nochmal*»

В представленной ситуации Элла узнаёт, что Элиас, её молодой человек, обманывал её, когда говорил, что находится у друга. Узнав об обмане, Элла решает поговорить с ним. Однако Элиас отказывается отвечать на её вопросы. С целью заставить его говорить Элла употребляет интенсивную лексему *verdammt* с ярко негативной коннотацией, имеющую в словаре немецкого языка помету „*abwertend*“ (негативный, унижительный). Данная лексема в сочетании с наречием *nochmal* имеет значение «чёрт возьми» [Pons: URL].

Рассмотрим репрезентацию феминности на примере маркера «ссылка на чувства».

Элла: «*Wieso zur Hölle musste Flo in einer Männer-WG wohnen*»

После смерти родителей Элла переезжает в общежитие к брату, который предоставляет ей комнату с жёлтыми обоями и ужасной обстановкой. Элла не довольна тем, где ей приходится жить и задаётся вопросом, почему брат живёт в мужском общежитии, а не в отдельной квартире. Это выражается фразой *Wieso zur Hölle* (какого чёрта?), имеющей яркую негативную коннотацию, так как здесь есть отсылка к царству чёрта (*Hölle*). В словаре немецкого языка лексема *Hölle* имеет значение «ад, преисподняя» [Pons: URL]. Данная фраза была использована с целью выражения негативных чувств Эллы, вынужденной остаться жить в ужасных условиях.

Рассмотрим репрезентацию феминности на примере оценочных высказываний.

Тилль: «*Sorry, ich dachte, dass du schon fertig warst*»

Элла: «*Seine Reaktion war süß. Ganz anders als Elyas. Till war ein Gentleman*»

В анализируемой ситуации Элла узнаёт, что Элиас, её молодой человек, изменил ей. Она бежит к своему лучшему другу Тиллю, который долгое время в неё влюблён. На улице идёт дождь, поэтому Элла полностью промокла. Тилль даёт ей сухую одежду, чтобы она переделалась. Элла посчитала милым, что Тилль отвернулся и закрыл глаза, чтобы она не смущалась. С целью выразить ему свою признательность, Элла употребляет оценочное прилагательное *süß* (милый, сладкий) с семантикой любезности (*freundlich, liebenswürdig*) [Duden: URL]. В словаре немецкого языка лексема *süß* имеет значение «милый» [Pons: URL].

Элла употребляет его в сочетании с существительным единственного числа *Gentleman* (джентельмен), что говорит о том, что она хорошего мнения о нём.

Рассмотрим репрезентацию феминности на примере отрицаний.

Элиас: «*Hast du dein Schlafanzug noch an?*»

Элла: «*Ich habe beschlossen ihn auszusortieren*»

Элиас: «*Ich hoffe, das hast du jetzt nicht wegen mir gemacht*»

Элла: «***Bild dir mal nichts ein***»

В представленной ситуации молодой человек Эллы (Элиас) решил пошутить над Эллой. Ранее Элла закричала в своей комнате, увидев большого паука, которых она панически боится. На крик Эллы прибежали все ребята и увидели её в детской пижаме Пеппи длинный чулок. После этого случая Элла выбросила пижаму, так как ребята смеялись над ней. Позднее Элиас спрашивает, не в парнях ли причина, на что Элла даёт отрицательный ответ: «*Bild dir mal nichts ein* (не выдумывай)», употребляя императивную форму глагола *einbilden* с семантикой «выдумывать» (*sich (besonders auf die eigene Person Bezügliches) [fälschlich, unbegründeterweise als existierend] vorstellen, sich einreden; [irrtümlich] annehmen, von etwas überzeugt sein*) [Duden: URL].

Таким образом, можно сделать вывод, что для речевого поведения молодых женщин, в основном, характерен такой маркер, как интенсивные лексемы (*verdammt, total, überhaupt, beschissen, verarscht, behindert* и др.). Также стоит отметить, что наряду с интенсивными лексемами самым часто употребляемым маркером в анализируемом произведении является и маркер «ссылка на чувства» (*verliebt sein, ich stehe auf dich total, süß, hassen, wütend sein, kochen vor Wut u др.*). Данный факт можно объяснить тем, что главными темами произведения выступают тема любви и тема потери родителей.

Список литературы

1. Гагельганц А.Д., Штейнгарт Л.М. Реализация коммуникативно-эмотивной функции молодёжного языка в немецкоязычных видео-блогах // Казанская наука. Казань: Изд-во Рашин Сайнс. № 12. 2020. С. 95-97.
2. Зиновьева Е.С. Роль гендерно маркированных лексических единиц в конструировании маскулинности и феминности в дискурсе гендерно ориентированных глянцевого журналов (на материале английского и русского языков) [Электронный ресурс] // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журнал. 2017. №12(46). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5313> (дата обращения: 19.02.2022).
3. Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. М. 2005. № 2 (23). С. 112-132.
4. Мельничук О.А., Мельничук Т.А. Стратегии художественного дискурса. Вопросы когнитивной лингвистики, №. 1 (34), 2013. С. 125-135.
5. Duden. Online-Wörterbuch [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/online>
6. Mulac A. Gender-linked language effect: an empirical test of a general process model // Language Sciences, Volume 38, 2013. P. 22-31.
7. Pons. Online-Wörterbuch [Электронный ресурс]. URL: <https://de.pons.com/übersetzung/deutsch-russisch>

10.02.04

¹В.Е. Глызина канд. филол. наук, ²И.В. Пашаева канд. филол. наук,
³А.В. Федорюк, канд. филол. наук

¹ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
кафедра иностранных языков,

²ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»,
кафедра иностранных языков № 2,

³ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,

Иркутск, vecotd@yandex.ru, pashaeva@istu.edu, fedoryuk@rambler.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНТЕНСИФИКАТОР КАК МАРКЕР СОСТОЯНИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО АГЕНСА

Связь между интенсивностью и фразеологическими интенсификаторами исследуется с точки зрения антропологического подхода в лингвистике. Интенциональное состояние субъекта рассматриваются как один из способов осознания мира. Описываются основные аспекты интенционального состояния. Указывается на то, что использование фразеологических интенсификаторов с интенцией превращает дискурс в иллюкутивный акт. Делается вывод о том, что фразеологические интенсификаторы усиливают интенциональное состояние говорящего, что свидетельствует о их взаимосвязи во время речевого акта.

Ключевые слова: *интенсивность, интенциональное состояние, фразеологические интенсификаторы, фрустрация.*

Несмотря на то, что исследований, касающихся изучения интенсивности в отечественной и зарубежной лингвистике достаточно, многие вопросы по-прежнему вызывают большой интерес среди учёных. Так, актуальной остаётся изучение проблемы взаимосвязи интенсивности и интенционального состояния во время речевого акта с целью воздействия на собеседника. Исследования показывают, что интеграционный подход в лингвистике, изучающий такие аспекты как использование языка, передача идей и убеждений (коммуникация), взаимодействие в социально-обусловленных ситуациях, позволяет использовать язык как способ передачи идей и убеждений, и, наоборот, как убеждения контролируют использование языка и взаимодействие в ходе коммуникации [1], [2], [4], [5], [6].

По мнению Л. Витгенштейна, если исключить элемент интенции из речевого акта, происходит разрушение всей его функции [3]. Как показывают исследования, интенциональные состояния, усиленные фразеологическими интенсификаторами, образуют, некий горизонт или фон интенциональности. Так, В.В. Петров, указывает на то, интенсивность речевого акта, в составе которого присутствуют фразеологические интенсификаторы, зависит от интенциональности сознания говорящего, т.е. способности мозга связывать человека с миром. Учитывая это, исследователь предположил наличие взаимосвязи интенсивности и интенциональности состояния говорящего [7].

Наше исследование позволило дополнить имеющиеся данные об использовании интенсификаторов с точки зрения антропологического подхода в лингвистике. Интенциональное состояние субъекта является одним из способов осознания мира. Основными аспектами, на которые направлены интенциональные состояния – это события и их последствия, агенсы и их действия, объекты и их аспекты или приписываемые им качества.

Наше исследование позволило выявить интенциональные состояния, направленность которых определяется событиями и их последствиями, а также агенсами и их действиями, а именно: верой, намерением, надеждой, ненавистью, фрустрацией, жалостью, унынием, желанием и ужасом. Нами были исследованы художественные произведения современных английских и американских авторов.

В настоящей статье приведены только некоторые примеры речевых актов, протекающих последовательно, в которых говорящий проявляет своё интенциональное состояние. Речевой акт, касается военных событий и их последствий.

«This war is terrible. It is killing me», Rinaldi said. «All summer and all fall I've operated. I work all the time. I do everybody's work. All the hard ones they leave to me. By God, babby, I am becoming a lovely surgeon. But now, baby, it's all over. I don't operate now and I feel like hell. This is a terrible war, baby. I am very depressed by it» [9]. В данном речевом акте проявляется интенциональное состояние ужаса, выраженное повторяющимся ассертивом в пропозиции. Фразеологические и лексические интенсификаторы, использованные в речи, усиливают данное интенциональное состояние: «This war is terrible», «It is killing me», «This is a terrible war», «I feel like hell».

Другой пример демонстрирует интенциональное состояние фрустрации, которое усиливается фразеологическим интенсификатором like hell: «Understand me, I'm not going to be interefered with or messed about. I shall do what I like with myself».

Dinny remained silent. Her heart was beating furiously, and she didn't want her voice to betray it.

«Did you hear?»

«Yes. No one wants to interfere with you, or do anything you don't like. We only want your good».

«I know that good», said Ferse. «No more of that for me».

He went across to the window, tore a curtain aside, and looked out. «It's raining like hell», he said, then turned and stood looking at her. His face began to twitch, his hands to clench. He moved his head from side to side. Suddenly he shouted: «Get out of this room, quick! Get out, get out!» [8].

Говорящий пытается достичь своей цели, используя иллюкутивную силу, которая выражает различные интенциональные состояния: желания, намерения, убеждения. Комиссивный речевой акт «... I'm not going to be interefered with or messed about» и «I shall do what I like with myself» выражает желание, относительно того, чтобы его не учили как нужно жить и намерение поступать так, как он пожелает.

Как указывает Дж. Серль, если агенс вербализует интенциональные состояния намерения и желания, то, состояние убеждения уже присутствует в речевом акте. Однако, мы можем наблюдать, что все попытки убедить собеседника в своей правоте, терпят поражение. Об этом свидетельствует следующий ассертивный речевой акт: «Yes. No one wants to interefere with you, or do anything you don't like» и «We only want your good». Таким образом, мы понимаем, что пропозициональное содержание речевых актов, которые говорящий произносит в начале разговора, а также репрезентативное содержание интенционального состояния не было воспринято собеседником так, как хотелось бы адресанту. Тот факт, что его намерение и желание убедить адресата в своей правоте не реализовалось, приводит адресанта к интенциональному состоянию фрустрации, выраженном ассертивом «It's raining like hell». Используя в своём речевом акте данный фразеологический интенсификатор, говорящий стремится к тому, чтобы адресант увидел его интенциональное состояние. Использование фразеологических интенсификаторов с данной интенцией указывает на то, что фразеологические интенсификаторы имеют оттенок интенциональности, превращая дискурс в иллюкутивный акт.

Дж. Серль, изучая интенциональные состояния, приходит к выводу, что подобные состояния связаны между собой причинно-следственными связями и нейрофизиологическими состояниями, поскольку вызываются и реализуются в

нейрофизиологии мозга. Показателями данных состояний следует считать изменения в физиологии агенса, а именно, изменения его моторно-мышечных реакций, мимики, жестов и речевой деятельности [10].

В приведённом выше примере можно видеть следующие показатели эмоционального состояния агенса, представленные предикатами, вербализующие их: мимику, (his face began to twitch), изменения моторно-мышечных реакций (his hands to clench, he moved his head from side to side) и особенности речевой деятельности (to shout). Эти индикаторы выражают паралингвистическую информацию, образуя паралингвистический контекст, передающий эмоциональное состояние говорящего, дополняя те языковые средства, которые он использует при вербализации интенционального состояния фрустрации.

Учитывая вышеизложенное, можно констатировать, что фразеологические интенсификаторы, используемые в описанных выше примерах, играют роль усилителя того интенционального состояния, в котором находится в данный момент говорящий, с целью воздействовать на собеседника. Данный речевой акт в приведённых примерах является фразеологическим контекстом, поскольку можно проследить последовательность появления фразеологических интенсификаторов, влияющих непосредственно на решение выбора говорящим последующего предиката. В связи с этим, можно сделать вывод о том, что существует взаимосвязь интенсивности и интенционального состояния говорящего во время речевого акта.

Список литературы

1. *Барбина Н.С.* Лингвистический дизайн научной картины теории аргументации. // Проблемы концептуальной систематики речи и речевой деятельности. Материалы X Всероссийской научной конференции. 2018. С. 11-17.
2. *Боброва Е.А.* Концептуальная метафора как средство категоризации окружающей действительности на примере метафоры движения в пути // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2013. № 3. С. 28.
3. *Виттгенштейн Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 79-128.
4. *Егорова М.А.* Речевые стратегии и тактики и их роль в процессе диалогического общения // Современные концепции развития науки. Материалы Международной научно-практической конференции. 2015. С. 69-71.
5. *Костюшкина Г.М., Егорова З.В.* Категоризация эмоций в русском сознании // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2017. № 5 (61). С. 99-107.
6. *Кравченко А.В.* Мыследействие и генезис времени в языковом семиозисе. Балтийский акцент. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 2021. Т. 12. № 2. С. 7-28.
7. *Петров В.В.* Идеи современной феноменологии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 102-109.
8. *Galsworthy J.* Maid in Waiting // End of the Chapter. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1960. 601 p.
9. *Hemingway E.* A Farewell to Arms. London: David Campbell Publishers Ltd., 1993. 320 p.
10. *Searle J.R.* Intentionality. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 270 p.

10.02.04

О.П. Емельянова

Институт гуманитарных наук
Московского городского педагогического университета,
кафедра зарубежной филологии,
Москва, olga_shkn@mail.ru

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ АРГУМЕНТАЦИИ В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Стратегия как план развертывания доказательного алгоритма характеризуется четко вербализованным тезисом, ясностью и непротиворечивостью приводимой фактуальной информации, логикой изложения доводов в отношении объекта исследования, а также объективностью суждений, обосновываемых согласно правилам дедуктивного вывода. Доказательный потенциал научной гипотезы определяется выбором адекватной стратегии аргументации теоретических постулатов.

Ключевые слова: *коммуникативная стратегия, техника аргументации, эпистемический статус.*

Считается, что истолкование актов объяснения и понимания как способов обоснования теоретических утверждений занимает в классификации приемов аргументации и систематизации знаний центральное место. Интерпретация понятия *объяснение* имеет двоякую направленность: это – процесс подведения факта действительности под общее положение, другими словами, операция сведения незнакомого к известному, а кроме того, это – непосредственный результат дедукции, оформленный в виде логически завершенного умозаключения.

Принято различать теоретический и каузальный типы объяснения. Мы говорим о теоретическом объяснении, когда состав его посылок включает научный закон, тогда обосновываемому явлению придается необходимый характер, а само объяснение считается глубоким. Если объяснение опирается на случайное обобщение (принимая во внимание тот факт, что любое общее положение, претендуя на статус научного закона, проходит естественный процесс становления, приобретая необходимую «объясняющую» силу), то результат умозаключения принято рассматривать как случайное утверждение, а процесс – поверхностным объяснением [2]. Однако, согласно условию адекватности Гемпеля, объяснение может считаться успешным (учитывая характер возможных посылок), если информация, которую оно дает, является необходимым и достаточным основанием полагать, что некоторое явление действительно имеет место.

Структура каузального объяснения предполагает опору на утверждение о причинно-следственной связи входящих в его состав посылок и указывает на их закономерный характер. Суждение, подтверждающее следствие, обосновывает общую посылку с известной степенью вероятности и может быть названо слабым. Формальная логика индуктивного каузального объяснения совпадает с косвенным подтверждением следствий обосновываемого общего положения и соответствует следующей схеме: «Если А причина В и верно В, то, вероятно, верно А» [3]. Учитывая сходство алгоритма построения, их различие принято связывать с «доказательной силой» получивших объяснение фактов, а значит их ролью в укреплении теории, доводами в поддержку которой они выступают. Сильное объяснение (теоретическое и дедуктивное каузальное) соответствует следующей схеме рассуждения: «Если верно, что А, то В; и верно А, то верно В». Приведем несколько примеров.

Анализ работы американского ученого в сфере психолингвистики С. Пинкера «Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу» (англ. *The Stuff of Thought*) позволяет дать характеристику модели объяснительной стратегии научного дискурса. Автор работы формулирует проблему освоения родного языка детьми на примере синонимичных предложных конструкций (eg., *load hay onto a wagon vs. load the wagon with hay*) в форме вопроса: (1) *How do children succeed in acquiring an infinite language when the rules they are tempted to postulate just get them into trouble by generating constructions that other speakers choke on?* [1, p.37] *И как же дети добиваются успеха в овладении бесконечным языком, если правила, которые им показалось правильным постулировать, лишь приносят неприятности, порождая конструкции, вызывающие отторжение у других говорящих?* (перевод наш – О. Е.)

Ход объяснения когнитивных процессов строится с опорой на анализ существующих конкурирующих теорий с оговоркой на их несостоятельность: (2) *There are three ways out of this paradox, but none of them is palatable* [1, p.38]. *Существуют три возможных объяснения этой парадоксальной ситуации, но ни одно из них нельзя признать удовлетворительным* (перевод наш – О. Е.). Автор доказывает ошибочность положения о том, что механизм языковой репродукции запускается под влиянием коммуникативных паттернов, усваиваемых ребенком в общении с окружающими его взрослыми. Акт фальсификации строится на основе опровержения следствий. Подкрепляющим аргументом служит отсылка к авторитетному мнению и к корпусу эмпирических данных, полученных в результате научного эксперимента: (3) *We used a method for assessing generalizations called the wug-test, after a classic study by the psychologist Jean Berko Gleason* [1, p.39]. *Кроме того, мы использовали метод оценки обобщений — так называемый вагтест (wug-test), предложенный в классическом исследовании психолога Джин Берко Глисон* (перевод наш – О. Е.), подтверждающего наличие у детей имплицитного знания правил морфологии, обуславливающих синтагматическую согласованность речи: (4) *<...> four-year-olds happily filled in the blank with wugs, a form they could not have memorized from adults* [1, p.39]. *<...> и в этом месте четырехлетки радостно заполняли пропуск формой wugs, которую они никак не могли услышать в речи взрослых* (перевод наш – О. Е.). Вывод о приемлемости некоторых положений делается автором на основе сопоставления приводимых доводов. В таком случае можно говорить о реализации контрастивной аргументативной стратегии, так как в ее основе лежит схема сравнительного обоснования. Обосновать некоторое положение путем критики — значит найти основания принять одну теорию как наиболее предпочтительную по отношению к другой альтернативной теории. В таком случае критические основания могут быть использованы не в целях доказать истинность теоретических суждений, а скорее для защиты предпочтения.

Сопутствующим аргументом в поддержку положения о том, что способность к валидным индуктивным обобщениям и рационализации языковой действительности является врожденной выступает утверждение о роли парадигматических отношений в языке: (5) *Children use positive exceptions to preempt or block the rule-governed forms, so they don't say «flang» or «teese»* [1, p.41]. *Кроме того, мы довольно хорошо представляем себе, как дети используют позитивные исключения, чтобы пустить в ход или, наоборот, заблокировать формы, построенные согласно правилам, так чтобы не получились формы «flang» или «teese»* (перевод наш – О. Е.). В этой связи представляется возможным провести параллель с постулатом Ф. дэ Соссюра, определяющим язык как семиотическую систему, когда знак осмысливается, будучи противопоставленным по отношению к другим знакам в системе отношений [4]. Так, форма причастия прошедшего времени глагола *to fling*, по мысли С. Пинкера, усваивается по принципу исключения конкурирующих грамматических форм: (6) *When the child hears Boggs flung the ball or Vern shot two moose, those irregular forms stake out their cells in a mental matrix and fend off the rival form flang and teese (together with flinged and mooses)* [1, p.41]. *Когда ребенок слышит 'Боггз швырнул мяч' или 'Берн застрелил двух лосей', эти нерегулярные формы предъявляют права на свои ячейки в ментальной матрице и*

вытесняют оттуда конкурирующие с ними формы «flang» и «teese», а наряду с ними и такие формы, как «flinged» и «mooses» (перевод наш – О. Е.). Ссылка на основополагающие принципы структурной лингвистики придает аргументу особый доказательный потенциал.

Дальнейший ход объяснения строится с опорой одновременно на две концепции. Отталкиваясь от теории лингвистического релятивизма Б. Л. Уорфа, автор работы делает вывод о характере корреляции языка и мышления и возможности ее реализации на основе имплицитных категорий языка, которые играют ключевую роль в понимании целостного смысла высказывания: (7) *But what if the rule transformed not the arrangement of the phrases in a construction, but the framing of events that goes into its meaning?* [1, p.42] *Этот скрытый критерий вряд ли связан со звучанием глаголов, поскольку в этом отношении глаголы обнаруживают значительное сходство; гораздо более вероятно, что такой критерий затрагивает их значение* (перевод наш – О. Е.). Правдоподобность такого суждения обеспечивается за счет того, что оно является включенным в актуальную теоретическую концепцию. Сопутствующим аргументом, подкрепляющим тезис о том, что познание – стремление организовать чувственный опыт в доступную для понимания целостную структуру является опора на положение гештальт-теории: (8) *To spray the roses with water implies that they all got sprayed (as opposed to merely spraying water onto the roses), and to stuff the turkey with breadcrumbs implies that it is completely stuffed* [1, p.42]. *'Обрызгать розы водой' подразумевает, что будут обрызганы все розы (в отличие от просто 'побрызгать воды на розы'), а 'начинить индейку хлебными крошками' означает, что индейка начинена крошками полностью* (перевод наш – О. Е.). Суждение о возможной интерпретации высказывания, понимаемого с холистической точки зрения как отношение части к целому, формулируется согласно правилам дедуктивного вывода и соответствует схеме сильного объяснения, умозаключение которого с необходимостью вытекает из принятых посылок, и тем самым дает достаточное основание с большей вероятностью принять существующую теорию как приемлемую.

Успешное объяснение (на основе подведения под научный закон или сопоставления нескольких теорий) хотя и является необходимым, однако недостаточным условием истинности теории – оно повышает правдоподобие и способствует ее утверждению. Выбор стратегии доказательства научной точки зрения зависит от ряда ключевых факторов, таких как тип дискурса, область научного исследования, жанр текста, цель дискурсивной практики, а также личные предпочтения автора. Необходимым условием успешной реализации стратегии убеждения является соответствие выбираемой тактики целям научного текста, таким как обобщение существующих точек зрения на проблемную ситуацию, опровержение или подтверждение отдельных положений конкретной теории или же выдвижение собственной точки зрения в рамках существующих концепций.

Список литературы

1. *Pinker S.* The stuff of thought. Language as a mirror to human nature. New York: Penguin Group Inc., 2007. 499 с.
2. *Ивин А.А.* Основы теории аргументации. Москва: Гуманит.Издат. центр ВЛАДОС, 1997. 352 с.
3. *Ивин А.А.* Современная философия науки. Москва: Высш.шк., 2005. 592 с.
4. *Соссюр де Ф.* Труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1977. 695 с.

10.02.04

Л.В. Ермакова

Амурский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра иностранных языков,
Благовещенск, lusc@inbox.ru

ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В ДИСКУРСЕ СМИ

В работе представлены результаты исследования языковых средств выражения аксиологических смыслов возможности и необходимости в рамках категории модальности. В качестве объекта исследования выступает информационно-аналитический дискурс СМИ. Такой подход позволяет четче представлять роль и позицию адресанта изучаемого типа дискурса.

Ключевые слова: *модальность возможности, модальность необходимости, аксиологический смысл, адресант, адресат.*

Целью настоящего исследования является выявление особенностей языковой объективации модальности возможности и необходимости в информационно-аналитическом типе дискурса СМИ, который представлен текстами аналитических статей из рубрик "Opinion", "Ideas" популярного американского журнала *Newsweek*, относящегося к качественной прессе. Материал для исследования был подобран методом сплошной выборки. В ходе исследования было проанализировано 40 аналитических статей за период с февраля 2021 г. по январь 2022 г.

Как показывает обзор литературных источников, модальность возможности и необходимости вызывает большой интерес у ученых-лингвистов, которые по-разному подходят к изучению данных смыслов и используют для их обозначения различные термины. Так, рассматривая модальность как функционально-семантическое поле (категорию), часть исследователей относит модальность возможности и необходимости к деонтической модальности, под которой понимается «категория квалификаций состояний/положения дел по их возможному или обязательному созданию» [3, с. 240]. Используя термин «ситуативная модальность» (объективная, внутрисинтаксическая, внутренняя, вторичная), исследователи изучают отношение между субъектом и его действием (хочет, может, должен сделать что-то). Раскрывая положение дел, описываемое в тексте, ситуативная модальность образует пропозициональный фундамент (пласт) текста наряду с прагматическим аспектом (пластом), в других терминах прагматической или авторской модальностью, в рамках которой демонстрируется отношение автора к сообщаемой информации [1].

Данная работа выполнена в рамках когнитивно-дискурсивного анализа, когда языковые категории выступают «как способы субъективно-объективного представления действительности говорящим» [2, с. 48]. Изучая указанные смыслы в настоящем исследовании, мы не будем относить их к тому или иному вышеупомянутому типу модальности. Однако вслед за Ахраменко Л. С. и Киреевой Е. З. предлагаем учесть тот факт, что в систему модальных значений включается модальная оценка, поскольку говорящим (адресантом) всегда оценивается реальность/ирреальность действия, его необходимость, возможность, желательность, степень вероятности/достоверности сообщения [1, 3]. Под модальностью мы будем понимать модусную аксиологическую категорию, выражающую отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности с точки зрения субъективно-оценочной позиции говорящего (адресанта) [2]. Пропозитивная основа

содержания высказывания (номинативная основа / пропозиция) представляет собой семантическое ядро предложения, обозначающее действительное или возможное положение дел.

Поскольку при исследовании модальности возможности и необходимости мы учитываем модальную оценку, адресант (говорящий) выступает в качестве субъекта оценки. Объектом оценки является некоторая предметная ситуация. Основанием оценки предметной ситуации как потенциально возможной или необходимой выступают детерминирующие факторы (далее по тексту ДФ), которые могут иметь имплицитную и эксплицитную актуализацию.

Итак, оценивая ситуацию как потенциально возможную, адресант опирается на нижеследующие ДФ.

1. Физические или психические свойства, черты характера, система взглядов и убеждений, умения и навыки субъекта ситуации; свойства, характеристики объекта ситуации. При этом возможность/ невозможность осуществить действие может быть обусловлена как постоянным свойством субъекта/ объекта, так и временным состоянием. ДФ выражаются, главным образом, имплицитно. Языковыми способами актуализации такой возможности являются грамматические и лексические средства: модальные глаголы *can, could*, эквивалент модального глагола *be able/ unable to*, конструкция *capable of doing smth*, существительное *ability*. Выявлено, что реализация данного аксиологического смысла возможна как внутри сообщений и статей, так и в их заголовках (приведены во всех примерах с использованием заглавных букв). Предлагаем рассмотреть примеры:

(1) *A four-day work week can do that, by incentivizing staff to remain productive, happy and stay at their job* (Newsweek Opinion, November 24, 2021)

(2) *But people can't think about what they don't know* (Newsweek Opinion, October 4, 2021)

2. Внешние обстоятельства постоянного или временного характера:

А. Служебные, юридические, социально-нравственные нормы общества, которые распространяются на сферу субъекта ситуации в силу его принадлежности к определенному социуму. ДФ извлекаются из контекста. Данное значение выражается через модальный глагол *can*. Обратимся к примерам:

(3) *Those still very concerned about COVID, after all, can always vaccinate themselves* (Newsweek Opinion, September 10, 2021)

(4) *Only the governor can call out the National Guard in a state, and only the president can deploy the military* (Newsweek Opinion, December 20, 2021)

Б. Обстоятельства несоциального характера, имеющие дело с ситуацией, объективными законами природы, согласно которым объективируется как возможность, так и невозможность совершения действия. ДФ в большинстве случаев могут выражаться эксплицитно в характеристике обстоятельств осуществления действия, главным образом обстоятельств условия, причины.

Данное значение является доминирующим, поскольку цель адресанта заключается в информировании о произошедшем событии, действиях участников события в сложившейся ситуации, а также в анализе и комментировании описываемых событий. В качестве языковых способов его актуализации можно указать грамматические – модальные глаголы *can, could*, лексические – существительное *ability* и лексико-грамматические средства – прилагательное *impossible* в сочетании с безличным *it* и инфинитивом, которые могут использоваться как в тексте сообщения или статьи, так и в его заголовке. Проиллюстрируем вышесказанное следующими примерами:

(5) *Israel's ability to stare down Erdogan ... is dependent to a large degree on U.S. support* (Newsweek Opinion, November 17, 2021)

Необходимо отметить, что в ходе исследования нами были выявлены случаи употребления адресантом контактоустанавливающих *мы*-высказываний с местоимением *we* и формой его объектного падежа – местоимением *us*. С помощью *мы*-инклюзивного как способа воздействия адресант пытается продемонстрировать свою близость к адресату, включает его в группу своих единомышленников для совместного размышления над

проблемой, возможностью/ невозможностью ее решения. Кроме того, это позволяет адресанту показать, что обсуждаемая проблема актуальна для всей нации, и ее решение может зависеть от всей страны. Например:

(6) *We can cut out the noise, ostracize the division junkies and bridge divides. Or we can continue on the same path, be splintered and divided even more and watch this great American experiment fall apart* (Newsweek Opinion, November 24, 2021)

(7) *Advances in biotechnology, especially within the agricultural sector, can help us overcome the immense, interconnected challenges of climate change and global hunger* (Newsweek Opinion, September 18, 2021)

Оценивая ситуацию как потенциально необходимой, адресант руководствуется нижеследующими ДФ.

1. Различного рода обстоятельства, сложившаяся ситуация, наступление срока совершения действия. Такие ДФ могут вытекать из контекста, содержаться в характеристике обстоятельств действия (причины, цели) или субъекта действия, иногда в другой пропозиции. При этом адресант не просто описывает ту или иную ситуацию, которая вынуждает субъекта поступить определенным образом, а говорит о том, что должно измениться в данной ситуации, в том числе благодаря использованию наречий типа *boldly, truly, dramatically*. Основными языковыми способами актуализации данного аксиологического смысла являются грамматические средства: модальные глаголы *have to, must*. Обратимся к примерам:

(8) *This must change. The Biden administration must truly reverse course on immigration detention. It must begin by dramatically reducing detention rates, and invest in proven alternatives to detention, instead of wasting billions of dollars to support the coffers of private prison companies* (Newsweek Opinion, October 3, 2021)

(9) *She had to pay for two months of child care, which cost her family over \$4,000. It was a struggle for Wendy's family – until the new monthly Child Tax Credit payments began this summer* (Newsweek Opinion, December 14, 2021)

2. Социальные установки, определенные обязанности субъекта ситуации, моральный долг, этические нормы, правила поведения. Данные ДФ понимаются из контекста или вытекают из знаний адресанта о мире. Данное значение выражается, главным образом, через модальный глагол *must*:

(10) *The Senate must act and do whatever it takes to pass the Freedom to Vote Act before it's too late* (Newsweek Opinion, January 6, 2022)

3. Запланированность, намеченность действия, которая объективируется через *to be to*:

(11) *We must not be afraid of bold action, if we are to overcome both pandemic-related setbacks and existing systemic shortcomings* (Newsweek Opinion, February 25, 2021)

В ходе исследования нами было установлено, что в рамках модального значения необходимости могут выражаться различные по степени облигаторности действия. Помимо рассмотренных выше случаев жесткого долженствования (*должен, приходится*) также объективируется необходимость или ее отсутствие (*нужно, необходимо/ не нужно*) и совет (*следует/ не следует*). Наличие таких конструкций можно объяснить целью адресанта этого типа дискурса, состоящей, как в комментировании и анализе события, так и выражении своего мнения, совета, рекомендации, в том числе и в заголовках статей. При этом доминирующими языковыми средствами актуализации вышеупомянутых смыслов являются модальные глаголы *need, should*, а также конструкция с прилагательным *necessary*. Нами также отмечены случаи использования конструкции *had better* для выражения совета. Рассмотрим несколько примеров:

(12) *But for this to happen, U.S. policymakers need to swallow the harsh reality: Denuclearization is a pipe dream* (Newsweek Opinion, February 3, 2021)

(13) *Republicans Should Foot the Bill for Their Failed Attempt to Oust Gavin Newsom* (Newsweek Opinion, September 15, 2021)

(14) *With so many other more pressing issues, taxpayers **should not** be expected to pay for this failed vanity project* (Newsweek Opinion, September 15, 2021)

(15) *It's a grim spectacle – and Biden will take the political fall for it. As Chicago politicians and mobsters say, he has to "wear the jacket." With so much incoming fire from so many directions, it **had better** be a flak jacket* (Newsweek Opinion, August 18, 2021)

В качестве характерной особенности объективации модальности необходимости в изучаемом типе дискурса, как и в случае с модальностью возможности, можно выделить использование модальных глаголов *must, need, should* в *мы*-высказываниях. Такие сочетания отмечены как в заголовках, так и в тексте статей. При этом для усиления воздействия на адресата могут употребляться параллельные *мы*-конструкции, нередко в заключении статьи. Это свидетельствует о том, что адресант данного типа дискурса не только анализирует возникшую проблему, но и предлагает способы ее решения, включая читателей в группу своих единомышленников. Например:

(16) ***We Must** Pass Legislation to Protect Our Democracy Following Capitol Insurrection* (Newsweek Opinion, January 6, 2021)

(17) ***We must** tone down the temperature of **our** political culture – on all sides. **We must** isolate and alienate the extremists who control the narrative* (Newsweek Opinion, November 22, 2021)

(18) *The current National Defense Authorization Act simply does not address the scale of change **we need** to ensure America could militarily defeat China* (Newsweek Opinion, December 22, 2021)

Подводя итог вышесказанному, заметим: используя грамматические и лексические языковые средства в рамках объективации категории модальности, адресант информационно-аналитического дискурса выступает не только в роли аналитика и комментатора тех или иных событий, но также выражает свое мнение, даёт советы и рекомендации по поводу тех или иных действий политических деятелей и, в целом, по актуальной проблеме, обсуждаемой в статье.

Список литературы

1. Ахраменко Л.С. Модальность как фактор реализации прагматической установки в новостном дискурсе // Международные отношения: история, теория, практика. Материалы X научно-практической конференции молодых ученых факультета международных отношений Белорусского государственного университета. – Минск, 2020. – С. 272.
2. Васильева Л.В. Исследование модальных категорий в эволюции медиадискурса (на материале американской прессы XX века): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Васильева Людмила Витальевна; Дальневос. гос. гуманитар. ун-т. – Хабаровск, 2010. – С. 48.
3. Куреева Е.З. О соотношении категорий оценочности и текстовой модальности (на материале официальных документов) // Лекантовские чтения. Материалы международной научной конференции. – Москва, 2020. – С. 240.

10.02.04

Г.М. Ильдуганова, М.Г. Кудрявцева, А.А. Хусаинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт управления, экономики и финансов,
кафедра иностранных языков и профессиональной коммуникации
Казань, ildugan@mail.ru

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ В СЛОГАНЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

В данной статье проанализированы способы лингвосемиотического моделирования ценностей в англоязычной социальной рекламе через кодирование информации в текстах слоганов. В ходе исследования выявлены наиболее эффективные способы кодирования, приведены примеры. Научная работа может представлять интерес как для лингвистов, так и для рекламодателей, так как в ней рассматривается зарубежный опыт лингвосемиотического моделирования ценностей.

Ключевые слова: *лингвосемиотика, моделирование ценностей, слоган, социальная реклама.*

Сегодня как никогда остро социум нуждается в правильных ориентирах для выстраивания поведения и моделирования общественного сознания. Последствия пандемии и кризисных ситуаций в мире не могут не повлечь за собой возникновение и обострение целого ряда социальных проблем, которые необходимо незамедлительно и эффективно решать. Именно социальная реклама всегда являлась одним из важных и действенных инструментов укрепления и историко-культурной составляющей общества и его ценностных ориентиров.

Кропачева К. И. отмечает, что формирование личности в определённом обществе осуществляется под воздействием языковых факторов, поэтому она самым тесным образом связана с языковой картиной мира, которая представляет собой совокупность представлений конкретного языкового коллектива об окружающей действительности [4].

Маслова В.А. в свою очередь считает, что язык - это единственное средство, которое способно помочь проникнуть в сферу ментальности [7].

Лингвосемиотика – эта та наука, которая рассматривает знаки и знаковые системы в языке как часть кода нации и именно она способна раскрыть связь между ментальной и культурной составляющей общества и знаковыми системами его репрезентирующими. Знание этой связи может помочь в эффективном воздействии на общественное сознание через слоганы социальной рекламы и впоследствии в моделировании правильных ценностей и нужного общественного поведения.

Курченкова Е.А. отмечает, что «рекламодатели, стремясь повысить эффективность своих коммуникативных сообщений, создают и постоянно совершенствуют определенный набор технических приемов, символов, знаков и иных способов организации сообщения, обращенный к базовым составляющим национального менталитета» [5].

Следовательно, слоган социальной рекламы – этот тот инструмент, который способен моделировать восприятие сообщения реципиентом, а, значит, и влиять на его сознание и поведение через призму его культурных кодов с помощью лингвосемиотического моделирования.

«Именно в слогане эффективно используется потенциал семиотических кодов культуры, интерпретация которых предполагает актуализацию ментальных стереотипов и порождение ассоциаций, связанных с различными представлениями человека, этнокультурным опытом мировосприятия, личностным опытом и багажом знаний» [8].

«Носителями культурной информации в слогане являются разнообразные репрезентанты культуры, включающие концепты, символы, архетипы, образы, прецеденты, мифы, коды культуры и т.д., выполняющие роль единиц образной, ценностной, символической, воздействующей, персуазивной, суггестивной составляющих многослойного содержания слогана, которые, взаимодействуя и усиливая совокупный эффект, обеспечивают манипулятивную функцию рекламы...»[10].

По словам Карасик В.И. «моделирование ценностей - высших ориентиров поведения - нацелено на объяснение мотивации этих ценностей ..., на освещение специфической комбинаторики ценностей..., на выявление динамики таких ориентиров поведения ..., на определение способов их выражения...» [2].

Таким образом, способ кодирования моделируемых ценностей в слогане влияет в значительной степени на то, как реципиент воспринимает заложенную с помощью знаков информацию и именно этот аспект представляет наибольший интерес для нашего исследования.

Существует несколько подходов к способам передачи информации в тексте: информативный и фасцинативный (Кнорозов Ю.Н., Эпштейн М.Н.); использование коммуникации и автокоммуникации (Лотман Ю.Н.); прямой и опосредованный (Карасик В. И.).

Новизна данного исследования заключается в том, что лингвосомиотическое моделирование ценностей в слоганах англоязычной социальной рекламы рассмотрено комплексно, в рамках всех трех подходов, так как каждый из них содержит уникальное видение проблематики исследования.

Информативное восприятие текста происходит с опорой на личностный тезаурус носителя культуры, который соотносит полученную извне фактологическую информацию с уже имеющимся опытом. Форма подачи содержания не представляет особой важности для реципиента, важна лишь сама идея. Такой слоган легко переводится на другой язык:

Love has no gender. / У любви нет пола (здесь и далее перевод авторов статьи. – Г. И., М. К., А. Х.).

Happiness is helping others. / Счастье – это помощь другим.

Фасцинативное восприятие текста происходит на эмоциональном уровне, когда носитель культуры пропускает текст сквозь свои личностные психологические состояния. По словам Эпштейна М.Н., именно это и побуждает реципиента к "интенциональному чтению", направленному на осмысление значимых текстуальных пустот [9]. При переводе такого слогана сложно передать все языковые нюансы, ритм или рифму сообщения:

Drinking kills driving skills. / Алкоголь убивает навыки вождения.

When online, be smart, have a heart! / Будь благоразумен и добр в сетях!

Явления информативного восприятия и фасцикации рассматривают и в другом ключе. Так, Ю. М. Лотман выделяет две модели общения коммуникантов: коммуникацию и автокоммуникацию. Первая информативна и логична, а вторая строится на ассоциациях, когда сообщение приобретает новый смысл, а в сознание внедряется некий вторичный код, который вызывает устойчивые смысловые привязки [6].

В качестве примера слогана, выстроенного на коммуникационной модели общения, можно привести слоган компании Nike «Just do it!» (Просто сделай это!). В силу своей узнаваемости этот слоган часто используется в рекламе в качестве автокоммуникации, приобретая вторичный код, когда первоисточник сразу же идентифицируется:

Just don't do it! / Просто не делай этого!

What would Jesus do? Just do it! / Что бы сделал Христос? Просто сделай так же!

Как упоминалось выше, форму подачи информации в слоганах социальной рекламы разделяют так же на прямую и опосредованную.

Прямое изложение информации выражается в использовании фактов в виде цифр и статистических данных. Подобные сообщения воспринимаются буквально и не требуют поиска скрытого содержания. Прием хорошо работает, когда, например, необходимо

доказать, что с вредными привычками необходимо бороться:

About 443, 000 U.S. Deaths Attributable Each Year to Cigarette Smoking. / Ежегодно о коло 443 000 с мертей в США в ызваны курением с игарет.

Опосредованное выражение информации представлено смысловыми типами: эмблематическим, аллегорическим и символическим [1].

Соотношение эмблематического образа и слова, зачастую несет в себе некое кодовое отклонение от нормы, что способствует снятию подсознательных защитных механизмов реципиента, ограждающих его от восприятия новой информации. Нарушения могут быть как синтаксические с неправильным построением предложения и использованием другого знака препинания: «See how easy feeding the hungry can be?» (Видишь, как легко может быть накормить голодного?), так и стилистические (паралингвистические), например, графическое выделение текста шрифтом, использование необычных знаков и символов:

«OMG L@@@K OUT!» / О боже! Будь осторожен!

Cell phones + distraction + RR Tracks = Tragedy / Разговор по мобильному + потеря концентрации + железнодорожный переезд = драма.

Вкладывая в рекламное сообщение аллегорический смысл, рекламодатель делает его рациональным, слоган может интерпретироваться в единственно возможном ключе. Эта особенность делает подобный слоган особенно эффективным в политических рекламных кампаниях:

Get Brexit done! / Осуществи «Брексит»;

Make America great again! / Сделай Америку снова великой!

Символический же смысл сообщения крайне многообразен и допускает множество толкований. В тексте слогана используются лингвостилистические средства, которые делают слоган заметнее и ярче.

Так, например, слоганы, где используются многоточия, обозначающие смысловые и информационные лакуны, способны вызвать у читающего недоумение и интерес. Для лучшего эффекта рекламодатели часто предлагают после многоточий неожиданные развязки:

Ladies, please take your seat ... and keep it! / Дамы, пожалуйста, займите своё место ... и не уступайте!

Еще одним способом опосредованного моделирования ценностей в слогане социальной рекламы является «статусность». Статус человека включает в себя: статусный индекс (ролевые признаки), статусный вектор (неравенство или равенство коммуникантов), статусную репрезентацию (принижение своего статуса одним из коммуникантов) [2].

Например, в призывах к расовому и гендерному равенству зачастую используется умышленное принижение самого реципиента с тем, чтобы вызвать в нем мотивацию «от обратного», чувства протеста:

Black men should not date white women. Black men should not marry white women. Black men should be thankful for slavery. / Чернокожие мужчины не должны встречаться с белыми женщинами. Чернокожие мужчины не должны жениться на белых женщинах. Чернокожие мужчины должны быть благодарны за рабство.

Таким образом, мы можем заключить, что правильный выбор способа передачи информации в слогане социальной рекламы влияет на дальнейшее восприятие информации реципиентом.

Способы подачи информации в слогане разделяются на информативные, фасциативные, прямые и опосредованные. По способу выстраивания отношений между коммуникантами они могут делиться на коммуникационные и автокоммуникационные.

Слоганы с элементами фасцинации, автокоммуникации и опосредованной подачей информации эффективны при создании вторичного кодирования и подталкивают реципиента к выстраиванию личностных смысловых связей с сообщением и подключают его к процессу автокоммуникации с рекламодателем и его посылом.

Информативные, коммуникационные и прямые способы признаны эффективными для подачи информации, которая не подразумевает скрытый подтекст и содержит прямые призывы к действию: политические лозунги, кампании по борьбе с вредными привычками, призывы по нераспространению опасных заболеваний. Подобные слоганы зачастую воспринимаются как инструкция к действию.

На эффективное лингвосомиотическое моделирование ценностей в слогане социальной рекламы влияют: способ подачи информации, выбор способа коммуникации с реципиентом, грамотный выбор лингвостилистических и паралингвистических средств в зависимости от тематики социальной рекламы и целевой аудитории.

Список литературы

1. *Карасик В.И.* Лингвосомиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. - Екатеринбург, 2012. - Вып. 1(39). - С. 43-50
2. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. - М. : Гнозис, 2002. - 333 С.
3. *Кнорозов Ю.В.* К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. - М.: Наука, 1973. - С. 324-334.
4. *Кропачева К.И.* Лингвосомиотическое моделирование ценностей в антропонимическом пространстве английского языка: Автореф. дис. канд. филол. наук. - Нижний Новгород, 2021. - 18 С.
5. *Курченкова Е.А.* Этнокультурные ценности в текстах газетных объявлений // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. - Волгоград-Архангельск: Перемена, 2001. - С.74-80.
6. *Лотман Ю.М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. - Тарту, 1973. Вып. 6. - С. 227-243.
7. *Маслова В.А.* Homo lingualis в культуре. - Гнозис, 2007. - 320 С.
8. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. - М.: Academia, 2000. - 141 С.
9. *Эпштейн М.Н.* Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. - М. : Новое литературное обозрение, 2004. - 864 С.
10. *Якина Я.И.* Культурно-семиотическое исследование прагматики рекламных слоганов (на материале англоязычных коммерческих и политических слоганов): Автореф. дисс. канд. филол. наук. - «ПЕЧАТНЫЙ ДОМЪ» ИП А.В. ВЕРКО, 2021. - 24 С.

10.02.04

В.В. Календарёва

Башкирский Государственный Университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации,
lerik.92@list.ru

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИЙ

В данной статье рассматривается метафора как языковое явление и средство для передачи чувств и эмоции в художественном дискурсе. Рассматриваются подходы к изучению метафоры и основные теории метафоры. Дана характеристика метафор как стилистического явления.

Ключевые слова: *метафора, метафоричность, эмоции, художественный дискурс.*

Целью настоящей статьи является рассмотрение метафор в художественном дискурсе с позиции их классификации и функционирования.

Чтобы передать и показать эмоции у человека есть большое количество способов, которые называют экспрессивными или выразительными. Чтобы передать эмоции через текст, единственным способом являются слова. В языке существуют множество разнообразных оборотов, с помощью которых автор может передать палитру чувств и эмоций. Выбор конкретного слова обусловлен желанием автора произвести определённое впечатление, вызвать конкретную реакцию или передать глубину чувств, используя слова обусловленной семантики, значения которых модифицируются в зависимости от контекста. Например, используя различные виды лексики:

- слова, отражающие эмоциональное состояние: *восторг, любопытство, отчаяние, смущение* и т.д. Так же, для придания эффекта можно использовать определения: *неописуемый восторг, незаурядное любопытство, беспросветное отчаяние* и т.д.

- слова повышенной экспрессии или слова - интенсивы: *красавчик, чувак, мерзавец, дурак* и т.д.

- метафоры, они не только передают эмоции, они создают настроение и украшают весь текст.

Остановим внимание на метафоре и рассмотрим её, как языковое явление и средство для передачи чувств и эмоций в описательном художественном дискурсе.

В традиционном представлении метафора представляет собой нерасчлененное сравнение. Подобное восприятие метафоры фиксируется еще в античности и впервые, кто дал характеристику метафоре был Аристотель. По его мнению, метафора может соединить действительное и невозможное [4, с. 670]. При этом Аристотель не рассматривал метафору как отдельное языковое явление, а как о какой-то определённой фигуре речи, которая имеет возможность изменять смысл текстов и выражений. В последующем метафорой стали интересоваться всё больше лингвистов и стали заниматься её исследованием более углублённо, но так и не пришли к единому определению. Различные классификации и понятия метафоры выдвигают разные лингвисты.

Начиная с работ М.Блэка, Э. Мак-Кормака метафора начинает восприниматься не только как фигура речи, но и как мыслительный механизм, когнитивная структура. Когнитивный взгляд на метафору представлен в революционном труде Дж. Лакоффа и М. Джонсона: «Метафора – это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [11, с. 5]. Они выделяют два типа метафор: 1) онтологические, то есть метафоры, позволяющие видеть события, действия, эмоции, идеи и т.д. как некую некую субстанцию; 2) ориентированные, или ориентационные, то есть метафоры, не определяющие

один концепт в терминах другого, но организующие систему концептов всю в отношении друг к другу [11, с. 5]. Таким образом, Дж. Лакофф и М. Джонсон говорят о метафоре как языковом средстве, с помощью которого человек может выразить свои эмоции, а также отношение к окружающему миру.

Существует большое количество классификаций метафор: живые метафоры и мертвые метафоры, авторские метафоры и устоявшиеся привычные метафоры. Например, Т.Ф. Курдюмова выделяет следующие виды метафорических выражений:

1) простая метафора – чаще всего это слово или словосочетание. Такая метафора создает единый образ, который складывается из ряда взаимосвязанных и дополняющих друг друга простых метафор: *«bottomless grief»* [2, с. 14]

2) сюжетная или композиционная метафора. Формируется на протяжении всего текста: *«They come upon me all silent and threatening like Pinkerton Detective, and they flank me – Depression on my left, Loneliness on my right»* [2, с. 34]

3) национальная метафора. Она характерна для определенной нации.

4) традиционные метафоры, как правило это общеупотребительные метафоры, общепринятые. *«I took on my depression like it was the fight of my life, which, of course, it was. I became a student of my own depressed experience, trying to find its causes. What was the root of all this despair?»* [2, с. 34] Также в стилистике необходимо разграничивать индивидуально-авторские метафоры, которые создаются авторами для конкретной речевой деятельности, и анонимные метафоры. Языковая или традиционная метафора основана на коннотациях прямого значения рассматриваемого слова. Авторская метафора неразрывно связана с контекстом ее употребления и коннотативными признаками.

Художественный стиль отличается от других функциональных стилей метафоричностью [10, с. 395]. Индивидуально-авторские, поэтические или художественные метафоры создаются конкретными людьми. Такие метафоры выразительны и занимают центральное. Их главная функция в художественном тексте – создание образа, основанного на ассоциациях. Чем необычнее ассоциация, тем ярче и выразительнее метафора. [9, с. 135].

В работе В. К. Харченко «Функции метафоры» [14] произведён подробный анализ функций метафоры. В данном исследовании выделено 15 функций метафоры: стилеобразующая, номинативная, информативная, мнемоническая, ритуальная, игровая, текстообразующая, жанрообразующая, эвристическая, этическая, эмоционально-оценочная, кодирующая, объяснительная, конспирирующая, аутосуггестивная. Среди вышеперечисленных функций можно выделить непосредственно к художественной метафоре: стилеобразующая, текстообразующая и эмоционально-оценочная.

1. Стилеобразующая функция. Метафоры принимают участие в создании стиля, прежде всего в художественной литературе. Использование тропов, особенно метафор, выделяет художественный стиль среди других стилей. [14, с. 21].

2. Функция генерации текста. Метафоры обладают свойством быть мотивированными и развитыми. Текстообразующая функция метафор особенно характерна для лирических стихотворений. [14, с. 24].

3. Эмоционально-оценочная функция. Образность – одно из сильнейших средств воздействия. В художественном тексте автор оказывает влияние на читателя через метафоры. Метафоры имеют эмоционально-оценочную природу. [14, с. 41]. Роль индивидуально-авторских метафор в художественном тексте значительна. Писатели и поэты прибегают к метафорам, чтобы с их помощью отразить своё уникальное видение картины мира.

«The harbor of my mind is an open bay, the only access to the island of my Self (which is a young and volcanic island, yes, but promising). This island has been through some wars, it is true, but it is now peaceful, under a new leader (me) who has instituted new policies to protect the place». [2, с. 106] В представленном отрывке, через метафору «гавань» автор представляет разум героини, а сознание через «остров». Очень ярко и выразительно, так же через метафору, показано, что «остров» пережил «некоторые войны», где войны – это развод, разочарование и депрессия, пережитые героиней. На примере данного отрывка хорошо

видно, как через метафору автор красиво и эмоционально описывает внутренний мир героини.

Таким образом, метафора – это наиболее яркое средство выразительности. Она имеет свой стилистический потенциал. Через метафору мы можем увидеть и прочувствовать состояние души человеческой, его образ, его отношение к окружающему миру, отношение к жизни, людям, животным, природе. Метафора, делая некоторое буквальное утверждение, заставляет увидеть один объект как бы в свете другого, что и влечет за собой «прозрение» читателя.

Список литературы

1. *Bain A. English Composition and Rhetoric. L., 1887. - 328 p.*
2. *Gilbert E. Eat, Pray, Love., 2018 – 224 p*
3. *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций / В.Ю.Апресян, Ю.Д.Апресян // Вопросы языкознания. 1993. -№3. -с.13-21.*
4. *Аристотель, Поэтика/пер. М. Л. Гаспарова /Аристотель: в 4-х т.т.4. -М.:Мысль, 1984. –830с.*
5. *Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д.Арутюнова // Теория метафоры. -М.: Прогресс, 1990. -С. 5-32.*
6. *Бедкер Х.Э. История понятий, история дискурса, история метафор. - М.: Новое литературное обозрение, 2010. - 328 с.*
7. *Вендина Т.И. Введение в языкознание: Учебник для академического бакалавриата / Т.И. Вендина. - Люберцы: Юрайт, 2016. - 333 с.*
8. *Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак; [под ред. В.Н. Телия] // Метафора в языке и тексте. –М.: Наука, 1988. –С.11–26.*
9. *Голуб И.Б. Стилистика русского языка - 2010 -432с*
10. *Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебник [Текст] / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М. : Флинта, 2008 – 464с.*
11. *Лакофф, Дж., Джонсон. М. Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры / Дж. Лакофф, М.Джонсон. –М. ,1990. –415с.*
12. *Мак-Кормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э.Мак-Кормак // Теория метафоры. –М.: Прогресс, 1990. –С. 358-387*
13. *Толочин, И.В. Метафора и интертекст в англоязычной поэзии: моногр. / И.В. Толочин. - М.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2012. - 246 с.*
14. *Харченко В.К. Функции метафоры Воронеж, 1992*

10.02.04

М.В. Кычкова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
институт межкультурной коммуникации и международных отношений,
кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации,
Белгород, margarita.valeryevna93@yandex.ru

**ОЦЕНОЧНО-ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА
“STRANGENESS/UNUSUALNESS”
(НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ О ПРОВЕДЕНИИ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ)**

В статье рассматривается аксиологический статус центрального/ядерного концепта “strangeness/unusualness” и его репрезентантов на примере цитат из современных англоязычных СМИ. Посредством аксиологического анализа выявляются ценностные ориентиры как отдельной языковой личности, так и общества в целом в определенный промежуток времени. Лингвоаксиологическая специфика концепта и его репрезентантов отображает национально-культурные особенности исследуемой языковой картины мира.

Ключевые слова: *концепт, ценность, оценка, аксиологическая лингвистика, аксиологический анализ.*

Лингвоаксиология или аксиологическая лингвистика новое направление в языкознании, изучающее категорию ценностей, выраженных в языке или тексте. Посредством аксиологического анализа (метод лингвистической этносемиотрии) выявляются ценностные ориентиры, которые меняются из-за постоянных изменений в обществе, мире. По мнению Е.Ф. Серебренниковой, «такой способ выявления смысла, заложенного в данном тексте/дискурсе через определенный способ его оформления, который стремится к наиболее полному пониманию содержательного наполнения структур означивания с учетом сказанного, подразумеваемого, а также обстоятельств высказывания» [1, с. 42]. Аксиологический анализ предполагает оценивание людей или их поведение, событий, ситуаций и прочее, так оценка может быть субъективной или объективной, явной или скрытой, положительной, отрицательной или даже нейтральной, однако объективное оценивание невозможно без использования контекста. Согласно З.С. Хабекировой, «под влиянием контекста практически любая языковая единица может становиться носителем оценки или менять свою оценку на противоположную, оценочность стоит рассматривать скорее как характеристику определенных типов дискурса» [2, с. 21].

Таким образом, при анализе концепта с позиции аксиологической лингвистики его следует исследовать в неразрывной связи с ситуацией.

В нашем исследовании мы рассмотрим концепт с центральным/ядерным именем “strangeness/unusualness” и его репрезентанты-синонимы через призму аксиологической лингвистики. Объектом для исследования послужили цитаты из западных СМИ о специальной военной операции на Украине в 2022 году, целью которой со стороны России является защитить своих граждан, а именно, предотвратить распространение НАТО у границ России, признать присоединение Крыма к РФ, а также независимость Луганской и Донецкой республик.

Так, в статье “*Putin’s Gamble on Ukraine May Be Anything but Crazy*” автором которой является *Jeff Seldin*, приводятся мнения западных президентов или высокопоставленных лиц о В.В. Путине и его деятельности. Рассмотрим точку зрения президента США Джо Байдена.

Пример 1. “*U.S. President Joe Biden described one of Putin’s speeches, recognizing the Donetsk and Luhansk regions of Ukraine as independent states, as “bizarre” and “twisted”. U.S. Secretary of State Antony Blinken described the same speech as “deeply disturbing” [6].*

В представленном контексте Джо Байден критикует речь президента России, в которой он сообщает о признании независимости Донецкой и Луганской республик. Для Байдена решение В.В. Путина является странным и извращенным, поэтому репрезентант “*bizarre*” имеет ярко-выраженный отрицательный (-) аксиологический статус с позиции запада.

Схожие аксиологические потенциалы проявляет и другое прилагательное английского языка “*strange*”, которое также интенсивно используется англоязычными СМИ в характеристике действий РФ на современном этапе.

В статье под заголовком “*Putin’s Strange New Messaging on Russian on Russian TV*”, опубликованной в журнале “*POLITICO*”, посредством концепта “*strange*” автор выражает свое негативное (-) отношение к деятельности Путина, которая совпадает с общественной на западе.

Пример 2. “*Why the Kremlin chief would suddenly focus on Crimea is strange, since it supposedly is a solidly Russian area whose annexation, at least inside Russia, isn’t in question*” [5].

В данной цитате автор рассуждает почему В.В. Путин так сосредоточен на статусе Крыма, ведь он уже входит в состав Российской Федерации, через концепт “*strange*” отражается отрицательное (-) отношение автора к президенту России. Однако с позиции граждан РФ, обеспокоенность их президента является обоснованной, если Украина вступит в НАТО, которое не признает присоединение Россией Крыма, то в сложившихся обстоятельствах силы Североатлантического Альянса будут вынуждены начать военные действия.

Jess Bidgood автор статьи “*I personally think he’s unhinged’: Analysts question Putin’s mental state after Ukraine invasion*” разделяет мнение граждан запада и критикует президента России.

Пример 3. “*WASHINGTON – Less than a week before Vladimir Putin launched a full-scale invasion of Ukraine, world leaders gathering at a luxurious German hotel to talk global security indulged in a familiar pastime: discussing what they saw as the Russian president’s odd behavior*” [3].

Лидеры европейских стран считают поведение В.В. Путина странным, следует обратиться к дальнейшему контексту, чтобы дать объективную оценку исследуемому репрезентанту. По мнению Jess Bidgood, неспровоцированное вторжение российских войск на Украину, а также угроза в применении ядерного оружия являются странными в сложившихся обстоятельствах, поэтому репрезентант “*odd*” имеет явную отрицательную (-) оценку, отражающую позицию западного общества.

В такой же предикативной позиции, но в рамках другой языковой конструкции, употребляется следующее высказывание.

Пример 4. “*We met with Chancellor Olaf Sholz, and he was telling us about his meeting that he had with Putin,*” said Representative Bill Keating of Massachusetts, who attended the Munich Security Conference, where the new German chancellor complained about Putin’s **unusual** COVID protocols” [3].

В представленной цитате концепт “*unusual*” имеет отрицательный (-) аксиологический статус, так как необычные Путинские протоколы из-за ковидных ограничений вызвали негативную реакцию у запада, а именно, медицинский осмотр канцлера Германии перед встречей с В.В. Путиным. Однако если рассматривать возникшую ситуацию через призму другого видения действительности, то данные действия направлены на предотвращения распространения коронавируса и являются нормальными.

В представленных выше цитатах концепт с центральным/ядерным именем “*strangeness/unusualness*” и его репрезентанты имеют ярко-выраженный отрицательный (-) аксиологический статус во всех случаях употребления, отражающий западную ментальность, которая негативно настроена по отношению к России и ее гражданам, а также к президенту В.В. Путину из-за событий на Украине. Однако рассматривая данные цитаты с позиции, свойственной для жителей Российской Федерации, представленный концепт и его репрезентанты имеют диаметрально противоположный аксиологический статус, так как они

поддерживают деятельность их президента, основной целью которого является защита своих граждан и союзников.

Таким образом, посредством аксиологического анализа выявляются ценностные ориентиры, которые на данный момент не совпадают у стран Европейского союза и России. На ценностные ориентиры огромное влияние оказывают СМИ, которые должны формировать достоверное представление о происходящих событиях в мире, однако довольно часто происходит дезинформация в обществе, которая приводит к необратимым последствиям, что наблюдается на исследуемых выше примерах.

Список литературы

1. *Серебренникова Е.Ф.* Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография / Е. Ф. Серебренникова. – Москва: Тезаурус, 2011. – 351 с.
2. *Хабекирова З.С.* Оценка и оценочность в языке демократической оппозиции (на материале газетного политического дискурса) / З.С. Хабекирова // Вестник Вятского государственного университета. – 2009. – №2 (3). – С. 20-23.
3. *Bidgood J.* I personally think he's unhinged': Analysts question Putin's mental state after Ukraine invasion [Электронный ресурс]. URL:<https://www.bostonglobe.com/2022/03/01/nation/i-personally-think-hes-unhinged-analysts-question-putins-mental-state-after-ukraine-invasion/> (дата обращения 19.03.2022)
4. *POLITICO* // magazine [Электронный ресурс]. URL:<https://www.politico.com/news/magazine/2022/03/17/putin-russia-state-tv-news-00018304>(дата обращения 21.03.2022)
5. *Seldin J.* Putin's Gamble on Ukraine May Be Anything but Crazy [Электронный ресурс]. URL:<https://www.voanews.com/a/putin-s-gamble-on-ukraine-may-be-anything-but-crazy/6458607.html> (дата обращения 21.03.2022)

10.02.04

**Е.Ю. Пугина канд. филол. наук, С.П. Смыслов канд. филол. наук,
Т.В. Холстинина канд. филол. наук, Л.А. Яшенкова канд. филол. наук**

Московский государственный областной университет

**ОТ ЭКЗОТИЧЕСКОГО К ПРИВЫЧНОМУ
(О ПЕРЕДАЧЕ ИНДИЙСКИХ РЕАЛИЙ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

В статье рассматриваются некоторые особенности, связанные с межъязыковой передачей относящихся к Индии слов-реалий, встречающихся в произведениях англоязычных авторов XIX – первой половины XX в. Отмечается зависимость методов и способов воспроизведения их в переводном тексте от степени знакомства принимающей аудитории (а иногда и самих переводчиков) с соответствующими предметами и явлениями действительности.

Ключевые слова: *реалии, индийский, британский, оригинал, перевод, метод.*

Вопрос о методах и способах отражения в переводах (в первую очередь – произведений художественной литературы) так называемых реалий, то есть предметов и явлений действительности, обладающих национально-культурной спецификой и вследствие этого не имеющих эквивалентов в переводном языке, принадлежит к числу одной из наиболее часто обсуждаемых проблем теории и практики перевода, а выход в свет в 80-х гг. прошлого века известного труда С. Влахова и С. Флорина [1] стал, по существу, той отправной точкой, из которой исходят (или от которой отталкиваются) практически все создаваемые в нашей стране работы, посвященные названной проблеме. Вместе с тем, очевидно, что за истекший с момента ее появления у названной темы появились и такие аспекты, которые ранее не получили подробного освещения или оставались несколько в тени, что связано как с расширением привлекаемого к исследованию материала, так и с появлением новых переводоведческих концепций, по той или иной причине авторами упомянутой монографии не затронутыми.

К их числу, на наш взгляд, принадлежит и вопрос о восприятии и межъязыковой передаче так называемых «восточных (в нашем конкретном случае – прежде всего, связанных с Индией) реалий», которому посвящено предлагаемое сообщение. Причем, при его рассмотрении приходится принимать во внимание и некоторую специфику самого названного понятия, с одной стороны, и особенностей функционирования относящейся сюда лексики и в определенной степени фразеологии – с другой.

Прежде всего, представляется целесообразным рассмотреть само содержание понятия «восточные реалии». Строго говоря, его вряд ли можно считать научным термином, поскольку, с одной стороны, он носит ярко выраженный европоцентрический (или, точнее, «западный») характер (подобно таким уже давно укоренившимся названиям, как «восточные языки», «востоковедение» и т.д.), а с другой – в зависимости от сложившейся в той или иной культуре традиций применяется несколько по-разному. С одной стороны, он покрывает весь ареал «к востоку от Европы, то есть включая и Ближний, и Средний, и Дальний Восток (а до XVIII столетия европейские авторы порой причисляли сюда и Московское государство, что, кстати, отразилось и в известном ироническом замечании Н.В. Гоголя о посещавших Польшу иностранных путешественниках, которые «часто были увлекаемы единственно любопытством посмотреть этот полуазиатский край Европы: Московию и Украину они почитали уже находящимися в Азии»)[2, с. 141]).

С другой стороны, как отмечал в свое время Э. Саид в своей известной, хотя и вызвавшей весьма ожесточенные споры работе [7], восприятие Востока в различных странах, принадлежащих к западной цивилизации, могло довольно существенно различаться: если для Англии – это, в первую очередь, бывшая «жемчужиной британской короны» Индия и страны Ближнего Востока, являвшиеся ее колониальными владениями (хотя к последним, как известно, принадлежали не только они), то в Соединенных Штатах Америки в данный период большее внимание привлекали такие страны Дальнего Востока, как Китай и Япония. Это, естественно, отражалось и на литературном творчестве: в поле зрения британских авторов попадали, разумеется, различные регионы «Востока», но наибольшую известность получили в мире все-таки, вероятно, произведения, условно относимые к так называемому «индийскому циклу», порой весьма сильно отличавшиеся не только по творческой манере их создателей, но и по их идейно-политическим установкам (достаточно в этой связи вспомнить хотя бы таких писателей, как Р. Киплинг и Э. Форстер).

Но независимо от указанных моментов посвященные интересующей нас тематике произведения характеризуются тем, что, будучи написаны на европейском (в первую очередь, английском) языке, они отражали культуры неевропейские (шире – не западные), а следовательно, включали в себя те самые восточные реалии, которые – используем термин С. Влахова и С. Флорина – были для них в лингвокультурном отношении чужими. А в подобных случаях, кстати, потенциально существует опасность, что уже в оригинальном тексте их применение может не соответствовать той действительности, которую указанные единицы призваны отражать.

Разумеется, поскольку речь идет об исходном (в нашем случае – англоязычном) тексте, здесь во многом сказывался и личный опыт того или иного автора. Так, идейная направленность творчества Р. Киплинга вызывала немало вопросов и оценивалась весьма поразному, в том числе и представителями русской культуры. Можно вспомнить здесь и замечание А.И. Куприна, писавшего, что для английского писателя, когда речь шла об Индии, изображение местной жизни и местного населения «служит в его чудесных руках все той же узкой и великой цели – прославлению и возвеличению английской завоевательной миссии» [4], и сказанные полвека спустя слова К.П. Паустовского, заметившего, что «Англия была для Киплинга превыше всего. Человечество существовало в глазах Киплинга только как удобрение для необъятных английских плантаций. Поэтому Киплинг воспевал солдат и офицеров, колониальные войны, жестокость и смелость», и считавшего, что «Жизнь Киплинга – один из трагических примеров того, как гений может погубить себя» [6]. Но, насколько нам известно, даже самые строгие его критики не отрицали, что сами реалии индийской жизни – хотя и в ограниченном масштабе – воспроизводились у него достаточно верно и каких-либо существенных искажений не содержали (тогда как, скажем, в некоторых произведениях А. Конан Дойла, где действие оказывается в той или иной степени связано с Индией (*A Study in Scarlet*, *The Mystery of Cloomber* и др.), последние носят либо чисто орнаментальный, либо служат экзотическим обрамлением мистических событий. Однако, независимо от, если можно так выразиться, «степени реалистичности» той действительности, которая была отражена в их творчестве, предназначались тексты с «восточными» (индийскими) мотивами аудитории, для которой она была – даже если многие ее представители никогда сами в Индии не бывали – используя выражение В. фон Гумбольдта, скорее, «чужой, но не чуждой», а точнее – и не совсем чужой, поскольку, как отмечалось в специальной литературе, «в активном словаре колониальной Англии <...> было немало слов и словосочетаний, связанных с реалиями Индии» [5, с. 235] (в России нечто аналогичное наблюдалось, вероятно, по отношению к Кавказу и относящимся к нему реалиям). Другой вопрос, что знания той культуры (точнее, тех культур), которые эти реалии отражали, могли быть достаточно поверхностными, и отличить хиндиязычного индийца от бенгалиязычного «средний» британский читатель XIX – начала XX столетия, вероятно, мог бы примерно с таким же «успехом», как его российский современник – черкеса от аварца, но и там, и там некоторые «фоновые знания» всё-таки, как правило, присутствовали, хотя иногда и в

довольно причудливой форме (здесь можно вспомнить персонажа «Золотого теленка», который, симулируя сумасшествие и выдавая себя за «индийского вице-короля», смешивал наибоу и магараджей с абреками и кунаками).

Но когда возникала необходимость передавать, скажем, те же индийские реалии (как, впрочем, и другие единицы с национально-культурной спецификой, условно обобщаемые под названием «восточных») для русскоязычного читателя (обратный случай – с «кавказскими» реалиями в русских текстах, передаваемых на другие языки, в данной статье не рассматривается) ситуация оказывалась несколько иной. И говоря о переводческой стратегии, применявшейся при выполнении этой задачи, приходится принимать во внимание и диахронический аспект.

Побывавший в 50-х гг. прошлого века в Индии И.Г. Эренбург, рассказывая о своих впечатлениях, заметил: «В Пондишери я видел карту, на которой отмечены все чужеземцы, вторгавшиеся в Индию. Не скрою – мне было приятно, что в длинном перечне нет моих соотечественников. Тверской купец Афанасий Никитин добрался до далекого Бидара не для того, чтобы его завоевать, и никогда он не помышлял о создании “Ост-Индской компании”» [9].

С одной стороны, это обстоятельство, естественно, играло весьма положительную роль при осуществлении межкультурных (да и любых других) контактов – у русскоязычной аудитории отсутствовало то, что можно назвать «грузом колониальной эпохи». Однако, с другой стороны, это отсутствие порой довольно сильно затрудняло доведение до своего читателя отдельных, иногда достаточно существенных моментов, порой вынуждая прибегать к пресловутому «нулевому переводу» или переводческой генерализации, несколько погрешая тем самым против буквально понимаемого принципа, согласно которому национально-культурная специфика оригинала должна сохраняться в максимально возможной степени.

Особенно часто подобного рода вынужденный отказ будет наблюдаться в тех случаях, когда соответствующие реалии и в исходном языке перешли в разряд историзмов. – типа *khitmutgar*, *Pandyu* т.п., шансы на активизацию которых в лексическом фонде отечественного читателя практически отсутствуют (полагаем, что и для многих современных английских читателей их актуальность приближается к тому же уровню). Однако наряду с подобными единицами, вошедшими в английский язык в определенную эпоху и в значительной степени ушедшими вместе с ней, необходимо учитывать наличие и таких реалий, которые, если можно так выразиться, воспринимаются как своего рода «вечные символы» индийской культуры. И вот по отношению к ним действительно приходится констатировать своеобразную «адаптацию экзотического». В первую очередь, конечно, здесь можно вспомнить различные аспекты йоги и относящуюся к ней терминологию, популярность которой в России в последние десятилетия весьма возросла. Но вместе с тем гораздо шире стало и знакомство с другими элементами индийской культуры. Разумеется, само понятие «среднего читателя» достаточно абстрактно, о чем писал еще В.Я. Брюсов [3], но, вероятно, можно с некоторым основанием утверждать, что, скажем, о том, что такое Веды или Упанишады, сейчас в России знает гораздо больше людей, чем это было в начале или даже середине прошлого века. А это, естественно, повлияет и на межъязыковую передачу произведений, где подобные реалии упоминаются.

К сказанному целесообразно добавить еще два момента.

Во-первых, англоязычные тексты, посвященные индийской действительности, создавали не только британские авторы (то есть представители чужой по отношению к описываемой среде культуры), но и те, для кого эта культура была своей – писатели, принадлежащие к различным народам, населяющим Индию. Это могли быть как оригинальные произведения, так и автопереводы, причем в последних могла проявляться ярко выраженная установка на адаптивную стратегию. Это особенно ярко проявилось в принадлежащей Р. Тагору английской версии романа «Крушение» / *The Wreck*. Классик бенгальской / индийской литературы, несмотря на отмеченное выше наличие у современных ему британских

читателей определенное знание индийских реалий, предпочел до такой степени «деэкзотизировать» исходный текст, что переведивший эту версию несколько десятилетий спустя на болгарский язык С. Флорин «выправил» бенгальский колорит по русскому переводу [8, с. 122] – прием, на наш взгляд, несколько спорный, но достаточно убедительно иллюстрирующий, что путь от «экзотического» к привычному бывает иногда довольно извилист...

Во-вторых – что, правда, может прозвучать как оксюморон – далеко не во всех случаях «индийские» реалии (то есть лексические и фразеологические единицы, отражающие действительность Британской Индии) – являются таковыми в собственном смысле слова. Поскольку значительная часть ее населения исповедовала ислам (что привело после прекращения английского колониального господства к разделу страны на Индию и Пакистан, а впоследствии и весьма драматичного выделения из состава последнего его восточной части, ныне Республики Бангладеш), постольку в посвященных ей произведениях британских авторов нередко встречаются и исламские реалии, носящие не столько этнокультурный, сколько культурно-религиозный характер. Кстати, в одном из наиболее известных произведений английской литературы на интересующую нас тематику – романе Э.М. Форстера «Поездка в Индию» (*A Passage to India*) показаны, в первую очередь, именно представители мусульманской Индии. А поскольку ислам достаточно давно и достаточно широко представлен на территории нашей страны, постольку некоторые из них – такие как *mullah*, *mosque* и др. вряд ли могут считаться для русскоязычной аудитории «экзотичными» в собственном смысле слова (хотя в чисто лингвистическом плане они, вероятно, будут квалифицироваться как экзотизмы) и будут передаваться, естественно, как хорошие известные *мулла* и *мечеть*. Однако и здесь, разумеется, степень «знакомости» той или иной реалии будет различной: какой именно месяц именуется в приверженцев ислама *muhammad* или что из себя представляет шиитский обряд *tazia* и какие коннотации связаны с ними, отечественный читатель (если только он, разумеется, не принадлежит к соответствующей религиозно-культурной общности) без комментария вряд ли поймет.

В заключение заметим, что «индийский цикл» в английской литературе представляется нам, если можно так выразиться, «закрытым множеством», пополнение которого фактически завершилось к середине прошлого столетия в связи с обретением независимости и упомянутым выше распадом Британской Индии сначала на два, а потом на три государства. Разумеется, художественные произведения, тематика и сюжет которых связаны с Индией, Пакистаном или Бангладеш появляются в Англии (как и в других странах) и по сей день, а англоязычная литература, создаваемая уроженцами последних (как на родине, так и за ее пределами) по-прежнему представляет собой заметное явление (в этом отношении несколько ироничное замечание И. Эренбурга: «В университетах лекции читают по-английски. Многие газеты выходят на английском языке, их читают интеллигенты, чиновники, коммерсанты. Есть и писатели, которые еще вынуждены писать на английском языке, хотя он понятен всего-навсего одной сотой населения; в их романах пенджабские крестьяне или калькуттские ткачи говорят на языке оксфордских студентов, в который вставлены слова бенгальские или урду» [9], – несмотря на стремление индийских властей усилить роль и значение хинди как единого национального языка страны, вряд ли потеряло свою актуальность, хотя о «вынужденности» в прямом смысле слова говорить, вероятно, не приходится. Однако вопрос о переводе таких произведений требует отдельного рассмотрения и не входит в задачи настоящей статьи.

Список литературы

1. *Влахов С., Флорин С.* Непереваемое в переводе. М.: Валент, 2009. 360 с.
2. *Гоголь Н.В.* Тарас Бульба. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 2. М: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 32 – 153.
3. *Гаспаров М.Л.* Брюсов и буквализм. (По неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Мастерство перевода. Сборник 8-й. М.: Советский писатель, 1971. С. 88–128
4. *Куприн А.И.* Редиард Киплинг. Электронный ресурс. // Режим доступа: http://dugward.ru/library/kuprin/kuprin_rediard_kipling.html. Дата обращения 30.05.2021.
5. *Модестов В.М.* Художественный перевод: история, теория, практика. М.: Издательство литературного института им. А.М. Горького, 2006. 463 с.
6. *Паустовский К.Г.* Редиард Киплинг. Электронный ресурс. // Режим доступа: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/public/rediard-kipling.htm>. Дата обращения 30.05.2021.
7. *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. 637 с.
8. *Флорин С.* Муки переводческие. практика перевода. – М.: Высшая школа, 1983. 184 с.
9. *Эренбург И.Г.* Индийские впечатления. Электронный ресурс. // Режим доступа: <http://nippon-history.ru/books/item/f00/s00/z0000016/st002.shtml>. Дата обращения 31.05.2021.

10.02.04

Л.Г. Юсупова

Уральский государственный горный университет,
Екатеринбург, lyalyax@bk.ru

РОЛЬ КОНТЕКСТА В ВОПРОСАХ РАЗРЕШЕНИЯ ПОЛИСЕМИИ

Данная статья посвящена рассмотрению понятия контекста в современной лингвистике с целью выявления первостепенной роли данной категории в разных его типах при выяснении значений. В рамках настоящего исследования отмечается, что контекст позволяет разрешить полисемию и идентифицировать необходимое значение многозначного слова так, чтобы процесс понимания осуществлялся беспрепятственно. Исключения составляют случаи использования заведомой многозначности, когда одно значение просвечивает (осциллирует) через другое, что нередко имеет место в поэтическом дискурсе.

Авторы статьи отмечают, что в аспекте полисемии особую значимость приобретают вопросы, касающиеся особенностей строения и сохранения целостности семантической структуры слова и участия в этих процессах смыслообразующей роли человеческого фактора в языке.

Ключевые слова: *контекст, речевой контекст, лексическое значение, полисемия.*

Контекст как конструируемая категория, предполагает понимание участниками коммуникации значения определенного аспекта ситуации для ее адекватного анализа. Контекст не может быть сведен к понятию непосредственного ситуативного контекста, идентифицируемого на основе принципа кооперации. Контекст не является статичным, т.е. предзаданным набором внешних факторов, способных влиять на осмысление и понимание. Он формируется автором высказывания и прочитывается адресатом по мере развития коммуникации. Это означает, что в конкретной коммуникативной ситуации происходит распознавание и выдвижение некоторых составляющих социальной практики как сильнодействующих и основных для интерпретации семантики языковых единиц [3].

Любое исследование в области лингвистики при рассмотрении семантических отношений не даст однозначных результатов без учета такой категории лингвистики, как контекст речевого общения [4].

Как отмечает Н.А. Переверзева, «любое исследование в области лингвистики при рассмотрении семантических отношений не даст однозначных результатов без учета такой категории лингвистики, как контекст речевого общения» [4]. Материализованной формой передачи языковой информации является, как известно, текст. Закономерности создания текста даны носителю языка изначально. Он пользуется для построения текста данными ему вербальными средствами, при этом отбор этих средств обычно не вызывает трудностей в оформлении текста со стороны его составителя.

Речевой контекст представляет собой блок социально и культурно обусловленного знания, которое, будучи часто типизированным, является общим для части носителей языка. Как было показано выше, речевой контекст состоит из комбинаторно связанных между собой лексических знаков, которые в плане содержания представляют кластерные образования, состоящие из семантических компонентов, необходимых и достаточных для правильного понимания тематически обусловленного текста (дискурса).

Представители некоторых теорий контекста считают, что для осуществления языковой коммуникации необходимо, чтобы подобные друг другу образы знака и означаемого и связи этих образов существовали в голове тех, кто общается. Только тогда слова говорящего будут вызывать соответствующие образы у слушающего [4].

В современной лингвистике понятие контекста значительно расширилось. Словосочетания, формирующие ближайшее окружение слова, и даже законченное предложение могут быть недостаточными для определения значения слова, которое становится ясным только в контексте всего абзаца или сверхфразового единства, раскрывающего всю описываемую ситуацию, или даже в контексте всего произведения. Становится очевидной первостепенная роль контекста в разных его типах при выяснении значений. Осознание этой роли, однако, не должно приводить к методологически очень важному выводу о том, что слово вообще не имеет собственного значения, значения вне контекста, что его семантика целиком и полностью вытекает из контекста. Всё же следует признать тот неоспоримый факт, что у слов есть более или менее постоянные значения [5].

Как известно, только контекст позволяет разрешить полисемию и идентифицировать необходимое значение многозначного слова так, чтобы процесс понимания осуществлялся беспрепятственно. Исключения составляют случаи использования заведомой многозначности, когда одно значение просвечивает (осциллирует) через другое, что нередко имеет место в поэтическом дискурсе. Что касается проблем традиционной полисемии, то исследователи предлагают различные пути их решения. В этой связи становится важным определение базовой конфигурации семантических признаков, необходимых и достаточных для декодирования контекстуального значения в конкретной речевой ситуации.

Однако, следует отметить, что те или иные ЛСВ не могут быть выведены «без натяжек» на основе имеющихся традиционных механизмов переноса. Например, анализируя контекстуальные реализации субстантива *voice*, И. К. Архипов указывает на очевидную неясность вида переноса в предложениях типа *The only dissenting voice was Mr Foot's. Resources must be found to make the voice of the Black community more articulate*. Если иметь в виду *высказывание мнения вслух*, то *voice* – это метонимия, если *voice* означает *голос в печати*, то это метафора [Архипов, 1998: 18].

Можно провести следующую аналогию: если контекст состоит из слов, как из молекул, то значения слов, в свою очередь, состоят из организованных в группы атомов. Последние могут быть более значимыми (например, конститутивные идентифицирующие или целевые функциональные признаки) и менее значимыми (например, субъективного или неявного характера). Мы полагаем, что данные семантические компоненты должны быть максимально понятными на уровне обыденного сознания, так сказать, по возможности далее семантически неделимы, близки к примитивам А. Вежбицкой [2].

Как общие, так и субъективные компоненты, образующие контекстуальные значения многозначного слова, содержат культурно и социально обусловленные семантические компоненты. При восприятии сложного контекста может помочь лексическое содержательное ядро, передающее в абстрактной форме все содержание лексемы, отражающее семантику всех значений, входящих в структуру многозначного слова.

В процессе декодирования содержания, закрепленного за материальной формой, сознание не обращается сразу ко всему значению, как это принято в семантических описаниях, достаточно активация только самых общих необходимых инвариантных семантических компонентов..

Таким образом в разрешении полисемии особую значимость приобретают вопросы, касающиеся особенностей строения и сохранения целостности семантической структуры слова и участия в этих процессах смыслообразующей роли человеческого фактора в языке, поскольку в наивном/обыденном сознании функционирует модель мира, в соответствии с которой носитель языка «форматирует» окружающий мир по образу и подобию строения и функционирования своего тела, что дает основание говорить об антропоморфном мышлении.

Список литературы

1. *Архипов И.К.* Проблемы языка и речи в свете прототипической семантики / И. К. Архипов // Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков : сб. ст. – СПб. : Studia Linguistica-6, 1998. – С. 5–22.
2. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Бульгиной. – М.: Языки русской культуры. 1999. – 780 с.
3. *Нефёдов С.Т., Чернявская В.Е.* Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 83–97
4. *Переверзева Н.А.* О разных подходах к изучению контекста в лингвистике // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 52. С. 52–56
5. *Чупилина Е.И.* "Вопрос контекстологии английского языка", т. 1, - М., 1974. - 129с.

10.02.04

Ю.С. Ясакова

Башкирский государственный университет,
Факультет романо-германской филологии,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации,
Уфа, yuliayasakova95@gmail.com

ФЕНОМЕН ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В АМЕРИКАНСКОМ ПРЕДВЫБОРНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается языковая игра в американском предвыборном дискурсе. Автор приводит различные определения терминов «языковая игра» и «предвыборный дискурс», сформулированные отечественными и зарубежными лингвистами, изучает особенности языковой игры в современном предвыборном американском дискурсе. Также в статье анализируются различные примеры языковой игры в предвыборном американском дискурсе.

Ключевые слова: *языковая игра, языковая норма, предвыборный дискурс, политический дискурс, метафора, стилистика, лингвистика.*

Термин «дискурс» давно и прочно вошел в нашу повседневную жизнь. Политический дискурс – это особо актуальный вид дискурса, интерес к которому возрастает с каждым годом как со стороны лингвистики, так и со стороны других научных дисциплин. Среди ученых, которые занимаются исследованием политического дискурса можно отметить А.П. Чудинова, В.И. Карасика, Е.И. Шейгал, А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова и других), а также выделить лингвистов, которые занимаются изучением предвыборного политического дискурса (О.В. Гайкова, А.А. Филинский, А.Б. Халатян, Н.Г. Левшина, Ю.Ю. Суханов и другие)

Цель данной статьи определить понятие предвыборного политического дискурса и проанализировать приемы языковой игры, которые используются в данном виде дискурса.

Политический дискурс можно охарактеризовать как совокупность процессов передачи политической информации, целью которой является борьба за власть. Политики пытаются добиться от адресатов политически правильных, с их точки зрения, мнений, решений или действий. Е.И. Шейгал отмечает, что политический дискурс объединяет все речевые акты, происходящие в ходе политических дискуссий [5]. Политический дискурс включает в себя несколько жанров, которые отвечают основной цели политической коммуникации – борьбе за власть и попыткам ее удержания.

Предвыборный политический дискурс – это жанр политического дискурса, который обладает некоторыми отличительными чертами. Предвыборный дискурс имеет определенный состав участников, четкие временные рамки, относится к определенной коммуникативной ситуации, отличается публичностью и официальностью. Н.Г. Левшина отмечает, что предвыборный дискурс – это особая сфера коммуникации, которая привязана к предвыборной кампании [4]. Предвыборный дискурс включает в себя выступления кандидатов, касающиеся формирования их имиджа (пресс-релиз, интервью, пресс-конференция), политическую пропаганду (лозунги, плакаты), инаугурационную речь, предвыборные дебаты. Предвыборный дискурс выделяется особой экспрессивностью и эмоциональностью.

В данной статье мы обратимся к предвыборной гонке 2020 года и проанализируем первые предвыборные дебаты между Дональдом Трампом и Джоозефом Байденом 29 сентября 2020 года.

Предвыборные дебаты последних лет стали менее информативными и серьезными, но более театральными и провокационными. Соответственно, в современном предвыборном дискурсе можно обнаружить огромное количество эмпирического материала для лингвистических исследований, в том числе, для изучения феномена языковой игры.

Языковая игра – это лингвистический феномен; ситуация, когда нарушаются системные отношения языка. Языковая игра создается намеренно или непреднамеренно адресантом и показывает его лингвокреативные способности. Следовательно, к данному явлению можно отнести не только языковую шутку и каламбур, но также любые средства языковой выразительности, в которых порождаются иные, чем в норме и узусе, способы выражения [6].

В предвыборном дискурсе языковая игра играет важную роль, так как является одним из способов самовыражения политиков. Применяя различные приемы, они пытаются произвести впечатление на адресатов, побудить их к принятию необходимого решения:

- *Under this president, we become weaker, sicker, poor, more divided and more violent;*

- *If you're able to vote early in your state, vote early. If you're able to vote in person, vote in person.*

Джо Байден упоминает много эпитетов, чтобы охарактеризовать действия Дональда Трампа в должности президента. В другой ситуации он с помощью параллельных конструкций призывает к жителям США и советует им идти и на голосование.

- *I'm getting it for so cheap it's like water.*

Дональд Трамп пытается получить новые голоса избирателей, говоря об изменениях в сфере медицины, и обещает снизить стоимость лекарств. Он использует для этого сравнение цен на инсулин с ценами на воду.

В большинстве случаев оба кандидата используют языковую игру для того, чтобы указать на слабые места своего оппонента:

- *This is a president who has used everything as a dog whistle;*

- *And they've got you wrapped around their finger, Joe.*

Они часто используют отсылки к предыдущим выступлениям своего конкурента:

- *So you did that and they call you a super predator;*

- *And by the way, maybe you could inject some bleach in your arm, and that would take care of it.*

Во время данных дебатов языковая игра очень часто возникала во время словесных перепалок между кандидатами, которые иногда даже доходили до оскорблений и взаимных обвинений:

- *Well, it's hard to get any word in with this clown. Excuse me, this person;*

- *This is so un-Presidential;*

- *He's Putin's puppy.*

Джозеф Байден называет Дональда Трампа клоуном, но потом делает вид, что оговорился. В другой ситуации он использует предлог с отрицательным значением, подчеркивая, что его оппонент ведет себя некорректно. Также именно на этих дебатах Джо Байден использует ставшее знаменитым выражение «щенок Путина», обращаясь к действующему на тот момент президенту. Эта фраза долго обсуждалась в отечественных и зарубежных СМИ и стала основой для многочисленных шуток. По одной из версий, Джозеф Байден оговорился и перепутал слово «pupru» со схожим по звучанию словом «puppet» («марионетка»), которое гораздо гармоничнее смотрелось бы в контексте диалога.

Также языковая игра возникает во время диалога кандидатов между собой:

- *You just admitted you'd shut it down.*

- *Wait a minute, Joe. Let me shut you down for a second.*

Говоря о закрытии страны во время пандемии коронавируса, оба кандидата используют слово shut. В один момент Дональд Трамп также использует этот глагол в значении «закрыть рот», что создает интересный пример непреднамеренной языковой игры.

Если говорить об основных приемах, которые используют кандидаты в предвыборных дебатах, то это, прежде всего, параллельные конструкции, градация и повторы, которые акцентируют внимание на теме обсуждения:

- *These cops aren't happy to see what happened to George Floyd. These cops aren't happy to see what happened to Breonna Taylor;*

- *But it makes a big difference. It makes a gigantic difference.*

Также кандидаты используют аллитерацию, различные эпитеты, метафоры и сравнения. Их речь изобилует цитатами и фразеологизмами. Иногда можно заметить менее распространенные стилистические приемы, например, зевгму:

- *You should get out of your bunker and get out of the sand trap in your golf course... and get people the help they need.*

В заключение можно отметить, что изучение современного предвыборного дискурса является плодотворной почвой для лингвистических исследований, поскольку в предвыборных выступлениях кандидатов наблюдается тенденция к смещению в сторону более разговорных и неофициальных жанров. Политические дебаты становятся менее серьезными, в них все чаще используется неформальная лексика («*Keep yapping, man*») и изобилуют примеры языковой игры. Вдобавок, исследование предвыборных дебатов является актуальным при исследовании феномена языковой игры, поскольку чаще всего политики прибегают к ней спонтанно и непреднамеренно. Политики используют широкий спектр различных языковых приемов, которые служат определенным целям: презентация и создание образа политика, дискредитация оппонентов, убеждение аудитории в своей правоте и верности своих суждений, манипулирование общественным мнением.

Список литературы

1. *Бенуа В.Л.* Функциональная теория дискурса политической кампании // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2006. С. 92—119.
2. *Голубева Т.М.* Языковая манипуляция в предвыборном дискурсе: на материале американского варианта английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Н. Новгород, 2009.
3. *Левшина Н.Г.* Косвенные речевые тактики в предвыборном дискурсе: на материале выборов Главы Администрации Псковской области : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. — 167 с.
4. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. — Волгоград, 2000.
5. *Ясакова Ю.С.* Особенности языковой игры в инаугурационных речах Джозефа Байдена и Дональда Трампа. В сборнике: Актуальные вопросы лингвистики, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков в вузе. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Отв. редакторы Л.Г. Юсупова, Ю.М. Мясникова. — Екатеринбург, 2021. — С. 275-277.

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

Т.Ф. Артамонова, А.А. Гусейнова

Кубанский государственный медицинский университет,
стоматологический факультет,
кафедра лингвистики,
Краснодар, ksma-lingua@mail.ru

**ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТЕНДЕНЦИИ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ**

В данной статье автор дает анализ структуры, классификации, особенностей протекания инновационных процессов в сфере образования и результатов исследования сущности связан с поисками решения педагогических проблем инноватики. С конца 50-х XX века педагогические инновационные процессы стали предметом специального изучения учёных. Они и сейчас играют важную роль в развитии инновационных процессом в педагогическом знании.

Ключевые слова: *инновации, педагогика, образование, педагогические знания.*

Появление разнообразных подходов к анализу развития инновационных процессов в педагогическом знании выявило многообразную активность и сложность в развитии научных интересов. Инновационные процессы требуют системного, целостного изучения с учетом факторов, касающихся как собственно нововведений, как и их социально-культурной среды. Это определило дальнейшее развитие научных интересов в этом направлении. У некоторых зарубежных авторов (К. Пэвит, М. Барер, У. Уолкер и др.) анализ инновационных проблем занимает значительное место в исследованиях.

Структура, классификация и особенности протекания инновационных процессов связаны с анализом имеющихся результатов исследования сущности. Считают, что проблема нововведений наиболее функционально отражена в работах А.И. Пригожина, В.С. Толстого, Н. И. Лапина на научно-методическом уровне, что позволяет не только анализировать отдельные стадии инновационного процесса, но и переходить к комплексному исследованию нововведений.

Наука о нововведениях стала сложной и разветвленной частью научных поисков в области экономических, культурологических, социологических, психологических, философских и педагогических исследований. Примерно с конца XX века ученые стали активно изучать педагогические инновационные процессы. Мировая педагогическая общественность стала проявлять свой интерес к ним в создании особых инновационных служб, журналов информационных публикаций. Нововведение (инновация) – это целенаправленное изменение, которое вносит в определенную, но социальную единицу – организацию, поселение, общество, группу – новые, относительно стабильные элементы. Так, А.И. Пригожин рассматривает нововведения – процесс, у которого есть свои этапы и стадии.

Исследователи инновационных процессов (А.И. Пригожин, Н.И. Лапин, В.С. Толстой, Н.П. Степанов и др.) выделяют два подхода к изучению структуры инновационных процессов: предметно-технологический на уровне индивидуального новшества и взаимодействие отдельных нововведений. Можно предположить, что первый подход рассматривает новые идеи, воплощаемые в действительность, расчленивая структуру процесса нововведения на части с содержательной его стороны. В то время как, взаимодействие отдельных нововведений их сочетанием, конкуренцией, последовательной сменой определяют второй подход. Нововведение есть процесс, происходящий во времени.

Изучая структуру инновационного процесса, ученые выдвигают концепцию «жизненного цикла» нововведения и выделяют этапы, которые можно различать по видам деятельности. Эти этапы обеспечивают создание и исполнение новшества. Инновационный процесс заключается в формировании и развитии содержания и организации нового. Комплексная деятельность по созданию, освоению, использованию и распространению новшеств предполагает понимание инновационного процесса. Педагогическая инновация – нововведение в педагогическую деятельность, изменения в содержании и технологии воспитания и обучения. Цель педагогической инновации – повышение ее эффективности. В современное время подходы к теории и практике образования и воспитания под влиянием процессов дистанционного обучения, использования сети Интернет, компьютеризации заметно изменяются. Под инновациями в образовании многие исследователи понимают совершенствование педагогических технологий, приемов и средств обучения. Цели обучения, представленные в инновационном подходе – это развитие у учащихся возможностей осваивать новый опыт на основе целенаправленного формирования творческого мышления, опыта и умений учебно-исследовательской деятельности.

Согласно проведенным исследованиям, можно предположить, что инновации в образовании считаются новшествами, специально спроектированными, разработанными в порядке педагогической инициативы. В качестве содержания инновации могут выступать: научно-теоретическое знание определенной новизны, новые эффективные образовательные технологии. Инновационный процесс заключается в формировании и развитии содержания и организации нового. Можно предположить, что под инновационным процессом понимается деятельность по созданию, освоению, использованию и распространению новшеств. Педагогические инновации в образовании предполагают совершенствование педагогических технологий, приемов и средств обучения.

Список литературы

1. *Тюнников Ю.С.* Анализ инновационной деятельности образовательных учреждений: сценарный подход / Ю. С. Тюнников, М. А. Мазинченко. Текст: непосредственный // Стандарты и мониторинг в образовании. 2004. № 5. С. 8–18.
2. *Инновации в общеобразовательной школе: методы обучения: сб. науч. тр. / Рос. акад. образования, Гос. науч. учреждение Ин-т содержания и методов обучения.* – М., 2006.
3. *Селевко Г.К.* Современные образовательные технологии: Учебное пособие / Г.К. Селевко. Текст: непосредственный. –М.: Народное образование, 1998. – 256 С.

10.02.19

М.П. Афанасьева

Иркутский государственный университет,
Педагогический институт,
отделение гуманитарно-эстетического образования,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Иркутск, mar.kis@mail.ru

АНАЛИЗ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ 成语 С КОМПОНЕНТОМ «大»

В статье впервые предпринята попытка проанализировать китайские фразеологизмы на примере 成语, содержащие в своем составе компонент «大» «большой». В работе представлены первичное и актуальные значения данного компонента, распределение фразеологических единиц на семантические группы. Приводится анализ структурно-семантических характеристик чэньюй, включающий в себя мотивировку значения.

Ключевые слова: *фразеологизмы, китайский язык, семантика, мотивировка.*

Фразеологические единицы неслучайно актуальны в качестве объекта исследования лингвокультурологической парадигмы. Их роль в функции носителей культурных смыслов определена их особым положением, обусловленным тропеической природой внутренней формы фразеологизма или образностью. Фразеологизм строится на метафоре, тем самым предполагает сопоставление несопоставимого, создание приблизительного тождества, т.е. иррациональное моделирование [6].

Значение фразеологизма, по выражению В.В. Виноградова, есть «химическое соединение растворенных и, с точки зрения современного языка, аморфных лексических единиц» [3]. Следует отметить, что во фразеологии актуальное значение мотивируется различными образами. Дело в том, что большинство фразеологических единиц, как указывают А. Баранов и Д. Добровольский «... как и других образно-метафорических единиц лексикона, относительно редко обладают абсолютными эквивалентами в других языках» [1].

Современный лингвокогнитивный подход к изучению фразеологизмов предполагает внедрение понятия мотивации, традиционно отнесенного к проблематике словообразования. Мотивация не только устанавливает формальную и семантическую зависимость производящих и производных, но и выявляет устойчивые или произвольные коннекции в ментальном лексиконе и структуре сознания в целом [8].

Целью настоящего исследования является анализ структурно-семантических характеристик китайских фразеологизмов 成语 (чэньюй), содержащих в своем составе компонент 大 – «большой», что предполагает установление семантики составляющих, их проекции на значение фразеологической единицы. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

1. Описание первичного значения иероглифа 大 и его актуального значения (-ий) в современном китайском языке;
2. Распределение анализируемых фразеологических единиц на семантические группы;
3. Анализ структурно-семантических характеристик, включающих в себя мотивировку значения.

Исследование фактического материала проводилось при помощи метода сплошной выборки из китайско-русского фразеологического словаря 汉俄成语词典, содержащего около 3500 словарных статей [5].

В данной работе под фразеологизмами 成语 мы понимаем устойчивое фразеологическое словосочетание, построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщенно переносным значением, носящее экспрессивный характер [4].

В настоящем исследовании используется интроспективный подход в изучении и анализе фразеологических единиц китайского языка, так как, на наш взгляд, у носителей языка имеются свои представления о национальной маркированности тех или иных устойчивых выражений вне сопоставления с другими языками.

В ходе анализа нами были отобраны методом сплошной выборки 53 фразеологические единицы, включающие в себя иероглиф 大, который был выбран в качестве основного исследуемого компонента не случайно. Этимологическое первичное значение данного иероглифа – «большой» (человек, стоящий лицом вперед с расставленными руками). Он относится к категории пиктограмм – 象形字 [7].

Рис. 1 – Процесс эволюции иероглифа-пиктограммы 大

Изображение человека со временем становится все более абстрактным. Иероглиф 大 имеет непосредственное отношение к понятиям, связанным с качеством и состоянием, он указан в разделе «Человек и вселенная» и отнесен в подраздел а ргіоі, что, по мнению Т.Е. Шишмаревой, автора работы «Китайский словарь «Эръя» в идеографическом и этнокультурном аспектах», существует имманентно до опыта [9]. Позже значение расширилось и в настоящее время в Большом китайско-русском словаре зафиксировано большое количество значений 大. Приведем лишь некоторые из них:

а) прил. /наречие: 大 dà большой, крупный, огромный; сильный, мощный; громкий, громогласный; далёкий, крайний; первый (в ряду), старший (напр. из братьев); уважаемый, почтенный; пожилой; вежл. Ваш; крупный, влиятельный, могущественный; состоятельный, богатый; знатный, сановный, именитый;

б) наречие степени: 大 dà перед глаголом или прилагательным, чаще с отрицанием: очень, весьма; значительно; сильно; tài среднекит. слишком, чересчур; совершенно, совсем;

в) глагол: 大 dà 1) быть старше; 2) считать большим; преувеличивать; 3) считать важным (почтенным); ценить; уважать; превозносить и др. [2]

В ходе работы над материалом, нами были выделены две семантические группы:

1. Чэньюй с компонентом 大, характеризующие человека (37);

2. Чэньюй с компонентом 大, характеризующие произведения (музыкальные, литературные), а также предметы или явления (16).

В рамках первой группы мы считаем возможным выделить несколько подгрупп: личностные качества человека, эмоциональное состояние/чувства/желания; характеристика действий и поведения.

Приведем наиболее иллюстративные, на наш взгляд, примеры:

а) личностные качества человека:

大方之家 Dàfāng zhī jiā – (букв.: человек, познавший истину) в значении «специалист, авторитет, дока»; 妄自尊大 Wàngzìzūndà – (букв.: понапрасну превозносить себя) в значении «высокомерный»;

б) эмоциональное состояние/чувства/желания:

大放雷霆Dà fàng léitíng – (букв.: метать гром и молнии) в значении «быть вне себя от гнева, злобствовать»; 大惊小怪Dàjīngxiǎoguài – (букв.: большие страхи, маленькие удивления) в значении «поднимать шум по пустякам, паниковать»;

в) характеристика действий и поведения:

大车以载 Dà chē yǐ zài – (букв.: на большую повозку можно много нагрузить) в значении «талантливый человек может успешно справиться со многими делами»; 大处落墨Dà chù luòmò – (букв.: накладывать тушь на основные места) в значении «начинать с главного, брать быка за рога».

В процессе анализа фразеологизмов данной группы, мы пришли к выводу, что чэньюй, отражающие различные характеристики действий и поведения человека, составляют самую многочисленную подгруппу (25 ФЕ), преимущественно имеют глухую мотивировку и, как правило, положительно характеризуют поведение человека. В то время как отражающие эмоциональное состояние и личностные качества человека в подавляющем большинстве негативно окрашенные.

Далее приведем примеры成语, входящих во вторую семантическую группу:

а) музыкальные и литературные произведения:

大含细入Dà hán xì rù (букв.: глубокое содержание, тонкое проникновение) в значении «глубокое и скрупулезно написанное произведение»; 微言大义Wēiyándàyì – (букв.: проникновенные слова и глубокий смысл) в значении «яркое по форме и глубокое по содержанию художественное произведение; глубокий поучительный смысл в нескольких словах»;

б) Предметы, явления и их характеристики:

尾大不掉Wěidàbùdiào – (букв.: хвост велик – не помашешь) в значении «громоздкий, трудноуправляемый аппарат, система»; 泱泱大风Yāng yāng dàfēng – (букв.: веет вольный свежий ветер) в значении «мощь и величие государства, большая и красивая страна».

Считаем целесообразным отметить наличие во фразеологизмах с анализируемым компонентом наличие безэквивалентной лексики, в частности, топонимов. Приведем примеры:

阳关大道Yáng guān dàdào – (букв.: большая дорога на заставу Ян) в значении «столбовая дорога, блестящие перспективы»; 夜郎自大Yèlángzìdà – (букв.: маленькое княжество Е-лан считает себя великим) в значении «мания величия, зазнайство»;

Как можно заметить, значение составляющих фразеологизм компонентов не способствует выведению целого значения, на которое в большей степени влияет образная составляющая. Значительная роль отводится коннотации, служащей для выражения эмоционально-экспрессивной или оценочной окрашенности.

Проведенное нами исследование чэньюй с компонентом 大 указывает на доминирование ФЕ антропологического характера, т.е. характеризующих личностные качества человека, его эмоции и действия. Необходимо отметить, что подавляющее большинство проанализированных фразеологизмов обладают глухой мотивировкой, несмотря на то, что значение самого компонента大 вполне очевидно. Это, в свою очередь, дает материал для дальнейшего исследования проблемы лингвистической коннотации и национальной маркированности фразеологических единиц.

Список литературы

1. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Основы фразеологии (краткий курс) : учеб. пособие / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2013. – С. 222.
2. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 大(bkrs.info) <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%A4%A7> (дата обращения 1.03.2022)
3. *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 147.
4. *Войцехович И.В.* Практическая фразеология современного китайского языка. Учебник / И.В. Войцехович. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – С. 18.
5. *Готлиб О.М., Му Хуаин.* Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 608 с.
6. *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код культуры. Материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – С. 90.
7. *Ивченко Т.В.* Все самые важные китайские иероглифы / К.В. Агеев, Т.В. Ивченко. – М.: АСТ, 2020. – С. 22.
8. *Селиванова Е.А.* Когнитивно-ономасиологический аспект фразеологического семиозиса / Е.А. Селиванова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме: (Четвертые Жуковские чтения): материалы Международного симпозиума (Великий Новгород, 4-6 мая 2009 г.) / [Отв. ред. В.И. Макаров]. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. – С. 69.
9. *Шишмарева Т.Е.* Китайский словарь «Эръя» в идеографическом и этнокультурном аспектах : монография / Т.Е. Шишмарева. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. – С. 94.

10.02.19

А.Н. Гуров

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
международно-правовой факультет,
кафедра испанского языка,
Москва, gurovan@inbox.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ КАК ВИД ПЕРЕВОДА

В статье исследуется термин «языковая локализация» видеоигр, под которым понимается процесс адаптации переводимого цифрового продукта к условиям конкретной страны. Рассматриваются сходства и различия локализации видеоигр и программного обеспечения, проводится сравнительно анализ локализации видеоигр и дублирования художественных фильмов.

Ключевые слова: локализация, перевод видеоигр, программное обеспечение, интернационализация, культурная адаптация, «подавление неверия», переводоведение.

Переводоведение как наука, исследующая проблемы перевода, по сравнению с другими академическими областями является относительно молодой, однако, термин локализация, понимаемый как форма культурной адаптации цифрового продукта, возник совсем недавно.

Термин локализация, по сути, появился в начале 90-х годов благодаря разработчикам программного обеспечения, которые осознали, что существует необходимость адаптировать англоязычные цифровые продукты к требованиям новых рынков [6, с. 87]. Локализация программного обеспечения отличается от традиционной концепции перевода тем, что требует сочетания лингвистического перевода с разработкой программного обеспечения, поскольку переведенный текст должен быть помещен обратно в программную среду, что предполагает определенные технические преобразования программы: необходимо не только перевести текст, но и внести изменения в код локализуемого продукта с учетом особенностей выполненного перевода (физическое пространство в случае письменного текста или временное пространство, если речь идет о звуковом файле).

Локализация тесно связана с понятием интернационализации – процессом, при котором программный продукт разрабатывается, в том числе, для экспорта в другие страны, что связано с необходимостью лингвистических и социокультурных трансформаций для того, чтобы игра соответствовала конкретному культурному контексту. При глубокой и качественной интернационализации компьютерная игра не нуждается в дополнительных изменениях, добавлении новых функций для размещения перевода. Основная цель процесса интернационализации заключается в создании такой видеоигры, которая может быть достаточно быстро локализована с минимальными затратами со стороны разработчика: универсальные игровые характеристики, единый функционал, схожий игровой опыт во всех международных версиях игры. Пользователи разных стран должны чувствовать, что продукт был разработан специально для них, получая тот же игровой опыт, что и англоязычные геймеры [6, с. 4].

Таким образом, основная задача локализации видеоигр заключается в создании у пользователя полного ощущения интерактивности игрового процесса, понимания того, что он имеет дело не с переведенной англоязычной версией, а с продуктом, специально разработанным в интересах конкретного пользователя с учетом его исторических, культурных, ценностных убеждений [3].

При обработке лингвистических материалов переводчикам видеоигр (локализаторам) предоставляется определенная свобода действий; их задача – адаптировать перевод (удаляя или заменяя часть информации) к требованиям нового рынка, с целью избежать негативной интерпретации пользователем событий, лежащих в основе видеоигры [1, с. 10].

Мы разделяем мнение М. Гонсалеса [6, с. 61], который утверждает, что создатели видеоигр, погружая пользователя в виртуальную реальность, пытаются передать ему эмоции и особое настроение от игрового процесса. Именно поэтому переводчику следует основное внимание уделить специфике целевой аудитории, с тем чтобы цифровой продукт был полностью адаптирован и адекватен особенностям социума, на который он направлен.

Нам представляется, что локализацию необходимо рассматривать как разновидность перевода, ориентированного на создание естественной и понятной игровой среды, для чего важна не только языковая, но и техническая и культурная адаптация.

Процесс локализации программного обеспечения и видеоигр во многом схож: 1) интернационализация цифрового продукта на этапе разработки; 2) перевод текста и изменение файлов; 3) интегрирование переведенного текста в программный продукт; 4) всесторонний контроль качества, гарантирующий, что локализованный продукт полностью соответствует требованиям пользователя.

Многие производители видеоигр и софта предпочитают «одновременный выход» продукта на всех рынках (*simultaneous shipment*), что, безусловно, создает дополнительные проблемы и ограничения для переводчиков, которые вынуждены работать с относительно нестабильным материалом, так как текст на языке оригинала и сам код по-прежнему находятся в процессе доработки. Зачастую перевод выполняется вне контекста: у переводчика нет возможности наблюдать за геймплеем, видеть картинки и видео, нет доступа к экстралингвистической информации, что не позволяет выполнить в полной мере качественный перевод.

Однако, несмотря на наличие общих черт перевода программного обеспечения и видеоигр, нельзя не отметить их характерные особенности: в то время как приоритетом локализации софта является его функциональность на любом языке и в любой культуре, в видеоиграх, наряду с функционалом, важную роль играет культурное своеобразие и естественность геймплея для всех пользователей независимо от их культурных, исторических, лингвистических, религиозных и иных ценностей. Таким образом, творческий характер переводчика, его экстралингвистические знания, понимание исторических процессов и самобытности конкретной культуры имеют принципиальную важность при локализации видеоигр, и в гораздо меньшей степени при локализации программного обеспечения [7, с. 13].

Известно, что основным отличием видеоигр от программного обеспечения является, в первую очередь, их развлекательная направленность. В отличие от кино и телевидения, в видеоиграх развлекательный компонент базируется на вовлечении (интерактивности) пользователей в события, происходящие на экране [4, с. 139]. Однако, некоторое сходство между дубляжем художественных фильмов и локализацией компьютерных игр все же существует, поскольку в обоих случаях перевод предполагает так называемое «подавление неверия» (*suspension of disbelief*) со стороны зрителя или пользователя, который осознает, что погружается в вымышленную реальность, однако интересная сюжетная линия и интрига побуждают его не обращать внимание на некоторую нереалистичность происходящего.

Каким бы качественным и профессиональным ни был дубляж художественного фильма, у зрителя возникает четкое ощущение некоей неестественности происходящего: неискренность диалогов, грамматическое, лексическое и интонационное несоответствие реальной жизни. Дубляж имеет гораздо больше сходств с письменным языком, нежели со спонтанностью разговорной речи. Однако, зритель принимает это, он готов не замечать наигранность. Он изначально настроен на то, что фильм не способен в полной мере стать продолжением реальной жизни, язык, на котором говорят актеры, будет во многом искусственным.

Схожие ощущения испытывает и пользователь компьютерной игры: он изначально готов к тому, что игра не реальна, речь героев – не в полной мере правильная, текст перевода содержит неточности и ошибки. При локализации видеоигр особое значение имеет интерактивность и игровой опыт, которые призваны обеспечить основное предназначение данного цифрового продукта – развлечение [3, с. 126].

При дублировании фильмов первостепенное значение имеет естественность и непринужденность диалогов, при локализации программного обеспечения в первую очередь важна функциональность и информативность перевода, а при локализации компьютерных игр особую роль играет комбинирование функциональности технической составляющей игры и правильно переведенной (в соответствии с особенностями страны локализации) текстовой информации. Именно поэтому от эффективности работы переводчика при локализации видеоигр во многом зависит уровень интерактивности продукта и качество геймплея.

Несмотря на то, что большинство видеоигр направлены на массового потребителя, переводчику в процессе локализации необходимо учитывать специфические характеристики различных игровых жанров, а также особенности конкретного рынка, на котором планируется реализация продукта. Каждый персонаж компьютерной игры обладает своим характером, поведенческими и языковыми особенностями, что делает локализацию игр гораздо более творческим процессом по сравнению с переводом программного обеспечения. Именно это, как отмечают Манджирон и О'Хоган [6], не позволяет стандартизировать процедуру локализации видеоигр. Преследуя цель создать как можно более привлекательный продукт для конкретного рынка, производители видеоигр вынуждены учитывать все лингвокультурные особенности страны локализации, что неизбежно требует нестандартных переводческих и технических подходов.

Список литературы

1. *Bernal Merino M.* On the Translation of Video Games. *The Journal of Specialised Translation*, 6, 2006, pp. 22-36.
2. *Chaume F.* Is audiovisual translation putting the concept of translation up against the ropes? *JosTrans – The Journal of Specialised Translation*, 30, 2018.
3. *Dietz F.* Issues in localizing computer games. En J. D. Keiran, ed. 2006. *Perspectives in Localization*. Amsterdam/Filadelfia: John Benjamins, 2006. Pp. 121-134.
4. *Fencott C., Lockyer M., Clay J., Massey P.* Game invaders: the theory and understanding of computer games. Hoboken, Nueva York: Wiley, 2012.
5. *Mangiron C., O'Hagan M.* Game localization: translating for the global digital entertainment industry. Amsterdam: John Benjamins, 2013.
6. *Mendez Gonzalez R., Calvo-Ferrer J.* Videojuegos y [para]traducción: aproximación a la práctica localizadora. Granada: Comares, 2017.
7. *Muñoz Sanchez P.* Localización de videojuegos. Madrid: Síntesis, 2017.

*10.02.19***Е.А. Должич, С.В. Дмитриченкова, Санчес Посуэло Й.**

Российский университет дружбы народов,
Инженерная академия,
кафедра иностранных языков,
Москва, korte@mail.ru, sw.wl@mail.ru, sanches-posuelo-y@rudn.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ АВТОРИТЕТНОСТИ В ИСПАНСКИХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Авторитетность в научном дискурсе является одной из прагматических категорий, проявляющая себя в использовании цитат и ссылок на точку зрения выдающихся ученых, результаты их научных работ. Актуальность статьи определяется значимостью данной категории в сложившейся системе производства и передачи информации в испанском научном дискурсе. В процессе анализа текста с точки зрения когнитивного смысла, следует указать, что цитаты и ссылки в научном дискурсе имеют когнитивное содержание и непосредственно участвуют в построении, организации и передаче научного знания. В статье рассматриваются особенности актуализации категории авторитетности в испанской научной коммуникации, что представляет интерес как для развития собственно испанской лингвистики, так и для общелингвистических исследований в целом.

Ключевые слова: *категория авторитетности, дискурсивный маркер, испанский академический дискурс.*

В процессе анализа текста с точки зрения когнитивного смысла, следует отметить, что цитаты и ссылки в научном дискурсе имеют когнитивное содержание и непосредственно участвуют в построении, организации и передаче информации, призванной обеспечить процесс научной коммуникации. Ссылка является результатом усвоения и переосмысления полученного знания, то есть является итогом произведенных мыслительных процессов, в то время как цитирование напрямую воспроизводит речь другого автора, не подвергая ее трансформации.

Следовательно, ссылки репрезентируют преобразование полученного и модифицированного знания в когнитивную информацию, предлагаемую к извлечению, интерпретации и распознаванию реципиентом. В настоящее время, вследствие увеличения скорости обмена информацией, мы все чаще наблюдаем использование ссылок в качестве средств актуализации категорий интердискурсивности, интертекстуальности и авторитетности в научных текстах.

Ссылки осуществляют референционную функцию и отправляют адресата к ранее продуцированным текстам, которые служат основой для порождения нового знания. Таким образом, “ссылки являются паратекстовым типом заимствования, и функцию межтекстовых связей выполняют не пассажи определенного прецедентного текста, а элементы паратекста с отсылкой на оригинал” [2, с. 98].

Очевидно, основными характеристиками цитаты являются буквальная и точная передача чужой речи с тем, чтобы не подвергать ее искажению. Цитирование представляет собой обязательный признак научного текста [4].

Авторитетность выступает как упорядочивающая характеристика научной коммуникации в общем и академического дискурса, в частности. В академическом дискурсе указанная категория может быть обозначена как прагматическая, детерминированная использованием прямых цитат, ссылок на точки зрения выдающихся деятелей науки и их исследования [1, с. 101]. Таким образом, в своей научной деятельности исследователи отталкиваются от корпуса работ признанных авторитетов. С наибольшей частотностью чужая точка зрения

приводится в качестве подтверждения корректности изложения научных результатов автора текста, вследствие чего приведенные им данные получают несомненную весомость и значимость в восприятии адресата, и ссылки на результаты исследований, получивших признание ученых, служат определенным доказательством компетентности автора [3].

Решающее значение приобретает ссылка на авторитетную точку зрения в том случае, когда в тексте приводится дискуссия новых результатов исследования и подтверждается научность полученных данных, либо выдвигается гипотеза. Ссылка на авторитетное мнение способствует новому знанию, представленному автором, занять свою нишу в системе фундаментального знания.

Использование в испанских научно-технических текстах ссылок на авторитетное мнение представляет собой действенный прием для повышения авторитетности научной работы.

В результате проведенного анализа испанских научно-технических текстов нам удалось выделить следующие ссылки на авторитетное мнение и провести их классификацию в зависимости от отрасли знаний из научного, административного, юридического и документарного типов дискурса, обозначив их как основные дискурсивные маркеры категории авторитетности в испанской научной коммуникации:

I. Ссылки на работы и мнения выдающихся научных деятелей:

Se habla del “efecto restaurador de la naturaleza” que permite a las personas “limpiar la cabeza, recuperar la dirección de la atención, proporcionar tranquilidad cognitiva e incrementar la capacidad reflexiva” (KAPLAN & KAPLAN, 1989).

En palabras de COLE (2004) “conseguir un impacto cero no es opción a menor que se prohíba el acceso de visitantes”.

II. Ссылки на авторов, признанных авторитетов в данной области знания, послуживших основой для проведенной научной работы:

Todos ellos apuntan que ordenar recursos naturales y planificar la gestión de ENP consiste también en “ordenar y planificar el desarrollo de actividades humanas, y las transacciones entre estas y los recursos allí alojados” (GALINDO et al., 2020:304), se trata de “parar el abuso reordenando el uso” (BOADA & PIQUERAS, 2017).

III. Для испанских научных текстов характерна ссылка и цитирование Королевских Указов:

“Artículo 8. Programas de muestreo y seguimiento de la calidad de las aguas.

1. A fin de modificar la relación de zonas vulnerables designadas, los órganos competentes de las Comunidades Autónomas, en el ámbito de sus respectivas competencias, realizarán programas de muestreo y seguimiento de la calidad de las aguas.

IV. Ссылки на официальные документы правительства:

La definición más generalizada de uso público en el Estado español, lo describe como el “conjunto de programas que deben ser provistos por la Administración del espacio protegido de una forma ordenada, que garantice la conservación... y la interpretación del patrimonio” (EUROPARC-España, 2015).

V. Цитирование положений, результатов работ других исследователей, противоречащих точке зрения автора, с целью завязать дискуссию и отстоять свое мнение, либо уточнить понятия:

Tradicionalmente, los estudios de suelos, "Soil Survey", incluían actividades de clasificación e interpretación definiendo las denominadas "clases de capacidad de uso de la tierra" (Karien et al., 1997), hoy día se tiende a hablar más de calidad de suelo o "Soil Quality".

VI. Использование в качестве цитирования узкоспециальных словарей и литературы: El diccionario de la Real Academia de la Lengua Española dice que la permeabilidad es “la propiedad de algunos materiales de aumentar la densidad del campo magnético en su interior que se expresa como el cociente entre la inducción magnética y la intensidad del campo magnético”.

VII. В качестве ссылок на авторитетное мнение также используются цитации из документарного типа дискурса:

“Sobre las 11 horas del día 11 de Enero de 1960 se produjo un fuerte temporal de nieve, el cual continuó hasta el día 12 cesando sobre las 23 horas del citado día. Del Archivo Municipal: “El día 11 sobre las 17 horas llegó a ésta el tren N 1527 procedente de Cartagena para Valencia con 380 viajeros <...> fué una temeridad el dar la salida a dicho tren y a la hora de salida del tren se encontraban las vías con mas de 50 Ctns de nieve”.

Наука признает архивные источники в качестве достоверных исторических документов, поскольку историографическая информация существует вне зависимости от человеческого сознания. В процессе изучения летописных документов, ученые черпают информацию о прошлых событиях и используют полученные данные в качестве доказательства в своей научной работе. Ссылки на архивные документы расцвечивают научный текст и повышают его информативность.

Таким образом, в испанских научно-технических текстах цитаты и ссылки являются маркерами категории авторитетности и призваны оказывать влияние на реципиента посредством проведения определенных дискурсивных стратегий.

Список литературы

1. *Болдырева А.А.* Категория авторитетности в научном дискурсе // Болдырева А.А., Кашкин В.Б. // Язык, коммуникация и социальная среда: сб. науч. тр.; ВГТУ, — 2001. — С. 99 - 108.
2. *Должич Е.А.* Интертекстуальность и интердискурсивность в современном испанском научном дискурсе (на материале естественнонаучных статей и диссертаций). Монография. // Издатель: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co.KG.- Heinrich-Bocking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Germany. //ISBN-13: 978-3-8484-0594-7// ISBN-10: 3848405946. - 2012-02-14. — 208 с.
3. *Уланова Е.Э.* Коммуникативная категория авторитетности в системе речевого поведения // Уланова Е. Э. // Филология и человек, — 2017.— № 2. — С. 120 - 125.
4. *Чернявская В.Е.* Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // Чернявская В.Е. // Вестник Томского государственного университета. Филология, —2017. № 50. — С. 135-148.

10.02.19

Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево МО, ayakafedra@ggtu.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ СОЮЗОВ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Данная статья посвящена вопросу использования темпоральных союзов в сложноподчиненных предложениях. В статье устанавливается зависимость союза от смысловых отношений между частями сложного предложения. Авторы рассматривают специфику наиболее частотных временных союзов, а также анализируют нетипичные для данных союзов функции в сложных предложениях.

Ключевые слова: *сложноподчиненное предложение, союз, смысловые отношения, темпоральный союз.*

Одним из важнейших и спорных вопросов теоретической грамматики английского языка в разделе синтаксиса является вопрос о сложном предложении как сложносочинённом, так и сложноподчинённом. Особое внимание лингвистов всегда привлекали союзы, объединяющие эти предложения в единое смысловое целое. Все союзы имеют постоянную форму и грамматические категории у них отсутствуют.

Число смысловых отношений между частями сложного предложения велико и намного превосходит количество имеющихся в английском языке союзов. С расширением смысловых отношений в сложном предложении увеличивается число союзов, которые начинают выполнять функции не свойственные им до сих пор. Союзы, выражавшие ранее только подчинение, могут использоваться для сочинения и наоборот. Современные грамматисты насчитывают разное количество союзов (от 52 до 57). Некоторые из них используются довольно редко, другие же расширяют поле своего применения.

Сочинение и подчинение, существующие в английском языке, являются смысловыми категориями. Под сочинительной связью двух частей предложения следует понимать такую связь, при которой эти части одинаково зависят друг от друга в смысловом, грамматическом и ритмомелодическом отношении. При подчинительной связи одна из частей сложного предложения (главная часть) в смысловом, грамматическом и отчасти в ритмомелодическом отношении более независима, чем вторая (придаточная) часть [3]. Осмысленное объединение предложений в сложносочиненные и сложноподчиненные, по мнению А.Н. Гвоздева [2], осуществляется синтаксическими средствами: интонацией, союзами, союзными словами, местоименными словами, порядком предложений, употреблением времен и наклонений, лексических и фразеологических элементов. Однако союзы, несомненно, выполняют одну из ключевых функций – обеспечивают связь как внутри предложений, так и между предложениями.

Союзы – это служебные слова, служащие для соединения между собой как членов предложения, так и отдельных предложений. Они выполняют важную коммуникативно-речевую функцию, являясь важнейшим формальным выразителем связи, с помощью которой устанавливаются смысловые и эмоциональные отношения между компонентами речи, осуществляется логическое членение речи, передается и воспринимается значение целого и отношения к нему его частей. Следует заметить, что в сложносочиненных предложениях союзы выражают только связь и отношения между объединяемыми предложениями, но не входят в состав ни одного из них. В сложноподчиненных же предложениях союз принадлежит придаточному предложению, он не отделим от него, выражая его подчинение

главному предложению. Союз является важным компонентом семантико-синтаксической структуры сложноподчиненного предложения, выполняя квалифицирующую функцию, т.е. обозначая содержательные отношения между связываемыми элементами [1].

Данная статья посвящена придаточным темпоральным предложениям, где время выражено не грамматическими формами, а лексическими показателями времени, а именно временными союзами, относящимися к классу подчинительных и вводящих синтаксически зависимое предложение в состав сложного, при этом фиксируя определенный семантический тип отношений.

Самые распространенные из временных союзов – это простые союзы: **after, as, before, since, till, until, when, while, unless**, а также составные (сложные) союзы: **as soon as, as long as, no sooner than**.

Soames dreaded the moment when the car should stop. (Galsworthy)

His steps quickened as he set out for the hotel. (Cronin)

Jane waved till the taxi disappeared round the bend in the road. (Cusack)

Внутри временного значения можно выделить различные оттенки значений союзов: начало действия, его окончание, одновременность, следование, длительность, внезапность, многократность, периодичность, постепенность и т.д. Если событие главного предложения предшествует и завершается к началу другого, то используются союзы: **before, by the time, unless, until, just as**.

I hope they'll all be here already before I go to America.

By the time they came here, they had lived in Manchester.

Если действие главного предложения следует за действием придаточного, используются такие коннекторы как: **no sooner ... than, as soon as, hardly ... when, thereafter ... then**.

Hardly had they entered the house when a thunderstorm broke out.

We had better start off as soon as the Sun rises.

Если действие происходит одновременно в главном и придаточном предложениях, то кроме временных в них возникают еще и сопоставительные отношения при помощи союзов синонимического ряда: **while, as, meantime**.

I will remember you while I live.

The juice ran down her chin while she ate the pear.

Иногда временные союзы могут нести причинные, уступительные, условные и противительные значения: **since, as, while**.

Since Miss Wilfer rejected me, I have never again urged my suit. (Dickens)

We're as we are made. (Maugham)

Временной союз **while** может соединять части предложений, отношения между которыми носят характер сопоставления или даже противопоставления.

In the North the nobility had dropped into the background, while the burgher class, merging with small landowners, ruled unchallenged.

Союз **while** может присоединять и определительные части сложноподчиненного предложения:

These were bare, hard, grinding times for the Netherlands, while apathy changed to anger, and anger to hope.

Иногда союз **while** может не сопоставлять, а только присоединять одну часть предложения к другой.

"How good women are", he said, while the tears came into his eyes.

Если мы обратимся к темпоральному союзу **when**, то его основная функция – выразить время совершения действия в главном предложении.

When he left the car, he strode as a wrathful man will stride.

Необходимо также привести доказательства того, что союз **when** может выполнять и другие, кроме темпоральных, функции в сложноподчиненном предложении.

В придаточных дополнительных:

He didn't know when Jack would come.

В предикативных придаточных:

The next thing to discover is when this paint was last seen without that smear. (Collins)

В атрибутивных придаточных:

There were moments when I felt all the misery of my friendlessness, all the peril of my dreadful responsibility. (Collins)

Союз иногда предваряет слово или фразу в простом предложении.

When a child, he used to run errands for the elders.

Следует заметить, что некоторые темпоральные союзы имеют омонимы среди предлогов и наречий.

He found himself at home before the rain started. (союз)

We discussed this problem before the meeting. (предлог)

I have never seen her so merry before. (наречие)

Необходимо обратить внимание на различия в употреблении союзов *as*, *when*, *while* в придаточных предложениях времени. Например, союз *as* является книжным вариантом союза *when* и употребляется при перечислении действий, а также для выражения единственного не повторяющегося действия, в то время как *while* указывает на длительность процесса. *As* в качестве союза не может быть заменен в такой комбинации, как *the time (day) when*. В отличие от *while*, *as* может указывать на постепенное усиление качества (по мере того, как). С другой стороны, *while* может выражать не только одновременность действия, но и противоположные ситуации.

He was born in London, while I in a small provincial town.

Таким образом, темпоральные союзы в придаточных предложениях могут указывать не только на время событий, происходящих в главных предложениях, но и выполнять разнообразные функции.

Список литературы

1. Викулова Е.А. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебное пособие / Е.А. Викулова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Текст англ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 88 с.
2. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. – Ч. 2. Синтаксис. – М.: URSS, 2022. – 352 с.
3. Жельвис В.И. К вопросу о видах синтаксической связи между частями сложного союзного предложения (На материале английского языка) // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. Кафедра английского языка. – 1958. – Т. 181, вып. 3. – С. 343–366.

10.02.19

А.Р. Исмагилова, О.Г. Палутина, Р.У. Галимова, Хосе Гонсалес, М.С. Лукина

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра европейских языков и культур,
Казань, ismalisha@mail.ru, opalutina@mail.ru, rgalimova80@mail.ru,
jmgonzalezkazan@mail.ru, marinaloukina@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЛЮТТОНИЧЕСКИХ ПРАГМАТОНИМОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Данная статья посвящена лингвокультурологическим и переводческим аспектам глуттонических прагматонимов в татарском и французском языках. Прагматонимы как группа номинативных единиц изучались в различных аспектах на материале русского, немецкого, английского и чешского языков, но выявление особенностей глуттонических прагматонимов в лингвокультурологическом и переводческом аспектах во французском и татарском языках ранее не становилось объектом специальных исследований. Авторы статьи рассматривают типологические характеристики прагматонимов и национально-культурную специфику глуттонической номинации и определяют корреляты характерные для разных лингвокультур.

Ключевые слова: глуттонические прагматонимы, реалии, страноведение, национально-культурная идентичность.

Гастрономическая языковая картина мира представляет собой вкусовые представления, глуттонические понятия и концепты. Гастрономическая языковая картина мира формируется в результате оценочной деятельности человеческого сознания в процессе когнитивного освоения действительности. Это результат многолетней истории, традиций разных народов, которые отражают не только предпочтения социума, но и в целом сложившиеся культурные обычаи для отдельного региона [6, с.2730].

Этнокультурные прагматонимы являются мотивированными для представителей отдельной нации, тогда как для другой лингвокультуры часто представляют собой лакунарные образования: «шашлык», «chachliks» (франц. *Brochettes de viande*, блюдо из мяса), «пэрэмэч», «peremetch» (франц. *Beignets de croquettes de viande*, обжаренные в полуфритюре пирожки с мясом), «айран», «aïran» (франц. *Laitage aigre*, кисломолочный напиток). Из-за несовпадений языковых картин мира наименования блюд и ингредиентов являются реалиями, которые могут отсутствовать в другой культуре или не иметь прямых соответствий на языке перевода [1, с. 168]. Гастрономический дискурс, который и включает в себя кулинарную лексику, отражает существенные аспекты культурной, языковой, религиозно-этнической и идеологической картин мира [2, с. 6].

Нами рассмотрено интерпретационное поле глуттонических реалий на материале татарского слова *аш*. Слово «аш» образовано от глагола «ашарга» (есть, кушать). В переводе с татарского языка слово *аш* значит «еда»/ франц. «*nourriture*» и, в частности, «суп»/ «*potage*» или « *soupe*». А еще так называют традицию ритуального застолья. Татары-мусульмане проводят аш в честь никаха (обряда бракосочетания), рождения ребенка, в память о родственниках и во время священных праздников [3]. Исследование глуттонической лексики в данном контексте отражает не только лингвистические, но и культурологические особенности культур и отражают кулинарные традиции.

Во время проведения ритуальных застолий на столе обязательно будет чэкчэк (русск. чак-чак, франц. **Tchak-tchak, petits gâteaux arrosés de miel**) и *кош-теле* (дословно «птичьи язычки» — хворост из теста, обжаренный в масле; **koch-tele, biscuits feuilletés et doux cuits dans le chaudron, en tatar on l'appelle langues d'oiseau**) [4]. К моменту, когда гости рассаживаются, на столе стоят фрукты (*fruits*), изюм (**raisins de Corinthe**) и куряга (*abricots secs*), свежие или засоленные овощи (**crudités et légumes salés**), выпечка (**pâtisserie**), сладости (**friandise, confiserie**), казылык, то есть конской колбасы (тат. *ат итэннән казылык*, франц. **saucisse de cheval**). Аш, как и любое татарское застолье, начинался с чая (*tchaï, thé servi comme le digestif*), травы придавали ему аромат, особенно душица (тат. *мәтпрушкә*, франц. **Origan Marjolaine**) [6]. Горячий обед начинается с супа, и чаще всего это токмач (*tokmatch*, рус. *лапша в курином бульоне*, *lapcha*, франц. **potage à nouilles et au poulet**) или пельмени (**pélméni, sortes de raviolis**).

После супа на стол выносят фаршированную курицу *тутырган таук* (**poulet farci doré**); картофель и тушеную телятину, сверху залитую овощным соусом на топленом масле (**beurre fondu**) из моркови и лука (**ragoût de veau, daube**) или зур-бэлеш (тат. зур бэлеш). Зур-бэлеш начинается картофелем, мясом (гусятиной или говядиной) и луком. Заканчивается аш чаепитием, пирогами и *губадиёй* (тат. гөбәдия, **goubadiia, gâteau assez consistant à base de fromage rouge, riz, œufs, beurre, raisin sec**). Смысл аша заключается и в соблюдении религиозных традиций. Поэтому еще одна обязательная часть аша — раздача каждому гостю садака (**aumône**): это могут быть платки, отрезки ткани, куски мыла или другие мелочи. Кроме того, каждый гость уносит с собой гостинец со стола (тат. күчтәнәч, **régalade**): аш накрывается с таким расчетом, что после него всегда остается достаточное количество еды, чтобы раздать уходящим.

Во Франции также есть свои гастрономические традиции, которые отражают многовековую историю, обычаи и кулинарные особенности страны. Французская кухня имеет свои особенности, во-первых, это использование вина в приготовлении блюд, а во-вторых, классическое меню во Франции строго регламентировано. Сначала – закуска к аперитиву (**amuses-gueules** и **amuse-bouches**): арахис (**cacahuètes**), чипсы (**chips, bisuits salés**), оливки (**olives**), различные паштеты (**pâtes, terrines**). Французы традиционно подают три блюда, где одно следует за другим: первое закусочное блюдо, холодное или горячее (**entrée**); основное блюдо, мясное или рыбное (**plat de résistance**), десерт (**dessert**). В России суп всегда считался первым блюдом, во Франции суп (**potage, soupe**), как правило, на званом обеде или ужине не подают. В качестве десертов могут быть представлены: яблочный пирог с тонкой карамельной корочкой **Tarte Tatin**, шоколадный мусс нежнейшей консистенции **Mousse au chocolat**, крем из яичных желтков **Crème brûlée**, выпечка с ягодами: клубникой, вишней, клюквой и др. **Tarte aux fruits rouges**, залитые горячим шоколадом маленькие пирожные с мороженым внутри **Profiteroles**.

Во Франции чай менее популярен, однако в чайных салонах можно заказать чёрный чай (**thé noir**), зелёный чай (**thé vert**) или травяной чай (**tisane, infusion**), чай с мятой (**tisane de menthe**), липовый чай (**tisane de tilleul**), ромашковый чай (**tisane de camomille**). Несмотря на то, что чай не является повсеместным и востребованным у французов напитком, его выбор огромен.

Таким образом, несмотря на наличие схожих блюд в разных культурах, глуттоническая лексика представляет собой сложный пласт лексики для перевода по ряду причин. Некоторые названия не обладают эквивалентами в других языках, что усложняет их понимание и затрудняет перевод на другие языки. Также стоит отметить, что в различных культурах гастрономическая лексика – это не только наименования продуктов питания, но и отражение культурных и религиозных традиций и обычаев. Таким образом, сопоставительный анализ глуттонических прагматонимов позволяет определить сходства и различия в разных культурах и найти пути перевода соответствующей лексики.

Список литературы

1. *Губаева Л.* «Главные блюда и застольные традиции татар Поволжья» [Курс лекций. История татар] // <https://arzamas.academy/courses/65> <https://arzamas.academy/materials/1709>, свободный.
2. *Ермакова Л.Р.* Глуттоническая номинация в этнокультурном аспекте. [Электронный ресурс]. http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Philologia/9_94631.doc.htm.
3. *Ундрицова М.В.* Глуттонический дискурс: лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты: Дисс. ... канд. фил.наук. – М., 2015. – 290 с.
4. *Шамсутдинова А.Р.* Сопоставительный анализ грамматических особенностей гастрономических текстов во французском и татарском языках. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-1.40> [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sopostavitelnyy-analiz-grammaticheskikh-osobennostey-gastronomicheskikh-tekstov-vo-frantsuzskom-i-tatarskom-yazykah>
5. *LeFigaro.fr. Madamecuisine* [Электронный ресурс]. URL: <http://madame.lefigaro.fr/recettes>.
6. *Palutina O.G., González J.M., Ismagilova A.R., Pupyreva S.O., Piloto J.* Peculiarities of gastronomic realias translation on the lessons of the Spanish // Proceedings of INTED2020 Conference, 2nd-4th March 2020, Valencia, Spain. - pp. 2729-2733.

10.02.19

А.С. Кисельников канд. филол. наук, Д.К. Вахитова канд. филол. наук, Т.С. Казымова

Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
кафедра иностранных языков,
Казань, kalejandr@gmail.com

ПРИМЕНЕНИЕ ФОРМУЛ ЧИТАБЕЛЬНОСТИ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В УЧЕБНИКЕ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Статья посвящена рассмотрению читабельности академических текстов на английском языке, представленных в учебнике «Английский для инженеров» для подготовки студентов технических вузов. Рассмотрены индексы читабельности тринадцати текстов. Для анализа был применён инструмент автоматизированного анализа тестов Coh-Metrix. Анализ проведён при помощи двух формул читабельности: Flesch Reading Ease и Flesch-Kincaid Grade Level. Для поиска корреляции распределения текстов в учебнике в зависимости от индексов читабельности применена корреляцию Пирсона.

Ключевые слова: *Flesch Reading Ease, Flesch-Kincaid Grade Level, читабельность текста, академический текст.*

Система отечественного высшего образования в обязательном порядке предполагает изучение иностранного языка в рамках учебного процесса. В данной статье речь пойдёт об английском языке как неродном в Российском техническом университете. Предметом изучения являются тексты для чтения из учебника «Английский для инженеров» Поляковой и др. [1], рекомендованного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации.

Целью исследования является анализ читабельности текстов для чтения в соответствии с очерёдностью их предъявления в учебнике. Гипотеза заключается в следующем: при составлении учебника тексты должны быть распределены по уровню их читабельности, т.е. более читабельные тексты находятся в начале, а к концу они становятся менее читабельными. Содержание разделов в учебнике стандартизировано: каждый блок содержит четыре текста для чтения, маркированные литерами «А», «В», «С» и «D». Тексты различаются размером (количество слов) и тематической принадлежностью. Каждый текст является самостоятельной законченной единицей. Для статьи были выбраны все тексты, маркированные буквой «В».

Изучение такого параметра как читабельность текста предполагает наличие инструмента для соответствующего анализа. Формулы читабельности – один из первостепенных инструментов для прогнозирования восприятия текста целевой аудиторией, а именно, читабельность текста должна быть на уровне, способствующем восприятию информации, а не препятствующем этому.

«В настоящее время существует более двухсот формул читабельности (например, индекс туманности Ганнинга (Gunning fog index), уровень Колеман-Льюи (Coleman Liau index), индекс Флеш-Кинкейда (Flesch Kincaid Grade Level), удобочитаемость по Флешу (Flesch Reading Ease)) для текстов на многих языках мира: английском, испанском, французском, немецком, голландском, шведском, русском и др.» [2]. Наиболее часто используются формулы Flesch Reading Ease (FE) и Flesch-Kincaid Grade level (FK), например, в работах [5, 6]. Несмотря на то, что «формулы читабельности менее репрезентативны, нежели комплексные системы анализа текста» [4], они по-прежнему широко используются.

В статье мы проводим анализ на основе данных, полученных при помощи автоматического анализатора текста Coh-Metrix [3]. Использование данного инструмента мотивированно тем, что система анализирует все тексты по одному и тому же алгоритму.

Это значимо, так как предварительный анализ различных интернет ресурсов, предлагающих применение формул читабельности, продемонстрировал вариативность получаемых индексов читабельности. Это объясняется различными алгоритмами количественных подсчётов непосредственно параметров текста, участвующих в определении индекса читабельности.

Представленные формулы рассчитывают уровень читабельности текста по следующим параметрам (все количественные переменные определяются количеством представленных единиц в тексте):

- $FE = 206,835 - (1,015 \times \text{количество слов} / \text{количество предложений}) - (84,600 \times \text{количество слогов} / \text{количество слов})$;
- $FK = (0,39 \times \text{количество слов} / \text{количество предложений}) + (11,8 \times \text{количество слогов} / \text{количество слов}) - 15,59$;

Формулы FE и FK отображают индексы читабельности текста, которые коррелируют его с конкретным академическим возрастом читателя. Однако данные вычисления справедливы для носителей языка.

Оценка индексов читабельности осуществляется на материале тринадцати академических текстов, взятых из учебника «Английский для инженеров», используемого студентами технического университета, изучающими английский как иностранный. Каждый текст маркирован буквой T и числом от 1 до 13, где число указывает на порядковый раздел учебника, откуда был взят конкретный текст. Таким образом, мы имеем тексты, маркированные в диапазоне T1 – T13.

Обозначим последовательность производимых действий с текстами.

Этап 1. Каждый из тринадцати текстов был последовательно проанализирован на автоматизированной вычислительной платформе Coh-Metrix (версия 3.0).

Этап 2. Был проведён анализ закономерности расположения текстов в учебнике, а именно демонстрируют ли показатели читабельности постепенное снижение данного параметра, т.е. становятся ли тексты менее читабельными.

Этап 3. Заключительным этапом анализа стал расчёт коэффициента корреляции Пирсона для определения наличие линейной зависимости между: 1) индекс FK и положение текста в книге; 2) индекс FE и положение текста в книге;

Далее представим две диаграммы, отражающие распределение индексов читабельности – FK, FE – тринадцати текстов для чтения (T1 – T13), которые получены путём применения программы Coh-Metrix.

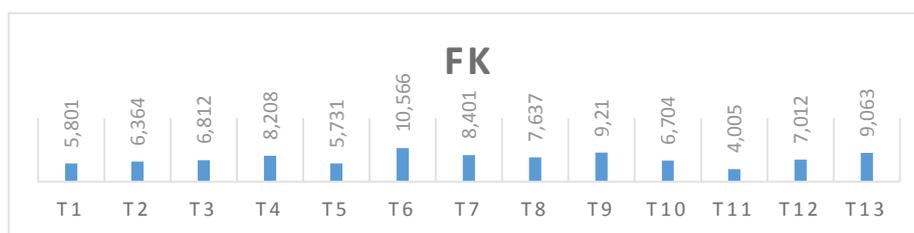

Рис. 1 – Индексы читабельности по формуле FK

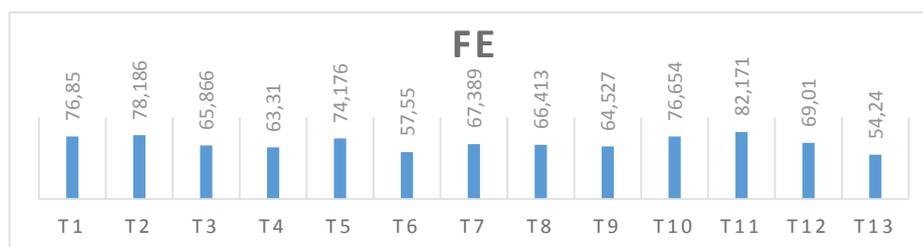

Рис. 2 – Индексы читабельности по формуле FE

На Рисунке 1 представлен диапазон индексов читабельности FK для 13 проанализированных текстов. Согласно логике применения формулы, чем выше индекс, тем менее читабелен текст. Границы индексов находятся в пределах 4,0 и 10,6. Отсюда следует, что все тексты предназначаются школьникам 4-10 классов. Однако снижение читабельности текстов с начала книги к её концу не наблюдается. Тексты демонстрируют случайное распределение показателей читабельности.

На Рисунке 2 представлен диапазон индексов читабельности FE для 13 проанализированных текстов. Чем выше индекс, тем более читабелен текст. Границы индексов находятся в пределах 54,2 и 82,1. Все тексты предназначаются школьникам в диапазоне 6 класс - выпускник. Уменьшение читабельности текста от первого к последнему так же не наблюдается.

Помимо определения индексов читабельности тринадцати текстов по формулам FK и FE, перед нами так же стоит задача проверить наличие зависимости удалённости текста от начала книги и его индексов читабельности. Для этого мы применили корреляцию Пирсона.

Коэффициент корреляции Пирсона (r) между удаленностью текстов от начала книги и их индексами FK равен $r = 0,135899$. Отсутствие корреляции очевидно.

Коэффициент корреляции Пирсона (r) между удаленностью текстов от начала книги и их индексом FE равен $r = -0,22377$, что демонстрирует отсутствие корреляции.

Проведённый анализ по определению индексов читабельности тринадцати текстов, маркированных буквой "В" в учебнике «Английский для инженеров», по трём формулам читабельности – Flesch-Kincaid Grade Level и Flesch Reading Ease – позволил нам решить поставленные задачи: 1) для каждого из тринадцати текстов были установлены индексы читабельности по двум формулам; 2) применив формулу корреляции Пирсона мы не смогли выявить закономерность распределения текстов в учебнике на основе индексов читабельности. Это говорит о том, что данный параметр текста не учитывался при составлении учебника.

Список литературы

1. Полякова Т.Ю., Синявская Е.В., Тынкова О.И., Улановская Э.С. Английский язык для инженеров. Москва: Издательский центр «Академия» - 2016. – 560 с.
2. Солнышкина М.И., Кисельников А.С. Параметры сложности экзаменационных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2015. – №1 (25). – С. 99-107.
3. Coh-Metrix – Режим доступа: <http://www.cohmetrix.com> (дата обращения 10.03.22).
4. Crossley S.A., McNamara D.S. Predicting Second Language Writing Proficiency: The Roles of Cohesion and Linguistic Sophistication *Journal of Research in Reading*. – 2012. – 35 (2).
5. Eleyan D., Othman A., Eleyan A. Enhancing Software Comments Readability Using Flesch Reading Ease Score. *Information*. – 2020. – 11 – P. 430.
6. Hartley J. Is time up for the Flesch measure of reading ease?. *Scientometrics*. – 2016. – 107. – P. 1523–1526.

10.02.19

Е.И. Кривошеева

Тихоокеанский государственный университет,
Факультет востоковедения и истории,
кафедра восточных языков,
Хабаровск, enl77@mail.ru

**ОБРАЗНАЯ ИМПЛИЦИТНОСТЬ И СПОСОБЫ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ
С ЯПОНСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЯПОНСКИХ АВТОРОВ)**

В статье рассматривается явление имплицитности, как важное составляющее японских литературных произведений. Лингвистические единицы являются носителями серьезного импликационного потенциала, умение правильно эксплицитировать которые, требует не только лингвистических, но и культурологических и исторических фоновых знаний. На материале японских поэтических произведений в жанре «танка» проводится анализ переводов на русский язык с целью выявления способов адекватной передачи имплицитности, заложенной автором.

Ключевые слова: *имплицитность, японский язык, перевод, русский язык, адекватность, средства выразительности.*

Японская литература, как и искусство, изобилует поэтическими образами при попытке охарактеризовать специфику японского мировосприятия и образно-эстетический способ осмысления мира. Средства выразительности относительно японского искусства направлены на попытку запечатлеть эмоционально наполненное содержанием мгновение, исчезающее в вечности (物のあわれ «моно но аварэ»), поэтому имплицитная информация, характеризующая идейную составляющую японской культуры в литературных произведениях, может быть представлена такими художественными средствами, как: метафоричность, символичность, образность, параллелизм, ирония и подобными языковыми средствами, содержащими скрытый или многозначный смысл [2].

Актуальность данной работы обусловлена недостаточной изученностью явления имплицитности в японской культуре. Кроме того, лингвистические единицы и категории в японском языке обладают большим имплицитным потенциалом, умение грамотно «декодировать» который представляется интересной и важной проблемой в процессе перевода художественных произведений на иностранный язык.

Общеизвестно, что восприятие и передача имплицитной информации заложенной в тексте реализуется с помощью двух стратегий: сохранения имплицитности и передачи ее в эксплицитной форме. В первом случае сохраняется языковой материал в оригинальной форме и подразумевается, что адресат сможет самостоятельно расшифровать подтекст. Во втором случае используются следующие приемы: конкретизация значений, выводимая из контекста или ситуации; перефразирование с помощью добавления лексики или замены смысла и другие. Конечная цель переводчика состоит в создании текста, удобного для восприятия, с сохранением самобытных особенностей подлинника, таких как слог, стиль, настроение автора и т.д. [1, с. 2].

С целью выявления способов передачи имплицитного содержания на русский язык, был приведен сопоставительный анализ переводов японских поэтических произведений разных исторических периодов в жанре «танка», выполненные В. Н. Соколовым и В. С. Сановичем. Материал отобран из сборника «Сто стихов ста поэтов» [3] и представлен выборочно.

1. Невозможность передачи заложенной многозначности всех образных смыслов в переводе на русский язык. Примеры представлены в Таблице 1.

Таблица 1 – Передача имплицитного образного смысла выраженного лексическими единицами содержащими многозначность

Мотоёси Синно (IX в.) № 20	Соколов В. Н. 2005 г.	Санович В. С. 1990 г.
わびぬれば 今はた同じ 難波なる 身をつくしても 逢はむとぞ思ふ	Жизнь потеряла Значение без тебя. Но мы встретимся, Даже погибнув в волнах У залива Нанива.	Мне всё едино теперь! Я - словно бы в Нанива-море Спасительный знак. Пусть я в волнах погибну, Но раньше встречу с тобою!

Стихотворение написано членом императорской семьи, которому было запрещено видаться со своей возлюбленной. В первой части *わびぬれば* переводится как «исстрадаться / распереживаться», что означает «если мы уж опозорились до такой степени, то зачем мне себя сдерживать, коль хочу увидаться с тобою». В основе стихотворения лежит многосмысловое словосочетание *みおつくし* - «плавучий знак для ограждения фарватеров», что может трактоваться как «указатель на жизненном пути». Значение слова переплетается с выражением *身をつくしても* - «пусть жизнь иссякнет» или «даже если отдам свою жизнь». Слово *難波* интерпретируется не только как «бухта Нанива» но и как — «имя, репутация». *なる*- подразумевает репутацию обоих влюбленных. Стихотворение построено в форме шарады, основанной на одинаковом звучании слов. В переводе Соколова создается впечатление, что погибнуть, готовы оба героя, тогда как в произведении имеет место лишь образная передача сильных чувств. Санович же относит строчку «спасительный знак» к высказыванию главного героя о самом себе, однако, на самом деле, автор указывает на отношение к даме, которая, наоборот, является «путеводительным знаком» для него. Перевод Сановича наиболее полно интерпретирует многозначную игру слов, при котором используется эксплицитный перевод путем конкретизации дополнительных значений.

2. Сложность передачи топонимики и многозначной лексики литературных приемов представлена в Таблице 2.

Таблица 2 – Передача имплицитного образного смысла, представленного топонимами и многозначной лексикой.

Тюнагон Юкихира (IX в.) № 16	Соколов В. Н. 2005 г.	Санович В. С. 1990 г.
立ち別れ いなばの山の 峰に生ふる まつとし聞かば 今帰り来む	Мы в разлуке, но На вершинах Инаба Прислушиваюсь К шёпоту горных сосен: Я снова вернусь к тебе.	Пусть разлука близка - Я в страну Инаба отбываю, - И в иной стороне Я расслышу в голосе сосен: "Жду", и я тотчас приеду!

Топоним *いなば* «Инаба» - название провинции, а также горной вершины. Однако, это же слово, оформляет одну из форм глагола *いぬ*- «уходить»: «герой уходит в провинцию Инаба». Кроме того, *いなば*- «это рисовые стебли», знаменующие осень. Слово *まつ* так же содержит два значения – «сосна» и «ждать». Используется такой литературный прием, как «какэкотаба». Способ основан на обыгрывании омонимии и полисемии слов, которые несут в себе многослойные значения и имплицитный смысл. У Соколова, в первом случае, импликатура сохранена, во втором – опущена. У Сановича также наблюдается сохранение импликатуры в первом случае. Во втором - смысл передается эксплицитно, путем перефразирования и с добавлением лексических единиц. Передача имплицитного смысла на семантическом уровне в японском языке не всегда возможна ввиду сильной омонимии.

3. Передача имплицитного образного смысла заключенного в метафоричном высказывании представлена в Таблице 3.

Таблица № 3 – Передача имплицитного образного смысла заключенного в метафоричном высказывании

Оно но Комати (IX в.) № 9	Соколов В. Н. 2005 г.	Санович В. С. 1990 г.
花の色は 移りにけりな いたづらに 我が身世にふる ながめせしまに	Пожухли краски Летних цветов, вот и я Вглядываюсь в жизнь Свою и вижу только Осени долгие дожди.	Распустился впустую, Минул вишенный цвет. О, век мой недолгий! Век не смежая, гляжу Взглядом долгим, как дождь.

Выражение 花の色 подразумевает не просто цветы, а цветущую по весне сакуру. В японских танка присутствует обязательное сезонное слово, которое формирует фон для правильного и точного восприятия всего произведения. Но в этих же строках заключена и метафора, олицетворяющая привлекательную внешность женщины-автора и ее быстропроходящую молодость. Прием «какэкотаба» оформлен словосочетанием *ながめ* «лицезреть», которое состоит из слов 長 «долгий» и 雨 «дождь», но относится не к пейзажу, а к раздумьям автора о том, что век молодой жизни недолгий. Эксплицировав полностью смысловое содержание стихотворения, получаем: «Пока идут долгие дожди, я снова проживаю свои годы понапрасну, тщетные мысли лелея о том, что старею. Как и сакуры, цвет недолговечен, так и молодость отцветает моя мимолетно». Можно было бы сказать, что у Соколова перевод точный, но в трёх последних строках отсутствует разделение запятыми, что придает двойственный смысл всему произведению и один из этих смыслов не согласуется с тем, что хотел сказать автор. Интересно отметить, что переводчик оформил авторскую образность путем переноса его на русские реалии: в оригинале – автор отождествляет мимолетность цветущей сакуры и свою недолговечную молодость, в переводе – противопоставлены «краски летних цветов» и «осени долгие дожди», которые ожидаются в дальнейшей жизни (с учетом определенной расстановки пауз при прочтении). У Сановича строки «О, век мой недолгий!» переданы эксплицитно с помощью приема конкретизации для уточнения смысла. Первые строки «Распустился впустую / Минул вишенный цвет» также конкретизированы, однако читателю должен самостоятельно вывести импликацию, содержащую отождествление «недолгого века» с «минувшим вишенным цветом» в высказывании автора. Во второй части стихотворения «Век не смежая, гляжу / Взглядом долгим, как дождь» переводчик выводит импликацию, содержащую чувства автора из предыдущей строки, которая передана эксплицитно.

Подводя итог, стоит отметить, что большое количество концепций, присутствующих в японской культуре, не имеют аналогов в русском языке, что затрудняет перевод поэтических произведений. При передаче импликаций японской поэзии путем их эксплицирования, конкретизация возможна, но передать заложенный автором смысл с максимальной точностью на язык перевода не всегда задача выполнимая в силу ограниченности структуры танка. Обилие грамматических форм и семантических компонентов в самой структуре японского языка также способствуют возникновению имплицитного начала и обеспечивают трудность его передачи на иностранный язык.

Список литературы

1. *Васильева В.А.* Специфика перевода имплицитной информации на примере художественного текста / *Васильева В.А.* // Гуманитарные научные исследования. – 2016. – №1. – С. 1-3.
2. *Герасимова М.П.* Имплицитность японского искусства / *М.П. Герасимова* // Журнал «Японские исследования». – 2017. – № 4. – С. 62-79.
3. *Соколов В.Н.* Сборник Сто стихотворений ста Поэтов [Электронный ресурс]: текст. – Режим доступа: <http://lib.ru/JAPAN/japan100.txt> (дата обращения 25. 01. 2022).

10.02.19

Л.С. Липаева

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
филологический факультет,
кафедра германских языков,
Стерлитамак, l.s.lipaeva@strbsu.ru

ИНФОРМАТИВНАЯ ЦЕЛЬ В СИСТЕМЕ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОВОРЯЩЕГО

Статья посвящена обзору исследований речевой деятельности в эпоху информационных технологий. Выделяется информативная цель как составляющая речевой деятельности говорящего. В ходе анализа научной литературы автором выявлено основное содержание понятия «речевая деятельность», определены различия между понятиями «информация» и «знание».

Ключевые слова: *речевая деятельность, информативная цель, говорящий, высказывание, знание, информация.*

Введение. Практически вся жизнь современного общества связана с речью, а точнее, с речевой деятельностью. Многие ученые занимаются изучением данного понятия, исследования которого представлены в работах Л.С. Выготского, И.Р. Гальперина, А.Н. Леонтьева, М.Р. Львова, С.Л. Рубинштейна, И.М. Сеченова, А.Е. Супруна. Большинство сходятся во мнении, что речевая деятельность – это, прежде всего, процесс информационный, т.е. процесс передачи и получения информации. Для того чтобы информация имела практическую ценность, необходимо уметь не только извлекать необходимую информацию, но и переводить ее в разряд знаний. Именно данный процесс, т.е. изменение состава знаний собеседника, обеспечивает реализацию информативной цели говорящего.

Содержательная часть: обзор литературы, основное обсуждение. Речевой деятельности присущи информационный, знаковый и коммуникативный характер [9, с. 8]. Исходя из того факта, что речевая деятельность направлена, прежде всего, на общение, на передачу информации, по своей значимости речевую деятельность относят к наиболее важным из человеческих деятельностей.

Для осуществления речевой деятельности требуется коллектив (самое меньшее два человека) [5, с.29]. Основными компонентами речевого акта являются: адресант (передающий, говорящий), который посылает сообщение адресату; контекст, о котором идет речь, код, при помощи которого передается сообщение, и контакт – физическая и психологическая связь между адресантом и адресатом [9, с. 22]. «Говорящий – лицо, являющееся источником, автором высказывания» [8, с. 220].

В процессе речевой деятельности структурной единицей принято считать высказывание. Под высказыванием понимают «единицу речевого процесса, которая имеет относительную самостоятельность, законченность». С точки зрения структуры, принято считать, что «любое высказывание – это предложение, но не всегда предложение является высказыванием». В тексте мы имеем дело не с предложением, а с высказыванием, т.е. не с языковыми единицами, а с единицами речевыми.

Классификация высказываний с точки зрения их информативной нагруженности. В данной работе мы рассматриваем информативные высказывания, т.к. наиболее частой целью речевого общения для говорящего (адресанта) является сообщение, т.е. информативная цель. Для слушающего (адресата) целью участия подобном речевом акте является получение информации [9, с. 23]. Такой двусторонний характер речевой деятельности, т.е. наличие как минимум двух участников, определяет ее коммуникативную сторону.

Реализация информативной цели в речевой деятельности говорящего направлена, прежде всего, на «преобразование знаний говорящего в информацию и пополнение информационного фонда адресата, помогая ему ориентироваться в изменяющемся мире» [7, с. 82]. Интерпретация поведения человека с позиций информационной теории опирается на определение информации через ее роль в осуществлении целенаправленного действия. Важным свойством информации выступает ее ценность. Ценность информации для достижения личностных целей определяется содержанием, которое она в себе несет. Для того, чтобы информация, понимаемая как содержание сообщения, имела долговременную ценность, она, во-первых, должна быть совместима с уже существующей парадигматической структурой базы знания адресата. Во-вторых, информация как содержание будет обладать длительным воздействием, если она содействует освоению и преобразованию окружающего человека мира, содействует ему в социально-культурном творчестве [10].

При реализации информативной цели происходит процесс передачи говорящим информации с адресатом, что характеризует состав базы фоновых знаний говорящего как более широкий. Информация, почерпнутая из высказывания говорящего, позволяет реципиенту изменить свой тезаурус, начиная от расширения, до более или менее значительного переструктурирования, т.е. изменения состава и структуры некоторого фрагмента тезауруса личности.

Таким образом, информативная деятельность говорящего направлена на сбор, применение информации, обеспечивающее воздействие лонгирующего характера, ориентированное на формирование у говорящего и адресата системы знаний определенной предметной области.

Информация не может быть передана, принята или хранима в чистом виде. Носителем ее является сообщение, в нашем случае высказывание. Для того чтобы понять, чем же мы обмениваемся в процессе речевой деятельности, необходимо разобраться в понятии информация.

Информация – это настолько общее и глубокое понятие, что его нельзя объяснить одной фразой. В это слово вкладывается различный смысл в технике, науке и в житейских ситуациях. Поэтому понятие «информация» трактуется учеными неоднозначно.

Термин информация происходит от латинского слова *informatio*, что означает «сведения, разъяснения, изложение». Математическая теория информации наиболее интенсивно разрабатывалась с конца 40-х гг. В этих работах рассматривались вопросы передачи информации между техническими системами. В зависимости от области знания информация имеет множество определений.

Так Н. Винер писал, что информация – это «обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств» [3, с. 17]. В свою очередь И.Р. Гальперин считает, что информация снимает неопределенность, неполноту сообщения какого-либо рода. Понятие информации тесно связано с понятиями аксиологии (ценность сообщения), психологии (новизна), математики (объем и количество), прагматики (использование информации), семиотики (знаки и символы, посредством которых передается информация) [4, с. 26]. Таким образом, термин «информация» часто рассматривается как синоним терминов «знание», «сведения», «сообщение» и т.д. Ничто само по себе не является знаниями или информацией: все зависит от способа их употребления в деятельности. «Встраивая новость в старую деятельность, мы используем их как информацию: изменяя свою деятельность сообразно получаемым новостям, мы употребляем их в качестве знаний» [6, с. 23].

В эпоху информационных технологий принято считать, что знание – это информация, имеющая практическую ценность, служащая для получения конкретных результатов.

Заключение. Речевая деятельность занимает ведущее место в жизни современного человека. Между тем, она является самым сложным и самым распространенным явлением. Учитывая тот факт, что основными характеристиками речевой деятельности являются структурность и целенаправленность, в данной работе мы подробно рассматриваем одну из ведущих целей речевой деятельности, а именно, информативную цель говорящего.

Говорящий, будучи инициатором речевого действия, ставит перед собой цель информировать собеседника. В процессе речевого взаимодействия структурной единицей считается высказывание. Поэтому адресанту необходимо выбирать такие языковые средства, которые с максимальной эффективностью выполняют поставленные задачи, тем самым, достигая информативной цели. Реализация данной цели ведет к изменению информационного фона адресата, т.е. изменение его системы знаний.

Список литературы

1. *Баранчев В.П.* Управление знаниями: Учебное пособие. – М.: Центр маркетинговых исследований, 2005. – 144 с.
2. *Валгина Н.С.* Теория текста: Учебное пособие. –М.: Логос, 2004. – 280 с.
3. *Винер Н.* Кибернетика или управление и связь в животном и машине / Н. Винер; Пер. с англ. И.В. Соловьева, Г.Н. Поварова. – 2-е изд. – М.: 1968. – 325 с.
4. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
5. *Попова Е.П., Бондаренко О.В., Кострулева И.В.* Теория и практика профессиональной коммуникации на русском языке. Учебное пособие(курс лекций). – Ставрополь, 2017. – 206 с.
6. *Рац М.* Диалог в современном мире // Философия образования. – 2004. – №10. – С. 20-32.
7. *Рябцева Н.К.* Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 82- 92.
8. *Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова.* – М.: Сов. энциклопедия, 1996. – 606 с.
9. *Супрун А.Е.* Лекции по лингвистике: Учеб. Пособие. – Мн.: Изд-во БГУ, 1980. – 144 с.
10. *Шарков Ф.И.* Коммуникология: основы теории коммуникации: учебник для бакалавров / Шарков Ф.И. – Москва: Дашков и К., 2018.- 488с.

10.02.19

А.А. Писаренков канд. филос. наук, С.Е. Писаренкова канд. филол. наук

Кубанский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра английского языка в профессиональной сфере,
Кубанский государственный медицинский университет Минздрава России,
кафедра лингвистики,
Краснодар, alpisarenkov@mail.ru, svetlaner@gmail.com

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ДИСКУРС И ЛИБЕРАЛЬНЫЙ «НОВОЯЗ»: КЛИШЕ И ТЕРМИНЫ «КУЛЬТУРНОЙ ВОЙНЫ»

В статье анализируются основные дискурсивные практики, используемые в консервативных СМИ США для идеологического противостояния либеральному нарративу, рассматриваются способы презентации эпохи в консервативном политическом дискурсе. Анализируются ключевые метафоры, термины и сюжетные линии, используемые в консервативном нарративе для описания действий политических оппонентов.

Ключевые слова: *метафора, термины, общественно-политический дискурс, идеология, нарратив.*

Традиционное соперничество консервативной и либеральной идеологий на политической арене США переросло в ожесточенную борьбу культурных нарративов, в основании которых находятся моральные ценности, основывающиеся на антагонистическом мировоззрении. Эта борьба в американских СМИ описывается с помощью метафоры «культурной войны» поскольку участники политической схватки считают, что они находятся в состоянии непримиримого конфликта, ведущегося за мир, в котором политика является выразителем четких моральных критериев, обусловленных соответствующими культурными парадигмами, в основе которых лежит определенный идеологический нарратив, обладающий своим собственным языком, терминологией, синтаксисом, ключевыми метафорами, риторическими приемами и логикой развития.

В данной статье мы попытаемся проанализировать лексикон консервативной части Республиканской партии, используемый при описании политики либералов и действий общественных движений, поддерживаемых Демократами. В качестве источников использовались Республиканские СМИ и материалы консервативных аналитических центров. Материалы отбирались во временном промежутке 2020–2021 гг.

Как указывается в аналитическом эссе консервативного издания Бэкраундер либеральное мировоззрение представляет собой сплав «чувствительности высокообразованных ультралиберальных белых профессионалов с элементами черного национализма и критической расовой теории» [1, с.13]. Действительно, термины критической расовой теории начали завоевывать популярность в либеральной журналистике и академической среде задолго до президенства Трампа и смерти Джорджа Флойда и к концу второго десятилетия 21 века стали определять общественно-политическую повестку Соединенных Штатов.

С течением времени по мере эскалации «культурной войны» между двумя доминирующими дискурсами США эти языковые средства стали в одинаковой степени применяться обеими сторонами противостояния, но в консервативном дискурсе либеральный «новояз» приобрел исключительно пейоративное значение. В консервативном медийном пространстве наиболее частотными упоминаются слова и выражения, относящиеся к терминам критической расовой теории (Critical Race Theory), жаргону BLM, LGBTQ и других левых общественных движений. КРТ в консервативной дискурсивной практике превратилось в зонтичный термин и стала означать любое учение, которое бросает вызов нарративу, созданному «белой» Америкой.

Критическая расовая теория, как и все теоретические конструкты, обладает своим

понятийным аппаратом и терминологией, которые были заимствованы из левацкого журналистского и академического жаргона. Среди наиболее значимых можно выделить словосочетания, объединенные расовым термином «whiteness» (white privilege, white supremacy) и связанной с ними КРТ терминологией (structural racism, oppression, patriarchy, racial bias, implicit bias, microaggression, identity politics). «Wokeness» - еще одно ключевое понятие данной идеологии. Слово «wokeness» изначально нашло свое отражение в словаре движения за равноправие цветных, главным образом афроамериканских активистов и обозначало осознание всей совокупности проблем расовой дискриминации, но затем, вместе со стремительно меняющейся политической идеологией и политической моралью белых либералов, стало употребляться в качестве термина, обозначающего всю совокупность прогрессивных либеральных ценностей и активное неприятие консервативной идеологии. Данные термины, также находят свое применение в дискурсивной практике приверженцев движения BLM (Black Lives Matter) и согласно идеологии КРТ, применимы для описания общей политической, экономической, социальной и культурной системы доминирования белых и подавления цветных граждан [3, с. 28].

Несовпадение ценностных ориентиров естественным образом привело к тому, что в консервативном лексиконе вся эта терминология приобрела пейоративное значение, и с её помощью стали описываться все «ужасы» либерального универсума. В консервативном дискурсе «whiteness» оценивается как всеобъемлющий дескриптивный термин, с помощью которого активисты BLM и пропагандисты CRT очерняют всю совокупность интеллектуальной традиции «белых» от классических философов до мыслителей Просвещения. Своей главной целью, по мнению консервативных СМИ, сторонники теории видят в уничтожении мнимого «превосходства белых» и их привилегий, получаемых в рамках режима «структурного расизма», подрыве устоев свободного рынка, который зиждется на «упорном труде, способностях и других свойствах добродетели» [1, с.11]. Обвиняя систему школьного и высшего образования в насильственном насаждении левых доктрин, правые СМИ указывают, что школьники и студенты подвергаются идеологической обработке, в рамках которой все, что связано с белой Америкой и присущей ей культурой, выставляется в исключительно негативном свете, что находит свое отражение в появлении и распространении терминов основывающихся на идеологическом концепте «whiteness» и аффилированных с ним понятиях: white privilege, white fragility, internalized white supremacy, white guilt, spirit murder [7].

С точки зрения консерваторов сюжетная линия описания реалий американской жизни выглядит следующим образом: сторонники «woke»-идеологии проникли во все институциональные сферы жизни США – СМИ, систему образования, массовую культуру и стали определять корпоративную этику больших технологических компаний. В консервативных СМИ определение «woke» и образованные с ним словосочетания обрели крайнюю популярность: «woke reality», «woke capitalism», «woke left», «woke communists» [5]. С помощью этих словосочетаний описываются чуждые для традиционной Америки «реалии» либерального мира и осуществляется попытка развенчать “woke” идеологию, которая, по словам обозревателя Фокс Ньюс Такер Карлсона, ненавистна «нормальным людям», поскольку является проводником «аморальной жестокости». В источнике: “...denounce wokeness as the immoral atrocity that it is. Wokeness was cooked up by college professors, then boosted by corporations ... and that’s why normal people hate it. All normal people no matter what they look like” [2].

По мнению консерваторов Демократическая партия и поддерживающие ее СМИ насаждают тоталитарные порядки и пытаются установить “woke communist regime”. Сюжетная линия, в которой отправной точкой является наличие «коммунистического режима», предполагает, что «тоталитарной правящей партии» и контролируемому ею обществу требуются, помимо внешнего, внутренние «враги народа» (в американских реалиях эту функцию выполняют «враги демократии»), несущие ответственность за все прошлые, настоящие и будущие грехи. В консервативном дискурсе постулируется, что роль этой

жертвы закреплена за белыми мужчины (white males) и всем тем, что связано с культурным кодом «белой» Америки. Подчеркивается, что основной характеристикой woke-идеологии является нетерпимость и мстительность её последователей: “They can never let any sin go unpunished. All sinners must live in terror of the *woke virtuous*” [6]. Помимо этого, woke-мировоззрения часто описываются с помощью метафоры психического отклонения от нормы, например: “Orban is willing to take the hard stances necessary to keep his country from losing its collective mind under assault by *woke loonies*” [6].

В американском консервативном дискурсе традиционные семейные ценности являются одной из идеологических констант, что нашло свое отражение в метафорической модели «нация – семья», которая находится под опекой «строгого отца». “Gender-ideology” – одно из проявлений woke-идеологии, предполагает слом традиционных устоев семьи и отношений между мужчиной и женщиной, которые являются краеугольным камнем консервативной картины мира. Неудивительно, что гендерная составляющая либерального дискурса, также описывается с помощью морбиальной метафоры «психического заболевания»: “Gender ideology goes from strength to strength, with American corporations and media propagandizing children and teenagers constantly on behalf of this *insane madness*” [4]. Каждый новый термин, вводимый либеральными кругами для описания их картины мира, моментально подвергается критическому анализу и обструкции в консервативном медийном пространстве. Термин “Latinx”, употребляемый либеральными активистами в качестве гендерно-нейтрального заменителя испанских слов мужского и женского рода “Latino” “Latina”, подвергается критике на том основании, что это слово, относящееся к новоязу левых, не пользуется популярностью в среде самих носителей испанского языка и используется либералами для деконструкции «мужского языка» в рамках борьбы против традиционных ценностей.

Непримиримое противостояние двух идеологий и соответственно двух способов морализаторства на американской политической сцене – продемонстрировали, что и либералы, и консерваторы в значительной степени продвинулись вперед в обновлении своего политического лексикона и образных средств как для презентации своего мировоззрения, так и для описания идеологии и действий своих оппонентов.

Список литературы

1. *Butcher, Jonathan., Gonzalez, Mike* Critical Race Theory, the New Intolerance, and Its Grip on America BACKGROUNDER No. 3567 December 7, 2020
2. *Carlson, Tucker* “The Republican Party has to figure out its future” URL:<https://www.foxnews.com/media/tucker-the-republican-party-has-to-figure-out-its-future> (дата обращения 13.12.21)
3. *Di Angelo, Robin* White Fragility(Boston: Beacon Press, 2018), p. 28.URL: <https://www.mediamatters.org/fox-news/fox-news-obsession-critical-race-theory-numbers> (дата обращения 22.11.21)
4. *Dreher, Rod* “Unpatriotic Conservatives 2021” URL:<https://www.theamericanconservative.com/dreher/unpatriotic-conservatives-2021/> (дата обращения 10.12.21)
5. *Dreher, Rod* “The Media Construction of Woke Reality” URL:<https://www.theamericanconservative.com/dreher/media-construction-of-woke-reality-soft-totalitarianism/> (дата обращения 10.11. 21)
6. *Dreher, Rod* “The Culture War in four minutes” URL: <https://www.theamericanconservative.com/dreher/gonzo-transgender-the-culture-war-in-four-minutes/> (дата обращения 10.11.21)
7. *Flood, Brian* “Critical Race Theory critic Chris Rufo says “intellectual bankrupt media is hiding the truth” URL:<https://www.foxnews.com/media/critical-race-theory-rufo> (дата обращения 5.12.21)
8. *Goldberg, Zach* “How the Media Led the Great Racial Awakening,” Tablet, August2020.URL:<https://www.tabletmag.com/sections/news/articles/mediagreat-reat-racial-awakening> (дата обращения 19.10. 2021)
9. *Lakoff G. Metaphor, Morality, and Politics, or Why Conservatives Have Left Liberals in the Dust* URL: <https://escholarship.org/uc/item/7vp15113> (дата обращения 10.10.21)
10. *Lakoff G. The Political Mind: A Cognitive Scientist’s Guide to Your Brain and Its Politics.* Penguin Books Ltd, 2008

10.02.19

Л.П. Сон

Военный университет министерства обороны Российской Федерации,
факультет иностранных языков,
кафедра романских языков,
Москва, luciason@mail.ru

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ: МЕХАНИЗМ ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ РЕЧИ

Статья посвящена исследованию механизма восприятия и понимания письменной речи при интернет-коммуникации. Дискурсивное обособление языка интернет-коммуникации приводит к его нормативному обособлению и формированию собственных узуальных норм.

Ключевые слова: язык интернет-коммуникация, восприятие и вербализация информации, интерпретация.

В современном обществе высоких информационных и телекоммуникационных технологий в виртуально-реальном пространстве формируется новый естественный язык – язык интернет-коммуникации, который мы рассматриваем как вторичную символическую систему с признаками национально специфического варианта языка (испанского, английского, немецкого, французского и т.д.). Этот язык обладает основными функциями, присущими естественному языку: референциальной, конативной, эмотивной, фатической, металингвистической и поэтической [6, 209-248].

Язык интернет-коммуникации представляет собой интеграцию устной и письменной речи, при этом, аккумулируя информацию с целью ее визуальной репрезентации, письменная речь приближается к нормам говорения, например, *малако* вместо *молоко*, *abler* вместо *hablar* (исп. *говорить*) и т.д. Мы становимся свидетелями, а порой, и участниками такого аграмматизма. Нарушаются законы морфологии и синтаксиса: дискурсивное обособление в Интернете приводит к нормативному обособлению в языке, иными словами, язык интернет-коммуникации стремится к формированию собственных узуальных норм.

В этой связи возникает вопрос, каким образом человек способен воспринимать «неправильный» текст и адекватно на него реагировать? Существует ли механизм восприятия и понимания речи? На этот вопрос мы находим ответ в работах выдающихся ученых: французского исследователя Г. Гийома и американского лингвиста У. Чейфа.

Представляется интересным проанализировать модель вербализации восприятия информации при коммуникации, предложенную У.Л. Чейфом [4, 36].

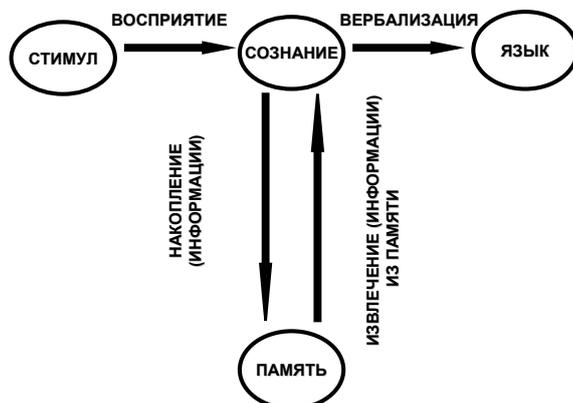

Рис. 1 – Модель вербализации восприятия информации

На рисунке 1 в левом верхнем углу расположен блок «стимул», который обозначает весь спектр физических данных, которые поступают в органы чувств человека при первичном восприятии информации. По стрелке «восприятие» информация поступает в блок «сознание», не являясь при этом точной копией «стимула», а лишь его интерпретацией. Блок «сознание» представляет «наше феноменологическое осознание воспринимаемого опыта, наличие некоторой информации, относящейся к этому опыту, в нашей кратковременной (оперативной памяти)» [Там же]. То, что находится в сознании человека, по мнению ученого, представляет собой своего рода убеждение относительно того, что находится во внешнем мире. И данное убеждение в свою очередь, находится в зависимости от того обстоятельства, что предоставляется органам чувств человека. Кроме того, убеждение также подвергается значительному воздействию контекста ситуации и индивидуальной предрасположенностью человека (культурной, языковой, социальной и т.д.). Таким образом, «восприятие» является интерпретирующим [5].

Следует подчеркнуть, что количество информации, которая одновременно может быть удержана сознанием человека, ограничено. Поэтому, как показано на рисунке 1, часть информации по стрелке «накопление (информации)» поступает в блок «память». У.Л. Чейф указывает на необходимость различать два состояния, в которых может пребывать информация (т.е. знание) в разные моменты времени: «...содержимое сознания» является знанием, которое активизируется или «высвечивается» в любой данный момент времени, и содержимое памяти, которое не активно, не «высвечено» в данный момент, но все же некоторым образом «присутствует» в уме» [4, 37-38]. Таким образом, стрелка «извлечение (информации) из памяти» наглядно демонстрирует, что информация может быть «извлечена» из памяти, иными словами, реактивирована. На основании этого ученый делает вывод о том, что существуют два входа в сознание человека: один непосредственно через восприятие, а другой – посредством извлечения информации из памяти.

Продолжая анализировать «модель вербализации информации» У.Л. Чейфа, мы переходим к ее следующему компоненту – «вербализации». Ученый предлагает разделить процессы вербализации на три основных типа. Первый тип вербализации – это процессы, связанные с проблемой структурирования говорящим извлекаемого им опыта. Второй тип вербализации – это процессы оценки адресантом состояние ума адресата в каждый данный момент и его интеллектуальных способностей и возможностей в рамках конкретного контекста взаимодействия. Третий этап вербализации – это процессы применения синтаксических процессов, поскольку каждый язык обладает своими синтаксическими структурами и стремится их доказать. И, наконец, переходя к «языку» как к результату в модели вербализации информации, американский ученый делает очень важный вывод о том, что вербализация также носит интерпретирующий характер. «Языковой продукт процессов вербализации не является копией входных данных этих процессов, в равной мере он не детерминируется алгоритмически этими входными данными. Ближе к истине такое представление, согласно которому, когда люди говорят, они постоянно выбирают наилучшие способы выражения того, о чем думают. Отсюда следует, что ко всему содержащемуся в памяти применимы дальнейшие процессы интерпретации. Интерпретация происходит не только во время восприятия; она имеет место также в то время, когда мы говорим» [4, 40].

Таким образом, языковой продукт в каждом конкретном случае сугубо индивидуален. Иными словами, порождается n-ое количество языковых продуктов, которые объединяются, формируется языковой материал (устная и письменная монологическая и диалогическая речь, литературный, публицистический, научный текст), который может стать определенным «импульсом» в модели вербализации информации с целью ее бесконечного продолжения до тех пределов, пока существует человек и его язык как неотъемлемая и только ему данная и свойственная ему характеристика.

Важно заметить, что механизм вербализации восприятия информации, предложенный У.Л. Чейфом, коррелирует (с некоторой разницей) с механизмом глоттогенеза Г. Гийома, что особенно показательно на примере письменной интеракции в Интернете.

Рассмотрим конкретный пример, наглядно иллюстрирующий данное умозаключение.

На одном из испанских сайтов в Интернете мы столкнулись с текстом следующего содержания:

«En difreetnes inve-sigtacinoes los cinefíticos inlgeses descbureiron, que es de pcoa impotrancia en que odern etsan las lertas en las palbaras, lo mas improtnate, es que la prirmea y ulimta lerta tieen que esatr su luagr. Lo den meido no es improtnate, aun asi pudees leer. Poruqe nosrotos lemeos las pablaras enetras y no lerta por lerta» [7].

Следует отметить, что с точки зрения синтаксиса текст выстроен правильно, однако каждое слово написано с нарушением порядка букв. Несмотря на это, мы смогли прочитать и понять данное сообщение.

Несколько позже на одном из русскоязычных сайтов мы обнаружили то же самое сообщение, но уже на русском языке:

«По резульаттам илссеовадний одонго анлигйсокго унвиертисета, не иеетт заичнеия, в кокам пряоде рсапожолены бквуы в солве. Галвоне, чотбы преавя и пслоендяя бквуы блыи на мсете. Осатльине бквуы мгоут селдовтаь в плооним беспорядке, все рвано ткест читаитсеа без побрелм. Пичрионй эгото являетеся то, что мы не читаем кдаужю бквуу по отдльенотси, а все солво цликсом» [8].

Точно такая же картина, как и в испанском тексте: соблюдение синтаксических норм и нарушение порядка букв в каждом слове. Однако это также не помешало нам прочитать и понять сообщение, содержание которого следующее:

«По результатам исследований одного английского университета, не имеет значения, в каком порядке расположены буквы в слове. Главное, чтобы первая и последняя буквы были на месте. Остальные буквы могут следовать в полном беспорядке, все равно текст читается без проблем. Причиной этого является то, что мы читаем не каждую букву по отдельности, а все слово целиком».

Согласно модели Г. Гийома, при восприятии, например, слова *селдовтаь* (написанного с ошибками), которое относится к речи, в процессе нисходящего аналитического движения в головном мозге человека на интуитивном уровне происходит корневая остановка, равная лексической остановке: здесь происходит обращение к памяти человека и извлечение из памяти (по Чейфу) информации, равной знанию индивида, поскольку когнитивные процессы опираются именно на знание языка, в данном случае русского.

У Г. Гийома этот процесс назван синтетическим восходящим движением, которому присущи лексические остановки, во время которых воспринимаемое слово оформляется в соответствии с законами морфологии данного языка. (У У. Чейфа – это процесс вербализации). И насколько глубоко это знание, а у каждого человека оно индивидуально, в дальнейшем происходит фразовая остановка (по Гийому), которая завершает процесс глоттогенеза [3]. Следует отметить, что в зависимости от контента отправляемого сообщения и индивидуальных когнитивных способностей человека условно-конечный продукт – фразовая остановка, которая, по Гийому, относится к речи – может быть представлен всего одним словом, что весьма характерно для письменной интеракции в Интернете. В нашем случае это слово *«следовать»*, которое мы поняли и произнесли правильно, причем это может проявляться на уровне внутренней речи индивида. И именно в этот момент слово, проговоренное человеком, становится компонентом языка-системы. Таким образом, на нашем примере мы можем видеть, что соблюдается отношение языка-системы с речью-реализацией.

Таким образом, «сам процесс восприятия и понимания речи собеседником всегда опирается на владение языком и его составными элементами» [4, 93-40]. В нашем исследовании каждый вариант языка интернет-коммуникации, ровно, как и язык-базис, опирается на «свой» язык: английский, русский, испанский и т.д., что обеспечивает возможность осуществления коммуникации интерактантами.

Список литературы

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова – М., 1966. – 598 с.
2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. [Текст] / Л.С. Выготский – Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999.– 352 с.
3. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики [Текст] / Г. Гийом / пер. с франц., под ред. Л.М. Скрелиной. – М.: Прогресс-Культура, 1999. – 155 с.
4. *Чейф У.Л.* Память и вербализация прошлого опыта [Текст] / У.Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII Прикладная лингвистика / сост. В.А. Звегинцева. – М.: Радуга, 1983. – С. 36.
5. *Hoshberg J.E.* Englewood Cliffs [Text] / J.E. Hoshberg / New York: Prentice-Hall, 1964.
6. *Jakobsson R.* Essais de linguistique générale [Text] / R. Jakobsson – Paris : Minuit, 1963. P. 79, 209-248.
7. Интернет-блог [Электронный ресурс] URL: <http://www.slideshare.net/asoriag/percepceinimgenes-i> (дата обращения 18.02.2022).
8. Интернет-блог [Электронный ресурс] URL: <http://moidagestan.ru/blogs/3185/12871> (дата обращения 18.02.2022).

10.02.19

Л.Н. Фоменко канд. филол. наук, В.Ю. Новикова канд. филол. наук, Н.А. Шинкаренко

ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры»,
Краснодар, fomvon@mail.ru, gandzi@yandex.ru, Shinta97@mail.ru

ЭТАПЫ И МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В данной статье рассмотрена важность формирования социокультурной компетенции у изучающих иностранный язык. А также основные этапы формирования данной компетенции, методы реализации процесса обучения и ключевые навыки, которые приобретают учащиеся. На каждом этапе анализируются поставленные цели и задачи.

Ключевые слова: диалог культур, социокультурная компетенция, образовательный процесс, межкультурная коммуникация.

В настоящее время получение опыта межкультурной коммуникации является неотъемлемой частью учебного процесса, что является результатом приобретения специфических знаний и навыков, иными словами – определенных компетенций. Помимо практических и теоретических знаний, учащиеся имеют возможность демонстрировать личные качества, такие как уверенность в себе, настойчивость, ответственность и изобретательность. Именно поэтому важно умело комбинировать не только теоретические и практические, но и другие разнообразные методы обучения, технологии и дисциплины.

При более детальном взгляде на явление социокультурной компетенции, можно обнаружить, что она обладает несколькими составляющими, а именно лингвокультурологический аспект, социолингвистическая составляющая и культурный аспект. Каждый из этих компонентов является важной частью единого целого, например изучение первой составляющей, учащийся знакомится с семантическими единицами языка, такими как формы обращения, приветствий и прощаний, пожеланий и др. Говоря о социолингвистическом факторе, берутся в учет языковые особенности представителей различных классов, как социальных групп, так и особенности представителей разных поколений и полов.

Согласно мнению Г. А. Воробьева под социокультурной компетенцией понимается сложное явление с большим количеством компонентов, которые относятся к разным категориям [1]. Р. П. Милруд, в свою очередь, понимает этот термин как деятельностный компонент коммуникативной компетенции [5]. Таким образом, можно рассматривать явление социокультурной компетенции как набор межкультурных знаний, навыков и качеств, применяемых на практике в конкретных условиях взаимодействий в процессе межкультурного общения.

Весь процесс приобретения данной компетенции может быть осуществлен в несколько этапов, каждый из которых помогает достичь определенные, поставленные перед ними цели и задачи.

Первый этап заключается в подготовке учащихся к «мотивационному» общению с другими участниками образовательного процесса. На данном этапе стоит цель привлечения студентов к получению знаний об окружающем мире, других народах и культурах, возможность показать разнообразие мира, а также людей, которые его населяют. Так же одной из целей данного этапа является формирование позитивного взгляда на изучение других культур и желания взаимодействия с ними. Со стороны преподавателя, согласно мнению П. П. Степанова, должна быть предоставлена не только информация об иных культурах и языках, но и изменение отношения учащихся к самому процессу ознакомления с другими народами в целом [3]. Среди возможных способов ознакомления с такой информацией могут послужить наглядные учебные материалы, например документальные

фильмы и видео. Дальнейшее рассмотрение и обсуждение этих материалов может быть результативным. Следует упомянуть дискуссию, которая занимает важное место в процессе диалогического общения, где происходит пересмотр, анализ и осознание получаемой информации, использования ее в учебном процессе, поскольку интеграция информации в новый контекст могут послужить эффективным способом усвоения и анализа фактов чужой действительности. Умение вести диалог рассматривается с одной стороны как объективное восприятие окружающих нас условий и ситуаций, с другой как большое разнообразие людей, национальностей, культур. Не менее важным является тот факт, что мыслящие люди по всему миру, вне зависимости от религиозной или культурной принадлежности, или языка, на котором они разговаривают, проявляют уважение друг к другу и берут в учет культурное наследие других народов и наций. Именно поэтому обсуждение данных вопросов и материалов дают возможность учащимся более углубленно изучить поставленные вопросы, пропустить информацию через себя и высказать свое мнение. В процессе данной работы в сознании учащегося формируется новое личностное качество, позволяющее достичь цели, а именно — готовность к сотрудничеству.

Обращаясь к следующему этапу, задачей которого является формирование социокультурной компетенции изучающего языка, можно обозначить его как активный сбор и обработку учебных материалов, которые содержатся в процессе обучения. Если рассматривать его как постоянно изменяющийся, особое внимание уделяется взаимосвязи деятельности преподавателя и обучающихся. В данном контексте речь идет не только о полученных на занятиях знаниях, но и о том, что происходит в сознании учащегося, его мысли, чувства и переживания, которые возникают при знакомстве с ранее неизвестными языками и культурами. В ходе подобной работы воспитывается языковая личность учащегося, расширение кругозора, восприятие нового приобретает индивидуальный окрас, добавляются личные суждения и его оценка, студенты начинают ссылаться на уже приобретенный ранее опыт и знания, что, в свою очередь способствуют возникновению новой системы мировосприятия, схожей с системой носителей изучаемого языка культуры.

Следующий этап заключается в возможности реализации образовательного процесса при помощи сотрудничества, что подразумевает наличие коммуникативной деятельности между всеми участниками процесса, как учащимися, так и преподавателем.

В процессе обучения иностранному языку часто возникает ряд сложностей, которые учащиеся не могут решить самостоятельно, именно поэтому важно акцентировать внимание на роль учителя и его участие в процессе обучения. Преподаватель должен выступать в роли наставника, «навигатора», который должен помочь студентам правильно усвоить полученный материал, выстроить свои мысли в нужном порядке, найти выход из проблемных ситуаций связанных с общением, найти способы реализации общения на занятиях, а так же создать благоприятные условия для непринужденного общения на изучаемом языке. Работа в группах или парах создает благоприятные условия для реализации близкой к реальной ситуации речевого общения на занятиях. Среди эффективных форм группового изучения языка стоит выделить игровую технологию. Игра развивает способности студентов творчески мыслить, помогает заложить и воспитать культуру общения, а также помогает организовать спонтанное общение на уроке, что может сделать процесс обучения более естественным. Рассматривая игру как культурный феномен, В. Ф. Устиненко считает, что, беря на себя нереальную, воображаемую роль, человек в процессе игры познает мир и имеет возможность самоутвердиться, ставя себя в условные ситуации [4]. Помимо игровых методов обучения в группе, стоит отметить и проектный метод, предполагающий самостоятельную познавательную деятельность студентов по поставленной теме или вопросу; самым важным аспектом которого является тот факт, что учащийся сосредотачивает свое внимание на исследуемой проблеме, язык в данном случае является средством достижения цели. Изначальная идея этого метода заключается в вовлечении студентов в деятельность, возможность самим выбирать желаемый материал для изучения, и в ходе своей деятельности создавать конечный продукт.

Одним из наиболее значимых этапов приобретения социокультурной компетенции является этап понимания, сравнения и дальнейшей корректировки полученного опыта и информации, поскольку именно на данном этапе происходит рост и развитие личности учащихся, возможность раскрыть свой потенциал и продемонстрировать желание и интерес к приобретению новых опытов, знаний и впечатлений, желанию освоить иностранную культуру и язык.

Завершающий этап работы может заключаться в конечном формировании и понимании учащимися понятия «социокультурная компетентность», её составляющих, а также случаев и ситуаций, в которых она может проявляться. Перед студентами ставится вопрос сравнения и осмысления вопроса предрассудков, а также возможные способы преодолеть нетерпимость между культурами и предрассудками, повсеместно встречающиеся в мире.

В заключении стоит сказать, что формирование социокультурной компетенции представляет собой сложный, но важный процесс. Изучение иностранных языков подразумевает не только изучение теоретических данных, но и приобретение опыта межкультурного общения. Необходимо создавать благоприятные условия для учащихся, поскольку от полученных впечатлений и опыта будет зависеть их дальнейшая мотивация углубляться в изучение вопросов, связанных с другими языками, культурами, странами и народами. Нужно сделать процесс обучения языкам результативным, поскольку во время занятий все принимающие участие влияют друг на друга, влияя на полученный опыт, а также скорость ознакомления, усвоения и применения на практике новых знаний. Таким образом, образование должно инициировать и поддерживать возможности применения различных методик и практик, нацеленных на развитие в учащихся понятий толерантности, понимания и культурной осведомленности.

Список литературы

1. Воробьев Г.А. Развитие социокультурной компетенции будущих учителей иностранного языка (поиск эффективных путей) // Иностранные языки в школе. 2003. № 2.
2. Степанов П.В. Воспитание в духе толерантности / П. В. Степанов // Классный руководитель. — 2002. — № 2.
3. Степанов П.В. Толерантный человек : как его воспитать? / П. В. Степанов // Нар. образование. — 2001. — № 6.
4. Устиненко В.Ф. Место и роль игрового феномена в культуре. // Философские науки. 1980, № 2.
5. Milrud R.P. (2004). Competency in language learning. Foreign Languages in School, 7, 31-35.

10.02.19

¹Р.И. Хазиев канд. филол. наук, ²А.М. Тарасов канд. филол. наук¹Набережночелнинский государственный педагогический университет,
кафедра русской и татарской филологии,²Набережночелнинский государственный педагогический университет,
Институт дополнительного профессионального образования,
кафедра русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации,
Набережные Челны, haziev.rinal@mail.ru, alex_16-16@mail.ru**УРБОНИМИЯ СЕЛА МУСЛЮМОВО РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

В данной статье даётся лексико-семантический анализ урбонимии с. Муслюмово Республики Татарстан. Представлены тематические группы местных урбонимов. Показывается важность изучения урбонимического материала в патриотическом воспитании подрастающего поколения.

Ключевые слова: *урбонимия, урбонимы, с. Муслюмово, лексико-семантический анализ, патриотическое воспитание подрастающего поколения.*

Урбонимика – раздел ономастики; изучает название составных частей населенных пунктов (названия улиц, проспектов, проездов, площадей, парков и др.). Научное исследование данной области очень актуально, потому что урбонимический материал дает богатейшую историко-языковую информацию о прошлом городов, сёл и живущем там населении.

Цель нашей статьи – системное изучение урбонимии с. Муслюмово Республики Татарстан. На основе этой цели, были назначены решение следующих задач:

- 1) обзор основания с. Муслюмово;
- 2) лексико-семантическая классификация названий улиц;
- 3) раскрытие важности изучения урбонимического материала.

Муслюмово – центр Муслюмовского муниципального района. Муслюмовский район образован в 1930 году, расположен в восточной части Республики Татарстан. Находится на реке Ик. Общая площадь района составляет 1464,30 кв. км. В районе насчитывается 71 населенный пункт. В районе осуществляют деятельность 19 сельских поселений, в шести из которых функционируют Исполнительные комитеты. Численность населения на начало года – 20421 человек. В районном центре Муслюмово – 7663 человек [3].

Когда же основано с. Муслюмово? По некоторым данным, населенный пункт основан в 1-й половине XVIII в [2, с.374]. По риваятам (легендам), в это время со стороны Казани на бассейн реки Ик пришли семь человек: Муслим, Муэмин, Авзал, Ахмет, Сайт, Булат и Якуп [1, с.15]. Они в этих краях обосновали деревни: Муслим – с. Муслюмово, Сайт – д. Старое Саитово. И вправду, основателем села местные жители считают старика по имени Муслим (тат. Мөслим). Они говорят: «Безнең авылга Мөслим бабай нигез салган, беренче казыкны да ул каккан» («Наше село основал дед Муслим и первый столб он посадил»).

На татарском языке основную часть лексики занимают слова собственнотатарские или общетюркского происхождения. На основе разнохарактерных отношений в татарский язык проникают заимствования из других языков. Например, арабо-персидские, русские, финно-угорские и другие заимствования.

В X в., в результате установления торговых отношений между арабскими странами и принятия ислама в 922 году, Поволжские булгары приняли арабскую графику. Поэтому и в современном татарском языке в разных областях используются многочисленные арабо-персидские слова.

Антропоним Муслим (~ Мөслим) взят от арабского языка и означает «мусульманин». У татар так же используется женский вид антропонима – Муслима (~ Мөслимә) – «мусульманка».

В самом Муслимово расположено 59 улиц. Многие улицы села носят имена известных людей. Например:

а) улицы, названные в честь известных земляков и личностей, которые оставили яркий след в истории района или внесли большой вклад в развитие с. Муслимово: ул. *Авзалова*, ул. *Рашитова*, ул. *Хабибуллина*, ул. *Валиева*, ул. *Кашапова*, ул. *Фатхуллина*, ул. *Хаертдинова*, ул. *Искандерова*, ул. *Хафизова*;

б) есть улицы, названные именами русских и татарских писателей: ул. *А. Пушкина*, ул. *Г. Тукая*, ул. *М. Гафури*, ул. *Зульфата*, ул. *Фоата Садриева*; артистов: ул. *З.Басыйрова*; композиторов: ул. *С.Сайдашева*;

в) несколько улиц носят имена Героев Советского Союза: ул. *Г. Вазетдинова* (уроженец д. Исансупова), ул. *П. Днепра* (уроженец д. Островка); ул. *И. Маннанова* (уроженец д. Буляк); имя Кавалера орденов Славы: ул. *Б. Салихова* (уроженец д. Дусай);

г) одна улица названа в честь известного революционера: ул. *Вахитова*.

Урбонимы, отражающие жизнедеятельность села-района: ул. *Банковская*, ул. *Игенче* (рус. «хлебобоб»), ул. *Кооперативная*, ул. *Строительная*, ул. *Урожайная* и др.

Одна улица носит название республики: ул. *Татарстан*.

Среди названий улиц особое место занимают советизмы. Например: ул. *Комсомольская*, ул. *Красноармейская*, ул. *Первомайская*, ул. *Пятилетки*, ул. *Семилетки*, ул. *Дуслык* (тат. «дус» – рус. «друг» + -лык – окончание, образующее имя существительное = Дуслык (рус. «дружба»), ул. *Октябрьская*, ул. *Колхозная*, ул. *Молодежная*; ул. *Тынычлык* (тат. «тыныч» – рус. «спокойный» + -лык – окончание = Тынычлык (рус. «мир»).

В некоторых урбонимах отражаются географические особенности расположения населенного пункта:

а) названия, отражающие рельеф-ландшафт или характер местности: ул. *Таулы* (тат. «тау» – рус. «гора» + -лы – окончание, образующее прилагательное = Таулы (рус. «гористая»); ул. *Полевая*, ул. *Садовая*, ул. *Якты* (рус. «светлый»);

б) названия, связанные с гидронимическими терминами: ул. *Чишма* (рус. «родник»);

в) урбонимы, связанные с растительным миром: ул. *Алмалы* (тат. «алма» – рус. «яблоко» + -лы – окончание = Алмалы (рус. «Яболонистая»); ул. *Каенлы* (тат. «каен» – рус. «береза» + -лы – окончание = Каенлы (рус. «березовая»); ул. *Лесная*, ул. *Миляшле* (тат. «миләш» – рус. «рябина» + -ле – окончание = Миләшле (рус. «рябиновая»); ул. *Наратлы* (тат. «нарат» – рус. «сосна» + -лы – окончание = Наратлы (рус. «сосновая»). Как мы видим, они в основном образованы с помощью окончания, образующего прилагательное;

г) в некоторых названиях отражается животный мир региона: ул. *Тургай* (рус. «жаворонок»).

Один урбоним отражает время основания объекта: ул. *Новая*.

Интересный пласт представляют урбонимы, отражающие душевное состояние людей, некоторые человеческие качества: ул. *Шатлык* (тат. «шат» – рус. «радостный» + -лык – окончание, образующее имя существительное = Шатлык (рус. «радость»); ул. *Юмарт* (рус. «щедрый»).

Также своеобразными можно считать названия следующих объектов: ул. *Первая*, ул. *Вторая*, ул. *Третья*.

На территории с. Муслимова находятся парки «Жиңу паркы» (рус. «Парк победы»), «Кояшлы Ык» (рус. парк «Солнечный Ик»), «Курай паркы» (рус. парк «Курай»).

«Кояшлы Ык» паркы («Солнечный Ик») – парк, организованный для проведения праздника «Сабантуй» общей площадью 276 га на берегу реки Ик. Там размещен большой амфитеатр на 5000 мест и малый амфитеатр на 2500 мест. Также там есть большой ипподром, зоны торговли и развлечений. В июле 2021 года здесь прошёл Федеральный Сабантуй.

«Жинү паркы» («Парк победы») – парк, открытый в честь героев Великой Отечественной войны.

«Курай паркы» (парк «Курай»). Парк расположен около музыкальной школы. Здесь организован танцпол площадью 380 кв. м., а также амфитеатр на 54 посадочных места [3].

Исследования в данной области играют большую роль в патриотическом воспитании подрастающего поколения. Каждый человек должен знать историю родного края, историю своих предков. Как мы знаем, история и язык очень тесно между собой связаны. Системное изучение данного материала даёт возможность сделать точные выводы.

Список литературы

1. Әхмәтҗалиев Ә.Ә. Мөслим төбәге. Тарихи сәхифәләр. – Яр Чаллы: “Яр Чаллы типографиясе”, 2003. – 232 б.
2. Татарский энциклопедический словарь. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1999. – 703 с.
3. https://muslumovo.tatarstan.ru/municipal_rayon.htm (дата обращения: 24.11.2021)

10.02.19

О.Р. Хисамов канд. филол. наук

Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан,
Отдел лексикологии и диалектологии,
Казань, ohisamov75@mail.ru,

НАРОДНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ ВОСТОЧНОГО ДИАЛЕКТА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В ЗНАЧЕНИИ «КУСТ, КУСТАРНИК»

Статья продолжает исследование автора по татарским географическим терминам и топонимии Западной Сибири и посвящена изучению терминов, обозначающих кустарники в восточном диалекте татарского языка. Цель статьи — анализировать термины, детализирующие реалию «кустарник», «небольшой лесок» а также охарактеризовать их функционирование в топонимике. Актуальность темы определяется тем, что данная лексико-семантическая группа до сих пор недостаточно исследована. Научная новизна исследования заключается в том, что в научный оборот вводится большое количество географических терминов сибирских татар.

Ключевые слова: *географические термины, топоним, восточный диалект, татарский язык, кустарник, сибирские татары, Западная Сибирь.*

В говорах сибирских татар бытуют многочисленные географические термины выражающие кустарники, небольшие лесные участки и молодой лес. Многообразие и богатство терминов, обозначающих лесных участков, кустарников в говорах сибирских татар связано, как ландшафтом Западной Сибири, так и отличиями в говорах и диалектах сибирских татар.

В татарском литературном языке значение куст передается лексемой *куак*, или *кывак* в говорах среднего диалекта. Термин *куаклык*, обозначающий “кустарник или кустарники” образован при помощи аффикса *-лык*”, который используется для обозначения концентрации предметов и для образования новых слов. Лексема присутствует и во многих говорах среднего, западного и среднего диалектов татарского языка и во всех говорах имеет близкое значение. Например, в тобольском говоре термин используется в значении “небольшой или молодой лесок, мелколесье”, в тюменском говоре “колок или лесной островок посреди поля”, и “мелколесье в болотистой местности”, в томском диалекте обозначает “роща, мелколесье”. В тобольском говоре в значении “кустарник” используется фонетический вариант *кубаклык*, который также образован с аффиксом *-лык*. Д.Г. Тумашева зафиксировала и другие значения термина *кубак*, он в тюменском и заболотных говорах используется в значении “грязь, грязный; топт, топкий”, а в обско-чатском говоре “высокое место среди болот” [4, с.132]. Мы склоняемся к мысли, что это скорее всего явление омонимии. В диалектах сибирских татар для обозначения кустов и кустарников используются множество народных географических терминов, мы считаем, что апеллятив *куак*, скорее всего пришел в Сибирь вместе с казанскими татарами, и в тобольском говоре перетерпел некоторую фонетическую трансформацию. А значение «грязь, грязный; топь, топкий» был изначально сибирскотатарским.

Термин *куак* является общекипчакским элементом: *кыуак* (башк.), *куак*, *кувак* «куст; орешник» (ног., каз., чигт., болг.) и т.д. [1, с.458]. Термин есть и в марийском, удмуртском языках. Наибольшая концентрация топонимов с апеллятивом *куак* нами зафиксировано в Тюменской области: *Шайтанлы куак* (небольшой (молодой) лесок), *Йомро куак* (небольшой (молодой) лесок), *Беренче куак* (небольшой (молодой) лесок), *Икенче куак* (небольшой (молодой) лесок), *Өч^менч^ме куак* (небольшой (молодой) лесок), (д. Турбинская Тобольского

р-на); *Әтцәл куақ* (колок), *Урыс куақ* (колок), *Айқочақ куақ* (колок), *Йомро куақ* (колок) (с. Чечкино Ярковского р-на); *Төлкә куақ* (кустарник) (д. Шатанова Ярковского р-на), *Кийек куақ* (колок) (д. Сакандыкова Ярковского р-на), *Зәйнәп куақ*, *Хәйруш куақ* (кустарниковые заросли) (д. Новоатъялова Ялуторовского р-на), *Зарин куақ*, *Орыш куақ* (д. Аслана Ялуторовского р-на).

На примерах видно, что аналогичное с литературным значение термина обнаружено только на территории д. Шатанова Ярковского района. На территории Западной Сибири наблюдается трансформация значения апеллятива *куақ* с литературного татарского значения “куст, кустарник” в 1) “небольшой (молодой) лес”, который в среднем диалекте обозначается с термином *әрамә*, 2) “колок”, который в татарском литературном языке не имеет отдельного термина. Значение «куст, заросли кустарника» используется реже.

Для обозначения кустов и кустарников используются и другие местные термины. Во время экспедиционных выездов нами в значении “рощи и молодого леса” зафиксирован видовой термин *қауғал*, *қауғалы* (тарский говор тоболо-иртышского диалекта). В тевризском говоре используется апеллятив *қуғы* с значением “мелколесья в болотистой местности” Фонетический вариант *қуғу* в значении “сосновый бор” встречается в соседних тарском говоре и барабинском диалекте. С апеллятивом образован топоним *Қуғытау күле* (озеро) (д. Кипо-Кулары Тевризского р-на Омской обл.). Расшифровка топонима дает информацию о природных условиях местонахождения объекта «озеро в болотистой местности посередине мелколесья рядом с горой».

Следующий термин *қырч^мын/қырцын* в обозначении “мелкий кустарник растущий на возвышенности” зафиксирован Г.Ф. Саттаровым в тюменском, тарском говорах и в барабинском диалекте [2, с.231]. В значении “кустарник” реже встречается народный термин *қырч^мын тал*. С этим термином образованы следующие термины: *Ком қырч^мын урман* (лес) (д. Турбинская Тобольского р-на Тюменской обл.), *Қырч^мын қарагай* (ельник.) (д. Турбинская Тобольского р-на Тюменской обл.), *Кәримүлла қырч^мыны* (ивник) (д. Тебисс Чановского р-на Новосибирской обл.).

В этом же значении в тобольском говоре используется термин *сап*. В тобольском, тевризском, тарском, заболотных говорах термин *шар* используется в значении кустарник, или ивняк [4, с.249]. В тевризском говоре у термина зафиксировано значение «небольшой лесок». В разных регионах Западной Сибири нами зафиксированы следующие топонимы образованный с апеллятивом *шар*: поляна *Айнишар қавыл* (д. Малые Кулары (Қышлау) Тевризского р-на Омской обл.), небольшой лесок, кустарник *Әгис шар* (д. Малые Кулары (Қышлау) Тевризского р-на Омской обл.), небольшие кустарники на болоте *Зур шар* (д. Кускуны Тевризского р-на Омской обл.), *Кеч^мкенә шар* (д. Кускуны Тевризского р-на Омской обл.), небольшой лесок, лок, кустарник *Көрләк шар* (д. Эбаргуль Усть-Ишимского р-на Омской обл.), *Қайын шар* (д. Малые Кулары (Қышлау) Тевризского р-на Омской обл.), *Түгәрәк шар* (д. Утузы Тевризского р-на Омской обл.). Как видно, из приведенных примеров, основная локализация топонимов с элементом *шар* приходится на Усть-Ишимский и Тевризские районы Омской области.

У слова *шар* в татарском языке есть несколько значений. Р.Г.Ахметьянов считает, что слово тюркского происхождения и даже на русский язык попал именно из них [1, т.2, с.480].

Д.Г.Тумашевой зафиксирована лексема *цыбықлану* в значении «зарости лесом» [4, с.243]. Слово состоит из основы *цыбық*, который в фонетическом варианте *чыбық* используется во всех диалектах татарского языка в значении «хворостина, лоза, прутик, розга; проволока». Основное значение в татарском литературном языке – «гибкая молодая ветка дерева; молодая ива; тонкое молодое деревце» [3, с.661].

В говоре села Барабинка Томского района Томской области у апеллятива *цыбық* мы зафиксировали значение “мелкий кустарник”. В томском диалекте заросли кустарника обозначают народным географическим термином *цыбықлық/цыбықтық*, который образован с прибавлением к основе аффикса *-лық/-тық*.

При помощи этого аффикса образованы еще ряд географических терминов в значении рощи состоящего из конкретных деревьев. Например, *қайын* <*қайынлық*.

В с. Ембаево Тюменского р-на Тюменской области нами зафиксирован топоним *Цыбық урман*. Это название леса рядом с населенным пунктом. Топоним состоит из двух географических терминов обозначающих лес. Но в данном случаи апеллатив *цыбық* употреблен в значении «ива» и в результате соединения этих двух элементов появилось значение «ивовая роща или ивовый лес». Имеются и другие топонимы с термином *цыбық*: *Қызыл цыбық* (остров в Ялutorовском р-не Тюменской обл.), *Цыбық күпер* (мост на территории д. Б.Акияр Тюменского р-на Тюменской обл.).

Стоит отметить еще две лексемы, которые использовалась для обозначения кустов и кустарников. Так в тарском говоре тоболо-иртышского диалекта употребляется термин *шыбақ* в значении «кустарник» [4, с.252]. Термин только фонетический отличается от принятого в татарском литературном языке варианта *чыбык*. и является вариантом все того же *цыбық/цыбақ, чыбық*. В томском диалекте для обозначения «куста» встречается термин *қотар* (фиксация наша). В других диалектах татарского языка термин не зафиксирован, и этимология его остается затемненной.

Исследование терминов, обозначающих кустарников и небольших лесных участков показывает, что в обозначении преобладают диалектальные географические термины. Система терминов характеризуется разветвленной синонимией, также имеют фонетические варианты. Параллельно используются несколько терминов, значения которых могут иметь небольшие отличия.

Результаты проведенного исследования способствуют дальнейшему изучению и описанию топонимов и географических терминов разных коммуникативных систем как единую систему.

Список литературы

1. *Ахметьянов Р.Г.* Этимологический словарь татарского языка. Казань: Магариф-Вақыт, 2015. Том I, 543 с. Том II, 567 с.
2. *Саттаров Г.Ф.* Татар топонимиясе. Казан, 1998: Казан ун-ты нәшр., 1998. 437 б
3. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: Матбугат йорты” нәшрияты, 2005, 848 б.
4. *Тумашева Д.Г.* Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992. - 294 с.

*10.02.19***М.А. Шарданова, Э.Р. Хутова, Л.Х. Дзасежева**

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
Социально-Гуманитарный Институт,
кафедра английского языка,
Нальчик, madisha777@yandex.ru

ФРЕЙМ «СВОЕ - ЧУЖОЕ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В работе представлены результаты анализа лексических и фразеологических единиц, репрезентирующих фрейм «свое - чужое» в английском и русском языках. Данный анализ способствует обнаружению новых аспектов, а также определению универсальных и специфических признаков рассматриваемого фрейма в трех языках.

Ключевые слова: *когниция, фрейм, субфрейм, оппозиция.*

Лингвистика, в стремлении к более полному пониманию некоторых фактов языка, уже давно вышла за рамки собственно лингвистических исследований и стала заниматься процессами и механизмами, посредством которых языковой материал организуется в человеческом мозгу и в нужный момент воспроизводится в речи.

Когниция охватывает не только научное, теоретическое познание, но и наивное, обыденное (не всегда осознанное) осмысление мира в повседневной жизни человека, приобретение опыта в ежедневном взаимодействии человека с окружающим миром. Когниция – это процесс, связанный с получением информации, знаний, их преобразованием, запоминанием, извлечением из памяти и воспроизведением. Это процесс с одной стороны направленный, с другой стороны несознательный. Элементами когнитивного процесса являются восприятие мира, наблюдение, категоризация, мышление, речь, воображение и многие другие психические процессы или их совокупность.

М. Минский, создатель «теории фреймов», объяснил скорость человеческого восприятия и мышления, а также фактическое отсутствие наблюдаемых психических явлений, сопровождающих эти процессы. Он указывал на то, что с каждым фреймом связаны различные типы информации. Так, информация может быть связана с использованием самого фрейма, может включать предупреждение о том, что может произойти дальше, может инструктировать относительно того, что следует делать, если эти ожидания не подтвердятся [3, с.289]. Фреймы также содержат субфреймы, то есть специальную информацию для восстановления образа по умолчанию [3, с.290].

По мнению Масленниковой Е.М. «В основе когнитивной модели памяти человека или фреймовой модели представлений знаний, опирающейся на теорию фреймов М. Минского, лежит положение о восприятии действительности через сопоставление имеющихся в памяти фреймов памяти и информации, получаемой из мира действительности» [2, с.56].

Труфанова И.В. указывает: «Фрейм (сценарий, схема, модель) – это фрагмент знания о мире, организуемый, каждый из которых связан с конкретным концептуальным объектом вокруг некоего понятия или типовой для данного социума ситуации и содержащий связанную с ним основную типическую или потенциальную информацию, включающую сведения об обычном порядке протекания ситуации. Такие ментальные схемы обеспечивают ориентировку в ситуации и событии, в которых мы сами участвуем, которые наблюдаем, или о которых читаем (слышим). Каждый «кусочек действительности» - в той мере в какой мы его понимаем – функционирует как знак, означающее которого – это само явление, данное нам в непосредственном восприятии или как ближайшее содержание фрагмента текста, а означаемое – типовой фрагмент ментальной схемы» [4, с.59].

Таким образом, фрейм, является одной из главных форм представления знаний, изучение роли которых в организации знаний человека способствует раскрытию механизмов человеческой когниции, особенно механизмов языковой категоризации и концептуализации понятий и явлений окружающей действительности.

Фреймы включают в себя самую существенную, типическую и потенциально возможную информацию, которая соотносится с тем или иным концептом, определяют и описывают самое характерное для данного социума включая его этно- и социокультурные особенности.

Совершенно очевидно, что деление человеком мира на «свое» и «чужое» со времен глубокой древности было процессом первостепенной важности. Таковым оно и остается спустя тысячелетия. Естественно, этот процесс находит отражение в языке и речи любого этноса.

Особенную актуальность, в этой связи, приобретает когнитивное исследование оппозиции «свое - чужое», которая в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения.

В английском языке эта оппозиция выражается двумя парами словосочетаний:

1. «(one's) own – (of) others», что в переводе, в общем виде, означает «свой собственный – собственность остальных, других».

2. «(her)himself - others», что в переводе означает «себя – других, остальных».

Как видно из материала исследования, в английском языке лексема «чужое» как таковая отсутствует. Но есть определенные языковые единицы со сходной семантикой. Например:

- *stranger, foreigner; outsider* - чужой (человек);
- *someone else's belongings, what belongs to others* - чужое и.т.д.

В русском языке фрейм «свое – чужое» репрезентируется основными одноименными лексическими единицами, реализующими значение фрейм, т.е. «свое» и «чужое». Однако, семантика лексемы «чужой» значительно уже и имеет противоположные значения лишь к некоторым значениям лексемы «свой».

Таким образом, в языковом материале, репрезентирующем фрейм «свое - чужое», отражается широкий спектр отношений, таких как пространственные и временные отношения, отношения собственности, родственности, дружественности и т.д.

В ходе исследования внутри фрейма «свое - чужое» были выделены следующие универсальные для обоих языков субфреймы: 1. субфрейм «свой – чужой человек», 2. «своя – чужая болезнь, горе», 3. «свой – чужой ум, душа», 4. «свое – чужое имущество, благо», 5. «свое – чужое пространство».

В указанных субфреймах реализуется следующая семантика:

1. свое, и в особенности свой ребенок, независимо от объективных характеристик, всегда лучше, ближе, ценится выше, а чужое – хуже, например: *The devil is good / kind to his own* - К своим и черт хорошо относится (букв.: Черт к своим добр); *The black crow thinks her own birds white* - букв.: Черная ворона считает своих птенцов белыми; *Свой (домашний) хлеб слаще чужих пирогов; Дитя хоть криво, а отцу-матери диво.*

Но, несмотря на это, самым важным для человека, согласно как английским так и русским пословицам, является он сам, ср.: *Mind other people, but most yourself* - букв.: Беспочуйся о других людях, но больше всего о себе; *Each bird loves to hear himself sing* - букв.: Каждая птица любит слушать свое собственное пение; *Всяк сам себе дорожке; Люблю тебя, да не как себя; Все люди свои, да всяк любит себя; Рад другу, да не как себе.*

2. чужие проблемы и беды кажутся незначительными, по сравнению со своими, например: *We never lack self-pity* - букв.: Мы никогда не нуждаемся в жалости к себе; *Every horse thinks its own pack heaviest* - букв.: Каждая лошадь считает свою ношу тяжелее; *Всякому своя слеза едка (солоня); Своя ноша всегда тяжелее.*

3. родной дом, всегда, лучше, чем чужой, а родная сторона лучше чужбины, например: *Every bird thinks his own nest the best* - букв.: Каждая птица считает свое гнездо лучшим; *Свой уголок хоть боком пролезть — всё лучше; East or West – home is best* - букв.: Восток или

Запад, а дома лучше; Dry bread at home is better than roast meat abroad - букв.: Сухой хлеб дома, лучше жаренного мяса за границей; *Свой (домашний) хлеб слаще чужих пирогов; За морем теплее, у нас веселее.*

4. в своем доме каждый – храбр и непобедим, он чувствует себя в безопасности, например: *Every dog is a lion at home* - букв.: Каждая собака дома – лев; *Every dog is a valiant at home* - букв.: Каждая собака дома храбра; *В своем гнезде и ворона коршуну глаза выключает. В своей семье всяк сам большой, Хозяин в дому, что медведь в бору.*

5. нежелательно покидать Родину, поскольку чужбина враждебна, непредсказуема и таит в себе опасности, например: *Чужбина не по шерсти гладит, Чужая сторона прибавит ума, Родимая сторона - мать, чужая - мачеха.*

Таким образом, говорящий, по меньшей мере, выказывает полное равнодушие к «чужому», а иногда и неприязнь. Следует отметить, что в русском языке отражено довольно резкое отношение его носителей ко всему чужому, чего не было обнаружено на материале английского языка. Например: *Чужим обедом гостей потчевать не убыточно, Коли конь, да не мой - так волк его ешь!, Режь, волк, чужую кобылу, да моей овцы не тронь!*

Итак, в центре бинарной оппозиции «свой - чужой» непременно находится человек. Он делит все окружающее его пространство, людей и предметы в нем, с позиции принадлежности себе, близости, значимости для себя, либо удаленности от «своего мира» - «чуждости». Противопоставление «свой» - «чужой» является универсальным и широко представлено в русских, и английских поговорках. Однако как в русском, так и в английском языках проявление оппозиции «свой» - «чужой» имеет ряд особенностей, выявление которых требует дальнейшего более глубокого исследования.

Список литературы

1. *Кубрякова Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // *Вопросы языкознания.* – 1994. – № 4. – С. 34-47.
2. *Масленникова Е.М.* Функциональные особенности стратегий семантического «управления» фреймом // *Прагматические аспекты грамматики и лексической семантики. Виноградовские чтения. Тезисы и доклады научной конференции (2 февраля 2000г.).* - М., 2000. – С. 50-54.
3. *Минский М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательного// *Новое в зарубежной лингвистике.* - М.: Прогресс, 1988. — Вып. 23. – С. 281-309.
4. *Труфанова И.В.* О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // *Филологические науки* -2001. - №3. – С. 56-65.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

О.Н. Горячева
ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР ПОЭТЕСС
А. Л. И Н. Л. МАГНИЦКИХ

Ключевые слова: поэзия, рефлексия,
секуляризация, творчество, русская литература.

Статья посвящена изменениям в культурной жизни государства в конце XVIII в. Представленные в работе данные отчасти помогают реконструировать личную и литературную жизнь малоизвестных поэтесс А. Л. и Н. Л. Магницких. Сосуществование разных поэтических школ, литературных направлений, систем стихосложения обнаруживаются и в поэтических опытах сестер Магницких.

С.А. Ларин
«ЛЕШИЙ» П.А. КАТЕНИНА:
БАЛЛАДА О «БЕЗУМНОЙ» МАТЕРИ

Ключевые слова: П.А. Катенин; баллада;
мать и сын; мотив безумия; суицидальное поведение.

В статье рассматривается фигура матери, до сих пор почти не привлекавшая внимание исследователей, в одном из самых известных произведений русского романтизма 1810-х годов – балладе П.А. Катенина «Леший». Финал баллады, в котором героиня будет названа безумной, а также целый ряд присутствующих в тексте мотивов свидетельствуют о стремлении П.А. Катенина сделать соучастницей произошедшей драмы мать главного героя, не сумевшую обуздать неконтролируемые, разрушительные желания своего сына.

Хэ Тинтин
ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ЛИРИКЕ В. ЯНКОВСКОЙ

Ключевые слова: единства неба и человека,
образ Будды, мир богатой восточной природы, харбинская
весна, уголок города Шанхая.

В статье рассматривается творчество В. Янковской, одного из представителей младшего поколения русских эмигрантов в Китае XX века. Делается вывод, что гармоничное единение с природой является особенностью лирики Янковской. Восточное ощущается и переживается как дикое, вольное, энергичное, кочевое. В поэтическом мире Янковской человек является частью природы. Не случайно появляется образ Будды, особенно в стихотворениях, где лирическая героиня размышляет о своем предназначении и духовном пути. Мир богатой восточной природы сформировал мировоззрение поэты и поэтику ее лирики.

М.Х. Чотчаева, Р.Я. Бадахова
РАЗВИТИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ПРОЗЫ О ДЕПОРТАЦИИ В КАРАЧАЕВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: депортация,
документ, факт, художественность,
архив, публицистичность, исповедальность.

Статья посвящена изучению документально-художественной прозы о депортации в карачаевской литературе. Предлагается рассматривать прозу о депортации в динамике: от строго документальных произведений, основанных на фактах до документально-художественных произведений, где факт, документ растворен в художественной ткани произведения. При этом надо отметить, что это – процесс, порождающий все новые и новые литературные формы и имеющий огромное этическое и эстетическое значение в формировании нравственной атмосферы в обществе.

O.N. Goryacheva
THE POETIC WORLD OF POETESSES
A. L. AND N. L. MAGNITSKIKH

Keywords: poetry, reflection, secularization,
creativity, Russian literature.

The article is devoted to the changes in the cultural life of the state at the end of the 18th century. The data presented in the paper partly help to reconstruct the personal and literary life of the little-known poetesses A. L. and N. L. Magnitsky. The coexistence of different poetic schools, literary trends, systems of versification are also found in the poetic experiments of the Magnitsky sisters.

S.A. Larin
«LESHIY» BY P. A. KATENIN: THE BALLAD
OF THE «MAD» MOTHER

Keywords: P.A. Katenin; ballad; mother and son;
madness motive; suicidal behavior.

The article deals with the figure of the mother, which has so far hardly attracted the attention of researchers, in one of the most famous works of Russian Romanticism of the 1810s – in Katenin's ballad «Leshiy». The finale of the ballad, in which the heroine is called mad, as well as the motifs in the text indicate Katenin's desire to make the mother of the protagonist, who was unable to curb the uncontrollable and destructive desires of her son, an accomplice to the drama.

He Tingting
PERSON AND NATURE IN THE LYRICS
OF V. JANKOVSKY

Keywords: the unity of heaven and person, the image of Buddha,
the world of rich oriental nature, the spring of Harbin, a corner
of the city of Shanghai.

The article deals with the work of V. Yankovskaya, one of the representatives of the younger generation of Russian emigrants in China in the 20th century. In the course of the analysis of her lyrics, one comes to the conclusion that harmonious unity with nature is a feature of Yankovskaya's lyrics. The Eastern is felt and experienced as wild, free, energetic and nomadic. In the poetic world of Yankovskaya's, person is part of nature. It is no coincidence that the image of Buddha appears, especially in the poems where the lyrical heroine contemplates her destiny and spiritual path. In general, the world of rich oriental nature shaped the worldview of the poetess and the poetics of her lyrics.

M.H. Chotchaeva, R.Ya. Badakhova
DEVELOPMENT OF DOCUMENTARY FICTION ABOUT
DEPORTATION IN KARACHAY LITERATURE

Keywords: deportation, document, fact, artistry,
an archive, journalistic, confession.

The article deals with the study of documentary fiction about deportation in Karachay literature. It is proposed to consider the prose about deportation in dynamics: from documentary works based on facts to documentary works of art, where the fact, the document is dissolved in the artistic fabric of the work. At the same time, it should be noted that this is a process that generates more and more new literary forms and has great ethical and aesthetic significance in the formation of a moral atmosphere in society.

А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, В.Д. Чистонов,
О.Р. Мухамадеева, А.В. Зайнуллин, Д.Г. Даутбаев,
В.Ю. Филиппов, А.А. Муратшина, И.Х. Мирзоалиев
ПРОПАГАНДИСТКАЯ, ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ И
ФИЗКУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВЫХ ЧЛЕНОВ
СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР ИЗ БАШКОРТОСТАНА В
ЭВАКУАЦИОННЫХ ГОСПИТАЛЯХ

Ключевые слова: журналист,

Великая Отечественная война, эвакуационные госпитали.

В 2022 году исполняется 65 лет Союзу журналистов Республики Башкортостан, который был организован 2 октября 1957 года. В числе первых членов Союза журналистов СССР было много фронтовиков. В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. журналисты Тимерзян Хасанзянович Алюков, Фаткулла Абдуллоевич Комиссаров (газета «Кызыл Тан»), Газизьян Закирович Галин, Евгений Степанович Киселев (оба — газета «Советский Башкортостан») проходили лечение в эвакуационных госпиталях. В 1957 году все они станут одними из первых членами Союза журналистов СССР. Журналисты Т.Х. Алюков и Г.З. Галин после проведенного лечения продолжили службу в эвакуационных госпиталях. За большую пропагандистскую, оздоровительную и физкультурную работу среди раненых и больных они были награждены правительственными наградами.

А.У. Киньябулатов, Н.Х. Шарафутдинова, С.Г. Аксенов,
В.Д. Чистонов, Д.Г. Даутбаев, А.В. Зайнуллин,
В.Р. Хуснуллин, А.А. Муратшина, Б.Ф. Сангинов
65 ЛЕТ НА СТРАЖЕ ЗДОРОВЬЯ И РАЗВИТИЯ СПОРТА —
ЮБИЛЕЙ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН (1957—2022 ГГ.)

Ключевые слова: журналист, Союз журналистов, университет.
В октябре 2022 года исполняется 65 лет самому многочисленному творческому объединению Республики Башкортостан — Союзу журналистов Республики Башкортостан, который насчитывает свыше 1600 членов. Журналисты объединены в 81 местную организацию, в республике работают семь межрайонных творческих объединений (МТО).

Среди членов первичной организации Башкирского государственного медицинского университета работают представители медицинского, авиационного и аграрного университетов, что позволяет проводить расширенные общественные мероприятия по разделу медицины и спорта в области журналистики на протяжении последних 20 лет.

И.А. Мальцева
ОБ ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ФАКТОРАХ СПОРТИВНОЙ
МЕДИАКОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ
КОММЕНТИРОВАНИЯ ДМИТРИЯ ГУБЕРНИЕВА)

Ключевые слова: медиатекст, спортивная журналистика,
Дмитрий Губерниев, медиапродукт, манипуляция,
медиакоммуникация, спортивный медиадискурс.

В статье анализируются приемы, которые используют специалисты массовой коммуникации для работы с аудиторией. Отдельно автор останавливается на вопросе, стоит ли спортивному комментатору говорить о своих личных наблюдениях и пристрастиях по отношению к участникам его комментирования, или такой медиатекст может негативным образом сказаться на рейтинге самого комментатора.

И.К. Рамазанов, Г.А. Магомедов
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СМИ (НА ПРИМЕРЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ГАЗЕТ
РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

Ключевые слова: функции, политический процесс, СМИ,
политическая информация, общество, власть.

Статья посвящена анализу реализации политических функций газетами Республики Дагестан. В рамках исследования рассмотрены различные классификации политических функций. Объектом исследования стали общественно-политические государственные и негосударственные издания.

A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, V.D. Chistonov,
O.R. Mukhamadeeva, A.V. Zainullin, D.G. Dautbaev,
V.Yu. Filippov, A.A. Muratshina, I.Kh. Mirzoaliev
PROMOTIONAL, HEALTH AND PHYSICAL ACTIVITIES
OF THE FIRST MEMBERS OF THE UNION
OF JOURNALISTS OF THE USSR FROM
BASHKORTOSTAN IN EVACUATION HOSPITALS

Keywords: journalist, Great Patriotic War, evacuation hospitals.
In 2022, the Union of Journalists of the Republic of Bashkortostan, which was organized on October 2, 1957, will be 65 years old. There were many front-line soldiers among the first members of the Union of Journalists of the USSR. During the Great Patriotic War of 1941-1945, journalists Timerzyan Khasanzyanovich Alyukov, Fatkulla Abdulloevich Komissarov (newspaper "Kyzyl Tan"), Gazizyan Zakirovich Galin, Evgeny Stepanovich Kiselev (both - newspaper "Soviet Bashkortostan") were treated in evacuation hospitals. In 1957, all of them will become one of the first members of the Union of Journalists of the USSR. Journalists T.Kh. Alyukov and G.Z. Galin, after the treatment, continued to serve in evacuation hospitals. For their great propaganda, health and physical education work among the wounded and sick, they were awarded government awards.

A.U. Kinyabulatov, N.Kh. Sharafutdinova, S.G. Aksenov,
V.D. Chistonov, D.G. Dautbaev, A.V. Zainullin,
V.R. Khusnullin, A.A. Muratshina, B.F. Sanginov
65 YEARS ON GUARD OF HEALTH AND DEVELOPMENT
OF SPORT - ANNIVERSARY OF THE UNION OF
JOURNALISTS OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN
(1957-2022)

Keywords: journalist, Union of Journalists, university.

In October 2022, the largest creative association of the Republic of Bashkortostan, the Union of Journalists of the Republic of Bashkortostan, which has over 1,600 members, will celebrate its 65th anniversary. Journalists are united in 81 local organizations, seven inter-district creative associations (ITO) operate in the republic. Among the members of the primary organization of the Bashkir State Medical University are representatives of medical, aviation and agricultural universities, which allows for extended public events in the field of medicine and sports in the field of journalism over the past 20 years.

I.A. Maltseva
ABOUT THE DETERMINING FACTORS OF SPORTS
MEDIA COMMUNICATION (ON THE EXAMPLE
OF DMITRY GUBERNIEV'S COMMENTARY)

*Keywords: media text, sports journalism,
Dmitry Guberniev, media product, manipulation,
media communication, sports media discourse.*

The article analyzes the techniques used by mass communication specialists to work with the audience, the author separately dwells on the question of whether a sports commentator should talk about his personal observations and preferences in relation to the participants of his commentary, or such a media text can negatively affect the rating of the commentator himself.

I.K. Ramazanov, G.A. Magomedov
POLITICAL FUNCTIONS OF THE MEDIA (ON THE
EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF SOCIO-POLITICAL
NEWSPAPERS OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)

*Keywords: functions, political process, mass media,
political information, society, government.*

The article is devoted to the analysis of the implementation of political functions by newspapers of the Republic of Dagestan. Within the framework of the study, various classifications of political functions are considered. The object of the study was socio-political state and non-state publications.

Л.Н. Султанова

МУЗЫКА В «ОЧАРОВАННОМ СТРАННИКЕ»

Ключевые слова: повесть, композиция, музыкальный образ, лейтмотив.

В данной статье представлены результаты исследования роли музыки в композиции и содержании повести Н.С. Лескова «Очарованный странник». В частности, особое внимание уделяется раскрытию краткого содержания произведения, анализу музыкальных образов и общего лейтмотива «Очарованного странника».

L.N. Sultanova

MUSIC IN THE «ENCHANTED WANDERER»

Keywords: story, composition, musical image, leitmotif

This article presents the results of a study of the role of music in the composition and content of N.S. Leskov's story «The Enchanted Wanderer». In particular, special attention is paid to the disclosure of the brief content of the work, the analysis of musical images and the general leitmotif in «The Enchanted Wanderer».

Г.В. Байбуз

МЕТАФОРА В ТЕРМИНОЛОГИИ МЕДИЦИНЫ:
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: специальная лексика, терминообразование, медицинский термин, метафора.

Статья посвящена исследованию роли когнитивной метафоры в языке медицины. Перечислены основные способы терминообразования. Особое внимание уделяется классификации медицинских терминов-метафор.

G.V. Baybuz

METAPHOR IN MEDICAL TERMINOLOGY:
COGNITIVE ASPECT

Keywords: special literary vocabulary, term formation, medical term, metaphor.

The article is devoted to the study of the role of cognitive metaphor in the language of medicine. The main methods of term formation are listed. Particular attention is paid to the classification of medical terms-metaphors.

Вэнь Суя

ЯСНОСТЬ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ КАЧЕСТВО РЕЧИ В
ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Ключевые слова: ясность, коммуникативное качество речи, достоинство, культура речи.

В статье рассматривается история термина «ясность» как одного из достоинств и положительных свойств хорошей речи. Автор рассматривает характеристики «ясности» у различных ученых, начиная с античных авторов и продолжая выдающимися учеными XIX века. Внимание к термину «ясность» было особенно большим в учебниках риторики до середины XIX века, затем - наблюдался спад, но с середины XX века «ясность» как коммуникативное качество речи вновь оказалась в поле зрения ученых-лингвистов.

Wen Suya

CLARITY AS A COMMUNICATIVE QUALITY OF SPEECH
IN THE HISTORY OF ANCIENT AND DOMESTIC SCIENCE

Keywords: clarity, communicative quality of speech, dignity, culture of speech.

The article examines the history of the term "clarity" as one of the advantages and positive properties of good speech. Author examines the characteristics of "clarity" in various scientists, starting with ancient authors and continuing with outstanding scientists of the XIX century. Attention to the term "clarity" was especially great in textbooks of rhetoric until the middle of the XIX century, then there was a decline, but since the middle of the XX century, "clarity" as a communicative quality of speech has again come to the attention of linguists.

К.В. Еленская

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ
СОСТАВЛЯЮЩИХ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
«НАСИЛИЕ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: насилие, репрезентация насилия, эксплицитная и имплицитная семантика слова.

В статье осуществлен компонентный анализ ключевых составляющих семантического поля «насилие» с опорой на лексикографический анализ лексемы «насилие»; рассмотрены лексико-семантические группы «субъект», «объект», «форма насилия».

K.V. Elenskaia

COMPONENT ANALYSIS OF THE KEY COMPONENTS
OF THE SEMANTIC FIELD "VIOLENCE"
IN MODERN RUSSIAN

Keywords: violence, representation of violence, explicit and implicit semantics of the word.

The article provides a component analysis of the key components of the semantic field "violence" based on the lexicographic analysis of the lexeme "violence"; lexico-semantic groups "subject", "object" and "form" are considered.

И Хуэйхуэй

ОБУЧЕНИЕ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ: ЧТО ПРЕДЛАГАЕТ ИНТЕРНЕТ
И КАК ОРГАНИЗУЕТСЯ ОБУЧЕНИЕ

Ключевые слова: деловое общение, деловая речь, формы делового общения, деловые переговоры, курсовое обучение.

В статье рассматривается проблема курсового обучения деловому общению в ситуациях вхождения в сферу профессиональной деятельности, связанной с трудоустройством и продолжением дальнейшего профессионального образования. Автор анализируются имеющиеся курсы делового общения, предлагаются рекомендации к новым формам он-лайн-коммуникации.

Yi HuiHui

TEACHING BUSINESS SPEECH: WHAT THE INTERNET
OFFERS AND NEW FORMS OF INTERNET
COMMUNICATION

Keywords: business communication, business speech, forms of business communication, business negotiations, coursework.

The article deals with the problem of course training in business communication in situations of entering the field of professional activity related to employment and continuing further professional education. The author analyzes the available business communication courses, offers recommendations for new forms of online communication.

Е.Ф. Киров, С.М. Керимова

КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» В ОБЩЕСТВЕ С РУССКОЙ
МЕНТАЛЬНОСТЬЮ.

Ключевые слова: концепт, слово, ментальность, женщина, русская женщина.

В статье приводится определение термина «ментальность». Раскрываются различные точки зрения ученых. В статье обобщаются все точки зрения термина «концепт» и рассматривается его связь с ментальностью. Исследуется лексема «женщина» как понятие и концепт в современном российском обществе, а также отражение её социальной роли в ментальности.

E.F. Kirov, S.M. Kerimova

THE CONCEPT OF "WOMAN" IN A SOCIETY
WITH A RUSSIAN MENTALITY

Keywords: concept, word, mentality, woman, russian woman. The article provides a definition of the term "mentality". Various points of view of scientists are revealed. The article summarizes all points of view of the term "concept" and examines its connection with mentality. The lexeme "woman" is investigated as a notion and concept in modern Russian society, as well as the reflection of her social role in mentality.

А.С. Кулигин

ПОСТРОЕНИЕ И АНАЛИЗ
СЕМЕЙСТВ ОДНОКОРЕННЫХ ПРОИЗВОДНЫХ
(НА ОСНОВЕ ДАННЫХ РУССКОГО ВИКИСЛОВАРЯ)*Ключевые слова:* словообразовательное гнездо, компьютерная лексикография, русский язык, Русский Викисловарь.

В работе рассматриваются возможности построения и автоматизированной обработки семейств однокоренных производных слов на материале русского Викисловаря. Представлена процедура нахождения семейств с полностью или частично аналогичной структурой. Рассмотрены типовые фрагменты некоторых словообразовательных семейств.

A.S. Kuligin

WORD FAMILIES COMPILATION AND ANALYSIS
(BASED ON RUSSIAN WIKTIONARY DATA)*Keywords:* word families, computer lexicography, Russian Language, Russian Wiktionary.

The paper considers the possibilities of compilation and automated processing word families based on the Russian Wiktionary data. The procedure for finding families with a completely or partially similar structure is presented and discussed. Regular fragments of some Russian word-families are considered in the paper.

Д.Б. Луговой, Е.А. Луговая

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ VS. ЭКОЛИНГВИСТИКА: НОВАЯ
ПАРАДИГМА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ*Ключевые слова:* междисциплинарность, эколлингвистика, лингвоэкология, экологический дискурс, культура речи.

Объектом анализа данной статьи послужило новое направление гуманитарных исследований, сложившееся на стыке изучения экологии и лингвистики. Статья разграничивает актуальных терминов «эколлингвистика» и «лингвоэкология». Эколлингвистика выступает как «зонтичный» термин» (Курашкина, 2015) и интегрирует все сферы жизнедеятельности, характеризующие мировой экологический кризис (Bhattacharjee, 2021) и «альтернативный дискурс» (Furthermore, Stibbe, 2007). В отечественной лингвистике данные термины либо признаются синонимичными, либо рассматриваются как отдельные предметные области.

D.B. Lugovoy, E.A. Lugovaya

ECOLOGY VERSUS LINGUISTICS: NEW PARADIGM
OF MODERN HUMANITARIAN RESEARCH*Keywords:* interdisciplinarity; ecolinguistics; linguoecology; ecological discourse; a culture of speech.

The article's object is a new direction in humanitarian research, which has developed at the intersection of ecology and linguistics studying. The article is devoted to the differentiation of a very actual terms "ecolinguistics" and "linguoecology. The analysis of foreign linguists' opinions gives every reason to consider that the term "ecolinguistics" can be used as common one to name all research areas that combine ecology and linguistics. Ecolinguistics acts as an "umbrella" term and integrates all spheres of life that characterize the global ecological crisis and "alternative discourse". In Russian linguistics these terms are either recognized as synonymous or are considered as separate subject areas.

М.Ю. Масалова, С.В. Шелковникова

ОСОБЕННОСТИ ДЕОМОНИМИЗАЦИИ
РАЗНОУРОВНЕВЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ*Ключевые слова:* синтаксическая омонимия;

деономимизация; устранение неоднозначности; порядок слов. Статья посвящена проблеме устранения неоднозначности в синтаксических конструкциях разного уровня и представляет результаты сопоставительного анализа словосочетаний, простых и сложных предложений. Авторы доказывают, что для успешного устранения неоднозначности в синтаксисе необходимо понимание закономерностей построения синтаксических конструкций, а знание способов деомонимизации является необходимым для создания качественного текста.

M.Y. Masalova, S.V. Shelkovnikova

SPECIAL ASPECTS OF HOMONYMY ELIMINATION OF
SYNTACTIC UNITS OF DIFFERENT LEVELS*Keywords:* syntactic homonymy, homonymy elimination, avoidance of ambiguity, word order.

The paper discusses the problem of homonymy elimination in syntactic constructions of different levels and presents the results of comparative analysis of phrases, simple and complex sentences. The authors prove that in order to avoid ambiguity in syntax it is necessary to realize the conditions of building syntactic constructions; knowledge of ways to eliminate homonymy is needed for creating a proper text.

Н.Ю. Моспанова

СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМ КРАСОТА И КРАСА
В ПОЭЗИИ А.К. ТОЛСТОГО*Ключевые слова:* красота, краса, поэзия А.К. Толстого, лексема, семантика.

Цель данной статьи: выявить некоторые особенности поэтического идиостилия А.К. Толстого, опираясь на лексико-семантический анализ ключевых для его творчества лексем, репрезентирующих основные концепты его лирических стихотворений, и особенности авторских приращений смысла.

N.Yu. Mospanova

SEMANTICS OF LEXEMES BEAUTIFUL
AND BEAUTY IN A.K. TOLSTOY'S POETRY*Keywords:* beautiful, beauty, poetry of A.K. Tolstoy, lexeme, semantics

The purpose of this article is to identify some features of the poetic idiosyle of A.K. Tolstoy, based on the lexical and semantic analysis of the key lexemes for his work, representing the main concepts of his lyrical poems, and the features of the author's increments of meaning.

Чан Юйкай

МОСКОВСКАЯ БИБЛИЯ 1663 Г.:
ТЕНДЕНЦИИ И ПРИНЦИПЫ КНИЖНОЙ СПРАВЫ
НА ОРФОГРАФИЧЕСКОМ УРОВНЕ*Ключевые слова:* книжная справа, славянская библейская традиция, церковнославянский язык, орфографическая норма.

В статье представлены результаты исследования орфографических исправлений, осуществленных справщиками Московского Печатного двора при подготовке издания Московской («Первопечатной») Библии 1663 г. на основе текста Острожской Библии 1581 г. Установлено, что в результате исправлений императивного характера была изменена сфера функционирования тех графем (o – ω, e узкое – e широкое, u – y) и надстрочных знаков (оксия – камора),

Yukai Chang

MOSCOW BIBLE OF 1663: TRENDS AND PRINCIPLES OF
BOOK CORRECTION AT THE ORTHOGRAPHIC LEVEL*Keywords:* Book correction, Slavic biblical tradition, Church Slavonic language, orthographic norm.

The article presents the results of a study of orthographic corrections made by the scribes of the Moscow Printing Yard during the preparation of the publication of the Moscow ("First Printed") Bible of 1663 on the basis of the Ostrog Bible of 1581. It is established that as a result of imperative corrections, the sphere of functioning of those graphemes (o – ω, e narrow – e wide, u – y) and superscripts (oxia – camora), which served as means of implementing the antistich principle, was changed. It is proved that the programmatic language editing carried out by the

которые служили средствами реализации принципа антистиха. Доказано, что программная языковая редактура, проведенная издателями Московской Библии, в точности согласуется с предписаниями московского издания грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г.

Ю. Му

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА КИТАЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ БЛОГАХ О СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

Ключевые слова: образ Китая,

тексты русскоязычных блогов, языковые средства.

В статье рассмотрен образ Китая, который формируется в текстах русскоязычных блогов о современном искусстве. Определены аспекты описания современного искусства как культурного феномена. Проведен анализ языковых средств создания образа Китая.

Ян Нань

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕГО РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: атрибутивное выражение, имя существительное общего рода, семантическое согласование, грамматическое согласование, аналитизм.

В статье рассмотрено ненормативное употребление имён существительных общего рода. Они в современном русском языке при обозначении лиц мужского пола достаточно часто согласуются в предложении с атрибутами в женском роде. Несмотря на нерегулярный характер данного явления, а также невзирая на то, что согласование наблюдается у различных существительных с разной частотой, и на то, что форму женского рода имеют в первую очередь согласованные определения, можно говорить о существовании в современном русском языке тенденции к формальной унификации, направленной на избавление языка от грамматических исключений, в качестве которых воспринимается в языковом сознании говорящих общий род, что демонстрирует усиление аналитизма в русском языке.

Е.М. Александрова, О.А. Астафьева,

И.А. Башкирова, Т.А. Колоскова

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ: ПРОБЛЕМЫ АНАЛОГИИ

Ключевые слова: британский английский, американский английский, типология, юридический английский.

Статья посвящена проблеме изучения британского и американского вариантов английского языка в вузе. Исследование проводится на материале юридической лексики, отобранной методом сплошной выборки из печатных и электронных источников. При помощи анализа словарных статей толковых и двуязычных словарей разрабатывается типология соответствий в британском и американском английском. Даются практические рекомендации по использованию результатов исследования.

Т.Р. Беляева

КОРПУСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ОБЩЕНАУЧНОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Ключевые слова: общенаучная лексика, академическая лексика, корпусная лингвистика, прилагательное, научный дискурс, медико-биологический дискурс

В данной работе представлены полученные при помощи методов корпусной лингвистики научные количественные данные, отражающие синтаксические и семантические особенности использования общенаучных (академических) прилагательных в медико-биологическом дискурсе в сопоставлении с историческим, социологическим и гуманитарным дискурсами. Исследование основано на данных

publishers of the Moscow Bible is exactly consistent with the prescriptions of the grammar of Meletius Smotritsky in 1648 (Moscow edition).

Y. Mu

REPRESENTATION OF THE IMAGE OF CHINA IN RUSSIAN-LANGUAGE BLOGS ABOUT CONTEMPORARY ART

Keywords: image of China, texts of Russian-language blogs, linguistic means.

The article deals with the image of China, which is formed in the texts of Russian-language blogs about contemporary art. The aspects of modern art description as a cultural phenomenon are defined. The analysis of the linguistic means of creating the image of China is conducted.

Yang Nan

ABOUT THE FEATURES OF SYNTACTIC COMPATIBILITY OF COMMON NOUNS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Keywords: attributive expression, common noun, semantic agreement, grammatical agreement, analyticism.

The article considers the non-normative use of common nouns. They in modern Russian, when referring to males, quite often agree in a sentence with attributes in the feminine gender. Despite the irregular nature of this phenomenon, and despite the fact that coordination is observed in different nouns with different frequencies, and despite the fact that the feminine form is primarily consistent definitions, we can talk about the existence in modern Russian of a trend towards formal unification aimed at ridding the language of grammatical exceptions, in particular as such, the common gender is perceived in the linguistic consciousness of speakers, which demonstrates the strengthening of analyticism in the Russian language.

E.M. Aleksandrova, O.A. Astafyeva,

I.A. Bashkirova, T.A. Koloskova

LEGAL VOCABULARY IN BRITISH AND AMERICAN ENGLISH: PROBLEMS OF ANALOGY

Keywords and phrases: British English, American English, typology, legal English.

The article is devoted to the problem of studying British and American variants of English at university. The research is based on legal terms, selected by the method of continuous sampling from printed and electronic sources. A typology of British and American English equivalents is developed through the analysis of dictionary entries from explanatory and bilingual dictionaries. We give practical recommendations for using the results of the study.

T.R. Beliaeva

A CORPUS-BASED APPROACH TO THE STUDY OF GENERAL SCIENTIFIC (ACADEMIC) VOCABULARY: A CASE STUDY OF THE ENGLISH ADJECTIVE

Keywords: general scientific vocabulary, academic vocabulary, corpus linguistics, scientific discourse, medical and biological discourse, adjective, participle

The article presents the results of a systemic corpus-based study of general scientific (academic) adjectives in modern English. Corpus linguistic methods, statistical data and qualitative analysis of academic adjectives reveal their syntactic and semantic characteristics in four disciplinary discourses, namely biomedical discourse as against historical, sociological and humanitarian ones.

двух репрезентативных корпусов научных текстов: академического подкорпуса COCA, созданного американскими лингвистами Ди Гарднером и Марком Дэвисом в 2013 году, и BIOMED, специально разработанного автором настоящей статьи с помощью корпусного менеджера Sketch Engine. Применение статистических методов и методов качественного анализа общенаучных прилагательных позволяло выявить и наглядно продемонстрировать одну из функциональных особенностей академической лексики – способность служить маркером дисциплинарной принадлежности текста как по выбору, частотности и дистрибуции единиц, так и благодаря их семантике и специфическим коллигациям и коллокациям.

Р.Е. Богачев, Н.В. Зимовец,
Л.Н. Мирошниченко, Н.Л. Кривчикова
РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ
В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПОЭЗИИ

Ключевые слова: религиозный синкретизм,
англосаксонская поэзия.

В статье рассматриваются элементы религиозного синкретизма в англосаксонской поэзии древнеанглийского периода. Анализ материала приводится на примере некоторых письменных памятников того периода.

Р.Е. Богачев, Е.В. Шемаева,
А.В. Марков, С.Я. Янутик
РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
АНТАГОНИСТА В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПОЭЗИИ.

Ключевые слова: религиозный синкретизм,
англосаксонская поэзия.

В статье рассматривается проблема репрезентации антагониста в англосаксонской поэзии. На основе материала из англосаксонской поэмы «Беовульф» показаны примеры конвергенции христианских и языческих понятий в рамках процесса религиозного синкретизма.

А.К. Бойко, С.Е. Марченко
ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ,
ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТЕЙ СМИ
ЕВРОПЕЙСКИХ И США

Ключевые слова: цифровизация, дистанционное образование,
цифровые технологии, визуализация, доступ в интернет.

Научно-технический процесс ведет за собой возрастание потоков информации, которой обмениваются преподаватели или сторонники онлайн обучения, что способствует расширению границ онлайн обучения. Актуальность работы обусловлена повышенным интересом общественности к такому обучению.

Цель работы проанализировать материалы СМИ, посвященных вопросам цифровых технологий в образовании в контексте условий обучения онлайн, а также прогнозируемых тенденций по данной тематике.

Методологическая основа включает: методы теоретического анализа литературы по исследуемой проблеме, обобщения анализа существующих результатов. Теоретической базой исследования послужили публикации зарубежных авторов. Для подробного обзора нами были взяты статьи различных авторов Великобритании и США за последние 7 лет, что позволило проследить тенденцию развития.

Е.В. Бутенко, Г.А. Циммерман
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ ФРЕЙМ КАК СРЕДСТВО
АКТУАЛИЗАЦИИ СМЫСЛОВ В КИНОДИСКУРСЕ

Ключевые слова: кинодискурс, киноперевод,
фрейм, эффект обманутого ожидания, хиазм.

В работе представлены результаты изучения структуры лингвостилистического фрейма как целостной коммуникативной единицы. Выявление формальных показателей и закономерностей организации фрейма, семантических отношений, формирующих когерентность высказывания, актуально для понимания и интерпретации

The study is based on the data of two representative corpora of scientific texts: the academic sub-corpus of COCA, created by American linguists Dee Gardner and Mark Davis in 2013, and BIOMED, specially developed by the author using the corpus query system Sketch Engine. The research confirms the hypothesis that along with subject-specific terminological systems, academic adjectives as well as academic vocabulary in general can serve as an identifying marker of disciplinary affiliation of scientific discourse. This functional characteristic results from the choice of academic adjectives, their frequency and distribution, their semantics and specific collocations and colligations.

R.E. Bogachev, N.V. Zimovets,
L.N. Miroshnichenko, N.L. Krivchikova
RELIGIOUS SYNCRETISM IN ANGLO-SAXON POETRY

Keywords: religious syncretism, Anglo-Saxon poetry.

The article examines the elements of religious syncretism in the Anglo-Saxon poetry of the Old English period. The analysis of the material is given on the example of some manuscripts of that period.

R.E. Bogachev, E.V. Shemaeva,
A.V. Markov, S.Y. Yanutik
RELIGIOUS SYNCRETISM AND THE REPRESENTATION
OF THE ANTAGONIST IN ANGLO-SAXON POETRY

Keywords: religious syncretism, Anglo-Saxon poetry.

The article deals with the problem of representation of the antagonist in Anglo-Saxon poetry based on the material from the poem "Beowulf". Examples of the convergence of Christian and pagan concepts within the process of religious syncretism are shown.

A.K. Boiko, S.E. Marchenko
DIGITAL TECHNOLOGIES IN EDUCATION, PROBLEM'S
REVIEW BASED ON THE MATERIALS OF EUROPEAN
AND US MEDIA ARTICLES

Keywords: digitalization, distance education, digital
technologies, visualization, Internet access.

The scientific and technological progress leads to an increase of information flows exchanged by teachers or online learning followers, which, in its turn, contributes in expanding the boundaries of online training. The relevance of the work is substantiated by fact that there is intensification of public interest in the training.

The purpose of the work is to analyze media materials on digital technologies in education in the context of online learning conditions, as well as projected trends on this topic.

The methodological basis includes methods of theoretical analysis of the literature on the investigated problem, methods of generalization of existing analysis results. The theoretical basis of the research was based on the publications of foreign authors. To review all the articles, which were published by different authors from the UK and the USA over the past 7 years in detail, we could figure out the development tendencies.

E.V. Butenko, G.A. Tsimmerman
LINGUOSTYLISTIC FRAME AS A MODE
OF ACTUALIZATION OF MEANINGS IN FILM DISCOURSE

Keywords: film discourse, film translation, frame, deceived
expectation effect, chiasmus.

The paper presents the results of studying the structure of a linguo-stylistic frame as an integral communicative unit. The identification of formal indicators and patterns of frame organization, semantic relations that form the coherence of an utterance is relevant for understanding and interpreting a literary text and a film text in particular. The vision of the interaction and

художественного текста и кинотекста в частности. Видение взаимодействия и взаимообусловленности структурной и смысловой составляющих позволяет идентифицировать вид фрейма и, зная его специфику, обеспечить эквивалентный перевод, что составляет практическую значимость исследования.

М.З. Вильгельм

УСИЛЕНИЕ ИНТЕНСИВНОСТИ ПРИЗНАКА
ПРИ ВТОРИЧНОМ ФРАЗООБРАЗОВАНИИ

Ключевые слова: категория интенсивности признака, вторичное фразообразование.

Формирование фразеологической единицы происходит под влиянием экстра- и интралингвистических факторов, что находит отражение в степени экспрессивности фразеологизма. С точки зрения внутриязыковых изменений разделяются семантические, структурные, структурно-семантические пути первичного и вторичного фразообразования.

В данной статье представлены результаты исследования группы фразеологизмов фразеосемантического поля "интеллектуальные возможности человека" с точки зрения выявления факторов, влияющих на увеличение интенсивности признака во вторичном фразообразовании.

А.Д. Гегельганц, Л.М. Штейнгарт
ГЕНДЕРНЫЕ МАРКЕРЫ «ЖЕНСКОГО»
МОЛОДЁЖНОГО ЯЗЫКА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
РАССКАЗА Л. ОХРАЗИ «GINGER»)

Ключевые слова: художественный дискурс, молодёжный язык, гендерные маркеры, маркеры феминности, «женский» язык.

В работе представлены результаты изучения гендерных маркеров немецкого молодёжного языка в художественном дискурсе. Изучение молодёжного языка и гендерных маркеров приобретает актуальность в условиях современного мира, когда гендерное равенство всё чаще становится предметом обсуждения в обществе, особенно в Германии. Изучение коммуникативного поведения людей, и в этой связи молодёжного дискурса, является одной из тем современной лингвистики, вызывающих всё больший интерес у её исследователей. Особое внимание уделяется репрезентации гендерных маркеров женской речи.

В.Е. Глызина, И.В. Пашаева, А.В. Федорюк
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНТЕНСИФИКАТОР КАК МАРКЕР
СОСТОЯНИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО АГЕНСА

Ключевые слова: интенсивность, интенциональное состояние, фразеологические интенсификаторы, фрустрация.

Связь между интенсивностью и фразеологическими интенсификаторами исследуется с точки зрения антропологического подхода в лингвистике. Интенциональное состояние субъекта рассматриваются как один из способов осознания мира. Описываются основные аспекты интенционального состояния. Указывается на то, что использование фразеологических интенсификаторов с интенцией превращает дискурс в иллокутивный акт. Делается вывод о том, что фразеологические интенсификаторы усиливают интенциональное состояние говорящего, что свидетельствует о их взаимосвязи во время речевого акта.

О.П. Емельянова

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ АРГУМЕНТАЦИИ
В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, техника аргументации, эпистемический статус.

Стратегия как план развертывания доказательного алгоритма характеризуется четко вербализованным тезисом, ясностью и непротиворечивостью приводимой фактуальной информации, логикой изложения доводов в отношении объекта исследования, а также объективностью суждений,

interdependence of the structural and semantic components makes it possible to identify the type of frame and, knowing its specifics, provide an equivalent translation, which is the practical significance of the study.

M.Z. Wilhelm

INCREASING THE INTENSITY OF THE TRAIT IN
SECONDARY PHRASING

Keywords: category of intensity of trait, intensema, secondary phrasing.

The formation of a phraseological unit occurs under the influence of extra- and intralinguistic factors, which is reflected in the degree of expressiveness of phraseology. This article presents the results of a study of a group of phraseological units of the phraseosemantic field "intellectual capabilities of a person" from the point of view of identifying factors affecting the increase in the intensity of a trait in secondary phraseology.

A.D. Gagelgants, L.M. Steingart
GENDER MARKERS OF THE "FEMALE" YOUTH
LANGUAGE IN THE GERMAN-LANGUAGE LITERARY
DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF L. OHRAZI'S
SHORT STORY "GINGER")

Keywords: literary discourse, youth language, gender markers, markers of femininity, "female" language

The paper presents the results of the study of gender markers of the German youth language in literary discourse. The study of youth language and gender markers is becoming relevant in the modern world, when gender equality is increasingly becoming a subject of discussion in society, especially in Germany. The study of people's communicative behavior, and in this regard, youth discourse, is one of the topics of modern linguistics that arouse increasing interest among its researchers. Special attention is paid to the representation of gender markers of female speech.

V.E. Glyzina, I.V. Pashaeva, A.V. Fedoryuk
THE PHRASEOLOGICAL INTENSIFIER AS A MARKER
OF THE INTENTIONAL AGENT STATE

Keywords: intensity, intentional state, phraseological intensifiers, frustration.

This article deals with the relationship between intensity and phraseological intensifiers within the theory of the anthropological linguistics. The authors describe the main aspects of the intentional state and indicate that the use of phraseological intensifiers with intent turns discourse into an illocutionary act. The authors come to the conclusion that the phraseological intensifiers enhance the intentional state of the speaker, which indicates their relationship during the speech act.

O.P. Emel'yanova

MAIN ARGUMENTATION STRATEGIES WITHIN
STRUCTURAL ORGANIZATION OF ACADEMIC TEXT

Keywords: communicative strategy, persuasive technic, epistemic status.

The article describes a strategy being the layout of persuasive algorithm and points out its characteristic features such as a well-formulated claim, noncontroversial data and vivid logic of statement presentation towards the study subject, as well as objective nature of conclusions drawn in strict accordance with

обосновываемых согласно правилам дедуктивного вывода. Доказательный потенциал научной гипотезы определяется выбором адекватной стратегии аргументации теоретических постулатов.

deductive reasoning. A scientific theory, being developed according to evidence-based approach, must agree with relevant argumentation strategies.

Л.В. Ермакова

ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В ДИСКУРСЕ СМИ

Ключевые слова: модальность возможности, модальность необходимости, аксиологический смысл, адресант, адресат.
В работе представлены результаты исследования языковых средств выражения аксиологических смыслов возможности и необходимости в рамках категории модальности. В качестве объекта исследования выступает информационно-аналитический дискурс СМИ. Такой подход позволяет чётче представлять роль и позицию адресанта изучаемого типа дискурса.

L.V. Ermakova

LANGUAGE OBJECTIVATION OF MODALITY CATEGORY IN MASS MEDIA DISCOURSE

Keywords: modality of possibility, modality of necessity, particular modal meaning, addresser, addressee.
The paper presents the research results of language means of actualization of possibility and necessity meanings of modality category. Information analytical discourse was chosen as a research object. This approach gives an opportunity of more accurate demonstration of addresser's position in the investigated discourse type.

Г.М. Ильдуганова, М.Г. Кудрявцева, А.А. Хусайнова ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ В СЛОГАНЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Ключевые слова: лингвосемиотика, моделирование ценностей, слоган, социальная реклама.
В данной статье проанализированы способы лингвосемиотического моделирования ценностей в англоязычной социальной рекламе через кодирование информации в текстах слоганов. В ходе исследования выявлены наиболее эффективные способы кодирования, приведены примеры. Научная работа может представлять интерес как для лингвистов, так и для рекламодателей, так как в ней рассматривается зарубежный опыт лингвосемиотического моделирования ценностей.

G.M. Ilduganova, M.G. Kudryavtseva, A.A. Khusainova LINGUO-SEMIOTIC MODELING OF VALUES IN THE SLOGANS OF ENGLISH PUBLIC SERVICE ADVERTISING

Keywords: Linguo-semiotic, modeling of values, slogan, public service advertising.
This article analyzes the methods of linguosemiotic modeling of values through the coding of information in the slogans of Anglo-American Public Service Advertising. In the course of the study, the most effective coding methods were identified, examples are given. Scientific work may be of interest to both linguists and advertisers, as it contains foreign experience in linguosemiotic values modeling.

В.В. Календарёва

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИЙ

Ключевые слова: метафора, метафоричность, эмоции, художественный дискурс.
В данной статье рассматривается метафора как языковое явление и средство для передачи чувств и эмоций в художественном дискурсе. Рассматриваются подходы к изучению метафоры и основные теории метафоры. Дана характеристика метафоры как стилистического явления.

V.V. Kalendareva

METAPHOR AS A MEANS OF CONVEYING EMOTIONS

Keywords: metaphor, metaphoricity, emotions, artistic discourse
This article examines metaphor as a linguistic phenomenon and a means for conveying feelings and emotions in artistic discourse. Approaches to the study of metaphor and the main theories of metaphor are considered. The characteristic of metaphors as a stylistic phenomenon is given.

М.В. Кычкова

ОЦЕНОЧНО-ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА “STRANGENESS/UNUSUALNESS” (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ О ПРОВЕДЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ)

Ключевые слова: концепт, ценность, оценка, аксиологическая лингвистика, аксиологический анализ.
В статье рассматривается аксиологический статус центрального/ядерного концепта “strangeness/unusualness” и его репрезентантов на примере цитат из современных англоязычных СМИ. Посредством аксиологического анализа выявляются ценностные ориентиры как отдельной языковой личности, так и общества в целом в определенный промежуток времени. Лингвоаксиологическая специфика концепта и его репрезентантов отображает национально-культурные особенности исследуемой языковой картины мира.

M.V. Kychkova

EVALUATIVE-LINGUISTIC SPECIFICITY OF THE CONCEPT “STRANGENESS/UNUSUALNESS” (BASED ON ENGLISH MEDIA LANGUAGE STATEMENTS) ON THE CONDUCT OF A SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE)

Keywords: concept, value, evaluation, axiological linguistics, axiological analysis.
The article considers the axiological status of the central/nuclear concept “strangeness/unusualness” and its representatives by the example of quotations from modern English-language media. Through axiological analysis, the value orientations of both an individual linguistic personality and society as a whole are revealed in a certain period of time. The linguoaxiological specificity of the concept and its representatives reflects the national-cultural features of the studied language picture of the world.

Е.Ю. Пугина, С.П. Смыслов, Т.В. Холстинина, Л.А. Яшенкова ОТ ЭКЗОТИЧЕСКОГО К ПРИВЫЧНОМУ (О ПЕРЕДАЧЕ ИНДИЙСКИХ РЕАЛИЙ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Ключевые слова: реалии, индийский, британский, оригинал, перевод, метод.
В статье рассматриваются некоторые особенности, связанные с межъязыковой передачей относящихся к Индии слов-реалий, встречающихся в произведениях англоязычных

E.U. Pugina, S.P. Smyslov, T.V. Kholstinina, L.A. Yashenkova FROM EXOTIC TO FAMILIAR: ABOUT THE RENDERING OF THE INDIAN CULTURAL WORDS IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF ENGLISH LITERARY WORKS

Keywords: realia, Indian, British, original, translation, method.
The paper analyzes some peculiarities connected with the translation of so-called Indian realia represented in literary texts of the British authors of the 19th – the beginning of the 20th century. It is mentioned that the methods and techniques of their

авторов XIX – первой половины XX в. Отмечается зависимость методов и способов воспроизведения их в переводном тексте от степени знакомства принимающей аудитории (а иногда и самих переводчиков) с соответствующими предметами и явлениями действительности.

Л.Г. Юсупова
РОЛЬ КОНТЕКСТА В ВОПРОСАХ РАЗРЕШЕНИЯ
ПОЛИСЕМИИ

Ключевые слова: контекст, речевой контекст, лексическое значение, полисемия.

Данная статья посвящена рассмотрению понятия контекста в современной лингвистике с целью выявления первостепенной роли данной категории в разных его типах при выяснении значений. В рамках настоящего исследования отмечается, что контекст позволяет разрешить полисемию и идентифицировать необходимое значение многозначного слова так, чтобы процесс понимания осуществлялся беспрепятственно. Исключение составляют случаи использования заведомой многозначности, когда одно значение просвечивает (осциллирует) через другое, что нередко имеет место в поэтическом дискурсе.

Авторы статьи отмечают, что в аспекте полисемии особую значимость приобретают вопросы, касающиеся особенностей строения и сохранения целостности семантической структуры слова и участия в этих процессах смыслообразующей роли человеческого фактора в языке.

Ю.С. Ясакова
ФЕНОМЕН ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В АМЕРИКАНСКОМ
ПРЕДВЫБОРНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: языковая игра, языковая норма, предвыборный дискурс,

политический дискурс, метафора, стилистика, лингвистика. В статье рассматривается языковая игра в американском предвыборном дискурсе. Автор приводит различные определения терминов «языковая игра» и «предвыборный дискурс», сформулированные отечественными и зарубежными лингвистами, изучает особенности языковой игры в современном предвыборном американском дискурсе. Также в статье анализируются различные примеры языковой игры в предвыборном американском дискурсе.

Т.Ф. Артамонова, А.А. Гусейнова
ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТЕНДЕНЦИИ В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Ключевые слова: инновации, педагогика, образование, педагогические знания.

В данной статье автор дает анализ структуры, классификации, особенностей протекания инновационных процессов в сфере образования и результатов исследования сущности связан с поисками решения педагогических проблем инноватики. С конца 50-х XX века педагогические инновационные процессы стали предметом специального изучения учёных. Они и сейчас играют важную роль в развитии инновационных процессов в педагогическом знании.

М.П. Афанасьева
АНАЛИЗ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ
ХАРАКТЕРИСТИК КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ 成语
С КОМПОНЕНТОМ «大»

Ключевые слова: фразеологизмы, китайский язык, семантика, мотивировка.

В статье впервые предпринята попытка проанализировать китайские фразеологизмы на примере 成语, содержащие в своем составе компонент «大» «большой». В работе представлены первичные и актуальные значения данного компонента, распределение фразеологических единиц на семантические группы. Приводится анализ структурно-семантических характеристик чэньюй, включающий в себя мотивировку значения.

transference depend on the degree of knowledge of the recipients (and sometimes the translators themselves) the culturally marked objects and phenomena of a certain country.

L.G. Yusupova
THE ROLE OF CONTEXT IN POLYSEMY ISSUES

Keywords: context, speech context, lexical meaning, polysemy.

This article is devoted to the consideration of the concept of context in modern linguistics in order to identify the primary role of this category in its various types in clarifying meanings. Within the framework of this study, it is noted that the context allows to resolve polysemy and identify the necessary meaning of a polysemous word so that the process of understanding is carried out unhindered. The exception is the use of deliberate ambiguity, when one value oscillates through) through something else, which often takes place in poetic discourse.

The authors of the article note that in the aspect of polysemy, issues concerning the features of the structure and preservation of the integrity of the semantic structure of the word and the participation in these processes of the meaning-forming role of the human factor in the language are of particular importance.

Y.S. Yasakova
THE PHENOMENON OF LANGUAGE PLAY IN THE
AMERICAN ELECTION DISCOURSE

Keywords: wordplay, language norm, metaphor, political discourse, election campaign discourse, stylistics, linguistics.

The article studies language play in the American election discourse. The author reviews different definitions of the terms “language play” and “election discourse” proposed by Russian and foreign linguists and analyzes special aspects of the language play in the American election discourse.

T.F. Artamonova, A.A. Gusejnova
INNOVATIVE PROCESSES AND TRENDS
IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Keywords: innovation, pedagogy, education, pedagogical knowledge.

The article is devoted to the description of the analysis of the structure, classification, peculiarities of the innovatory processes development in the sphere of education and the results of essence search is connected with the search solving pedagogical problems of innovatics. Since the end of the 20th century pedagogical innovatory processes have become the subject of special investigation they also play an important role in the development of the innovatory processes in the pedagogical knowledge now.

M.P. Afanaseva
ANALYSIS OF THE STRUCTURAL AND SEMANTIC
CHARACTERISTICS OF CHINESE PHRASEOLOGICAL
UNITS 成语 WITH THE COMPONENT «大»

Keywords: phraseological units, Chinese language, semantics, motivation.

The article is the first attempt to analyze Chinese phraseological units using the example of 成语, which contain the component «大» «large». The paper presents the primary and actual meanings of this component, the distribution of phraseological units into semantic groups. An analysis of the structural and semantic characteristics of 成语 is given, including the motivation of the meaning.

А.Н. Гуров

ЯЗЫКОВАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ КАК ВИД ПЕРЕВОДА

Ключевые слова: локализация, перевод видеоигр, программное обеспечение, интернационализация, культурная адаптация, «подавление неверия», переводоведение.

В статье исследуется термин «языковая локализация» видеоигр, под которым понимается процесс адаптации переводимого цифрового продукта к условиям конкретной страны. Рассматриваются сходства и различия локализации видеоигр и программного обеспечения, проводится сравнительно анализ локализации видеоигр и дублирования художественных фильмов.

Е.А. Должич, С.В. Дмитриченкова, Санчес Посуэло Й.
ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ АВТОРИТЕТНОСТИ
В ИСПАНСКИХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Ключевые слова: категория авторитетности, дискурсивный маркер, испанский академический дискурс.

Авторитетность в научном дискурсе является одной из прагматических категорий, проявляющая себя в использовании цитат и ссылок на точку зрения выдающихся ученых, результаты их научных работ. Актуальность статьи определяется значимостью данной категории в сложившейся системе производства и передачи информации в испанском научном дискурсе. В процессе анализа текста с точки зрения когнитивного смысла, следует указать, что цитаты и ссылки в научном дискурсе имеют когнитивное содержание и непосредственно участвуют в построении, организации и передаче научного знания. В статье рассматриваются особенности актуализации категории авторитетности в испанской научной коммуникации, что представляет интерес как для развития собственно испанской лингвистики, так и для общелингвистических исследований в целом.

Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова
ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ
СОЮЗОВ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, союз, смысловые отношения, темпоральный союз.

Данная статья посвящена вопросу использования темпоральных союзов в сложноподчиненных предложениях. В статье устанавливается зависимость союза от смысловых отношений между частями сложного предложения. Авторы рассматривают специфику наиболее частотных временных союзов, а также анализируют нетипичные для данных союзов функции в сложных предложениях.

А.Р. Исмагилова, О.Г. Палутина,
Р.У. Галимова, Хосе Гонсалес, М.С. Лукина
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ГЛЮТТОНИЧЕСКИХ ПРАГМАТОНИМОВ В
ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
ФРАНЦУЗСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Ключевые слова: глуттонические прагматонимы, реалии, страноведение, национально-культурная идентичность.

Данная статья посвящена лингвокультурологическим и переводческим аспектам глуттонических прагматонимов в татарском и французском языках. Прагматонимы как группа номинативных единиц изучались в различных аспектах на материале русского, немецкого, английского и чешского языков, но выявление особенностей глуттонических прагматонимов в лингвокультурологическом и переводческом аспектах во французском и татарском языках ранее не становилось объектом специальных исследований. Авторы статьи рассматривают типологические характеристики прагматонимов и национально-культурную специфику глуттонической номинации и определяют корреляты характерные для разных лингвокультур.

A.N. Gurov

LANGUAGE LOCALIZATION
AS A TYPE OF TRANSLATION

Keywords: localization, translation of video games, software, internationalization, cultural adaptation, "suspension of disbelief", translation studies

The article explores the term "language localization" of video games, which refers to the process of adapting a translated digital product to the conditions of a particular country. Similarities and differences of localization of video games and software are considered, a comparative analysis of localization of video games and duplication of feature films is carried out.

E.A. Dolzhich, S.V. Dmitrichenkova, Sanchez Pozuelo Yo.
DISCOURSE MARKERS OF AUTHORITY IN SPANISH
SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXTS

Keywords: category of authority, scientific and technical text, Spanish academic discourse.

Authority in scientific discourse is defined as a pragmatic category that manifests itself in the use of quotations, references to the opinions of famous personalities or research results. The relevance of the article is determined by the significance of this category in the current system of production and transmission of scientific information in Spanish academic discourse. While examining the text in its cognitive aspect, it should be noted that quotations and references have a cognitive content and carry a functional purpose aimed at building, organizing, and presenting information. The article deals with the category of authority's specific features and its actualization in the Spanish scientific sphere of communication, which is of interest both for the development of Spanish linguistics and for general linguistic research in general.

N.G. Ivanova, A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova
PECULIARITIES OF TEMPORAL CONJUNCTIONS IN
COMPLEX SENTENCES

Keywords: complex sentence, conjunction, sense relation, temporal conjunction

This paper deals with the question of peculiarities of temporal conjunctions in complex sentences. It states the dependence of a conjunction on the sense relation between clauses of a complex sentence. The authors examine the most frequent temporal conjunctions and analyze their specific functions in a complex sentence.

A.R. Ismagilova, O.G. Palutina,
R.U. Galimova, J. Gonzalez, M.S. Lukina
LINGVOCULTURAL AND TRANSLATING ASPECTS OF
GLUTTONOUSLY PRAGMATONYMS (ON THE MATERIAL
OF THE TATAR AND THE FRENCH LANGUAGES)

Keywords: pragmatonyms, realias, linguistics, national and cultural identity.

This article deals with linguocultural and translation aspects within the framework of pragmatonyms in the Tatar and French languages. The pragmatonyms as a group of nominative units were studied in various aspects in Russian, German, English and Czech languages, but identify features and translation of linguistic and cultural aspects in the French and Tatar languages wasn't studies as the object of special studies. The authors discuss the typological characteristics of pragmatonyms and cultural identity gluttonously the category and point out the features of different cultures.

А.С. Кисельников, Д.К. Вахитова, Т.С. Казымова
**ПРИМЕНЕНИЕ ФОРМУЛ ЧИТАЕЛЬНОСТИ ДЛЯ
 ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ
 АКАДЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В УЧЕБНИКЕ ПО
 АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ**

Ключевые слова: *Flesch Reading Ease, Flesch-Kincaid Grade Level, читабельность текста, академический текст.*

Статья посвящена рассмотрению читабельности академических текстов на английском языке, представленных в учебнике «Английский для инженеров» для подготовки студентов технических вузов. Рассмотрены индексы читабельности тринадцати текстов. Для анализа был применён инструмент автоматизированного анализа тестов *Coh-Metrix*. Анализ проведён при помощи двух формул читабельности: *Flesch Reading Ease* и *Flesch-Kincaid Grade Level*. Для поиска корреляции распределения текстов в учебнике в зависимости от индексов читабельности применена корреляцию Пирсона.

A.S. Kiselnikov, D.K. Vakhitova, T.S. Kazymova
**READABILITY FORMULAS IMPLEMENTATION TO
 DETERMINE THE REGULARITY OF ACADEMIC TEXTS
 DISTRIBUTION IN AN ENGLISH TEXTBOOK FOR
 TECHNICAL UNIVERSITIES**

Keywords: *Coh-Metrix, Flesch Reading Ease,*

Flesch-Kincaid Grade Level, text readability, academic text.

The article is devoted to the study of the readability of academic texts in English, presented in the textbook "English for Engineers" recommended for students of technical universities. Readability indices of thirteen texts are determined. The automated test analysis tool *Coh-Metrix* was applied to perform the analysis that is based on the usage of the three readability formulas: *Flesch Reading Ease* and *Flesch-Kincaid Grade Level*. To search for a correlation between the distribution of texts in the textbook, depending on the readability indices, Pearson's correlation was applied.

Е.И. Кривошеева

**ОБРАЗНАЯ ИМПЛИЦИТНОСТЬ И СПОСОБЫ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ
 С ЯПОНСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ
 ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЯПОНСКИХ АВТОРОВ)**

Ключевые слова: *имплицитность, японский язык, перевод, русский язык, адекватность, средства выразительности.*

В статье рассматривается явление имплицитности, как важное составляющее японских литературных произведений. Лингвистические единицы являются носителями серьезного импликационного потенциала, умение правильно эксплицировать которые, требует не только лингвистических, но и культурологических и исторических фоновых знаний. На материале японских поэтических произведений в жанре «танка» проводится анализ переводов на русский язык с целью выявления способов адекватной передачи имплицитности, заложенной автором.

E.I. Krivosheeva

**IMPLICIT AND WAYS OF ITS TRANSMISSION FROM
 JAPANESE INTO RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON
 POETIC WORKS OF JAPANESE AUTHORS)**

Keywords: *implicitness, Japanese, translation,*

Russian, adequacy, means of expression.

Linguistic units in the texts of Japanese works carry an implication potential. The ability to explicate it correctly requires not only linguistic, but also cultural and historical background knowledge. Analysis of translations of "tanka" into Russian are carried out in order to identify ways to convey adequately the implicitness lay down by the author.

Л.С. Липаева

**ИНФОРМАТИВНАЯ ЦЕЛЬ В СИСТЕМЕ РЕЧЕВОЙ
 ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОВОРЯЩЕГО**

Ключевые слова: *речевая деятельность, информативная цель, говорящий, высказывание, знание, информация.*

Статья посвящена обзору исследований речевой деятельности в эпоху информационных технологий. Выделяется информативная цель как составляющая речевой деятельности говорящего. В ходе анализа научной литературы автором выявлено основное содержание понятия «речевая деятельность», определены различия между понятиями «информация» и «знание».

L.S. Lipaeva

**INFORMATIVE PURPOSE OF THE SPEAKER
 IN THE SYSTEM OF SPEECH ACTIVITY**

Keywords: *speech activity, informative purpose, speaker, statement, information, knowledge.*

The article is dedicated to an overview of research on speech in the era of the information technology. The informative purpose is highlighted as part of the speaker's speech activity. During the analysis of the scientific literature the author revealed the main content of the concept of «speech activity», defined the differences between the concepts of «information» and «knowledge».

А.А. Писаренков, С.Е. Писаренкова

**КОНСЕРВАТИВНЫЙ ДИСКУРС И ЛИБЕРАЛЬНЫЙ
 «НОВОЯЗ»: КЛИШЕ И ТЕРМИНЫ «КУЛЬТУРНОЙ ВОЙНЫ»**

Ключевые слова: *метафора, термины,*

общественно-политический дискурс, идеология, нарратив.

В статье анализируются основные дискурсивные практики, используемые в консервативных СМИ США для идеологического противостояния либеральному нарративу, рассматриваются способы презентации эпохи в консервативном политическом дискурсе. Анализируются ключевые метафоры, термины и сюжетные линии, используемые в консервативном нарративе для описания действий политических оппонентов.

A.A. Pisarenkov, S.E. Pisarenkova

**CONSERVATIVE DISCOURSE
 AND LIBERAL "NEWSPEAK": CLISHES
 AND TERMS OF "CULTURAL WAR"**

Keywords: *metaphor, terms, political discourse, ideology, narrative.*

The article analyzes the main discursive practices used in the US conservative media for ideological opposition to the liberal narrative and describes ways of presenting the era in conservative political discourse. It also considers the key metaphors, terms and storylines of the conservative narrative used in description of political opponents' actions.

Л.П. Сон

**ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ:
 МЕХАНИЗМ ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ РЕЧИ**

Ключевые слова: *язык интернет-коммуникация, восприятие и вербализация информации, интерпретация.*

Статья посвящена исследованию механизма восприятия и понимания письменной речи при интернет-коммуникации. Дискурсивное обособление языка интернет-коммуникации приводит к его нормативному обособлению и формированию собственных узальных норм.

L.P. Son

INFORMATION ABOUT THE AUTHORE

Keywords: *the language of Internet communication, perception and verbalization of information, interpretation.*

The article is devoted to the study of the mechanism of perception and understanding of written speech in Internet communication. The discursive isolation of the language of Internet communication leads to its normative isolation and the formation of its own customary norms.

Л.Н. Фоменко, В.Ю. Новикова, Н.А. Шинкаренко
ЭТАПЫ И МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ
ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

*Ключевые слова: диалог культур,
социокультурная компетенция,*

*образовательный процесс, межкультурная коммуникация.
В данной статье рассмотрена важность формирования
социокультурной компетенции у изучающих иностранный язык.
А также основные этапы формирования данной компетенции,
методы реализации процесса обучения и ключевые навыки,
которые приобретают учащиеся. На каждом этапе
анализируются поставленные цели и задачи.*

Р.И. Хазиев, А.М. Тарасов
УРБОНИМИЯ СЕЛА МУСЛЮМОВО
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

*Ключевые слова: урбонимия, урбонимы,
с. Муслюмово, лексико-семантический анализ,
патриотическое воспитание подрастающего поколения.*

*В данной статье даётся лексико-семантический анализ
урбонимии с. Муслюмово Республики Татарстан.
Представлены тематические группы местных урбонимов.
Показывается важность изучения урбонимического материала
в патриотическом воспитании подрастающего поколения.*

О.Р. Хисамов
НАРОДНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ ВОСТОЧНОГО
ДИАЛЕКТА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В ЗНАЧЕНИИ
«КУСТ, КУСТАРНИК»

*Ключевые слова: географические термины,
топоним, восточный диалект, татарский язык,
кустарник, сибирские татары, Западная Сибирь.*

*Статья продолжает исследование автора по татарским
географическим терминам и топонимии Западной Сибири и
посвящена изучению терминов, обозначающих кустарники в
восточном диалекте татарского языка. Цель статьи —
анализировать термины, детализирующие реалью
«кустарник», «небольшой лесок» а также охарактеризовать
их функционирование в топонимике. Актуальность темы
определяется тем, что данная лексико-семантическая группа
до сих пор недостаточно исследована. Научная новизна
исследования заключается в том, что в научный оборот
вводится большое количество географических терминов
сибирских татар.*

М.А. Шарданова, Э.Р. Хутова, Л.Х. Дзасежева
ФРЕЙМ «СВОЕ - ЧУЖОЕ»
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: когнития, фрейм, субфрейм, оппозиция.

*В работе представлены результаты анализа лексических и
фразеологических единиц, репрезентирующих фрейм «свое -
чужое» в английском и русском языках. Данный анализ
способствует обнаружению новых аспектов, а также
определению универсальных и специфических признаков
рассматриваемого фрейма в трех языках.*

L.N. Fomenko, V.Y. Novikova, N.A. Shinkarenko
STAGES AND METHODS OF FORMATION
OF SOCIO-CULTURAL COMPETENCE IN FOREIGN
LANGUAGE LESSONS

*Keywords: dialogue of cultures, socio-cultural competence,
educational process, intercultural communication.*

*This article examines the importance of the formation of socio-
cultural competence among foreign language learners. As well as
the main stages of the formation of this competence, methods of
implementing the learning process and key skills that students
acquire. At each stage, the set goals and objectives are analyzed.*

R.I. Khasiev, A.M. Tarasov
URBONYMY OF THE MUSLYUMOVO VILLAGE
IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

*Keywords: urbonymy, urbonyms,
the Muslyumovo village, lexical-semantic analysis,
patriotic education of the younger generation.*

*This article provides a lexical-semantic analysis of urbonymy of
the Muslyumovo village in the Republic of Tatarstan. Thematic
groups of local urbonyms are presented. The research reveals the
importance of studying urbonymic material in the patriotic
education of the younger generation.*

O.R. Hisamov
PEOPLE GEOGRAPHICAL TERMS OF THE EASTERN
DIALECT OF THE TATAR LANGUAGE IN THE MEANING
"BUSH, SHRUBS"

*Keywords: geographical terms, toponym, eastern dialect,
Tatar language, bush, Siberian Tatars, Western Siberia.*

*The article continues the author's research on Tatar geographical
terms and toponymy of Western Siberia and is devoted to the
study of terms denoting bushes in the eastern dialect of the Tatar
language. The purpose of the article is to analyze the terms that
detail the reality of "bush", "small forest" and also to
characterize their functioning in toponymy. The relevance of the
topic is determined by the fact that this lexical-semantic group
has not yet been sufficiently studied. The scientific novelty of the
study lies in the fact that a large number of geographical terms of
the Siberian Tatars will be introduced into scientific circulation.*

M.A. Shardanova, E.R. Khutova, L.Kh. Dzasezheva
THE FRAME "ONE'S OWN - SOMEONE ELSE'S"
IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Keywords: cognition, frame, subframe, opposition.

*The article presents the results of the analysis of lexical and
phraseological units representing the frame "one's own - someone
else's" in the English and Russian languages. This analysis
contributes to the discovery of new aspects, as well as the
definition of universal and specific features of the frame in
question in two languages.*

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№3 2022

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 15.04.2022   Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 15.04.2022

14,2 усл.печ.л. 16,1 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 4790.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»